

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ НАУК, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ КАВКАЗА
АРМАВИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

**ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

***МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ***

Армавир
2012

УДК-94(470.6) Печатается в соответствии с приказом № 23
ББК-63.3(2Р37) от 27 февраля 2012 г. «Об итогах конкурса научных проектов
Э 91 фонда «Наука» по проекту Дударева С.Л. «Этническая
толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе»

Составитель –
А.А. Цыбульникова

Редакционная коллегия –
д-р ист. наук, профессор **С.Л. Дударев** (отв. редактор)
канд. ист. наук, доцент **А.А. Цыбульникова** (член редколлегии)
канд. ист. наук, доцент **С.Н. Ктиторов** (член редколлегии)
канд. ист. наук, доцент **Л.Н. Хлудова** (член редколлегии)

Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. А.А. Цыбульникова; отв. ред. С.Л. Дударев. – Армавир: РИО АГПА, 2012. - 323 с.

Э 91

ISBN

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе», которая прошла в ноябре 2012 г. в Армавирской государственной педагогической академии. Статьи сборника содержат анализ традиций толерантности кавказских народов, мирного совместного проживания ряда народов Северного Кавказа в условиях российской и советской государственности, достижений современного межнационального бытия, причин обострений межэтнических и конфессиональных отношений в условиях глобализации и резкого роста миграционных процессов в мире, на постсоветском пространстве и, особенно в изучаемом регионе. Авторы делают ближайшие прогнозы на состояние этносоциальных отношений в России и Северном Кавказе, где, согласно их наблюдениям, пока отсутствуют неблагоприятные и необратимые сдвиги в сторону недовольства своими соседями и историческими партнерами.

Сборник адресован преподавателям вузов, научным сотрудникам, школьным учителям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и культурой Северного Кавказа.

На обложке: Монумент "Дружба" в г Майкопе, сооруженный в 1968 г. в память о 400-летию союза адыгов с Россией

Печатается в авторской редакции

УДК-94(470.6)
ББК-63.3(2Р37)

ISBN

© Коллектив авторов, 2012.
© Оформление. ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия», 2012.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Светлой памяти
Виталия Борисовича Виноградова
посвящается*

Начало XXI века озаменовалось драматическими событиями в жизни человечества. То, что произошло в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., т.е. 11 лет назад, показало, что человечество в новом тысячелетии ждет большие потрясения. Глобальный мир в эпоху постмодерна, когда рушатся устоявшиеся авторитеты и монополия на истину, утрачивает стабильность – и политическую, и, как показали события мирового кризиса – экономическую тоже. Сотни миллионов людей пришли в движение. Им стало тесно у себя дома, и они устремились в другие страны. Ими двигают голод и нищета, ситуации этнополитических конфликтов, надежды на лучшее будущее, поиски перспектив и применения своих способностей, стремление обрести справедливость и просто жажда перемен. В этот процесс неизбежно оказалась вовлечена и Россия. Ее волна за волной накрывают массы людей, покидающих свои родные места. При этом россияне сталкиваются с выходцами с ближней (юг самой России, страны СНГ, особенно Центральной Азии) и дальней (страны Южной, Восточной, Центральной Азии) периферии. Они несут с собой свои традиции, культуру, привычки, манеру поведения. Россиянам – жителям Центра, Урала, Сибири и других регионов – нелегко воспринимать новое, тем более что процесс интернационального воспитания с падением СССР был пущен на самотек или прекращен вовсе. Россиянам пришлось элементарно выживать, а в качестве идеала им стали прививать жажду наживы, бездуховность, стремление решать проблемы с помощью насилия. С другой стороны, мигранты, самоутверждаясь в новых условиях, особенно крупных городов, нередко агрессивны и неуважительны к местному населению, ничего не знают о его культуре, и не стремятся интегрироваться в новое общество, которое до самого последнего времени и не думало о том, как помочь в этом новым соседям. Миграция до сих пор по-настоящему не взята под контроль, а предприниматели, стремясь до минимума сократить расходы на рабочую силу, предпочитают пользоваться сверхдешевым трудом мигрантов. Эти и другие причины вызывают опасные трения и даже резкие обострения межэтнических отношений (Кондопога, Ставрополь, Манежная площадь и др.), которые уже не раз становились предметом всеобщего внимания и тревоги. Беспокоит происходящее в стране и мире и руководство Краснодарского края. В начале 2011 г. глава администрации Краснодарского края А.Н.Ткачев в целом ряде своих выступлений четко обозначил приоритет воспитания у подрастающего поколения этнической толерантности в качестве важнейшего фактора гармонизации межнациональных отношений в Краснодарском крае. Одновременно с этим губернатор сообщил о введении с 1 сентября 2011 г. в школах Кубани

специального учебного курса, посвященного этнической толерантности. Руководство АГПА в лице ректора А.Р. Галустова откликнулось на инициативу губернатора. По поручению ректора АГПА кафедра всеобщей и региональной истории разработала учебное пособие для учителей и учебник для учащихся старших классов школ Краснодарского края. Ныне в рамках исполнения государственного задания № 6.764.2011 по теме: "Основы этнической толерантности и межкультурного диалога на Кубани" (руководитель - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии Дударев С.Л.) кафедрой всеобщей и региональной истории ведется комплексная разработка целого ряда материалов, которые могут быть внедрены в учебный процесс в вузах и школах Кубани и всего Северного Кавказа. В контексте проводимой работы кафедрой совместно с ректоратом АГПА было решено провести Всероссийскую научно-практическую конференцию, на которой научные работники и преподаватели вузов страны и северокавказского региона смогли бы обратиться к корням этнопедагогики в тех или иных республиках и краях, поделиться своим опытом воспитания молодежи в духе толерантности, проанализировать причины обострения межнациональных конфликтов и наметить пути их преодоления. Ниже представлены материалы конференции, которые, как надеются авторы, смогут принести пользу в деле формирования терпимости, сотрудничества, взаимного уважения в среде россиян и гостей нашей страны.

Настоящий сборник посвящен памяти выдающегося ученого-кавказоведа, историка и археолога В.Б. Виноградова (1938-2012), много сделавшего для укрепления дружеских связей северокавказских народов с русским народом и другими народами многонациональной России.

Редколлегия

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

А.Х. Аджиева (Нальчик)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР И ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОВМЕСТНИЧЕСТВА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Юг России – один из древнейших мировых очагов цивилизации и культуры, уникальный многонациональный и поликонфессиональный регион России. На протяжении тысячелетий здесь складывались яркие, самобытные этнические культуры. Носителей этих автохтонных для Северного Кавказа культур – адыгов, балкарцев, осетин, чеченцев, ингушей, карачаевцев, ногайцев, аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков и других народов Дагестана – объединяют единые палеокавказские корни и исторические судьбы, что способствует тесному сотрудничеству и культурному взаимодействию.

В ходе сложного и неоднозначного процесса взаимодействия многочисленных народов и народностей, многовекового сосуществования различных языков и диалектов, ислама, христианства, буддизма, иудаизма и традиционных верований сложились кавказская горская цивилизация и общий северокавказский тип культуры. Она охватывает все формы материальной культуры и традиционного производства, обширный круг этнических традиций семейного и общественного быта, наследия духовной культуры горских народов.

Северокавказская культура стала одной из жемчужин, органичной частью сложной системы российской культуры. Толерантность, как диалог, культурное многообразие и примирение, является базовой категорией в строительстве ненасильственного мира, мира без конфронтации, совместничества народов Северного Кавказа, безопасности на длительную перспективу.

В «Краткой философской энциклопедии» под толерантностью понимается терпимость к иному рода взглядам, правам, привычкам [2, с. 457]. Толерантность позволяет налаживать связи и контакты с окружающими людьми и обществами; в то же время нетерпимость к иному, чуждому, способствуя некоторому обособлению, помогает избежать излишнего внешнего влияния, сохранить собственную самобытность. Напряженность и конфликты возникают там, как отмечает В. А. Тишков, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим политическим управлением и когда политики и безответственные общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для

достижения власти и собственного благополучия [3, с. 89].

Северный Кавказ – регион сложный и в языковом, и в этническом, и в религиозных отношениях. Особенностью этого горного региона можно считать и то обстоятельство, что многочисленные различия и несходства существовали не только между этносами, но зачастую и внутри одного этноса – нередко отдельные села, общины, группы общин были обособлены друг от друга, что приводило к формированию «своих», локальных традиций и обычаев внутри каждого села.

Хан-Гирей отмечал: «Соблюдение вежливости в обращении есть неременная обязанность каждого черкеса. Не только князья и дворяне, которые по всей строгости подчинены закону благопристойности, но даже простой народ между собою следует этому прекрасному правилу, облагораживающему человека» [4, с. 53].

Как отмечает Б.Х. Бгажноков, у адыгских народов «благожелательность стоит в одном ряду с такими принципами поведения, как гостеприимство, почитание старших, почитание женщин, скромность. Мало того, она – условие реализации каждого из названных принципов». Благожелательное поведение ассоциируется с этикетным, социально одобренным поведением, хотя, конечно, всегда существовала и существует разница между представлением об идеале коммуникативного поведения и реальным поведением конкретных индивидов. Одна из социальных функций благожелательного поведения у адыгов – интеграция этноса [1, с.78].

Необходимость сосуществования в условиях культурного, социального, этнического многообразия способствовала возникновению у народов Кавказа институтов, назначением которых было преодолевать существующее обособление и отчуждение этнических и социальных миров, с помощью которых удавалось налаживать связи и контакты, устанавливать пути взаимного общения и доверия между разными народами и разными группами одного народа. Этой цели служили такие традиционные институты, как гостеприимство, куначество, аталычество, побратимство и другие, чрезвычайно многообразные на Кавказе формы заключения искусственного родства.

Гостеприимством мог воспользоваться человек любой расы и вероисповедания. Куначество способствовало как безопасности контактов, так и постоянной дружбе между представителями разных национальностей.

Аталычество – обычай обязательного воспитания детей вне родительской семьи, приводивший к установлению искусственного родства – был известен практически всем народам Северного Кавказа. Обратим внимание на одну из социальных функций аталычества – установление тесных связей между фамилиями и даже целыми народами. Побратимство, оформлявшиеся различными способами (питье из общей чаши, обмен оружием или подарками), – также известно всем северокавказским народам.

Кавказ - уникальный географический и геополитический центр

формирования культуры. Это культурное соцветие имеет богатый опыт миротворчества. Совместничество народов начинается с взаимопонимания, мира, терпимости, согласия, толерантности. Толерантность как никогда ранее важна в современном мире. Каждый регион многолик, и поэтому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира, что особенно проявляется на Северном Кавказе. Здесь эта проблема стоит слишком остро. От такой угрозы нельзя отгородиться национальными границами, ибо она носит глобальный характер, поэтому в современном мире наиболее актуальна проблема этнической терпимости.

Сегодня мы живем в мире, где интенсивно взаимодействуют различные национальные культуры, народы и религии. Этот фактор, с одной стороны, требует построения открытых отношений между людьми различных культур. С другой стороны, перед каждым народом стоит задача сохранения национальной, религиозной и культурной идентичности. Однако это желание не должно приобретать формы нетерпимости по отношению к носителям ценностей и религиозных представлений других национальных культур.

Если мы будем знать, чем живут и чем руководствуются в различных сферах деятельности другие народы, осознаем наличие у нас общих нравственных начал, если будем интересоваться достижениями других национальных культур, то тем самым воспитаем и в самих себе, и в последующих поколениях принципы взаимоуважения, понимания, толерантности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бгажников Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983.
2. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994.
3. Тишков В.А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах // Культура мира и демократии. – М., 1997.
4. Хан-Гирей. Черкесские предания. – Нальчик, 1989.

А.Г. Аскеров (Кизляр)

КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ – КАК ЦЕНТРЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Духовную основу терского казачества, безусловно, составляла религия. Именно она явилась сплачивающим и объединяющим фактором в терской казачьей общине. Пёстрое по своему этническому составу терское казачество было не однородно и в религиозном плане. В течении длительного периода формирования казачества на Тереке сюда стекались представители различных вероисповеданий, для них важно было чувство личной веры, не мешавшей жить

по закону общинного братства. Именно состояние «Бога в душе» являлось основной чертой в характере Гребенского и Терского казака.

Первые поселенцы – Терско-Гребенские казаки принадлежали к староверам и согласно духовному регламенту от 1721 года на них возлагались определённые ограничения. Казаки неоднократно жаловались, что пользуясь этим «регламентом», военные чиновники и офицеры притесняли казаков–староверов и чинили им «великие обиды».

27 июня 1737 года войсковой атаман Аука получил указ «астраханской консистории» с неременным требованием креститься «тремя персты» и исполнять все обряды церковные, угрожая в противном случае донесением об их упорстве священному синоду, а попам – расстрижением и ссылкой в каторжные работы.

Однако попытка насаждения государственной религии, путём административных мер, встретила решительное сопротивление со стороны казачества: они отказались исполнять предписание консистории и тайно начали готовиться к исходу на Кубань. К этому их призывали местные священники–старообрядцы, которые по своему положению в станице и по образу жизни мало чем отличались от рядовых казаков. Они с трудом умели читать и писать, а «как духовные наставники, - доносил кизлярский комендант князь Оболенский, - были весьма плохи и не токмо казаков закону и страху Божию обучать, но и сами... делают противности великие». Слова кизлярского коменданта подтверждают и факты установленные во время инспекции Гребенских и Терских старообрядческих церквей. В ходе инспекции было установлено, что в большинстве церквей служба не велась по православным обрядовым нормам. Кроме того, образованных священников не хватало и казаки, следуя своей древней традиции, выбирали их из числа желающих.

Культовые сооружения состоявшие, как правило, из часовен и моленных домов, находились в весьма ветхом состоянии. Часто отсутствовали даже самые необходимые церковные реквизиты. А сами священнослужители – старообрядцы не отличались особенно чистотой нравов, устраивая даже в культовых сооружениях свои «делишки» и укрепляли личную дружбу с «зелёным змеем». Так, например, священник Шадринской станицы Радион Яковлев был известен как «горчайший пьяница», а священник Егор Никитин из станицы Червлённой состоял в интимной связи с женой местного казака Дарьей Алексеевой. От казны священникам-старообрядцам выплачивалось мизерное жалование и существовать им приходилось, в основном, за счёт приношений станичных казаков-прихожан.

В 1745 году казаки направили в Кизляр депутацию, которая заявила коменданту, «что креститься тремя персты казаки не будут, хотя бы за то пришлось им пострадать и умереть». Кроме того, они пригрозили, что в случае продолжения притеснений их в вере они уйдут с Терека.

Сенат незамедлительно отреагировал на угрозу казаков покинуть Терек и выпустил циркуляр запрещающий военному командованию преследовать казаков-староверов, «понеже они живут в самом пограничном месте и по их легкомыслию тако-ж по нынешним конъюктурам для того обращения строгости употреблять несходственно, и для того, покамест в Сеноде рассуждение и точное определение учинено будет, - казакам ныне принуждения никакого не чинить».

Обозревая историю терских казаков – старообрядцев мы обнаруживаем некоторые отличия в политике правящего режима по отношению к ним от той, которая проводилась в других областях России. Уже в середине XIX столетия силовое давление на терских старообрядцев практически исчезло, ибо их принадлежность к военно-служилому сословию являлось надёжным гарантом от посягательств на их веру. Поскольку Россия нуждалась в казаке – воине, она была готова оставить без внимания его конфессиональную принадлежность.

В 1853 году численность казаков – старообрядцев и мужчин и женщин составляла по полкам: в Горском –21 человек, в Владикавказском – 101 человек, в Моздокском – 2385 человек, в 1-м Сунженском –277, в Гребенском – 7559, в Кизлярском – 2565 человек.

Как видно из данных наибольшая численность старообрядцев приходится на полки раннего образования: Гребенском, Кизлярском и Моздокском. В других полках, образованных из числа переселенцев в более позднее время, влияние старообрядчества менее значительно. В дальнейшем численность старообрядцев, несмотря на определённые ограничения и притеснения не уменьшилось.

За 12 лет начиная с 1898 года численность старообрядцев в дворянско–казачьей среде сократилось почти на половину, тогда как среди рядовой массы произошло, наоборот, увеличение на 5705 человек. Связано это был в первую очередь наличием «среди казачества исконных старообрядцев, живущих густыми массами в станицах Кизлярского отдела».

Естественно с увеличением численности казаков-староверов официальная церковь активизировала ответные меры по обращению их в лоно господствующей церкви. Так, священный Синод разработал специальную инструкцию для применения её в служебной и бытовой жизни. Особое внимание в инструкции уделялось духовно-религиозному и нравственному воздействию на женщин с целью укрепления оных в православной вере и как результат этого ограждение детей от влияния священников–староверов.

Духовенство господствующей церкви всеми силами старалось привлечь детей старообрядцев к посещению церковно-приходских школ, ведь привитие детям религиозных обрядовых норм в старообрядческой семье долгое время было чисто внутрисемейным делом. А для взрослых приходские священники проводили внебогослужебные беседы с раздачей им

книг религиозно–нравственного содержания. Благодаря принятию этих мер официальное православие на Терке значительно укрепилось.

В начале XX века приходы Терской области распределялись по 12 благочинным округам. В епархию входило 7 городов: Владикавказ, Моздок, Георгиевск, Пятигорск, Кисловодск, Кизляр, Грозный; 70 станиц, 42 селения, 8 посёлков и слобод (Нальчик, Хасавюрт и др.). В самом Владикавказе было около 20 православных храмов.

По данным «Терского календаря» 23 выпуска, к 1 января 1913 года население города Владикавказа составляло 77771 человек. Из них православных 73%, старообрядцев и сектантов – 8,5%, на мусульман и иудеев приходилось соответственно 8% и 1,5%. Около 9% были представители других вероисповеданий.

На всём крестном пути казака сопровождала церковь. Для казака церковь – это не только культовое сооружение, организующее пространство и являющееся центром поселения. Это мерило истинно народного откровения, его духовного могущества. Подчеркнём, что речь идёт о православной церкви, которой он отдаёт предпочтение перед всеми остальными. Митрополит Евлогий в книге «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества» пишет: «История знает много грехов казачества... Но эти грехи казачества искупаются его крепким, здоровым национальным чувством и глубокою преданностью святой Православной Церкви... Казак верит просто по старине, - среди казаков много «староверов» - старообрядцев, - но верит крепко, любит свою церковь всей душой и ни за что ей не изменит».

Большая часть станиц имела общий год основания и закладки храма. Красота Божьего храма являлась особой гордостью казаков и по этому терцы ничего не жалели для благополучия своих церквей. Своим храмам терцы передавали часть военной добычи. Для отлития колоколов жертвовали отнятыми у неприятеля пушками. На украшение ризниц (помещений при храмах для хранения одежды священников и церковной утвари) и иконостасов (покрытая иконами стена, отделяющая алтарь – восточную часть христианского храма, от остальной части внутреннего объёма церкви) казаки отдавали немало серебра, золота, жемчуга и драгоценных камней.

«Православная вера всегда имела великое значение в жизни казачества, - писал В. Пономоренко, - оно черпало Духовную силу в святых Божьих храмах. Сколько храмов Божьих сооружено казацкими руками, как богато украшены они, как сияют святые образы дорогими окладами – и всё это приложения благочестивого казацкого сердца!»

Доброжелательное отношение и щедрые пожертвования казаков способствовали появлению на Терской земле всё новых и новых храмов и пределов в казачьих станицах. Как пример тому может служить появление придела в приходском храме станицы Наурской. Во время турецкой войны, 10 июня 1774 года, станицу Наурскую окружило восьмитысячное войско татар

под предводительством Калги Шабаз–Гирея из рода крымских ханов. В станице в это время находились только старики, женщины, дети и легионная команда под предводительством атамана волжских казаков полковника Савельева. Строевые же казаки незадолго до этого были переведены в крепость Моздок. Целый день длилась кровавая борьба. Утром 11 июня враг неожиданно покинул свои позиции и ушёл восвояси. Существуют два предания объясняющие победу Наурцев в этой битве. Первое: упоминает про казака по фамилии Перепорх, который направил орудие на высокий курган, где была ставка Шабаз, и удачным выстрелом разнёс палатку Калги, убив при этом его любимого племянника. Шабаз–Гирей увидел в этом дурное предзнаменование и приказал отступить. Второе предание связывает победу Наурцев с появлением на заре одиннадцатого июня, в день памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы, двух всадников на белых конях и в белой одежде. Они прошли по вражескому стану, наводя ужас. В честь этих апостолов был в последствии устроен придел в церкви станицы, а одиннадцатое июня стало праздником в Моздокском полку.

Церковные праздники казаки отмечали совместно. Почти в каждом доме распевали псалмы и богатырские песни. На престольные праздники (в честь святых, имя которых присвоено данному станичному храму) по старинному обычаю в станичной избе после молебна устраивался общий обед. На него, кроме станичных припасов рыбы и мяса, сносилось всё, что у кого есть, самое вкусное. После общего обеда казаки разбивались по ватагам и праздновали по домам три дня. Существовал и обычай приглашать компанию стариков в дом для угощения. При этом просящий шёл по улице перед компанией без шапки и выговаривал: «Прошу покорно, любящие гости!»

Кроме средоточия православной обрядности терские церкви были и центрами распространения грамотности, ибо на Тереке первые светские школы появились только в начале XIX века. Православные храмы, помимо этого, хранили культурные ценности казачества, выступали носителями культурно-нравственных норм, органично выполнявших терскую субкультуру.

В казачьем отношении к вере, к сбережению «Бога в душе» проявлялся народный характер, самобытность казачества, отстаивавшего право свободного выбора, во что верить и как верить. В целом же для казачества религия выступала своеобразным духовным и нравственным мерилем в повседневной жизни. Трепетно сберегая «Бога в душе» терцы переживали, по образному выражению философа–казака А. Ф. Лосева, «самоутверждение личности в вечности». Искренне веря в Бога, казаки терпимо относились ко многим религиям, так как в терско-гребенских станицах представители неправославных конфессий появились давно. Ещё в процессе формирования казачества на Тереке целыми группами входили пассионарии многих этносов, живших по соседству или волею судьбы попавших в Терские края. Так, в среде казачества были и горцы–магометане и калмыки–

буддисты. Всего же в терское казачество вошло до 40 этносов, представивших различные конфессии.

Внимательное историко–психологическое изучение проблемы значения религии в духовной жизни казаков показывает, что долгое время идея казачества преподносилась как «борьба за Веру, Царя и Отечество».

Между тем, только «вера» может считаться изначальным элементом. Всё остальное привнесено на Терек политическим режимом с целью укрепления своего влияния. В основе веры терцев лежала высокая идея любви к ближнему, ибо казак был готов «положить душу свою за други своя», умел ценить свободу выше всего, умел её защитить. «Бог может быть у нас и разный, этого точно не знаем, но точно знаем – кровь в бою у нас одного цвета», именно на этой заповеди и основывалась веротерпимость казачества. Как раз непонимание его идеологии, реального места в ней религии и защиты самодержавия послужило одним из поводов для расправы с казачеством в годы Советской власти.

На протяжении многих лет, начиная с 1918 года, когда проводился ничем не прикрытый геноцид казачества, в казачьих станицах Терека было разрушено и разграблено множество храмов, но искоренить веру у казаков так и не удалось. И поныне идёт служба в церкви станицы Троицкой. Встречают казаки Покров Пресвятой Богородицы в станице Слепцовской. Звонят новые колокола великолепного храма во имя Святого Евфимия с пределами во имя Святой Екатерины и Святого Николая, сохранившегося с 1850 года в станице Екатериноградской. Идут праздничные богослужения в храме Святого Архистратига Михаила Архангела в станице Пришибской, и во многих других станицах и городах терского казачества.

Обобщая выше сказанное, хочется отметить, что духовность существует там, где индивидуальный дух следует высшим образцам «жизненных содержаний», по выражению И. А. Ильина, высшим ценностям родового бытия как своим собственным. Не случайно в казачьих куренях, где приходилось бывать, хранятся в огромных рамах под стеклом целые «иконостасы» старых фотографий. Едва различимые, в кракелюрной паутинке, запечатлены на них те, кто в статичных позах, с торжественностью на лицах пытается донести себя в будущее как можно полнее, от рождения до похорон, - непрерывная череда лиц. Незатухающая лампада родовой памяти.

Удивительны глаза людей, глядящих прямо в объектив: в них ясно различима память о предках и адресованная потомкам уверенность, что за плечами – праведная жизнь, наполненная смыслом, который в вере, в сознании надёжности и целесообразности своего бытия.

Нас с предками связывает не только обычное родовое почитание, но и унаследованный опыт. А опыт – это знание коллективное, соборное, знание живое, закреплённое не законом, тем более не подворьем или родительским куренем, а народной общностью, исторической перспективой,

именами Христа Спасителя и Богородицы и памятью, хранящей превыше всего примеры праведного поведения.

Праведный образ жизни, трепетное отношение к православным святыням, сопричастность к общецерковному бытию, деятельное участие в жизни родного прихода, соблюдение православных канонов и обрядов, следование церковному вероучению – вот те составляющие нравственно–этический облик казака, которые формировали его дух, определяли духовность.

Н.С. Батищев (Армавир)

ОСНОВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ КУБАНСКИХ ЧЕХОВ

Современное население Северного Кавказа насчитывает множество народов и народностей. Но мало кто знает, что с 1866 года тут, появляется такой не типичный для данного региона народ как чехи. Современная численность чехов на Северном Кавказе равна примерно 4 тыс. человек, живут они в основном на Черноморском побережье. В большинстве своем кубанские чехи практически утратили этническую идентичность. Но какие же факторы повлияли на их ассимиляцию? Какие противоречия возникали между чехами и представителями других народов в рамках региона? Сколько длился процесс адаптации данного этноса к новому месту проживания? В своей статье мы постараемся ответить на эти вопросы.

Во-первых, чехи (так же как и русские) относятся к славянской группе народов, хоть и являются её западным ответвлением. Этот факт, на наш взгляд, сыграл важную консолидирующую роль при взаимодействии их с русским населением. Во-вторых, чехи-переселенцы в основной своей массе были бедными безземельными крестьянами, и они легко смогли вписаться в местную земледельческую культуру. В-третьих, среди чехов встречались грамотные люди и учителя различных уровней, в которых в то время нуждалось российское правительство на Северном Кавказе. Но, не смотря на большое количество общих черт существовал и осложняющий фактор - вера. Чехи переселенцы были католиками, а местные народы не исповедовали католицизм. Еще одним осложняющим фактором стал язык - первое время чехи не понимали местное население.

Так какие факторы способствовали мирному сосуществованию этого народа с населением Кубани? На мой взгляд, это в первую очередь толерантное отношение ко всем народам региона. С самого образования правительством чешских поселений на Северном Кавказе, чехи довольно быстро включились в освоение новых мест жительства. Основная масса чехов расселилась в окрестностях Новороссийска и Анапы. Поскольку эти города были портовыми, то в них проживали представители самых разных народов. В городах в основном селилась привилегированная часть пересе-

ленцев, это люди, которые имели хорошее образование, являлись квалифицированными специалистами и были востребованы. Чехи известны своими педагогическими талантами, которые они применяли на практике. При этом они отличались заметным миролюбием и в своей работе старались привить толерантность представителям всех народов, которых они обучали. Языковые противоречия постепенно исчезли по мере усвоения чехами русского языка, являвшимся в регионе главным средством межэтнической коммуникации. По-другому обстояло дело с религией. На строительство католических храмов не выделялись государственные средства – обычно их строили на частные пожертвования. Никаких запретов на строительство католических костелов и несения в них службы в России не было, но далеко не все католические общины имели средства для постройки собственных церквей. Большинство кубанских чехов не имело возможности добираться до католических храмов Новороссийска или Анапы, а потому они были вынуждены ходить в православные храмы, где богослужение шло на церковно-славянском языке. Это способствовало ускорению вхождения чехов в русскую культурную среду, растворению их в ней.

Интересен тот факт, что огромную роль в сглаживании всех противоречий, как культурных, так и духовных, сыграл *Фёдор Гейдук*, являвшийся в конце XIX в. агрономом Черноморского округа. Он сумел организовать компактное расселение чехов на черноморском побережье, и определил те требования и правила, выполнение которых помогало чехам не вступать в противоречия с местным населением. На наш взгляд, сейчас, в наше время, этот пример очень показателен, потому что в современных условиях жизни на Северном Кавказе каждому народу очень важно иметь такого человека, который смог организовать бы жизнь своих соотечественников в условиях вынужденной эмиграции так, чтобы предотвратить большинство потенциальных межэтнических конфликтов. Благодаря деятельности такого позитивного лидера за все время проживания чехов на Кубани (с середины XIX века) никаких серьёзных конфликтов между чехами и другим населением не зафиксировано.

Л.В. Бурькина (Майкоп)

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКАРТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В 80-е гг. XVIII в.

80-е годы XVIII в. в истории заселения Северо-Западного Кавказа переселенцами из России совпали с постепенным нарастанием политической и военной активности Российской империи на Кавказе, имевшей различные побудительные мотивы: колонизационные, внешнеполитические,

торговые и прочие. Северо-Западный Кавказ стал одним из основных регионов в борьбе России и Турции за Крым. Турецкие агенты неоднократно призывали адыгов к всеобщему восстанию, объявляя, что все кубанские народы принадлежат Порте. Однако их попытки привести адыгов к присяге на подданство Османской империи закончились неудачей. Несмотря на это, турецкое правительство продолжало провоцировать антироссийские выступления на правобережной Кубани [24].

Адыги, являясь автохтонными жителями Северо-Западного Кавказа, имели сложившуюся устойчивую экономическую систему, хорошо адаптированную к местным природно-климатическим условиям, включавшую достаточно развитое земледелие, товарное скотоводство, торговлю. При этом основным и преимущественным занятием адыгов было земледелие [3, с. 63]. Поскольку демократические народы, по мнению многих авторов, отставали в своем развитии от аристократических, в большинстве проживавших на плоскостной части, постольку достижения шапсугов, натухайцев и абадзехов попросту игнорировались. А.Х. Бижев аргументировано опровергает подобные суждения и считает, что «основными факторами, способствовавшими развитию рационального природоохранительного, учитывающего почвенно-климатические условия региона земледелия, стали социальная и национальная свобода основной массы населения Шапсугии, Натухая и Абадзехии» [2, с. 87], приобретенная в длительной борьбе, завершившейся Бзююкской битвой. Крестьяне становились заинтересованными в созидательной экономической деятельности благодаря завоеванной относительной свободе и социально-правовому равенству.

Трансформации, происходившие в социально-политическом устройстве адыгского общества, по своим основным чертам и направленности не отличались особой самобытностью и отражали характерные для феодализма явления [27, с. 137-138], такие как тенденция к централизации, стремление к укреплению политической власти феодалов, обострение социальных противоречий и антифеодальные выступления крестьян. Адыги оказались в эпицентре противостояния российского самодержавия, английской олигархии, французской финансовой аристократии и султанской Турции.

Гипертрофированное внимание российского правительства к Северо-Западному Кавказу было обусловлено его экономическим значением и важным стратегическим положением. Черкесия обладала разнообразными природными богатствами и ценными сырьевыми ресурсами. Черноморское адыгское побережье играло первостепенную роль в развитии торговли. Еще большее значение правящие круги России придавали Северо-Западному Кавказу в военно-стратегическом отношении. Петербург не мог считать прочным свое положение в Закавказье пока земли Грузии, Армении и Азербайджана отделялись от остальной части империи территорией, населенной «непокорными» северокавказскими горами.

Во время войн с Турцией в 1768-1774 и 1787-1791 гг. и в промежутках между ними политическое положение России на Кавказе заметно укреплялось. По Кючук-Кайнарджийскому (1774 г.) [41,с.38] и Ясскому (1791 г.) [4, с. 243] мирным договорам она добилась признания за собой обширной территории Предкавказья, что дало возможность поддерживать Грузию и другие народы Закавказья в их борьбе против Турции и Ирана.

В 1783 г. к России окончательно был присоединен Крым [14]. В том же году был подписан «Георгиевский трактат», по которому Грузия объявила о своем желании войти в состав России [14]. Царское правительство спешило оформить вхождение татар и ногайцев в состав империи.

Процесс присоединения северокавказских земель проходил в сложной политической обстановке. В 1777-1781 гг. была создана Азово-Моздокская линия протяженностью в 500 верст с десятью крепостями и поселением на них волжских и хоперских казаков [24]. Одновременно с Азово-Моздокской линией строилась под непосредственным наблюдением А.В. Суворова и Кубанская линия [23]. Наряду с энергичными военными мерами [12, с. 87]. А.В. Суворов немало сделал для мирного урегулирования спорных вопросов с рядом местных народов. Благодаря умелой дипломатии А.В. Суворова, вновь назначенного в 1782 г. командиром Кубанского корпуса, ногайцы присягнули на верность России [22].

В новейшей научной разработке проводится мысль, что на территории Северо-Западного Кавказа предки ногайцев кочевали еще со времен гуннов. Корни ногайского эпоса уходят в Золотую Орду. Впоследствии правобережье Кубани (от устьев до начала верховий), а также равнинное междуречье Кубани и Лабы были населены родоплеменными подразделениями ногайцев. Вплоть до конца XVIII в. они плотно входили в орбиту военно-политических интересов Крымского ханства и стоявшей за ним Османской империи [10, с. 26-27]. По многочисленным свидетельствам западноевропейских, турецких путешественников и российских научно-документальных источников ногайцы кочевали, в частности, в низовьях Лабы, вдоль Урупа и обоих Зеленчуков, соседствуя с адыгскими племенами и восточнославянским населением казачьих станиц. Основным занятием кубанских ногайцев было отгонное скотоводство. В общественном строе развивавшиеся феодальные отношения были опутаны множеством патриархально-родовых пережитков. Кубанские ногайцы многие черты быта заимствовали у адыгов. Феодальные отношения у них были более развиты, чем у степняков. Переселение кубанских ногайцев в Приуралье не являлось догмой для российской администрации.

Благодаря присоединению Прикубанья Россия овладела выходом из Азовского в Черное море и укрепила свои позиции на южных рубежах. Если до 1783 г. кавказская проблема занимала подчиненное положение в решении крымского вопроса, то после присоединения Крыма к России она приобрела самостоятельное значение, поскольку российское правительство отводило

Северо-Западному Кавказу значительную роль в укреплении своего положения на Кавказе и в защите Крыма. Народы Закубанья оказались в сложной ситуации, т.к. стремились сохранить самостоятельность. Однако остаться независимыми в условиях жесткой конкурентной борьбы России и Турции за обладание Северо-Западным Кавказом было нереально.

Царизм, руководствуясь своими геополитическими интересами, продолжал проводить гибкую и осторожную политику по отношению к закубанским адыгам, применяя экономические, политические и дипломатические методы [9, с. 250,251], что объективно способствовало сближению закубанских народов с русскими. Архивные документы свидетельствуют о том, что часть западных адыгов открыто отказалась от поддержки Турции в очередной русско-турецкой войне и заявила о своем переходе на сторону России [22]. Турецкие власти неоднократно пытались втянуть горцев в борьбу против России. Протурецки настроенные адыги во главе с шейхом Мансуром в сентябре и октябре 1787 г. на Кубанской кордонной линии были разгромлены российскими войсками во главе с командующим Кавказской армией П.С. Потемкиным. В рапорте от 1 декабря 1787 г. он сообщал о результате этих сражений: «Знатное число черкесов переселено в Кавказскую губернию, абазины и ногайцы перешли в русское подданство, присягнув на верность России» [22].

Разгром армии Батал-паши в 1790 г. [13,с.10], захват Анапы [5, с.37, 38] в 1791 г. вместе с победами русских войск на Балканском полуострове заставили Османскую империю пойти на уступки в мирных переговорах с Россией в Яссах, а затем заключить договор, поскольку султанскому правительству не удалось поднять общего восстания горцев против русских. Согласно шестой статье Ясского договора 1791 г. Турция обязывалась «обуздать и воздерживать народы левобережной Кубани от набегов на русские границы» [8, с. 45], т.е. номинальная зависимость народов Закубанья от Порты оставалась. Впоследствии граф К.В. Нессельроде писал в своем отношении к И.И. Дибичу по поводу 6-ой статьи Ясского договора: «Россия признала закубанцев подданными Турецкой империи, но они сами не признают себя совершенно таковыми» [1, с. 876].

Восточнославянское население Северо-Западного Кавказа в последней четверти XVIII в. было представлено потомками казаков-некрасовцев и беглыми крестьянами. После поражения восстания под руководством К. Булавина, как известно, значительная часть повстанцев, во главе с одним из его организаторов, Игнатием Некрасовым ушла на Кубань. Оказавшись в формальной зависимости от Крыма, а затем от Турции, отдельные городки – укрепления некрасовцев существовали до прихода на Кубань бывших запорожцев и формирования там Черноморского казачьего войска. К казакам-некрасовцам, чьи поселения на Кубани были разорены в 1778 г. екатерининскими войсками [11, с. 25] нередко примыкала многочисленная казачья и крестьянская вольница и раскольники. Некрасовцы строили лодки

и небольшие суда, занимались традиционной для казаков рыбной ловлей, охотились, разводили скот и лошадей [42, с. 603].

Опубликованный 9 ноября 1765 г. Указ о возвращении беглых, беспаспортных и с просроченными паспортами владельческих крестьян своим помещикам, как и многие другие, был направлен на дальнейшее закрепощение крестьянства. Архивные материалы, к сожалению, не дают достаточного представления о числе беглых, их положении на Северо-Западном Кавказе в 80-е гг. XVIII в. Однако вопрос о пресечении побегов крепостных крестьян от своих помещиков на окраины государства становится одной из важнейших проблем российского правительства. В одном из специальных указов 10 декабря 1786 г. Кавказскому наместничеству строго предписывалось следить за беглыми и возвращать их на прежнее место жительства [16].

Многочисленные слухи о вольной жизни на Кавказе без помещиков и жандармов стимулировали побеги русских и украинских крестьян на Кавказ. Особенно привлекательным для большинства крепостных было желание поступить в казаки, жизнь которых ассоциировалась у крестьян с неограниченной свободой. Указ от 22 декабря 1782 г. [16] о раздаче земель на Азово-Моздокской линии, адресованный только государственным крестьянам, способствовал увеличению потока беглых крепостных на Кавказ. В 80-е гг. XVIII в. в низовьях Кубани было уже немало хуторов и рыбных промыслов, где обосновались, как правило, те, кто искал спасения от помещичьего гнета [7].

Царское правительство стремилось возвращать беглых своим владельцам или вознаграждать их выдачей зачетных рекрутских квитанций. Указом от 21 января 1787 г. Кавказскому наместничеству вновь предписывалось возвращать беглецов в «первобытное состояние» [7]. Вместе с тем реализовать указ в условиях Кавказа не представлялось возможным за отсутствием достаточной внутренней стражи для сопровождения беглых крестьян к своим помещикам. В связи с этим местные власти в 1788 г. просили передать попечение о возвращении беглецов самим помещикам или их доверенным лицам. В отдельных случаях в порядке исключения позволяли приписывать беглых к казенным селениям с зачетом годных в рекруты [17]. При условии невозвращения крестьян прежним владельцам наместничество выдавало последним зачетные квитанции из расчета за беглого от 18 до 40 лет как за полного рекрута, а от 14 до 18 и от 40 до 50 - за половину. За лиц мужского пола выше и ниже указанных лет зачетных квитанций не выдавалось [25]. Российское правительство разрешало оставлять беглых на местах и даже выдавать им полуторагодовую плату, если на прежних местах их жительства соглашались платить налоги и нести многочисленные подати [19]. Но это разрешение не распространялось на крепостных крестьян.

Царизм в стремлении заселить хотя бы в незначительной степени все еще пустующий край и, не имея полной возможности возвращать беглых с Кавказа, вынужден был идти на уступки. Указом от 27 августа 1789 г. предписывалось, например, «беглых разного звания людей» зачислять в число казен-

ных крестьян, но наблюдать впредь «под опасением строгого взыскания, ...чтобы нигде на порожних землях ничьи и никакие беглые не селились» [18]. В 80-е – 90-е гг. XVIII в. правительство множество раз издавало противоречивые указы о запрещении принимать крепостных и в то же время делало различного рода исключения и отступления от принятых правил. Так, например, за поимку беглых и беспаспортных выдавалось вознаграждение [34], публиковались объявления в «Ведомостях» об их розыске [35], разрешалось самим помещикам или их поверенным вести розыск [35], запрещалось беглым селиться на пустующих землях Кавказской губернии [36], предлагалась зачислять их в солдаты, если же не согласятся возвращаться к своим прежним владельцам [31], отсылать «в работы и на поселение в Екатеринославскую губернию» [32], «поступать неослабно, как законы повелевают» [29] и пр. С другой стороны, издавались указы «о прощении всякого чина людей, отлучившихся от жилищ своих самовольно, если явятся в определенный срок» [35], о зачислении беглых крепостных в казенные крестьяне с выдачей рекрутских квитанций прежним владельцам [38] и т.д. Подобная политика царизма свидетельствует о том, что ни центральные, ни кавказские власти не могли приостановить побег на Кавказ.

Известный в начале XX в. краевед Г. Прозрителев отмечал, что беглые шли в основном из Курской, Казанской, Саратовской, Нижегородской, Новгородской, Тверской, Вологодской, Московской, Петербургской, Орловской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской губерний [15, с. 7]. Однако большинство беглых, достигнув «заветных» мест, были разочарованы непривычным климатом, постоянной опасностью нападений горцев и возможностью возвращения в руки владельцев. Последнее настолько тяготело над беглыми, что они уходили даже на сторону горцев, селились между их аулами, принимали ислам и обзаводились новыми семьями. Были случаи бегства и на османскую сторону. Так, в 1791 г. в Анапу из Черноморской гребной флотилии бежали 31 казак и 2 егеря. Войсковой судья Антон Головатый требовал вернуть беглецов российской стороне, но анапский комендант Мустафа-паша отказал в связи с тем, что все беглые приняли ислам и, по принятому порядку, не подлежали возвращению так же, как и мусульмане, бежавшие на российскую сторону и принявшие христианство [6].

Не сумев воспрепятствовать случаям бегства крестьян указом 1789 г., российское правительство вскоре вынуждено было сделать отступление от ранее принятых правил и в 1797 г. беглых крестьян стали вновь зачислять в казенные крестьяне с выдачей рекрутских квитанций их прежним владельцам [20]. Массовый поток беглых на Северо-Западный Кавказ начался одновременно с правительственным переселением туда бывшего запорожского казачества, поскольку Кубань по сравнению с другими регионами Северного Кавказа оставалась менее освоенной «российским элементом», что требовало от российских властей соответствующих мер.

Таким образом, российская политика на Северном Кавказе в конце XVIII в. сочетала элементы моделирования невоенных способов стабилизации местной обстановки и постепенного интегрирования народов региона в государственную систему Российской империи, что затруднялось особенностями традиционного уклада горцев, их конфессиональной принадлежностью и внешнеполитическими обстоятельствами, и в дальнейшем предопределило последующий переход царизма к попыткам апробации по преимуществу силовой модели подчинения автохтонного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). – Тифлис, 1878. – Т. 8. – С. 876.
2. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX в. - Майкоп, 1994. – С. 87.
3. Броневский С.М. Кавказцы. 1750-1820. – М., 1823. – С. 63.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. – СПб., 1869. – Т. 2. – С. 243.
5. Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк Анапы. – Пг., 1914. – С. 37,38.
6. Государственный архив Краснодарского края ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Св. 41. Д. 330. Лл. 11, 26.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Св. 58. Д. 416. Л. 173.
8. Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т. Юзефович. – СПб., 1869. – С. 45.
9. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. – М., 1957. – Т. 2. – С. 250, 251.
10. Керейтов Р.Х. О пребывании ногайцев на Средней Кубани и некоторых аспектах изучения этого вопроса // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова. – Армавир, 1994. – С. 26-27.
11. Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. – Екатеринбург, 1900. – Вып. II. – С. 25.
12. Осипов Н.А. Александр Васильевич Суворов. – М., 1950. – С. 87.
13. Погром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 г. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалерии И.И. Германа, 1790 г., с 22 по 30 сентября. – Екатеринбург, 1896. – С. 10.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. 21. – Ст. 15708.
15. Прозрителев Г. Русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. – Ставрополь. – 1912. – С. 7.
16. ПСЗРИ: Собр. 1-е. - СПб., 1830. – Т. 22. - Ст. 16471.
17. ПСЗРИ: Собр. 1-е. СПб., 1830. – Т. 22. - Ст. 16715.
18. ПСЗРИ: Собр. 1-е. СПб., 1830. – Т. 24. - Ст. 16743.
19. ПСЗРИ: Собр. 1-е. СПб., 1830. – Т. 24. - Ст. 17623.
20. ПСЗРИ: Собр. 1-е. СПб., 1830. – Т. 26. - Ст. 19979.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. ВУА. Д. 223. Л. 37.
22. РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 481. Л. 106.
23. РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Ч. 1. Д. 151. Лл. 242, 251.

24. РГВИА. Ф. 52. Д. 289. Л. 19.
25. Северный Кавказ. – 1887. - № 27.
26. Сталь Н.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – Тифлис, 1900. – Т. 21. – С. 137-138.
27. Там же.
28. ПСЗРИ. – Ст. 15835.
29. Там же. – Ст. 17456.
30. Там же. – Ст. 16715.
31. Там же. – Ст. 16882.
32. Там же. – Ст. 17407.
33. Там же. – Т. 21. – Ст. 15619.
34. Там же. – Т. 22. – Ст. 16078.
35. Там же. – Т. 22. – Ст. 16551.
36. Там же. – Т. 23. – Ст. 16743.
37. Там же. Оп. 1. Св. 58. Д. 418. Л. 53.
38. Там же. – Т. 24. – Ст. 17623.
39. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 2.
40. Там же. Ф. ВУА. Д. 2376. Ч. 1. Л. 132.
41. Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. – СПб., 1895. – С. 38.
42. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1910. – Т. 1. – С. 603.

В.Г. Василенко (Армавир)

СИСТЕМА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С древнейших времен для медицины присущи гуманистические традиции в деле сохранения и укрепления здоровья населения. Безвозмездное служение долгу, оказание необходимой помощи всем нуждающимся, не зависимо от их социального статуса и национальной принадлежности отражают морально-этические принципы профессии, заложенные более двух тысяч лет назад. На основе документов мы рассматриваем оказание медицинской помощи населению, как фактор сближения и укрепления отношений между народами.

Как указывает Т.З.Ахмадов, взаимовлияние народов в этой сфере прослеживалось задолго до открытия лечебных заведений. Так взаимообмен и обогащение наблюдалось между народной медициной чеченцев и казаков еще с середины XVI в., с того времени как казаки стали селиться по Сунже и Тереку [2, с. 14].

Постоянное и все возрастающее влияние российской профессиональной медицины на местные народы фиксируется с конца XVIII-начала XIX в., когда в регионе появляются первые лечебные учреждения, где обслуживали не только военных, но и горское население. Например, в открытом в 1801 г. войсковом лазарете Екатеринодара, преобразованном в 1816 г. в войсковой госпиталь, получали помощь казаки-черноморцы и представители закубанских народов, которые спасаясь от междоусобиц и гнета, бежали в Черноморию. Известно, что в 1839 г. для лечения в Геленджикский госпиталь приходила черкешенка. Этот факт не остался незамеченным. Николай I приказал вручить ей в торжественной обстановке в виде подарка золотую цепочку, как поощрение «за доверчивость к русским» [12, с. 324].

Как отмечает П.Б.Виноградов, даже в период апогея «Кавказской войны» сохранялось общение русских медиков с горцами [3, с. 21]. Примечателен в этой связи и указ 1858 г. императора Александра II, в котором говорилось: «По Высочайшему повелению больные горцы, как враждебные, так и покорные племена, принимаются по их желанию в госпитали и лазареты и пользуются за казенный счет, с отпуском батальонным командирам, за содержание горцев в батальонных лазаретах, по одному рублю ассигнациями в сутки на каждого больного от комиссариата (центра медицинского обеспечения – *Авт.*); больные же горцы, являющиеся в наши укрепления с просьбой о пособии и не желающие оставаться в лазарете, снабжаются лекарством за счет казны, с производством расхода медикаментов по аптечным каталогам на общем основании... Монаршую милость распространить на жителей всех племен, как покорных, так и враждебных нам на Кавказской линии» [8, с. 12].

По сведениям Г.А.Колосова в городские больницы и военные госпитали области туземцы поступают охотно и с доверием, и число желающих поступить всегда во много раз превышало число свободных мест в этих лечебных заведениях [см.: 2, с. 64].

Сближению народов способствовало распространение достижений российской медицины среди народов Северного Кавказа. В госпиталях региона нередко работали выдающиеся врачи России. В частности, в 1847 г. во Владикавказском военном госпитале делал операции Н.И.Пирогов. Именно во время пребывания на Северном Кавказе известный хирург впервые применил эфирный наркоз для обезболивания в военно-полевых условиях. На Кавказ он привез с собой 30 сконструированных им самим аппаратов, подающих наркоз, и все раздал различным кавказским госпиталям. Николай Иванович побывал в Кизляре, Ставрополе, Прочном Окопе, Екатеринодаре, Фанагории и др. Здесь Н.И.Пирогов сделал 100 сложных хирургических операций с применением эфира (из них 3 раза над мирными горцами и три над неприятельскими мюридами), обучая своим приемам и горских лекарей, работавших у него помощниками. В лечении не отказывал никому из больных. Были примеры, когда чеченцы привозили своих

раненых для проведения операций, а затем выздоравливающие горцы свободно уезжали в свои аулы [10, с. 71,74].

В первой половине XIX в. эпидемии чумы, холеры, тифа и других инфекционных заболеваний свирепствовали не только в Центральной России, но и на Северном Кавказе. Этому способствовали неудовлетворительное санитарное состояние, плохое питание и другие факторы. Эпидемия чумы, начавшаяся в регионе в конце XVIII в., не прекращалась почти 20 лет и привела к тому, что было уничтожено «почти все население Малой Кабарды и произведено опустошение в Большой» [4, с. 37]. Таким образом, инфекционные болезни, перед которыми традиционная медицина была бессильна, угрожали самому существованию горских народов.

Ситуация в регионе потребовала от правительства принятия неотложных мер, поэтому в 1804 г. на Линии появились первые карантинные пункты, началось оспопрививание жителей, в которое постепенно вовлекается и горское население. Так, в 1858 г. в Екатеринодарский военный госпиталь был отправлен для обучения оспопрививанию кабардинец Ахмед Кумыков. Это явилось началом подготовки местных оспопрививателей – Талиба Гоова, Тластана Шаова, Хаджи Кунижева, которые сыграли важную роль в борьбе с натуральной оспой [8, с. 12].

Много сил улучшению медицинского обслуживания населения отдавали русские врачи. Так, с открытием в Дагестане во второй половине XIX в. медицинских учреждений они были полностью укомплектованы приезжими специалистами, прежде всего русскими. Врачи И.С. Костемеровский, К.М. Трипольский, Е. Ефремов и другие отдали много сил улучшению медицинского обслуживания населения области [6, с. 595].

В частности, И.С.Костемеровский большую часть жизни провел в Дагестане. Только за период с 1854 г. по 1860 г. на приеме у врача побывало более 15 тысяч человек. Ивана Семеновича волновало отсутствие грамотных местных людей для подготовки фельдшеров и оспопрививателей, которые смогли бы распространять сведения о научной медицине и проводить профилактические мероприятия. Для этого он открыл при аптеке конно-иррегулярного полка школу для обучения русской грамоте сыновей и братьев всадников полка в ауле Большой Дженгутай. Вскоре количество желающих учиться увеличилось настолько, что аптека не могла вместить всех желающих. Пришлось подыскать более просторное помещение. Преподавали в школе сам И.С.Костемеровский и фельдшера.

Во второй половине XIX в. поступательное развитие здравоохранения на Северном Кавказе было продолжено. С проведением административных реформ лечебные заведения стали открываться и в горных районах Северного Кавказа. Так, например, после образования 1858 г. Кабардинского округа было организовано медицинское обслуживание местного населения. Впервые вводилась должность окружного врача – фельдшера.

Первым окружным врачом был доктор медицины коллежский советник Генрих Фердинандович Шнейдер [8, с. 12].

С образованием Терской области в 1860 г. здесь получили развитие и лечебные заведения. Перед военно-народным Правлением Терской области стояла проблема медико-санитарного обеспечения горского населения («туземцев»), жителей городов, казачьего населения, частей регулярной армии и казачьего войска, дислоцирующихся на территории области. С целью решения вопросов медицинского обеспечения в Правлении области было учреждено Врачебное отделение, которое по медицинской линии подчинялось Управлению медицинской частью гражданского ведомства Наместника Кавказского в Тифлисе. В каждом округе Чечни были введены должности окружного врача. В отдельных округах были созданы сельско-врачебные части с фельдшером и оспопрививателем [2, с. 37].

20 июля 1866 г. Во Владикавказе была открыта первая лечебница – Михайловская, приходящих больных. Лечебница оказывала бесплатную медицинскую помощь представителям всех народов региона. Работники медицинского учреждения многое делали в области санитарного просвещения, способствуя преодолению невежества и распространению элементарных медицинских знаний. В результате росло доверие горцев к врачам, и в 1876 г. кампании по оспопрививанию во Владикавказском округе проходили при полном понимании населения [7, с. 348].

В 1878 г. был открыт фельдшерский пункт в Карачае. Здесь фельдшер при своей квартире содержал одну койку. В 1880 г. фельдшерский пункт был преобразован в приемный покой. Появились 4 приемных покоя в селениях Дагестана. Открытие медицинских учреждений имело позитивное значение в улучшении врачебного обслуживания населения. Помощь горцам оказывалось и в войсковых больницах, где им предоставлялось определенное количество мест.

Ценные сведения об организации здравоохранения в регионе в пореформенный период оставил А.И.Дроздовский, который работал врачом в Кабардинском округе в 60-е гг. XIX в. Он не только оказывал медицинскую помощь населению, но и занимался исследовательской работой: изучал природные условия и их влияние на здоровье людей, описывал наиболее часто встречающиеся заболевания и др. Одной из причин распространения инфекций врач считал образ жизни местного населения, при котором мало соблюдались санитарные нормы. Это приводило к тому, что, как правило, раз в пять лет вспышки тифа повторялись. С появлением в горах профессиональных медиков способы лечения изменились. По описаниям А.И.Дроздовского, население стало посещать лечебницы для приходящих больных. Здесь больной, получив наставления от врача и взяв из аптеки по рецепту окружного медика лекарства, отправлялся домой. Рекомендации по лечению можно было так же получить во время разъездов врача по округу.

Дело, начатое А.И. Дроздовским, было продолжено другими врачами, в частности, выпускником Петербургской медико-хирургической академии В.Н. Грамматиковым. С его деятельностью на посту окружного врача Нальчикского округа было связано увеличение фельдшерских пунктов в Балкарии, введение должности слободского фельдшера, улучшение медицинской помощи населению русских станиц. Он ратовал за «просвещение масс, грамотность, устройство народных чтений, библиотеки, читальни, воскресной школы» [8, с. 255].

Не только мужчины, но и женщины начинают все чаще обращаться за медицинской помощью к профессиональным российским медикам, которые вносили свой посильный вклад в развитие здравоохранения региона. Оказывая квалифицированную помощь всем нуждающимся, они своей деятельностью разрушали барьеры отчуждения, возникшие в результате военных действий на Северном Кавказе, занимались просветительской деятельностью.

В пореформенный период появились и первые медики из числа народов Северного Кавказа. Так, с разрешения главнокомандующего Кавказской армией при мальчи́ка-осетина: Ци́цко Ко́лиев, Андрей Бесолов, Василий Караев – с 1865 г. учились во Владикавказском военном госпитале, врач которого Рачковский сумел привить им любовь к медицине. В 1868 г. эти ученики были отправлены в Тифлисскую фельдшерскую школу. Окончив ее, они уже фельдшерами возвратились на родину, где стали оказывать помощь соотечественникам. В 1871 г. окончил Тифлисскую фельдшерскую школу Тау-Султан Тамбиев. Это был первый фельдшер-кабардинец. Свою деятельность он начал в аулах Карачая, где проработал более 12 лет. К нему с большой признательностью относились горцы, а русские врачи неоднократно прибегали к его содействию в медицинских вопросах, касающихся местного населения [8, с. 106].

За первые годы своей работы только Екатеринодарская военно-фельдшерская школа, основанная в 1880 г., выпустила 20 лиц не войскового сословия, среди которых было 14 горцев. В начале XX в. был произведен очередной набор учащихся, среди которых учителя сразу выделили адыга Хакурате и по знанию русского языка, и по освоению специальности. В 1905 г. Шахан-Гирей Хакурате окончил школу и стал первым среди кубанских адыгов фельдшером [1, с. 1].

Вскоре после открытия фельдшерской школы в Ставрополе, в нее приняли кабардинку Сарову [5, л. 2]. Девушка не имела документов об образовании, но для нее сделали исключение, так как «кабардинский народ» предоставил ей стипендию для получения фельдшерского образования, и она должна была распространять медицинские знания среди мусульман. Каждый год по 2 ученика из числа горцев принимали в Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу [9, с. 373].

Кроме самостоятельных учебных заведений в регионе работали школы фельдшерских учеников при Пятигорском лазарете, Грозненском

военном госпитале, Бакинском местном лазарете, Тифлисском военном госпитале [11, лл.35-39].

Таким образом, с распространением российской системы здравоохранения в рассматриваемом регионе происходило сближение русских и горских народов, так как медицинскую помощь в лечебных учреждениях оказывали всем желающим. Русские врачи не только лечили население, но и способствовали распространению знаний, повышению культурного уровня населения. Для осуществления профилактических и противоэпидемических мероприятий проводилась подготовка оспопрививателей из местного населения, что приводило к тому, что медицинские кадры формировались как полиэтническая группа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аутлев П.У., Ашхамазова Л.М. Шахан-Гирей Хакурате. К 100-летию со дня рождения. – Майкоп, 1983.

2. Ахмадов Т.З. Здравоохранение Чечни: очерки истории. – Грозный, 2010.

3. Виноградов П.Б. Отражение русской и горской медицины в Кавказских произведениях Л.Н.Толстого // Археология и краеведение вузу и школе. 3-я региональная научно-практическая конференция. – Грозный, 1989.

4. Виноградов П.Б., Клычников Ю.Ю. Военно-санитарная деятельность А.П. Ермолова на Кавказе // Вопросы северокавказской истории (сборник научных статей аспирантов и соискателей). Вып. 2. / под. ред. В.Б. Виноградова, С.А. Головановой.- Армавир, 1997.

5. ГАСК. Ф.311. Оп.1 Д.394.

6. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. / отв. ред. А.И. Османов. – М., 2004. Т. I.

7. История Северо-Осетинской АССР: в 2-х т. Изд.2. – Орджоникидзе, 1987. Т. I.

8. Маслов А.А., Карданов А.Б., Шомахов А.О., Беров М.Л. История медицины Кабардинского округа: события и лица (1858-1899). – Нальчик, 2005.

9. Очерки истории Ставропольского края. В 2-х т. / науч. ред. В.П. Невская. – Ставрополь, 1984. Т. I.

10. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952.

11. РГВИА. Ф.546. Оп.3. Д.1224.

12. Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1913. Т.2.

**О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ТОЛЕРАНТНОСТИ
У НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Восточное Предкавказье - территория к северу от среднего и нижнего течения р. Терек (Терское левобережье) и до р. Кумы - накануне появления здесь российской государственности было освоено кочевниками-караногайцами, гребенскими и терскими низовыми казаками. С именем Ивана Грозного связан выход границ российского государства на Терек, строительство здесь первых городков и острогов. В XVIII в. после установления по Тереку границы с Ираном Терское левобережье окончательно входит в состав российского государства. Гребенское войско переводится в подчинение Военной коллегии и включается в состав вооруженных сил России. Донские и волжские казаки переселяются к востоку и западу от гребенцов. В 1735 г. на левобережье Терека был заложен город Кизляр, а в 1763 г. – Моздок, изначально ставшие полиэтничными поселениями.

Власти, чтобы избежать ссор и столкновений этнических групп из-за земель, пытались решить эту проблему. В 20-е гг. началось отмежевание земель ногайцам между Тереком и Кумой «с полной свободой от всяких платежей и повинностей» [1, с. 42]. Строительство Кизляра происходило по плану, разработанному генералом В.Я.Левашовым. В специальном «Ордере» указывалось, какой «нации» где селиться. Уже в конце XVIII в. в городе образовалось 8 кварталов: Армянский (Арментир), Грузинский (Курце-Аул), Черкесский, Окочирский (его населяли кумыки и ногайцы), Персидский (Тезик-Аул), кварталы новокрещенов (Кристи-Аул), казанских татар (Казанте-Аул) и терских казаков [2, с. 85-86]. Аналогичный принцип действовал и при заселении Моздока, где также возникли слободы: Грузинская, Армянская, Осетинская, Кабардинская и др.

К XVIII в. относится массовое появление на территории Терского левобережья армян. Их миграция в российские пределы была вызвана рядом причин и, прежде всего, упадком хозяйственно-экономической и социально-культурной жизни Закавказья, переживавшего постоянные иноземные нашествия, а также тяжелым положением армян, находившихся в составе Ирана, Турции и ряда ханств. Организация поселений закавказцев на Терек и Прикаспии соответствовала интересам российских властей [3, с. 29]. С их помощью правительство (с Петра I) рассчитывало развивать виноделие, шелководство, рисоводство и другие, новые для российской экономики отрасли, укрепить торговые отношения с горцами, втягивая их, таким образом, в орбиту российского влияния. Армянам даровались многочисленные привилегии (в частности, освобождение от податей и платежей), которые были подтверждены Жалованной грамотой, подписанной 20 октября 1799 г. Павлом I. В рассматри-

ваемый период армяне составляли большую часть жителей в Кизляре, Саранниково, Паробочеве, Дербентском, Малохолинском, Карабаглах, Эдиссии и др. местах. Армянские селения являлись самоуправляющимися общинами. Имелись и другие организационные формы существования диаспоры (церковь, армянские суды, учебные заведения), обеспечивавшие социальную защиту своих членов.

Сообщения о компактном проживании грузин на Тереке относятся к 20-м гг. XVIII в. В 40-х гг. XVIII в. приток беглых грузин на Терек усилился. Они были освобождены от рекрутской повинности, наделены землей, получили право на свободное вероисповедание, беспошлинную торговлю, свободу от постоев для тех, кто занимался шелководством и др. [4, л. 7 об.]. Эти и другие данные указывают на целенаправленные действия властей по обустройству грузин, обосновавшихся в Восточном Предкавказье. Предоставление многочисленных льгот для закавказцев-христиан (армян, грузин) сделало эти этнические группы одними из самых многочисленных в регионе.

Однако постепенно их положение менялось. В период правления Александра I и особенно Николая I началась запись грузин-селян в казачье сословие. На горожан была возложена постоянная и подводная повинности, произведено их подворное обложение [4, лл. 9,18-20]. Аналогичные процессы происходили и с армянской диаспорой. С 1807 г. правительство встало на путь ограничения привилегий армян. Государственный Совет признал, что никакие привилегии бессрочными быть не могут. Указы 30-40-х гг. XIX в. постепенно уравнивали армян в правах с другими горожанами Кизляра и Моздока [4, лл. 2 об-19; 5, л. 96]. Таким образом, к середине XIX в. завершилось приведение армян и грузин региона в российское социально-правовое поле. Армяне и грузины вошли в состав российского дворянства, купечества, мещанства, крестьянства, духовенства, казачества.

С XIX в. постепенно все больше повинностей стали выполнять караногайцы: поставляли арбы для перевозки грузов и провианта на Линию, содержали почтовые станции, кордоны, должностных лиц. Такие повинности сохранялись в течение всего дореформенного периода [6, лл. 42-47 об.]. В то же время было сохранено местное самоуправление, суды по адату (обычному праву) и шариату (мусульманскому праву). Уголовными делами занималась российская администрация. Действия правительства в данном направлении можно признать достаточно гибкими, учитывающими «национальную» специфику.

Во взаимоотношениях государства и казаков Терского левобережья можно выделить несколько периодов. 1. С начала и до конца XVIII в. постепенно определялись повинности, обязанности казаков (военная, почтовая, подводная, дорожная, постоянная, паромная и др.) и в то же время размеры постоянного жалования (как в деньгах, так и продуктах), которое государство выплачивало им за службу. 2. В конце XVIII - начале XIX в. происходит усиление гражданской администрации на Тереке. С этим свя-

зано размежевание земель, насаждение общинных земледельческих порядков. Наделение их паями рассматривается как главная компенсация, вознаграждение за службу. 3. В 10-50-е гг. XIX в. завершается формирование военно-служилого сословия с четким законодательным оформлением его прав и обязанностей.

Таким образом, в XVIII и особенно в XIX в. правительство достаточно успешно интегрировало этнические группы Восточного Предкавказья, которые до этого не являлись российскими подданными, в общероссийскую социальную структуру, в те или иные сословия, подчиненные российскому государству. Тем самым было исключено господство этнических групп друг над другом и какие-либо конфликты в этой связи.

Следует отметить и достаточно взвешенную конфессиональную политику государственных органов, не препятствовавших функционированию этнизированных религиозных систем, сложившихся на основе христианства и ислама. Даже в отношении местного старообрядчества и власти, и сами казаки старались не доводить дело до открытого конфликта. Старообрядчество на Тереке, имевшее иные истоки (оно не возникло из противостояния и непримиримости раскола XVII в., а являлось следствием сохранения ранних христианских верований, поскольку казаки появились в регионе до официального раскола). Местное старование не содержало антикрепостнического, антигосударственного, антицерковного заряда и это создавало почву для компромиссов.

На протяжении рассматриваемого периода армяно-григорианская церковь не подвергалась гонениям на Тереке. Культовые сооружения, церковно-приходские школы действовали как в городах, так и в сельской местности. Не испытывала притеснений и религиозная система карангайцев. Длительные военные действия с горцами не приобрели характер конфессионального противостояния, и тысячи мусульман-ногайцев, находившихся в тылу русской армии, оказывали посильную помощь именно правительственным силам.

Общие верования (в т.ч. языческие пласты) и святыни объединяли народы региона. Терские казаки ходили пешком (за десятки километров) на Успение в Моздокский собор, куда являлась и большая часть жителей города и его окрестностей, включая армян, грузин, осетин [7, с. 289]. Особой популярностью в регионе пользовалась армянская церковь Святого Георгия в Тополевой роще Кизляра, куда на календарные праздники приходили не только христиане, но и мусульмане [8, с. 182-183]. И иные праздники включали такие общие элементы как скачки, джигитовки, устройство качелей и др.

Правительство пыталось встроить все этнические группы в российское конфессиональное пространство. Этой цели служили создание армянской Астраханской епархии, православных епархий, включавших прихожан-грузин, подчинение карангайского духовенства Оренбургскому муф-

тияту и др. Отношения с казаками-старообрядцами строились, исходя, прежде всего, из пограничного положения края.

Что касается влияния на взаимоотношения народов экономического разделения труда, то оно складывалось под влиянием как географического фактора, так и правительственной политики и традиционных предпочтений этнических групп. Казачество Терека имело ярко выраженные особенности в системе жизнеобеспечения, хозяйственных занятиях. Предпочтение отдавалось виноградарству, рыболовству и охоте. На левобережье Терека казаки в небольших количествах выращивали зерновые культуры, занимались бахчеводством и огородничеством. Менее развитой отраслью являлось скотоводство.

В противоположность казакам, основу хозяйства ногайцев Терско-Кумского междуречья составляло кочевое скотоводство. Караногайцы разводили овец, крупный рогатый скот, лошадей, верблюдов. Скот, выращиваемый кочевниками, круглый год находился под открытым небом, что выработывало у него выносливость и неприхотливость к корму. Он пользовался спросом далеко за пределами Караногайского приставства.

С появлением закавказцев развитие в регионе получило виноделие, шелководство, выращивание риса, хлопка. В городах грузины занимались ремеслами. Среди них были ювелиры, медники, слесари, кожевники и др. Армяне развивали международную и внутреннюю торговлю, способствовали складыванию северокавказского рынка, укреплению торгово-экономических связей с областями Центральной России. Армянские купцы приобретали у ногайцев и казаков сельскохозяйственную продукцию и продавали ее в городах Северного Кавказа, Центральной России, Закавказья. В обмен предлагались российские и закавказские товары. С армянами связано начало коньячного производства в России. Армяне составляли значительную часть городских владельцев и работников ремесленных мастерских и предприятий. То есть с ними было связано развитие нового капиталистического уклада [см.: 9, с. 65-92].

Складывавшееся разделение труда, куда вовлекались и горцы, ярко показано (применительно к середине XIX в.) журналистом Ю. Шидловским, который так описал кизлярский базар, где можно было увидеть «осетина, продающего сыр и бурки, черкеса с зелеными сотами диких пчел, лезгина с медной посудой, киста и чеченца с ружьями и шашками, караногайца с овцами и козами, калмыцкими тулупами, ергаками и мерлушками, терского казака с оружием и рыбой. Костюковский кумык привез дрова и таркалы, аксаевец разложил кожи и овечью шерсть, армяне и грузины предлагают вам ягоды, овощи и фрукты. А там, ближе к Тереку, румяные казачки Дубовской, Червленной, Наурской и других станиц терских, сидят на арбах, навьюченных арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и т.п.» [8, с. 177].

Народы Терского левобережья занимали вполне определенные экономические ниши, которые делали все хозяйство региона комплексным.

На основе взаимодополняемости, взаимопользовности складывались и определенные взаимоотношения этносов, заинтересованных в сохранении взаимовыгодного сотрудничества. Когда в конце 50-х гг. XIX в. началось переселение караногайцев в Турцию, это вызвало серьезное беспокойство кизлярских и моздокских армян-торговцев, которые выступали посредниками в обмене продукцией, произведенной этническими группами региона. В обращении к властям они писали: «Ногайцы в Ставропольской губернии необходимое звено в цепи народного благосостояния от самого Пятигорского уезда до Кизляра включительно... Вся сухопутная казенная и частная перевозка тяжестей на всем пространстве осуществляется ими... Не имея оседлости, они расселены повсюду и способны переносить все труды для взаимных выгод своих, хозяев и для общей пользы... Все скотоводство, начиная от Моздока до Кизляра, находится в руках ногайцев. Не только сами они имеют многочисленные табуны и стада, но служат пастухами всем Кизлярским и Моздокским хозяевам, имеющим значительные конные табуны, стада овец и рогатый скот... Из всего этого следует, что если ногайцы переселятся из настоящего места, то **решительно нечем заменять их... Неминуемым последствием этого будет гибельный поворот в хозяйстве и в благосостоянии жителей края... Сады, марена и отрасли хозяйства, оставаясь без обработки, заглохнут и уничтожатся, а средства сухопутного сообщения, этого главного двигателя промышленности, совершенно прекратятся».** (Выделено нами - Н.В.). [см.: 10, с. 21] В этой связи отметим справедливое мнение В.И. Козлова о том, что чем экономически разнороднее этнические группы, тем более прочной становится их общность [11, с. 51-52].

На этих и иных факторах базировалось стремление этнических групп региона жить в мире. Благодаря этому создавался общий пласт обычаев, одинаково уважаемый всеми (гостеприимство, куначество, аталычество, примирение с помощью посредников и др.). Они играли важную роль регулятора межэтнических и внутриэтнических отношений до полного утверждения царской администрации на Тереке и свидетельствовали о способности народов самостоятельно, опираясь на обычное право и моральные нормы, строить свои взаимоотношения с соседями. В рассматриваемый период на территории Терского левобережья не произошло ни одного сколько-нибудь заметного столкновения на межэтнической почве. Существовавшие противоречия решались в рамках как законов (в Моздокском и Кизлярском судах), так и норм обычного права.

Тесное общение этнических групп региона не могло не сказаться на развитии их материальной и духовной культуры. Заимствования коснулись орудий труда, пищи, одежды, жилища и мн. др. Совместными усилиями народов решались проблемы защиты от разливов Терека (практически все группы участвовали в строительстве специальных дамб), от набегов горцев и пр. Общие задачи и деятельность также работали на объединение.

Однако все вышеизложенное не означало, что на территории Терского левобережья в разное время не существовало межэтнической напряженности (прежде всего из-за земельных ресурсов), однако она не принимала форму конфликтного взаимодействия, военных столкновений. Это происходило и потому, что существовали механизмы (как созданные самими народами в результате межэтнических коммуникаций, так и определенные правительством учреждения и законы) для решения споров и конфликтов.

Мирное освоение Восточного Предкавказья во многом предопределило и мирные межэтнические коммуникации. Историческая память народов, как известно, достаточно серьезно влияет на их взаимоотношения [12, с. 66]. У народов региона она не была отягчена воспоминаниями о кровавых столкновениях и непреодолимых противостояниях. Мирные взаимоотношения сохранялись в регионе и в дальнейшем и проявлялись прежде всего в производственной деятельности, обмене и торговле, то есть в тех сферах, от которых зависело жизнеобеспечение всего населения региона.

Интеграционные процессы в едином российском социально-правовом конфессиональном и экономическом пространстве способствовали появлению российской. Ни одна из старожильческих групп не заявила о своем выходе из состава России в период всеобщей суверенизации 90-х гг. XX в.

Рассмотрев основные черты политической, социо-культурной и экономической ситуации в Восточном Предкавказье в XVIII – первой половине XIX в. можно прийти к следующим выводам. Полиэтнический регион в рассматриваемый период оставался достаточно спокойным, никаких сколько-нибудь заметных социальных выступлений, столкновений на межэтнической почве здесь не наблюдалось. Причины толерантности местного населения нам видятся в следующем:

1. Гибкая, но в тоже время последовательная политика российского правительства, направленная на введение народов региона в российское, прежде всего, социально-политическое пространство. О «правильной» государственной политике писал французский дипломат Ж-Ф. Гамба, побывавший в Кизляре и Моздоке в начале XIX в. и отмечавший, что народы «рознящиеся в религии, нравах и языке» мирно сосуществуют на одной земле» [13, с.343].

2. Сложившаяся отчасти стихийно, отчасти под влиянием правительственных мероприятий хозяйственная специализация, при которой была исключена жесткая конкуренция, но существовала тесная взаимозависимость между этнопрофессиональными общностями.

3. Свободное существование и развитие местных конфессиональных систем при постепенном внедрении российской системы светского образования и языка. В регионе имелись все средства для сохранения религиозных систем. Религиозные семьи, общины, церкви, монастыри (у старообрядцев скиты), религиозная литература, учебные заведения вводили представителей новых поколений в мир религиозных идей и действий.

Линия властей на укрепление позиций православной церкви не сопровождалась насильственными действиями в отношении представителей иных конфессий. Но в то же время происходило встраивание местных этнических групп в российское конфессиональное пространство.

4. Использование обычно-правовых норм и культурных достижений соседей.

5. Сохранение стойкой пророссийской ориентации, опирающейся не только на историческую память, но и на совместную созидательную деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1988.

2. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека (Досоветский период). – Махачкала, 1986.

3. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке (сост. В.Н. Гамрекели). – Тбилиси, 1968.

4. Российский государственный исторический архив. Ф.1268. Оп. 3. Д.303.

5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.444. Оп.1. Д.621.

6. ГАСК. Ф.70. Оп.2. Д.336.

7. Калоев Б.А. Осетины. – М., 1971.

8. Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журнал Министерства внутренних дел за 1843 год. – Ч. IV. – № 1-12.

9. См.: Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Армавир, 2001.

10. См.: Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б. Нижне-терское и гребенское казачество на территории Дагестана. – М., 1995.

11. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этнические и экономические общности // Советская этнография. – 1970. – № 6.

12. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. – Ч.1. – Ставрополь, 1996.

13. См.: Сапрыкина Е.С. Особенности восприятия Кавказа начала XIX столетия французскими путешественниками // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV. Материалы региональной научно-практической конференции. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – С.343.

Н.Н. Гарунова (Кизляр)

КИЗЛЯР - ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУРНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ КАВКАЗА XVIII - XIX вв.

Кизляр возник на древней сухопутной международной трассе, связующей Европу со странами Востока, и, естественно, стал выполнять функции важного транзитного узла в торговле России с государствами Кавказа и Закавказья.

казья. С другой стороны, Кизляр, продолжив исторически сложившиеся традиции своих предшественников - Терского городка и крепости Святого Креста, со времени своего основания - средоточие русско-северо-кавказских, в том числе и русско-дагестанских экономических связей. Но особенно важно то, что Кизляр становится и важнейшим экономическим центром, где народы региона осуществляли торговые контакты между собой.

Особый подъем торговли между Россией и Кавказом приходится на XVIII - первую половину XIX века. Персидский и закавказский шелк, индийские пряности и другие восточные товары попадали в Россию через Кизляр и Астрахань. И через эти же города осуществлялся вывоз русских, в том числе западноевропейских товаров в страны Востока и Закавказья. Через Кизляр на Северо-Восточный Кавказ из России поступали жизненно важные для народов региона товары, такие как железо, олово, свинец, дешевые русские льняные ткани и т.п. Через Кизляр в Россию шло важное для российской текстильной промышленности сырье, а так же рис, фрукты и др.

Выгодное географическое положение Кизляра сразу же привлекло сюда многонациональное купечество, специализировавшееся на восточной торговле.

Кизляр рано устанавливает прочные экономические связи с кумыкскими и чеченскими селениями, расположенными в радиусе 100-200 верст от города, с Северной Осетией и Кабардой. В Кизляр приезжали торговать не только из крупных дагестанских сел, традиционно связанных торговыми связями с Россией, но и из Карабудахкента, Казанища, Эрпели, Отишима, Усмикента, Акуши, Цудахара, Губдена, а также из Кумуха и из др. горных аулов.

Конечно, развитие торговых отношений с Востоком и, в частности, через Кизляр служило не только развитию промышленности, но и усилению авторитета и политического влияния России среди стран Востока и народов Кавказа.

В 40-х годах XVIII века на Тереке шла оживленная меновая торговля чеченцев, ингушей и горцев Дагестана с казаками. Кизлярские купцы держали в своих руках торговлю России с Закавказьем и Персией. Активное участие в торговле принимали также проживающие в Кизляре индийские купцы, имевшие в нем свою колонию, возникшую здесь сразу же после основания Кизляра и просуществовавшую до начала XIX века.

Российское правительство, преследуя интересы укрепления государства, защиты его южных рубежей и утверждения на Кавказе принимало всевозможные меры также по регламентированию торговой деятельности.

А в 1755 году в Кизляре, как пограничном городе, была учреждена пограничная таможня. На внутренние рынки России из Кизляра к середине XIX века вывозились товары местного производства и из соседей Ставропольской губернии.

Для народов Северо-Восточного Кавказа Кизляр со времени его основания имел исключительное значение не только как политический и

экономический, но и как культурный центр региона. Его по достоинству называли «русской столицей на Кавказе», а всю огромную территорию, включающую северную часть современной Республики Дагестан, Чечню, Ингушетию, Кабарду и часть Северной Осетии - «Кизлярским краем».

С основанием города, сюда, в надежде на покровительство русских властей бежали представители зависимых категорий местного населения. При условии принятия ими христианства, их не возвращали феодалам. А принимали на царскую службу, зачисляя на казенное довольствие, разрешая селиться в отдельных кварталах, заводить хозяйство. Это обстоятельство привлекло угнетенных горцев к Кизляру.

В Кизляре возникли самые первые русские школы в регионе, не говоря о той школе, которая существовала в старом Кизляре. Открывались и частные школы для обучения письму и чтению детей купечества и горожан. Помимо гарнизонной школы для солдатских детей - имелась в Солдатской слободе и школа кантонистов, где готовили будущих солдат царской армии.

При Кизлярском монастыре и Осетинской комиссии существовала особая школа, кстати, первая русская школа для нерусских на Северном Кавказе, в которой обучались и дети из числа аманатов (заложников), выходцев из большинства горских народов края. Дети состоятельных мусульманских жителей Кизляра обучались в небольших школах - медресе при мечетях. Впервые в России в Кизляре было открыто и училище шелководства.

Кизляр со дня своего основания был призван стать и религиозным центром России на Кавказе, продолжая традиции Терки. Из Кизляра предпринимались попытки пропаганды и распространения среди кавказских горцев христианства.

В XVIII - первой половине XIX века Кизляр являлся своеобразной базой для научных экспедиций Российской Академии наук и отдельных ее сотрудников.

Помимо русских и представителей различных народностей Северо-Восточного Кавказа в городе образуются национальные общины армян, грузин, казанских татар, таджиков, евреев и др. народов. Вместе с увеличением численности жителей усложнялась и структура населения города. Однако неоднородность населения Кизляра практически никогда не оборачивалась межнациональным противостоянием. Со временем город стал крупнейшим культурным и религиозным центром региона, где мирно уживались различные религии и верования (в частности: православные, католики, мусульмане, староверы, буддисты и ламаисты).

Кизлярский регион оказался уникален тем, что здесь проявилась такая культура общения народов, при которой они могли свободно, мирно сосуществовать, сохраняя свои традиции и, живя в то же время вместе как один народ.

Вышеприведенный материал приводит нас к следующему выводу: Кизляр в XVIII - первой половине XIX века - важный культурный и экономический центр народов Северо-Восточного Кавказа. В едином эконо-

мическом пространстве под мощным воздействием русской культуры в этнически неоднородной среде Кизляра складывались многообразной формы сотрудничества и добрососедства, формировались общие интересы и потребности, объединявшие представителей, казалось бы, совершенно разных культур и вероисповеданий

Д.С. Дударев (Армавир)

**ТЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А.А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО:
«АММАЛАТ-БЕК» И «МУЛЛА-НУР»**

А.А. Бестужев-Марлинский являлся декабристом, наиболее полно отразившим кавказские реалии второй четверти XIX века в своем литературном творчестве. Он был искренним сторонником глубокого и заинтересованного понимания жителей Востока и Кавказа и их культуры.

Опыт понимания северокавказской действительности, лежавший у истоков формирования толерантных отношений этносов Северного Кавказа с русским и другими народами России, он выразил в своем литературном творчестве, где центральным моментом выступают два произведения: «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур». Указанные произведения как никакие другие отражали на взглядах российского общества на кавказские реалии. Прямым следствием их влияния можно привести тот факт, что воспитанники кадетских корпусов, начитавшись этих книг, рвались служить на Кавказ, а в свою очередь «горцы, которые обучались в российских учебных заведениях, всячески подделывались под Аммалат-Беков» [5, с. 64].

Александр Бестужев считал вопрос проникновения Кавказа в культурное поле России делом времени. Его идеал воздействия на «хищных горцев» был ярко описан в приведенных выше произведениях. В первом рассказе горец, попавший в плен к ненавистным ему русским и с большим трудом, как казалось, перевоспитанный путем культурного влияния полковником Верховским, восклицает: «Русские меня победили!... С этой поры я верный слуга русскому царю, верный друг русским, душой и саблею» [1, с. 479]. Сам процесс перевоспитания виделся Марлинским путем приобщения горцев к российской системе образования. Автор тем самым пытался создать образ горца-друга, которым он может стать, при соответствующем культурном подходе.

Схожая тема русско-кавказского взаимодействия присутствует и в были «Мулла-Нур», где благодаря доверительному отношению русского коменданта к жителю Дербента Искандер-беку и последующей помощи ему в расследовании судебного дела, в горце раскрываются лучшие чувства по отношению к русским. «Искандер-бек так же пылко привязался к русским, как прежде не любил их от глубины сердца» [1, с. 479].

Также в произведениях декабриста прослеживается идея склонности к миролюбию среди горцев. Так, героиня рассказа «Аммалат-бек» Селтанета - дочь хана, услышав известие о готовящемся новом набеге, восклицает: «Алла - произнесла она с горестию, - опять набегу, опять убийства! Когда-то перестанет литься кровь на угориях?» [2, с. 37]. И в то же самое время, писатель отвечает ей на это вопрос словами другого персонажа из его рассказа – хана Ахмета: «Когда горные потоки потекут молоком, а сахарный тростник заколышется на снежных вершинах» [2, с. 37]. Тем самым очерчивается круг недоброжелателей России, в котором воинствующие элементы занимали главное место.

С помощью этих произведений, имевших большую популярность в России, Александр Марлинский хотел распространить идею культурной колонизации Кавказа. Тем не менее, он понимал, что этот процесс будет чрезвычайно трудным: иллюзорна попытка Верховского коренного перевоспитания Аммалат-бека и превращения его в «премилого татарина» [3, с. 36]. Разгадать натуру горца, в которой полковник понял многое, но понял далеко не до конца, оказалось невозможно для русского офицера, что приводит к трагическому финалу. Именно так, находясь в полярных обстоятельствах, экстремальных условиях, «вырванности» из своей среды, нередко и происходило знакомство представителей России и Кавказа. Дальнейшая история взаимоотношений между горцами и русскими была сложной, трудной, порой противоречивой, но наполненной, в то же время, яркой и позитивной, в целом, динамикой, приведшей к тому, что горские народы прочно вошли в политическое, экономическое, культурное поле России, стали неотъемлемой частью процессов формирования «российскости» [4, с. 466-518].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бестужев-Марлинский А.А. // Аммалат – бек. Сочинения. Т. 1. - М.: Худож. лит., 1981.
2. Виноградов В.Б., Люфт. Е.Г. А.А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек» (Часть I). – Москва – Армавир. 2009.
3. Виноградов В.Б., Люфт Е.Г.. Этюды о А.А. Бестужеве- Марлинском на Кавказе. – Москва – Армавир. 2008.
4. Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества (книга-размышление) // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. – М.: Илекса, 2011.
5. Клычкова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864). - Пятигорск, 2006.

А.И. Дудка (Белгород)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

(на примере Курской губернии конца XIX – начала XX в.)

Этническая карта Курской губернии начала активно формироваться в XVI-XVII вв. в процессе вторичной колонизации территории Днепро-Донского междуречья, участниками которой были переселенцы из различных областей Московской Руси, Поднепровья и более удаленных территорий. Его основу составили потоки вольной и государственной русской колонизации, а также свободной украинской, при значительном преобладании служилого населения над всеми остальными категориями, что определялось характером отношений и образом жизни на южнорусских рубежах. Дальнейшее расширение территории российского государства на юг и восток сопровождалось в XVII в. ее хозяйственным и культурным освоением: возникали поселения, вводились в оборот новые земли, происходили социальные изменения: при общем увеличении численности населения росло количество податного крестьянского и ремесленного населения, усиливалось дворянство, но снижалась численность групп служилого населения. Русская и украинская колонизации носили мирный, земледельческий характер. Для региона характерным стало чересполосное русско-украинское расселение, предопределившее целый ряд особенностей материальной и духовной культуры.

В Курской губернии украинские поселения не составляли крупного монолитного массива. Здесь они располагались гнездами либо крупными зигзагообразными полосами в массивах русских поселений, хотя имелось и чересполосное русско-украинское расселение. Г.И. Булгаков, изучавший расселение украинцев в Курской губернии, выделяет три крупные полосы украинских поселений. Две из них проходили по исследуемой территории: Рьльско-Белгородская полоса украинских поселений шла с запада на восток по пограничной линии с Харьковской губернией, по Рьльскому и Суджанскому уездам. Далее полоса украинских поселений поворачивала на север, захватывая волости Грайворонского уезда, Томаровскую волость Белгородского уезда, Пенскую волость Обоянского уезда. Южная часть этой полосы, разорванной вклинившимися волостями с русским населением, проходила по границе с Харьковской губернией, захватывая Борисовскую, Высоковскую, Головчанскую, Грайворонскую волости Грайворонского уезда, Бессоновскую и Толоковскую волости Белгородского уезда. Еще одна полоса украинских поселений шла зигзагом по южным волостям Корочанского и Новооскольского уездов. Среди русского массива существовали волости с преобладающим украинским населением - Кашеевская в Корочанском уезде, Большехаланская и Чернянская – в Новооскольском [3, с. 95]. Почти по всей территории губер-

нии, особенно в ее южной половине, были и более мелкие украинские вкрапления, состоявшие из одного, двух или нескольких поселений. В процессе хозяйственно-культурного освоения земель возникало немало смешанных русско-украинских поселений. Таким образом, чересполосное расселение великорусской и украинской групп выступает в качестве одной из характерных особенностей развития этнопроцессов, повлиявшей на развитие материальной и социальной культуры края.

Процессы взаимодействия в различных сферах жизни сильнее были выражены в районах дисперсного расселения русских и украинцев, особенно в национально-смешанных селах. Они усилились под воздействием изменений в социально-экономической сфере и привели к разрушению замкнутости быта, нивелировке многих культурно-бытовых особенностей и появлению общих черт культуры. Подобные явления происходили сложно и неоднозначно в отдельных районах, поэтому и сведения краеведов о развитии данных процессов достаточно противоречивы. Так, одни из них подчеркивали бытовую обособленность населения в русских и украинских селах: исследователь крестьянского быта Курской губернии, археолог, этнограф и метеоролог середины XIX в. А. Дмитриюков писал: «Нравы, образ жизни и обычаи у русских и малороссиян различны до мелочей... Сама мелодия песен, поговорки, пословицы... сохи, бороны... овинная молотба, посев хлеба, хранение его., покрой платья и обуви, головные уборы, формы повозок, ульев, выделывание овчин и пр.- все у русских имеет свои особенности. Малороссы в избах и во всем любят чистоту, склонны более к скотоводству и ремеслам, нежели к хлебопашеству...» [4, с. 137]. Другие обращали внимание на иные особенности: украинские исследователи А. Павловский и Г.Ф. Квитка главными достоинствами малороссиян и русских называли гостеприимство, хлебосољство и благотворительность [1, с. 83].

Для крестьянства степень благосостояния определялась количеством и качеством земли, от чего зависела и рождаемость. Черноземы Оскольско-Донецкого междуречья отличались плодородием, поэтому ценились высоко. Реформа 1861 г. не решила вопрос малоземелья, отход населения на заработки усилился. Общая географическая среда, а также синтез социально-этнических и культурных факторов (недостаток земли; рост общественного разделения труда; развитие товарно-денежных отношений; близость сырьевого материала и рынков сбыта и др.) создавали условия для развития определенных занятий, часть которых стала промысловой культурой края. Она имела большое сходство у русских и украинцев, но промысловая деятельность в большей степени была развита в украинских селах.

Обращение к материалам «Сборника сведений по Курской губернии в Корочанском уезде» за 1888 г. позволяет детализировать сложившуюся ситуацию: из 1192 кустарей большинство занимались промыслами «последствие того положения, в которое поставлены крестьяне - недостаточного размера своего надела». В этом же документе приводятся сведения о

разрядах крестьян занимающихся промыслами: наделные хозяйства с промыслами - 95%; дарственных - 75,1%; государственно-душевых - 76,3%; четвертных - 62,1%; душево-четвертных - 60,2%; собственников - 83% [15, с. 83]. Как видно, больше всего занимались промыслами безнаделные крестьяне и собственники. Первые совсем не имели земли и потому находили в промыслах единственный источник существования; вторые пользовались недостаточным наделом сравнительно с другими разрядами и также больше других вынуждены были заниматься промысловой деятельностью. До некоторой степени противоречивым кажется то обстоятельство, что дарственники, обеспеченные землей меньше собственников, по степени участия в промыслах стояли ниже государственно-душевых крестьян. Но это кажущееся противоречие объясняется тем, что дарственники в рассматриваемом уезде составляли небольшую группу и находились в лучших условиях в отношении аренды земли, могли расширять свою запашку, поэтому не прибегали к неземледельческим занятиям.

В XIX - начале XX вв. национальная обособленность сильнее была выражена в тех случаях, когда русские и украинцы жили более или менее компактно, в отдельных селах, которые в прошлом представляли определенное хозяйственно-административное и социальное целое (общинные связи, взаимопомощь и др.) Как русские, так и украинцы обрели специфические черты характера. Слобожане, название которых в XIX столетии становится синонимом украинцев, обособлено жили даже в русской среде, на что обращает внимание харьковский историк XIX века Н.Ф. Сумцов: «Отношение между украинцами и великороссами - деловые, в общем, холодные. Села живут рядом, местами даже улицы рядом; но у каждого - особый язык, особая одежда, отсутствие общих гулянок; браки совершаются только в кругу соплеменников» [16, с. 4]. На это указывали многие исследователи, в том числе и Д.И. Багалеи: «Взаимодействие и модификация великорусов и малорусов были незначительны в пределах Слободской Украины, потому что жили они в разных селениях и редко смешивались друг с другом путем браков» [2, с. 204].

Однако, несмотря на имевшиеся этнокультурные различия отношения между населением близко расположенных русских и украинских сел были дружественными: русские и украинцы ходили друг к другу в гости на престольные праздники, русские и украинские села относились к одним церковным приходам; на ярмарки и базары съезжалось население всех окрестных русских и украинских сел. Мелкие ремесленники - портные, кожевники, валяльщики сукон, гончары, плотники и прочие - работали и в русских, и в украинских селах. Все это, естественно, не могло не содействовать этнокультурному сближению населения.

В конце XIX века основная масса всех жителей губернии - 2149485 человек - была зарегистрирована в сельской местности, только 9,34 % всех курян относились к городским жителям, поэтому в целом о населении гу-

бернии можно говорить как о преимущественно крестьянском, а об основном занятии - сельскохозяйственном труде [См. 14].

По материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. можно видеть отличия по национальному признаку в занятиях. Украинцы по сравнению с великорусами в основной своей массе основной доход имели за счет сельского хозяйства. На 2,32 % больше великорусов украинское население занималось обрабатывающими видами деятельности. Из неземледельческих профессий самостоятельных хозяев среди украинцев наиболее были распространены: изготовление одежды и обуви, обработка дерева, торговля продуктами сельского хозяйства. В Белгородском, Грайворонском и Корочанском уездах доля украинского населения составляла от 21,2 до 58,9% [Подсчитано по: 14]. Население получало доходы от обработки волокнистых веществ, животных продуктов, металлов, дерева и минеральных веществ (от производства керамики).

В Грайворонском уезде малороссы преобладали по численности среди кустарей, занимавшихся промыслами во всех пяти видах обработки; в Корочанском – в обработке дерева и керамики; в Белгородском – в обработке животных продуктов и керамики. Таким образом, мы видим, что украинцы активно занимались обработкой дерева, минеральных веществ (керамика) и животных продуктов. Самостоятельное хозяйство или занятие имели 90637 украинцев, или 17,17 % и 14556 украинок, или 2,76 % всего украинского населения губернии. Не все промыслы были распространены в крае в равной мере. Широкое развитие получили занятия гончарным и деревообрабатывающим делом, обработкой дерева, продуктов животноводства, добыча и переработка мела, глины, меньше - кожевенно-сапожным.

В 1900 г. кустарными промыслами, по сведениям уездных исправников, было занято 19 775 человек, которые заработали 1243 тысячи рублей. Если сравнивать с данными за предыдущий год, то число кустарей увеличилось на 4853 человека, а общая сумма заработка выросла почти на 50 %, что свидетельствует о росте кустарного производства [10, с. 3-4].

Однако уже в 1901 г. проявила себя тенденция к сокращению числа кустарей, занятых в производстве изделий из дерева, в гончарном, ткацком, ковровом деле и некоторых других [8, с. 212]. При сохранении в неизменном виде технических и экономических условий, кустарное производство в Курской губернии в начале XX в. утрачивало прежнее значение: превращалось в домашнее занятие или приобретало товарный характер. Тем не менее, и в таком положении кустарная промышленность служила значительным подспорьем земледельческому хозяйству в губернии [11, с. 15].

В 1904 г. кустарей было 23803 человек, сумма их заработка составляла до 1542 тысяч рублей [12, с. 24]. Из числа всего населения имели промысловые занятия 7,69 % населения (в том числе - мужчин 10,03 % и 5,47 % женщин). То есть, на тысячу мужчин-промысловиков приходилось пятьсот семьдесят три женщины [7, с. XVII].

В 1906 г. в кустарной промышленности, в ее экономических и технических условиях не было изменений. «Промыслы, за исключением немногих производств, не оказывают заметного влияния на экономический строй сельского населения губерний, служат для него лишь подсобным занятием при земледельческом труде, то есть не дающим достаточно средств для существования, и не отрывающим крестьянина от земли» [13, с.27]. В дпнных за тот же год в Курской губернии кустарей было 28 199 человек, общий заработок их составил 1934 тысячи рублей. В сравнении с 1905 г. количество кустарей снизилось, и общая сумма заработка уменьшилась на 142 тысячи рублей [9, с. 20]. К началу XX века количество кустарей начало постепенно уменьшаться.

Как показывает анализ документов и литературы, развитию кустарных промыслов во второй половине XIX в. способствовали отсутствие благоприятных условий для занятий сельским хозяйством, сохранение элементов натурального хозяйства в крестьянских подворьях (самообеспечение необходимой утварью, продажа изделий кустарного производства и мн. др.) В начале XX века наблюдается известный спад кустарной промышленности в результате сокращения площади лесов, истощения глинищ, понижения производительности скотоводства, роста конкуренции со стороны крупной капиталистической промышленности, а также усиления отхода на дальние заработки [5, с. 15].

В 60-90-е годы XIX в., после отмены крепостного права под влиянием активизации экономических, демографических и миграционных процессов постепенно стала меняться социальная структура населения. При общем росте его численности увеличивалась доля городского населения и уменьшалась доля сельского: с 1863 по 1914 г. все население России увеличилось на 260%, а городское - на 350% [5, с. 15]. В течение XIX в. историко-этническая территория русских уплотнилась как за счет естественно-прироста населения, так и за счет внутренних перемещений при освоении новых пространств.

Во второй трети XIX века исследуемая территория была одной из самых густонаселенных в европейской части страны. Это породило многие проблемы в сфере сельского хозяйства, самой серьезной из которых было малоземелье крестьян государственной деревни. Переселение государственных крестьян из центральных губерний на пустующие земли стало одной из важных составляющих политики правительства по отношению к государственным крестьянам. География переселения была достаточно обширной. В основном государственные крестьяне переселялись в Иркутскую, Оренбургскую, Ставропольскую, Астраханскую, Херсонскую, Саратовскую и Самарскую губернии. Особенностью динамики переселенческого движения в Курской губернии было то, что в 1860 годы рост числа переселенцев по сравнению с предыдущим десятилетием был незначитель-

ным. Перелом наступил только в середине 1870-х годов. С этого времени переселение начинает приобретать массовый характер.

Главным направлением первого периода переселенческого движения курских крестьян было Предкавказье. Большинство переселенцев в этот район уходило на Кубань, остальные - в Ставропольскую губернию и Терскую область. По неполным данным в 1861-1885 годах из 13 уездов Курской губернии туда переселилось 4845 семей, или почти 21 тыс. человек [14, с. 207]. Доказательством того, что во второй половине XIX в. в земледельческом переселении на окраины России участвовало, главным образом, среднее крестьянство, издавна считается выражение «богатым - незачем, бедным - не за что». Большинство курских переселенцев основная часть денежных средств, взятых с собою в дорогу, была получена от продажи надельной земли.

Постоянным спутником земледельческого переселения, крестьян Курской губернии были обратные переселенцы. Если первое время после реформы 1861 г. их число в целом было незначительно, то с конца 1870 гг. обратная миграция принимает массовый характер. С этого времени на родину стал возвращаться примерно каждый десятый переселенец. В конце 1870-1880-е гг. преобладали обратные переселенцы с земледельческих окраин России, в 1890-е гг. - из Сибири, откуда нередко возвращалось до тысячи и более человек ежегодно [см. 14].

Изучение проблемы влияния миграций на формирование хозяйственно-культурных особенностей Курской губернии показывает, что на протяжении XVII – начала XX в. продолжались сложные процессы, для протекания которых характерно было взаимодействие и взаимопроникновение различных этнополюсов. Сохранение хозяйственно-культурной специфики этнических групп русского и украинского населения сопровождалось одновременно их языковым сближением, известной нивелировкой бытовых и прочих различий, сохранявших важное значение для каждого этноса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аксенова Н.В. Слобожанщина: проблема определения этнической идентичности // Вестник госкомнацмиграции Украины. – 2002. - №3.
2. Багалея Д.И. Очерки из русской истории. – Харьков, 1913.
3. Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып. 1. - Курск, 1925.
4. Дмитриюков А. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде // Московский телеграф. - 1831. - Ч. 39. - № 9.
5. Естественные и производительные силы Курской губернии и экономическая деятельность населения. - Курск, 1912.
6. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX в.- М., 1998.
7. Курская губерния. - СПб., 1904.

8. Курский сборник с путеводителем по городу и планом города. Вып. I. – Курск, 1901.
9. Курский сборник. Вып. 5. - Курск, 1902.
10. Обзор Курской губернии за 1900 год. – Курск, 1902.
11. Обзор Курской губернии за 1902 год. - Курск, 1903.
12. Обзор Курской губернии за 1904 год. - Курск, 1905.
13. Обзор Курской губернии за 1906 год. - Курск, 1907.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XX: Курская губерния. - СПб., 1904.
15. Сборник сведений по Курской губернии в Корочанском уезде за 1888 г. – Курск, 1889.
16. Сумцов Н.Ф. Этнографические заметки. – М., 1889.

Ф.Р. Дудуева (Нальчик)

ОСНОВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ У АДЫГОВ И БАЛКАРЦЕВ

Толерантность во все времена считалась человеческой добродетелью. Она подразумевала терпимость к различиям среди людей, умение жить, не мешая другим, способность иметь права и свободы, не нарушая прав и свобод других. Толерантность является одной из форм проявления адыгской культуры. Определяя понятие толерантности, обычно отмечают, что оно включает в себя сдержанность, терпимость, умение прощать. Действительно, толерантность является особой формой мировосприятия, самообладания и самоконтроля, позволяющей, не предаваясь эмоциям, разумно оценивая ситуацию и сохраняя спокойствие, противостоять недружелюбным, раздражающим, возмущающим, а порой даже оскорбительным действиям и поступкам.

Необходимо отметить, что толерантность как проявление терпимости занимает одно из ведущих мест в уникальном этикете кавказских народов (таулу намыс - у балкарцев и карачаевцев; адыгэ хабзэ - у кабардинцев, адыгейцев, черкесов). В народной мудрости она понимается, с одной стороны, как ненасилие по отношению к другим, а с другой - как бы «насилие» над собой, поскольку умение сдерживать себя, подавлять раздражение и гнев требует иногда проявления сильной воли. Например, человека сдержанного, обладающего терпимостью, балкарцы и карачаевцы называют басымлы адам, то есть "сдержанный, терпеливый, степенный человек" (дословно: человек, обладающий способностью давить, сжимать (себя)). Понятие толерантности в системе этнокультурных ценностей тесно связано с понятием "добра", которое трактуется как проявление сдержанности, терпимого отношения к другим: "сделаешь добро - получишь добро", "сделав другому зло не жди от него добра", "сделанное добро не пропадает".

Б.Х. Бгажноков рассматривает толерантность как проявление муже-

ства, прежде всего как способность в гневе победить свой язык, проявить выдержку, в любой ситуации не терять самообладания, оставаться спокойным, почтительным, даже кротким. В адыгской культурной традиции принцип толерантности - мужественная доброта и большая внутренняя культура, лежащая в основе этической рациональности мира.

Адыги приучают к толерантности с детства. Разъясняя смысл этого понятия, говорят: «Сдержанность делает человека счастливым, вспыльчивость - несчастным».

Европейцы, посещавшие Черкессию, с удивлением обнаруживали эту черту адыгского национального характера: «В стране, где ружье, пистолет и кинжал составляют неотъемлемую часть национального костюма каждого мужчины, сознающего всю гордость и независимость, которыми оружие призвано его облекать, - пишет Лонгворт, - понимание общественной ответственности таково, что оно порождает умиротворяющее воздействие. Ни в какой другой стране мира манера поведения людей не является столь же спокойной и достойной».

И в наши дни, как считает современный исследователь Б. Х. Бгажноков, традиционная терпимость, уступчивость и сдержанность служат залогом мира и стабильности в адыгском обществе и в целом в регионе Центрального и Западного Кавказа. В системе этнокультурных ценностей народов Кавказа залогом сохранения равновесия, гармонии становится соблюдение принятых норм во всем - в действиях, поступках и т.д.

В общественном сознании существует образ кавказской женщины с «платком мира», которая прекращает ссоры, кровопролитие. И она действительно способна это сделать. Проблема толерантности возникает тогда, когда члены общества начинают «видеть» свою универсальную сущность. В зависимости от доминирующего в государстве общественного сознания складываются и различные типы толерантности, в том числе и социокультурный. Он как никакой другой отражает этническую толерантность, т. е. принятие людей с другим антропологическим обликом, цветом кожи, культурой. Это целый комплекс проблем, требующих специальных исследований и решений на уровне государственных и неправительственных организаций.

Наиболее ярко выражается нетерпимость в современном обществе. Возвеличивание собственной культуры, восприятие своего стиля поведения как единственно возможного, правильного, противоречит самой природе и идее толерантности, а также основному тезису современной общественной этики - тезису о равенстве людей независимо от этнокультурной принадлежности, религиозных убеждений. Афористическое творчество народов Кавказа изобилует примерами, подтверждающими данную аксиому: "даже пальцы неодинаковы на руке", "в каждой деревне по-своему режут барана". Одновременно признание толерантности в более широком смысле является эффективной борьбой с дискриминацией, основанной на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения. Сегодня становит-

ся очевидным, что мир и согласие в многонациональном и поликультурном обществе могут быть достигнуты и сохранены не с помощью силы и оружия, а путем налаживания взаимоотношений между людьми на основе этических, нравственных и культурных законов.

Конечно, проблемы межэтнических отношений есть во всех странах. Но дело в том, что там есть специальные курсы, государственные проводимые общественными объединениями, для того, чтобы снимать эти конфликтные ситуации.

Трудно переоценить роль истории как мировоззренческой дисциплины, обладающей огромным воспитательным потенциалом. В воспитательной работе со студентами Кабардино-Балкарского университета важное место отводится их ознакомлению с традициями, обычаями, культурой, ментальностью народов КБР, в том числе адыгского. Такая система способствует воспитанию студентов в духе патриотизма, гуманизма, толерантности.

Проанализированный нами материал из богатого фонда народов Северного Кавказа дает основание утверждать, что для такого полиэтнического региона, как Кавказ, характерен не культурный плюрализм, а "единая в существенных чертах культура" [1, с. 9]. Поэтому в преодолении возникающих конфликтов, носящих не межкультурный, а межэтнический характер использование единого позитивного духовного опыта предшествующих поколений сыграет значительную роль и даст положительные результаты в поликультурном обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949.
2. Пшемурзов В.Х. Толерантность как важнейшая черта адыгской ментальности. – Нальчик, 2004.
3. Хубиев Б.Б., Кильберг-Шахзадова Н.В., Шогенов З.А., Вислова А.Д., Шанибов А.М. Толерантность в обществе и семье. – Нальчик, 2003.

О.Б. Емельянов (Георгиевск)

ТОРГОВЛЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА ТЕРСКИХ БЕРЕГАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Несколько десятилетий основными потребителями товаров из-за Терека выступали казаки Восточного Предкавказья, приобретающие для обмена продукцию российских предприятий и сбывавшие излишки собственных товаров. Торговля между казачьими общинами и соседними народами велась беспроцентная, при этом станичники посещали аулы, а «горцы свободно ездили за Терек». Жители левобережья сбывали соль, рыбу, ик-

ру, тюлений жир, а взамен получали мед, воск, хлебопродукты, домотканую одежду [4, с. 177].

В начале XIX в. казачество по-прежнему оставалось главным торговым партнером горцев, так как расстояние до станиц было значительно ближе, чем до экономического центра края Кизляра, а также являлись заинтересованной стороной в этой торговле и, помимо того, что имели средства переправы через Терек, всячески помогали затеречным кунакам избежать уплаты пошлины. Не зря начальник Моздокской пограничной заставы докладывал о невозможности введения полного контроля за ввозимыми и вывозимыми товарами [18, с. 242]. Только равнинные чеченцы и ингуши ежегодно «отправляли от сорока до ста арб с зерном и ремесленными изделиями для обмена и покупки рыбы, соли и русских фабрично-заводских изделий» [25, с. 56]. Контрабандная торговля расцветала пышным цветом по всему Северному Кавказу. Поэтому в 1801 г. в Астрахань пришло распоряжение, по которому предписывалось запретить казачеству и всем российским подданным, живущим на границе, вести «в непозволенных местах мены с киргизцами и другими народами» [20, л. 2].

Кавказская администрация все более понимала значение мирных, взаимовыгодных отношений с горскими народами. В рапорте генерала И.П. Дельпоцо командующему на Кавказе А.П. Тормасову прямо указывалось, что горцы «гораздо более имеют желание привозить свои продукты в наши границы и продавать оные по сходным ценам самим, да и с нашей стороны гораздо выгоднее оные покупать из первых рук, нежели от перекупщиков» [1, с. 834]. Сенат со своей стороны в начале XIX в. предпринимал шаги к разрядке обстановки на южных рубежах. С этой целью в июле 1810 г. Комитет министров принял решение «приступить к меновому торгу с горцами». И уже 29 января 1811 г. генерал Н.И. Ведеревский предложил открыть меновой торг в трех местах, в том числе «при р. Терек в станице Новогладовской» [1, с. 79, 836]. Но станица находилась в отдалении от большинства аулов, поэтому верх взяло другое мнение. Еще в 1807 г. генерал Ушаков сообщал, что жители карабулакских (одна из ветвей вайнахских народов) и других деревень «почти всякий день во множестве приезжают к Науру - с убедительной просьбой дозволить им иметь через оный свободный въезд внутрь кордона, дабы... с жителями Линии познакомясь коротче посредством куначества имели бы средства сбывать своих изделий разные вещи и доставлять себе необходимо нужные с нашей стороны» [23, с. 159].

В марте 1811 г. Александру I доложили, что над шестью предполагаемыми к открытию меновыми дворами необходимо «определить инспектора, который должен объезжать оные разведовать соблюдаются ли при меновых дворах должный порядок, смотреть за приставами». Также императора уведомили о выделении 1300 руб. для построения менового двора и карантинной заставы [21, лл. 89 об., 91]. Одновременно с Наурским для торговли с чеченцами открылся меновой двор на Лашуринском посту, на

постройку которого затратили 500 руб. [1, с. 926]. В дальнейшем, новые меновые дворы появились в Кизляре и в станице Червлённой [9, с. 98]. Но казаки и их правобережные соседи продолжали торговлю вопреки всем правительственным распоряжениям.

Особенным спросом пользовались клинки, изготовленные горскими мастерами, владевшими секретами закалки стали [11, с. 79]. Шашки и кинжалы из чеченского аула Старые Атаги, отличались такой заслуженной славой, что о них упоминалось в старинных песнях. Не меньшим уважением пользовалось и длинноствольное огнестрельное оружие дагестанских мастеров [3, с. 62]. И, по мнению американского исследователя Т.М. Баррета вплоть до середины XIX в. терские казаки, в основном были вооружены оружием горского производства [5, р. 240]. В последующие годы торговый оборот между соседями продолжал увеличиваться, но в основном, носил меновой характер. Станичники, как и прежде, поставляли за Терек соль, рыбу, икру, продукты и др., а взамен получали чекмени, бурки, башлыки, арбы и колеса к ним [14, с. 51]. Помимо приобретения лошадей кабардинской породы, казаки ценили легкие и удобные седла, поэтому и предпочитали их приобретать. Не случайно, «седелечко черкесское», также неоднократно упоминается в казачьих песнях [10, с. 204].

Помимо продолжающегося развития стихийных торговых отношений, недалеко от станицы Наурской еще при генерале А.П.Ермолове «был учрежден так называемый рыночный пост, где производилась торговля скотом, сельскохозяйственными продуктами и т.п.» [15, с. 129]. Опыт оказался вполне удачным, так как в этот район стекались со своими товарами не только горцы, но и представители кочевых народов. В 1827 г. [13, с. 30] или по другим данным в 1826 г. в станице Наурской была открыта ежегодная ярмарка Рождества Богородицы, проводившаяся ежегодно с 8 по 15 сентября [26, л. 14 об.].

Несмотря на многочисленные усилия российской администрации упорядочить торговые отношения с горскими народами, контрабандная торговля через Терек продолжалась. В конце 20-х годов дворянский заседатель Кизлярского окружного суда сообщал, что в Щедринской существовали два парома, используемые казаками, горцами и армянами для беспошлинной торговли. И почти каждый день из затеречных аулов чеченцами привозились для продажи на станичном базаре: куры, коровье масло, яйца, сыр, лес, доски, таркалы, вилы, лопаты, каюки, весла, скамьи, кадушки и др. [12, с. 65]. Из перечисленных товаров, не последнее место занимали разнообразные изделия из дерева. По авторитетному мнению А.П. Берже, одной из важнейших отраслей хозяйства мирных чеченцев, живущих по Сунже и Тереку, являлась продажа древесины. До 1840 г. они ежегодно сплавляли по рекам сотни плотов леса, предназначенного для продажи, в том числе и в станицах. Помимо этого, ежегодно поставлялось

несколько тысяч арб таркалов, использующихся в виноградных садах, а также обручей и бочарных досок [6, с. 70-71].

В 30-х годах XIX в. поступательный процесс частично прерывается из-за обострения военно-политической ситуации. В секретном приказе от 23 февраля 1831 г. «О мерах к недопущению продажи горским народам серы, селитры, кремния, свинцу и пороху» говорилось, что «затеречные горские народы... не могли бы существовать без наших провинций, все они продолжают от нас солью, не имея своих: ни льна, ни бумаги, ни шелку, получают от нас половину своей одежды, нанимаются в разные работы в наших провинциях, и продают или выменивают у нас свои произведения на хлеб, которого у многих народов в горах весьма недостаточно» [22, лл. 3-3 об.]. Но вопреки трудностям военного времени торговля между соседями не прекращалась. И здесь важную роль сыграла Наурская ярмарка, которая за десятилетие своего существования превратилась в своеобразный торговый центр среднего Притеречья [17, с. 59-60]. В 1837 г. ее посетило 6500 человек, и было продано товаров на сумму 39027 руб. Чеченцы торговали так называемыми «азиатскими товарами», из которых черкесок и чекменей продали на 1135 руб., шаровар, башлыков, бурок на 887 руб., а также на 122 руб. леса, итого на сумму 2144 руб. [24, с. 224-225].

Несомненный интерес представляет «Ведомость о торговых сношениях с горцами Кавказской линии» по Червлёнской и Наурской карантинным заставам за 1841-1845 года. В течение трех лет количество привозимых товаров в Червлённую неуклонно возрастало. В 1844-1845 годах происходит некоторый спад, что связано в первую очередь с активизацией военных действий. Зато количество вывозимых товаров каждый год возрастало, причем в течение трех лет более чем в десять раз по сравнению с привозными. В Наурской наблюдалась иная ситуация. Здесь горцы ежегодно продавали товаров на большую сумму, чем приобретали [2, с. 572]. Также горцы пользовались станичными лавками, в которых покупали необходимые предметы. Есть сведения о приезде для торговли в станицы Терского левобережья помимо вайнахов, также и кумыков, жителей западного Дагестана [19, с. 232].

В 1846 г. заведование Червлёнским меновым двором было поручено комиссару Крестинскому, которому предписывалось точно выполнять предписания правительства. Целью менового пункта являлось сближение с горцами «через взаимные выгоды миролюбивых отношений». Причем цена соли по всей Кавказской линии определялась «ныне существующая, то есть горцам по 28 коп., а другим покупателям по 52 коп. серебром за пуд». При этом указывалось, «от горцев не требовать, как было до сего времени, представления особых билетов от приставов на получение соли, что сопряжено для них с затруднением, а представить им, наволю покупать такое количество, какое каждый из них хочет, лишь бы не передавали ее другим жителям» [7, лл. 1 об.-2 об.]. Это оказало благоприятное влияние на торговлю и в 1845 г. горцы доставили товаров на меновой двор на сумму бо-

лее 31000 руб. (больше только в Кизляр - 70000 руб.) [16]. Кавказская администрация использовала благоприятно рыночную конъюнктуру и в 1847 г., увеличила завоз соли. Так, было «доставлено в Червлёнский меновой двор соли 1492 пуда 20 фунтов» [8, л. 2]. С открытием в 1847 г. первого еженедельного базара в станице Наурской, работающего по четвергам товарооборот между берегами Терека заметно увеличился. И вскоре, по решению главнокомандующего от 16 декабря 1849 г. была учреждена ежегодная ярмарка в станице Николаевской. Торг происходил дважды в год: с 7 по 14 апреля и с 23 по 28 августа [26, лл. 14 об., 20].

Таким образом, длительное время основными торговыми партнерами казаков с Терского левобережья выступали горцы Северного Кавказа. Причем их взаимоотношения были построены на обмене, где главным мерилom стоимости выступала соль. Подобные операции были выгодны обеим сторонам, так как при этом не уплачивалась таможенная пошлина. Правительство, учитывая заинтересованность местных народов в российских товарах, также всемерно стремилось к развитию торговли с соседями, что положительно сказалось на взаимопонимании и укреплении добрососедских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АКАК. - Тифлис, 1870. - Т.IV.
2. АКАК. - Тифлис, 1885. - Т.X.
3. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. - М., 1995.
4. Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев и ингушей с народами Северного Кавказа и России в XVIII веке // Научно-творческое наследие Ф.А.Щербины и современность. - Краснодар, 2004.
5. Barret T.M. Crossing Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossaks // Russian Orient: Imperial Borderland and Peoples, 1700-1917. Bloomington; Indianapolis, 1999.
6. Берже А.П. Чечня и чеченцы (Репр. изд. 1859 года). - Грозный, 1991.
7. Бывший архив Чеченской республики. Ф.231. Оп.1 Д.1.
8. Бывший архив Чеченской республики. Ф.231. Оп.1 Д.2.
9. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. - Махачкала, 1986.
10. Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. За други своя или всё о казачестве. - М., 1993.
11. Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII-начало XX в.). - Грозный, 1986.
12. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой половине XIX вв. - Грозный, 1961.
13. Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. - Грозный, 1965.
14. Гриценко Н.П. Истоки дружбы. - Грозный, 1975.
15. Губанов Г.П. Хуторская жизнь Терской Области // СМОМПК. - Вып.33. - Тифлис, 1904.
16. «Кавказ». - 1847. - № 4.

17. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). - Нальчик, 1962.
18. Омельченко И.Л. Терское казачество. - Владикавказ, 1991.
19. Потто В.А. Кавказская война. - Т.V. - Ставрополь, 1994.
20. РГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Св.171. Д.102.
21. РГВИА. Ф. 414 (ВУА) Д.407. Ч.1.
22. РГВИА. Ф.14719. Оп.1. Д.140.
23. Тотоев В.Ф. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в. - 40-е г. XIX в.) // Известия Северо-Осетинского НИИ. - Т.ХХV. - Орджоникидзе, 1966.
24. Фадеев А.В. Из истории русско-чеченских связей // Вестник МГУ. – 1959. - № 1.
25. Хизриев Х.А. Вопросы становления русско-чечено-ингушского историко-государственного единства // Чечено-Ингушетия в составе России в конце XVIII-середины XIX века. - Грозный, 1989.
26. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1. Д.660.

С.С. Коломойцев (Армавир)

О ВКЛАДЕ НАСЕЛЕНИЯ АДЫГЕЙ, КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И ОСЕТИИ В ПОБЕДУ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Развязывая войну против СССР руководители фашистской Германии недооценили патриотизм советского народа, прочность межнационального единства страны и боеспособность Советских Вооруженных Сил. Великая Отечественная война с первого же дня приняла всенародный характер. Несмотря на все допущенные ошибки и просчеты, Советские Вооруженные Силы и весь народ смогли, в конечном счете, преодолеть все тяготы войны и добиться победы над хорошо вооруженной и сильной армией противника [2].

Народная инициатива по оказанию помощи фронту охватывала все слои населения и в Адыгее. Фонд обороны с каждым днем возрастал. Уже к июню 1942 г. в него поступило 40 млн. рублей в старом исчислении. Так, воодушевленные победами Красной Армии в 1944 г. колхозники Тахтамукаевского района Адыгеи досрочно сдали «военный» налог более миллиона рублей, т.е. 70 % к плану. Кроме того, в порядке добровольных платежей перечислили 6.271 тыс. рублей Лакушевский и Новобжегокаевский сельсоветы - они досрочно полностью собрали и внесли самообложение, военный налог, а также налог с холостяков и бездетных. Свой вклад в победу над фашизмом внесла и интеллигенция Адыгеи.

Около 15 тысяч фронтовиков Адыгеи награждены орденами и медалями, 25-ти присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Среди них Ху-

сен Борежевич АНДРУХАЕВ (1920 – 1941) – первый Герой Советского Союза из адыгов, первый Герой из советских писателей. С 1939 года он служил в рядах Красной Армии. По окончании военно-политического училища в 1941 году Хусен Борежевич был направлен политруком роты в 136-ю стрелковую дивизию. Андрухаев выступил инициатором снайперского движения [6]. 8 ноября 1941 года он погиб в ожесточённых оборонительных боях. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1942 года младшему политруку Хусену Борежевичу Андрухаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён орденом Ленина.

В Осетии с приходом гитлеровцев на Кавказ создалась тяжелая обстановка. В октябре 1942 г. фашисты предприняли обходной маневр. Форсировав Терек и пробившись в направлении Нальчик-Чикола-Дигора, германские войска начали массированное наступление на Алагир и Ардон. 2 ноября 1942 г., прорвав линию обороны севернее с. Дзуарикау, немцы заняли с. Гизель и оказались на подступах к г. Орджоникидзе. Город был переведен на осадное положение. В его предместьях шли ожесточенные бои, в которых с обеих сторон участвовали крупные воинские силы и большое количество техники.

Столица Осетии выстояла. С 6 по 11 ноября 1942 г. войска Левого фланга 9-й армии, авиация 4-й Воздушной армии с участием Северо-Осетинской бригады народного ополчения и партизанских отрядов перешли в контрнаступление. Немецкие части были разгромлены и отброшены на десятки километров. Операция "Эдельвейс" бесславно провалилась [9].

В этих боях прославились отдельные осетинские бойцы. Так, Семен Калаев и его земляк Гобе Габуев, служили в саперной части и строили оборонительные сооружения в районе города Прохладный. Кстати, редкий во время войны случай: Семен Калаев и Гобе Габуев не расставались на фронте, воевали вместе и вернулись домой вместе после Победы. Семен был награжден орденом Славы I, II и III степеней. Это орден был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР (от 8 ноября 1943 года, т.е. в самый разгар войны).

Осетин Сергей Коблов, после призыва в Красную Армию в 1941 году, был направлен на курсы командиров звеньев истребительной авиации, после окончания которых проходил службу в 160-м авиационном полку. Его боевой путь начался в августе 1941 года. Свою первую победу С. К. Коблов одержал осенью 1941 года, в одном из первых боевых вылетов, заставив приземлиться немецкого разведчика Ju-88 в расположение наших войск. С 1942 года он воевал в составе 182-го истребительного авиационного полка. В борьбе с группами немецких бомбардировщиков неоднократно, несмотря на сильный заградительный огонь и атаки истребителей противника, атаковал лидеров групп и, как правило, уничтожал их... 12 Февраля 1943 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, Сергею Коблову было присвоено звание Героя Советского Союза [7].

В первых числах января 1943 г. занятые немцами территории Осетии были полностью освобождены. За время фашистской оккупации погибли 1456 мирных граждан, получили ранения 871, были угнаны на принудительные работы 4059 человек. За годы Великой Отечественной войны жители Осетии внесли в фонд обороны 193,5 млн. рублей добровольных пожертвований, отправили на фронт 833,5 тысячи подарков. Только предприятия Орджоникидзе поставили фронту 17 тысяч минометов, 164 тысячи снарядов, 114 тысяч гранат, большое количество авиабомб, противотанковых мин и т.д. 76 уроженцев Осетии были отмечены высшим знаком боевого отличия - званием Героя Советского союза. Дважды это звание присвоено генералу армии И.А.Плиеву и генерал-майору И.И. Фесину. 9 человек стали полными кавалерами Ордена Славы. 50 участников войны удостоились воинских званий генералов и адмиралов [9].

Кабардино-Балкария стала здравницей для солдат кавказского фронта. Крупнейшим из госпиталей, расположенных в этой республике, был эвакогоспиталь №2442, занимавший санаторные корпуса в Долинске. «Для его раненых жители Кабардино-Балкарии передали в дар до 250 кг. сливочного масла, 540 кг. сыра, большое количество мяса птицы, овощей, фруктов, меда, повидла и 9 тыс. руб. деньгами». Помимо этого для раненых в библиотеку госпиталя сдавали книги, журналы, газеты [8].

С июля 1941-го по октябрь 1942 года через эвакогоспитали на территории республики прошло до 60 тыс. раненых и больных Советской Армии. Из них свыше 72% раненых бойцов и офицеров возвратилось в ряды действующей армии. Всего через госпитали Северного Кавказа в годы войны прошло более 1900 тыс. чел., из которых 1240 тыс. человек возвращены в строй. В среднем процент возвращенных в строй составил 61,5%. Для сравнения еще немного статистики. Если в первую мировую войну возвращение в строй после излечения во фронтовых и тыловых эвакогоспиталях не превышало 40-50%, то в годы Великой Отечественной войны эти цифры были более 70% [8].

Михаил Кириллович Рогачев до призыва в Армию работал на Тырныаузском комбинате. За доблесть и мужество в боях с немецкими захватчиками он награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «За оборону Кавказа». Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В деле мобилизации сил на отпор врагу гитлеровским захватчикам внесли свой большой, весомый вклад и представители творческой интеллигенции Кабардино-Балкарии. С первых же дней войны творчество местных писателей и поэтов было подчинено целям борьбы с врагом. Перо приравнялось к штыку. Ушли на фронт: А. Шогенцуков, К. Отаров, А. Кешоков, К. Кулиев, А. Шортанов, О. Этезов, С. Хочуев, М. Кануков, З. Кардангушев, Б.Куашев, М. Геттуев и многие другие [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что население Адыгеи, Осетии и Кабардино-Балкарии не только не сдались врагу несмотря на гитлеровские агитации, но и успешно противостояло ему. Показателен случай, когда Клыч Шаханович Султан-Гирей был брошен немцами для агитирования соотечественников помогать вермахту в борьбе с Россией. Однако при всем враждебном отношении к большевикам Султан-Гирей убеждал своих соплеменников не поддаваться на уговоры гитлеровцев и сохранить верность Родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антонов В.А. Битва за Кавказ. – М., 1999.
2. Гречко А.А. Битва за Кавказ. – Краснодар, 1997.
3. Завьялов А.С. Битва за Кавказ. – М.: Воениздат, 1957.
4. Насибов А.А. За оборону Кавказа. – Краснодар, 1995.
5. Хакимов К.С. Они сражались за Родину. – Краснодар, 1997.
6. <https://adyga-postpredstvo.ru>
7. <https://archivesjournal.ru>
8. <https://militera.lib.ru>
9. <https://rus-osetia.ru>

С.Н. Ктиторov (Армавир)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР И ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОВМЕСТИЧЕСТВА НАРОДОВ КУБАНИ¹

Появление на правобережье Кубани в конце XVIII в. черноморских и линейных казаков привело не только к изменению этнического состава населения региона, но и положило начало установлению разнообразных контактов с представителями местных народов. Развитию взаимоотношений с адыгами, абазинами, ногойцами и карачаевцами способствовал целый ряд факторов: территориальное соседство станиц и аулов; хозяйственно-экономические потребности; стремление многих представителей местных обществ, враждовавших с воинственными соседями, обрести защиту России. Немалое значение в этом двустороннем процессе играли также завязывавшиеся приятельские (куначеские) связи казаков с горцами.

Уже изначально в жизни станичников и их закубанских соседей имелось немало общего. Основу хозяйственной жизни казаков и горцев составляло скотоводство и земледелие; семейные традиции тех и других отличались

---

¹Выполнено в рамках исполнения государственного задания № 6.764.2011. По теме: "Основы этнической толерантности и межкультурного диалога на Кубани". Руководитель - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии Дударев С.Л.

патриархальностью и строились в соответствии со строгой половозрастной иерархией. В ментальности черноморцев и линейцев, также как и у черкесов, приоритетное значение имела воинская культура, культивировалась мужественность, удалство, чувства товарищеского долга и взаимопомощи. Даже в условиях вооруженных столкновений эти качества вызывали у противников взаимное уважение, а порой и восхищение.

Взаимоотношения казаков, русских и украинских крестьян с адыгами, абазинами и другими народами региона протекали сразу в нескольких сферах: хозяйственно-экономической, культурной, военно-политической, эмоционально-психологической и даже приобретали форму не только дружеских, но и кровно-родственных связей.

В конце XVIII – первой половине XIX в. важнейшим видом взаимовыгодных контактов славянского населения с коренными народами Кубани являлась торговля. Существенную роль в расширении таких связей сыграли открывавшиеся в пограничных укреплениях, городах и станицах меновые дворы, базары и ярмарки. Первый меновый двор для торговли с горами был учрежден в Екатеринодаре уже в 1794 г. За ним вскоре появились Редутский, Чернолесский, Бугазский, Магометанский и у Варениковской пристани [1, с. 55-56]. В 1811 г. меновые дворы открываются в крепостях по всей Кавказской линии от Тамани до Кизляра [2, с. 79]. Горцы везли на продажу лес, мед, воск, масло, шерсть, бурки, черкески, конскую упряжь, домашнюю птицу, пригоняли лошадей и скот. На меновых дворах и ярмарках они закупали соль, мануфактуру и галантерею, металлические изделия, посуду, зеркала, земледельческие орудия и другие товары. В торговые отношения вовлекались не отдельные представители, а целые массы закубанцев. Так, на традиционную Троицкую ярмарку, состоявшуюся в Екатеринодаре в мае-июне 1845 г. съехались 7205 «мирных» и 2595 «немирных» горцев, которые привезли почти 5000 арб только одного леса, а кроме того – разнообразный скот и продукты хозяйства [3, с. 598-599]. Меновые дворы, базары и ярмарки становились для народов Кубани своеобразным «окном в Россию», так как здесь происходило знакомство с русским бытом и элементами культуры, завязывались дружеские связи с казаками, крестьянами, офицерами и солдатами. Заинтересованность в выгодах мирных торговых отношений становилась для многих причиной принятия российского подданства.

Еще одно важное направление взаимодействия между казаками и народами Закубанья проявлялось в заимствовании друг у друга элементов материальной культуры. Сначала линейцы, а затем и черноморцы переняли у адыгов комплекс мужской одежды, а также холодное оружие [4, с. 28,43,44]. Лошадей казаки тоже, как правило, закупали у коренных народов. При этом особую ценность имели скакуны из табунов кабардинских и абазинских князей. Горское влияние прослеживалось и в технике возведения турлучных построек в станицах восточных районов Прикубанья. Такой своеобразный этноопределяющий признак, как пища, также свиде-

тельство о культурном сближении славян с местными народами. В рационе казаков большое место стали занимать кисломолочные продукты и баранина, излюбленным блюдом был шашлык, в употребление входят дикорастущие травы и орехи. Многие кубанские казаки, особенно линейцы, хорошо говорили по-черкесски, знали «татарский» язык [5, с. 89-90]. Результатом таких процессов аккультурации стало появление в порубежном регионе русского человека совершенно особого склада, которого М.Ю. Лермонтов называл «настоящим кавказцем».

Немало полезных новшеств взяли у русских и горцы. Бытовая сторона их жизни испытала мощное воздействие переселенцев из России. В аулах появляются дома, крытые железом, с застекленными, обращенными на улицу окнами. Вместо примитивных очагов часто сооружаются русские печи, усложняется внутренняя планировка. В числе покуповавшейся горцами в станицах и городах утвари важное место занял самовар. По-настоящему родной стала для черкесов русская гармошка. В результате контактов с казаками и крестьянами разнообразилась пища горцев. На столе появляются блюда из картофеля, капусты, помидоров и сладкого перца, одним из любимых напитков стал чай [6, с. 551-558]. Особенно интенсивно и масштабно процессы культурного взаимовлияния разворачиваются с 1860-х гг.

Между многими казаками и горцами установились прочные дружеские связи. Почти каждый взрослый мужчина из приграничных станиц имел за Кубанью одного или нескольких кунаков [7, с. 210-211]. Такие отношения нередко приобретали характер настоящего побратимства. Многие представители союзных России обществ адыгов, абазин, карачаевцев и ногайцев непосредственно вступали в ряды казачества.

Даже в период вооруженной борьбы за присоединение кубанских земель к России обычным явлением было установление родственных связей между казаками и представителями народов региона. Казаки брали в жены пленниц-горянок, подобная же ситуация встречалась и в среде черкесов. «Следы подобных брачных союзов, - отмечает современный исследователь О.В.Матвеев, - иногда прослеживаются в антропологическом типе некоторых казаков левобережных станиц, находившихся в непосредственной близости от горских аулов». Свидетельством таких связей являются кавказские по происхождению казачьи фамилии: Черкесов, Кабардинцев, Ногаев и др.

Конечно, не стоит абсолютизировать уровень взаимоотношений кавказцев с русскими переселенцами. Для успешной интеграции необходимо было разрешить комплекс сложнейших проблем. Культурные типы казаков и крестьян с одной стороны и горцев – с другой, были глубоко самобытны и порой резко противоречили друг другу. Многие общества адыгов, абазин и ногайцев веками находились под властью или сильным влиянием таких противников России как Крымское ханство и Османская империя. Работорговля и связанные с ней набеги горцев на станицы и села

правобережной Кубани, ответные акции казаков и царских войск с целью наказания «хищников» - все это создавало преграды на пути сближения.

Причины перехода отдельных групп горцев под покровительство России были противоречивы. Кто-то просто покорялся силе оружия. Значительное число закубанцев были заинтересованы в укреплении торговых связей с русскими. Принимавшие подданство империи представители адыгской знати часто рассчитывали сохранить и укрепить свои привилегии. Рядовые общинники, напротив, видели в России защиту от разорительных княжеских усобиц и от всевластия горской аристократии. Другие преследовали свои личные, порой корыстные интересы. Несмотря на то, что данная присяга нередко нарушалась, тяготение значительной массы горцев к России являлось свидетельством сохраняющейся альтернативы мирного освоения края, способствовало более органичному включению кубанских земель в состав единого государства. Даже вооруженное покорение региона Россией и силовое «замирение» ряда адыгских и абазинских племен являлось ограниченным во времени этапом в длительном процессе вхождения народов Кубани в состав единого государства.

События так называемой «Кавказской войны» были глубоко двойственными по своим последствиям. Если разгоревшиеся с 1830-х гг. в Закубанье военные действия делали одних горцев противниками установления российской власти, то других они подтолкнули к осознанному принятию русского подданства. В таком же ключе следует рассматривать и последствия явления мухаджирства, которое, несмотря на весь трагизм положения переселенцев, не было насильственным изгнанием горцев на чужбину. Большая часть адыгов и горные абазины, поддавшись на агитацию турок и местной знати, ушли под власть султана, другие же согласились переселиться на равнину и обосноваться на берегах Кубани и ее притоков. Горцы, оставшиеся на родине, смогли сохранить свою культуру и идентичность. Вовлекаясь в интеграционные процессы со славянским населением, они стали полноправными членами семьи народов России [8, с. 442-449].

Заметную роль в укреплении отношений сотрудничества и взаимопонимания между народами Кубани и Россией внесли служившие здесь декабристы и первые представители горской интеллигенции. Оторванные от родных семей, в условиях изнурительной военной службы, непосредственно участвуя в сражениях с горцами, декабристы сохраняли высокую духовную культуру, соизмеряя свои поступки с высокими идеалами равенства и справедливости. Некоторые старались заниматься литературным творчеством, собирали и публиковали историко-этнографические сведения о крае, в котором служили.

Служивший в Таманском гарнизонном полку Д.А.Арцыбашев оставил военно-исторические записи с ценнейшими сведениями о черноморских казаках и народах Кубани. Большое место кубанская тематика занимает в литературном творчестве А.А.Бестужева-Марлинского. В своих

произведениях он проявил себя как глубокий знаток жизни и быта коренных народов региона. Декабрист с огромным интересом и уважением относился к культуре горцев, воспринимая их в качестве своих будущих «братьев по просвещению». Говоря о черкесах, А.А.Бестужев отмечал их природную красоту и изящество: «Ступит ли, станет ли он – это модель Аякса или Ахиллеса. Пронизывающий взор, стройный стан, театральная походка – все обнаруживает силу и свободу». А.А.Бестужев, как и великий поэт М.Ю. Лермонтов, были горячими сторонниками более глубокого познания мировоззрения и культуры жителей Востока, под которым они подразумевали и Кавказ. Творчество декабристов, как и передовых российских литераторов того времени, делало народы Кубани более близкими и понятными для русского общества, создавая тем самым основу для будущих интеграционных процессов [9].

Сосланные на Кавказ офицеры поддерживали тесные контакты с горцами. Так, декабрист А.П.Беляев вспоминал, что в начале 1841 г. из станицы Прочноокопской, где он служил, «составилась поездка за Кубань, в один из мирных черкесских аулов... жители его были в кунацких, т.е. дружеских отношениях с русскими». Кроме самого А.П.Беляева в гости к соседям-кунакам отправилась целая группа декабристов: его брат Петр Петрович, М.А.Назимов, Н.А.Загорецкий, М.М.Нарышкин с женой и ряд других лиц. Воспоминания отразили теплое отношение горцев к русским офицерам: «Переехав вброд реку мы пошли к аулу, где нас встретили хозяева с большим почетом. Сейчас вынесли перед саклю низенькие черкесские столики и поставили пропасть кушаний... Пока мы тут угощались, составилась хоровод; девушки, переплетаясь руками, монотонно и плавно качаясь, двигались кругом под звуки музыки. Пробыв часа два, походивши перед аулом и заходя в чистенькие сакли, мы направились домой, поблагодарив хозяев и, конечно, одарив, вероятно щедро, так как Нарышкин был человек богатый, весьма щедрый и великодушный» [10, с. 67].

«Прикосновенный» к декабристскому движению начальник Черноморской береговой линии генерал Н.Н.Раевский выступал настоящим идеологом установления с горцами добрососедских, прежде всего, торговых, связей. Осуждая военные методы завоевания адыгов, он писал: «Одна миролюбивая система в Черкесии может вести к прочному их покорению, - всякая другая, основанная на разорениях и кровопролитии, вредна» [11, с. 115].

Расширившиеся контакты народов Кубани с Россией, и их знакомство с передовой русской культурой стали причиной рождения такого самобытного явления как горское просветительство. Первые представители интеллигенции из среды адыгов, абазин, карачаевцев и ногайцев выступили в роли своеобразного моста, соединявшего их народы с Россией. С одной стороны, они знакомили русскую читающую публику с жизнью народов Кавказа, а с другой – приобщаясь к русской культуре, получая разностороннее образование, они

являлись примером для своих соплеменников, указывая им на правильность выбора в пользу единения с могучим северным соседом.

В XIX веке наиболее видными местными просветителями были адыги: Шора Ногмов, Султан Хан-Гирей, Султан Адиль-Гирей, Умар Берсей; абазинцы Адиль-Гирей Кешев и Умар Мекеров; ногаец Султан Казы-Гирей; карачаевец Ислам Крымшамхалов и др. Они призывали всемерно укреплять отношения с Россией, приобщаться к русской и общеевропейской культуре, не забывая при этом сохранять лучшие собственные традиции и достижения.

Основу прочных взаимосвязей с Россией горские просветители видели в развитии торговли. Так, Хан-Гирей рассуждал о необходимости формирования при помощи государства слоя профессиональных ремесленников и купцов из среды крестьян-черкесов. Места их поселения, по его мнению, «превратятся в цветущие города», что будет «способствовать к вящему освоению туземцев с гражданственностью». Хан-Гирей писал о необходимости строительства экономико-административного центра, который укрепит их связи с Россией [12, с. 15-16].

Просветитель Султан Казы-Гирей также предлагал построить на реке Лабе аул, который будет центром торговли, средоточием информации о событиях в мире и на Кавказе, станет местом «для постепенного введения европейской образованности». Торговля, считал Казы-Гирей, «всегда была первой ступенью к образованности». «Записки» Казы-Гирея, поданные Наместнику Кавказа князю М.С. Воронцову в 1846 г., предусматривали принятие ряда мер по развитию русско-адыгских торговых отношений.

Верным путем к сближению с Россией горские просветители считали развитие образования. В этом отношении они сами служили примером для подражания. Некоторые представители местной интеллигенции вошли в число образованнейших людей России. Выходец из среды кубанских ногайцев Султан Казы-Гирей опубликовал на страницах журнала «Современник» повесть «Долина Ажитугай». Симпатизировавший автору А.С.Пушкин в своем послесловии писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в рядах наших писателей: черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке» [13, с. 44-45]. С таким же восхищением о Султани Казы-Гирее отзывался и В.Г.Белинский.

В 10-ти летнем возрасте абазинец Адиль-Гирей Кешев в 1850 г. поступил в Ставропольскую гимназию. За годы обучения Кешев проявил блестящие знания гуманитарных предметов. В момент зачисления в гимназию горец практически не владел русским языком, однако уже в старшем классе он занимает 1-е место на конкурсе гимназических сочинений. В 1858 г. Адиль-Гирей Кешев завершает обучение в гимназии, получив за проявленные успехи золотую медаль. В 1860 г. он зачисляется в Санкт-Петербургский университет. Перу А.-Г.Кешева принадлежит ряд повестей

и рассказов, ярко характеризующих жизнь черкесов. В 1868-1872 гг. Кешев работал редактором газеты «Терские областные ведомости», на страницах которой в эти годы активно публиковались материалы, освещающие историю и культуру горцев Северного Кавказа [14, с. 91-92].

Приобщению горцев к российской культуре способствовали открывавшиеся в аулах светские школы. Первые такие школы для обучения кубанских адыгов были открыты в 1866 г. в Майкопе и в 1868 г. в ст. Лабинской [15, с.445]. В 1877 г. светское училище появляется в ногайском ауле Мансуровском, в 1878 г. в карачаевском ауле Уччулан, в 1879 г. – в абазинском ауле Бибердовском [16, с. 560; 17, с. 110]. Представители местных народов также обучались в мужских гимназиях Екатеринодара, Ставрополя и Владикавказа, некоторые поступали в университеты российских столиц. Вместе с тем, реальное повышение уровня образованности далеко не соответствовало стремлению к просвещению самых широких слоев кавказского населения и нуждам края. К 1915 г. в Кубанской области в горских и ногайских селениях действовало свыше 50-ти светских школ [18, с. 344-398], однако они были небольшими по составу учащихся и давали только весьма скромное начальное образование.

Одной из действенных форм интеграции народов Кубани в российское общество являлось военное сотрудничество. Его истоки уходят во времена Ивана Грозного, когда в 1557 г. адыги и абазины были торжественно приняты в число подданных русского царя. В дальнейшем, в силу различных причин, контакты северокавказцев с Россией были ослаблены. Северо-Западный Кавказ становится объектом экспансии Крымского ханства и Османской империи. Союзнические отношения с горцами крепнут с конца XVIII в. в связи с активизацией борьбы России с Крымом и Турцией и присоединением к русскому государству правобережья Кубани.

В этот период горское общество переживало переломный этап своей истории. Его раздирали противоречия, связанные как с внутренними процессами развития феодальных отношений и разрушением прежних общинно-родовых основ горского миропорядка, так и вызванные столкновением в регионе интересов ведущих держав. В выборе внешнеполитической ориентации народы Кубани не были едины. Отдельные племена поддерживали Турцию, с которой их связывала общая религия и работоторговля, другие сохраняли уверенность в своей полной независимости, третьи же – обращали взоры к России.

Многие жители Закубанья видели в русском государстве единственную силу, способную остановить кровавые межплеменные усобицы. Со своей стороны, Россия оказывала покровительство и защиту своим союзникам из среды местного населения. В период начавшейся колонизации Закубанья целый ряд горских племен принимает присягу на верность новому государству. По сведениям Ф.А.Щербины, уже «в 1828 и 1829 гг. черкесы стали переходить в подданство России целыми аулами и группа-

ми их... В числе присягнувших были бжедухи, хамышеевцы, жанеевцы, хатукаевцы, темиргоевцы и натухайцы» [19, с.559]. В 1828 г. в состав России входят карачаевцы, в 1834 г. – абазинцы-тапантовцы [20, с. 240-241; 21, с. 26]. Подданными империи в этот период также считались закубанские ногайцы. Верными сторонниками России выступали также черкессогаи (черкесские армяне).

«Мирные» закубанцы создавали отряды горской милиции, которые вместе с казаками патрулировали пограничные кордоны, в составе армейских подразделений участвовали в походах против своих непокорных соседей. Многие непосредственно поступали на службу в черноморские и линейные казачьи полки или армейские части. Из числа адыгов, абазин, карачаевцев и ногайцев, других северокавказцев в составе российской армии в первой половине XIX в. были сформированы: Анапский горский полуэскадрон; Лабинский конно-иррегулярный эскадрон; Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон; Кавказско-Горский конный полк; Кавказский конный горский дивизион; Терский конный полк [22, с.222-224].

Правительство, желая сблизить находившихся на службе горцев с Россией, старалось не ломать их устои жизнедеятельности и по возможности не навязывать чуждых культурных норм, в чем видится проявление истинной толерантности. Так, для личного состава Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, располагавшегося в Петербурге и несшего охрану императора, действовали следующие правила: Не давать свинины и ветчины; Строго запретить насмешки дворян и стараться подружить горцев с ними; Ружьем и маршировке не учить, стараясь, чтобы горцы охотой занимались этим в свободное время; Телесным наказаниям не подвергать вообще, наказывать только при посредстве прапорщика Туганова, которому лучше известно, с каким народом как обращаться; Не заставлять самим чистить свое платье, для чего имеются собственные служители из крепостных; Не запрещать умываться по обычаю несколько раз в день; Не воспрепятствовать надевать оружие, а прапорщик Туганов постарается постепенно их от этого отучить. Вне классов позволить трубки; Наблюдать, чтобы во время молитвы дворяне им не мешали; Не препятствовать свиданию с единоплеменниками. Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали ее поменять... [23, с.3-4].

Участвуя в вооруженном покорении Закубанья, многие горцы по праву заслужили высокие государственные награды и офицерские чины. Из числа западных адыгов на российской службе вышли генералы Султан Адиль-Гирей и Пшекуй Могуков, полковники Крым Гирей Гусаров и Урус-Бей Могуков, подполковники Фица Абдрахманов, Хаджемук Керканов, Мамат-Гирей Петисов и многие другие. Из абазинских офицеров наибольшую известность получил полковник Магомет-Гирей Лоов, ногайцами были генералы Султан Казы-Гирей и Султан Менгли-Гирей, полков-

ники Адиль-Гирей Капланов-Нечев, Мусса Туганов и др. [24, с. 222-309]. В среде своих народов они были проводниками идеи государственного единства с Россией. Традиции боевого содружества кубанских горцев и русских стали одной из основ формирования этнической толерантности и добрососедства.

В дореволюционный период представителей коренных народов региона не призывали в армию, однако им предоставлялась возможность поступать на службу добровольцами. Именно в таком качестве кубанские горцы массово выступали в грозный час на защиту своего нового Отечества – России. Когда в 1877 г. началась война с Турцией, из числа адыгов, абазин, карачаевцев и ногайцев был сформирован Кубанско-Горский конно-иррегулярный полк, отличившийся в боях на Закавказском фронте [25].

Во время Русско-Японской войны 1904-1905 гг. кубанские горцы сражались в составе Терско-Кубанского полка Кавказской конной бригады [26, с. 109; 27, с. 223-224]. Когда вспыхнула Первая мировая война, в военном лагере под Армавиром был укомплектован Черкесский полк Кавказской конной туземной дивизии. В первых числах октября 1914 г. всадники этого полка отбыли в Подольскую губернию, а вскоре вступили в боевые действия на Юго-Западном фронте против австрийцев [28, с. 45,49]. Об отваге и решительности кубанских горцев одни из очевидцев в 1915 г. сообщал: «Наши орлы-всадники неутомимо и молодцами бьют врагов нашей общей матери России. Нет пощады тому австрийцу или немцу, который подвернется под черкесскую шашку или кинжал. Сидением в окопах и стрельбой из них, не видя результатов выстрелов, горцы очень тяготятся и как праздника ожидают конной атаки» [29, с. 117-118]. Не менее ста всадников Черкесского полка за храбрость были награждены Георгиевскими крестами различных степеней. Военная служба в рядах российской армии способствовала складыванию прочных традиций боевого товарищества и содружества народов Кубани и русских.

Таким образом, достаточно длительное совместное проживание и тесное взаимодействие в самых различных сферах кубанских горцев, русских (в том числе казаков) и представителей других народов России имело своим результатом формирование отношений подлинной толерантности, межэтнического добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества, без чего невозможно само существование российской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. – Черкесск, 1956.
2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.
3. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – Т.2. – Краснодар, 1913.
4. Фролов Б.Е. Оружие кубанских казаков. – Краснодар, 1999.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.

6. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т.1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Ставрополь, 1967.
7. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. – СПб., 1870. – № 7. – С.210-211.
8. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829-1864. Политика, война, дипломатия. – М., 2009.
9. Серова М.И., Трехбратов Б.А. «Своей судьбой гордимся мы...». «Первенцы свободы и «прикосновенные» к ним. Декабристы в кубанской ссылке. – Краснодар, 2008.
10. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом // dugward.ru/library/belyaev/belyaev_vospom_... (10.08.2012 г.).
11. Серова М.И., Трехбратов Б.А. «Своей судьбой гордимся мы...». «Первенцы свободы и «прикосновенные» к ним. Декабристы в кубанской ссылке. – Краснодар, 2008.
12. Айларова С.А. «Промышленная предприимчивость не чужда духу этого народа...» (Султан Хан-Гирей и хозяйственная деятельность адыгов) // Вестник Владикавказского научного центра. – Т.6. – № 2. – Владикавказ, 2006.
13. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века. – Нальчик, 1993.
14. Ктиторова О.В. Вместе с Россией // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. Вып.13. – М.-Армавир, 2007.
15. Очерки истории Адыгеи. – Т.1. – Майкоп, 1957.
16. Очерки истории Карачаево-Черкесии...
17. Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки). – Ставрополь, 1957.
18. Кубанский календарь на 1915 год. – Екатеринодар, 1915.
19. Щербина Ф.А. История Кубанского...
20. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь, 2008.
21. Абазины (историко-этнографический очерк). – Черкесск, 1989.
22. Епифанцев А.А. «Неизвестная кавказская война. Был ли геноцид адыгов?». – М., 2010.
23. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон. Страницы истории. – Нальчик, 2002.
24. Вершигора А.Д. Горские офицеры и полные георгиевские кавалеры Кубанского казачьего войска и территории Кубанской области на службе России (конец XVIII – начало XX в.) // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: Материалы заочной научно-практической конференции. – Краснодар, 2008.
25. Из истории Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка // slavakubani.ru/read.php?id=3718&page=2 (10.08.2012 г.).
26. Бардадым В. Ратная доблесть кубанцев. – Краснодар, 1993.
27. Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. – Краснодар, 1995.
28. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возвращение из забвения... – Нальчик, 1999.
29. Бардадым В. Ратная доблесть кубанцев. – Краснодар, 1993.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ – КОНСТРУКТИВНЫЙ ПУТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСОВ¹

В середине XVIII в. Кубань была заселена разными народами: адыгами, абазинами, карачаевцами, ногайцами, черкесо-гаями. В конце столетия здесь появляются черноморские и линейные казаки. С обоснованием на Северо-Западном Кавказе русско-украинского населения, полиэтничный мир Кубани обрел еще одну неповторимую грань, воплощенную в идеях, образах, поведенческих стереотипах восточного славянства. На сравнительно небольшом пространстве стали сосуществовать непохожие и глубоко самобытные культуры.

Основу взаимодействия поначалу составляли военно-политические и бытовые контакты. Современные исследователи, привлекая ресурс источников, аргументировано доказывают, что горско-российские контакты даже в период военной колонизации (первая половина XIX в.) были довольно интенсивны, многогранны и не сводились лишь к военным акциям [1; 2, с. 32; 3, с. 9].

Специфика этнополитических отношений в регионе проявлялась в том, что военные акции часто оказывались синхронизированы с мирными, прежде всего торговыми, взаимоотношениями российских частей с «непокорными» горцами. Приведу один (но весьма показательный) подобный эпизод, имевший место в ходе военных действий российского отряда в верховьях Зеленчуков в 1843 г. Отряд, направленный с целью возведения военных объектов (мостов и укреплений) в район непокорных абазин-башилбаевцев и кабардинцев, возглавлял командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенант Гурко. За те полгода (с июня по декабрь 1843 г.), которые военный отряд находился в районе рр. Зеленчук и Кефар, контакты с местными жителями имели различный характер: горцы присматривались, изъявляли желание покориться, торговать, потом бежали в горы, было организовано несколько нападений на русский отряд. Однако в отношениях российского отряда с горцами (прежде всего, башилбаевцами) в итоге установился нейтралитет и даже конструктивное сотрудничество.

В журнале военных действий за 4 сентября 1843 г. ген.-лейт. Гурко записал: «Сношения мои с соседственными непокорными горцами до сих пор по-прежнему миролюбивы. Стада их пасутся в виду нашего лагеря, они приводят к нам в лагерь для продажи скот, баранов и разные мелочные

---

¹Выполнено в рамках исполнения государственного задания № 6.764.2011. По теме: "Основы этнической толерантности и межкультурного диалога на Кубани". Руководитель - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии Дударев С.Л.

произведения, и с каждым днем имеют к нам более и более доверенности. Башельбаевский аул во сто дворов, поселился на прежнее свое место на речке Исхак, близ дороги, идущей из лагеря на речку Уруп. Это тем более заслуживает внимания, что старшина этого аула, хотя и был у меня однажды в лагере, но ничего не говорил мне о своем намерении и сделал это единственно из одного к нам доверия» [4, л. 132об.-133].

Чем больше казачество укоренялось на кубанской земле, тем интенсивнее становились разносторонние связи, отражавшие, в том числе и духовную сторону жизни этносов. Крепнут дружеские отношения в среде казаков и горцев, все чаще появляются эпизоды взаимной помощи и выручки, возникают факты искусственного родства (молочное усыновление), заключаются межэтнические браки.

Кавказское гостеприимство – сложный многофункциональный обычай, который строго соблюдался внутри горского социума [5, с. 476]. Еще более официально и торжественно он осуществлялся при приеме «дальних гостей»: при этом удаленность следует понимать не только как территориальную, но и этническую [6, с. 293]. Функции гостеприимства – это, прежде всего, поддержание связей как внутри этноса, так и за его пределами; а также социализация молодежи, участвовавшей в церемониях данного обычая.

Естественно, что гостеприимство реализовывалось и в русско-кавказских взаимоотношениях. Казаки и российские военные нередко становились непосредственными участниками сложных, торжественных ритуалов приема гостей. Так, российский офицер Ф.Ф.Торнау, в 1835 г. находившийся в Закубанье с разведывательной целью, гостил у абазинского старшины Сидова и кабардинского князя Исмаила Касаева. Обычай гостеприимства требовал от хозяина не только организовать комфортный отдых и досуг, прибывшего человека, но и защищать его жизнь. Понимая, что в беспокойное военное время российскому офицеру, может грозить опасность, И. Касаев принял все предосторожности, чтобы защитить Торнау. Когда участники церемонии (при приеме гостя приглашались все желающие жители селения) легли спать, хозяин распорядился о том, чтобы постель гостя была перенесена в другое место, всю ночь уздени князя охраняли Торнау от возможного покушения на его жизнь [7, с. 162-163, 167].

Естественным продолжением взаимоотношений гостя и хозяина могли стать куначеские связи (дружеские отношения между мужчинами), которые по содержанию и форме выражения напоминают побратимские отношения. Куначество, как и гостеприимство, способствовало налаживанию межэтнических связей, гармонизации отношений между отдельными народами, этническими группами и селениями. «Сколь много производит дружба между горцами Кавказа спасительных связей», - отмечал Хан-Гирей.

Куначеские связи устанавливались, в том числе и в горско-казачьей среде. Так, у войскового судьи Черномории Антона Головатого кунаками были адыгские князья Батыр-Гирей и Арслан-Гирей. Подобные межэтни-

ческие формы взаимодействия в пределах мужской культуры Северного Кавказа в период военной колонизации региона были широко распространены, о чем свидетельствуют многие дореволюционные авторы. В частности Н. Данилевский в своей работе (1846 г.) отметил следующее: «Русские жители Кавказской губернии, особенно линейные казаки, по соседству с горцами, имеют... своих кунаков у черкесов, кумыков, чеченцев и других» [8, с. 175-176]. Согласно этнографическим источникам абазины Кубани состояли в куначеских связях с казаками соседних станиц, которых по-абазински называли «урышвкьвнакъ» - русский кунак [9, с. 142].

Казак А. Шпаковский в своих «Записках» также сообщает о связывавших горцев и казаков в период военных действий на Северо-Западном Кавказе куначеских отношениях. В частности, описывая свою встречу в 1851 г. с ближайшим соратником лидера антироссийского движения на Кубани Магомет-Амина, абазинским Султаном Ярыковым, Шпаковский следующим образом охарактеризовал тональность и характер связывавших их отношений: «Дружески расстались мы, обещая друг другу, при первой открытой встрече, всадить ловко пулю, или померяться шашкой, но, тем не менее, всегда оставаться, как были, друзьями...» [10, с. 120].

Колоритно о распространении горских обычаев куначества и гостеприимства на казаков описывает житель ст. Кардоникской И.Н. Ефименко: «Рассказывал дед, говорит, черкесы, вот как... если... на тебя напал кто-то, вот ты бежишь и, значит, в аул прибежал, если голова лошади в аул заскочила, то уже тебя больше никто не найдет, если ты настоящий русский, казак, кунак. Они спрячут... Они говорят: «Если ты гость мой, с твоей головы ни один волос не упадет» [11, с. 356].

Другой северокавказский обычай атальчество представляет собой практику воспитания детей, прежде всего привилегированных сословий, в чужих семьях. Аталыком (от тюрк. ата – «отец») назывался воспитатель ребенка, который, обычно, принадлежал к менее статусному сословию. Обычай этот был распространен у многих народов Северного Кавказа. Но в наиболее классической форме он бытовал у адыгов. Фактически атальчество является формой установления искусственного родства. Как отмечают кавказоведы, у адыгов и осетин воспитанник и сыновья аталыка считались молочными братьями, одновременно их связывала и дружба [12, с. 109].

Многие казаки в период переселения горцев в Турцию, оставляли в своих семьях детей кунаков-адыгов и воспитывали их как родных. Подобная практика имела место и в мирное время. В свою очередь дети казаков нередко гостили в жилищах горцев-кунаков. На Северо-Восточном Кавказе ногайцы для изучения русского языка отдавали своих детей в казачьи семьи. Похожие отношения существовали и на Кубани.

Аталычество, гостеприимство и куначество являлись важным социальным механизмом укрепления межэтнических связей в регионе.

Еще одна форма установления искусственного родства – обычай молочного усыновления, который распространялся не только на младенцев, реально нуждавшихся в приемной матери, но и на взрослых мужчин, стремившихся с помощью обычая обрести покровительство влиятельного или нужного человека, урегулировать социальный конфликт, например, кровную месть и т.д.

Опять-таки практика установления искусственного родства распространялась и на отношения между представителями разных народов. Уже упоминавшийся российский офицер Торнау, стал молочным сыном жены своего проводника абазинца Багры, стремясь с помощью ритуала скрепить отношения с этим человеком [13, с. 133-134].

Большинство упомянутых примеров горско-казачьих контактов являются проявлением традиционных форм коммуникации, которыми был так богат Северный Кавказ. В подобных связях реализовывался такой важный аспект развития толерантности как принятие **Другого**.

Более глубокие связи, затрагивающие мировоззренческие основы казаков и горцев вряд ли были возможны в XIX в., учитывая их принадлежность к разным религиозным системам: православию и исламу. Однако усиливающиеся контакты, прослеживающиеся культурные взаимодействия, демонстрируют внушительный потенциал толерантности между народами Кубани, одним из проявлений которой стала веротерпимость.

В Российской империи существовали давние традиции веротерпимости, которая является, кстати, одной из наиболее ранних исторических форм реализации толерантных отношений в человеческом сообществе. Как отмечает В.А.Матвеев: «Мусульманство имело равноправный статус с православием на Северном Кавказе, а исповедовавшее его население признавалось официально верноподданным или субъектом единого отечества» [14, с. 81]. Зримым подтверждением данной мысли являются многочисленные факты сопровождения любого значительного события в жизни российского государства богослужениями в храмах различных конфессий. Верующие на разных языках возносили молитвы о благополучии своего общего Отечества.

Проявлением религиозного согласия и понимания служит факт единения всех народов Кубанской области в 1867 г. Когда стало известно о спасении жизни императора Александра II после совершенного на него покушения, во многих городах, станицах и аулах совершались торжественные молебны в церквях, костелах, кирхах и мечетях. Горцы Зеленчукского округа Кубанской области, кроме внутриаульских церемоний, приняли решение об организации общего торжественного богослужения, которое состоялось 7 июля. Жители аула Армавир Урупского округа «в память избавления от опасности, грозившей Государю Императору, от злодейского покушения на его жизнь, в городе Париже 25 мая 1867 года» заложили 6 июня 1868 года в селении армянскую часовню [15, с. 97].

Итак, принципы толерантности реализовывались на Северо-Западном Кавказе как на уровне межличностных отношений, так и в рамках традиционных практик взаимодействия различных народов. Несмотря на непростые отношения, которые часто связывали кавказские народы между собой в условиях межплеменной чересполосицы, столкновений, даже войн; и далеко не сразу установившиеся приязненные отношения жителей региона с русским и другими народами, осваивавшими в историческом прошлом пространства Кубани, общечеловеческий пласт культуры, связанный у разных этносов с взаимопомощью, гостеприимством, взаимовыручкой, влиял на складывание терпимости и понимания у жителей Кубани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. сб.: Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М.; Армавир, 2007.
2. Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. – М., 2006.
3. Великая Н.Н. Северокавказские реалии 30-х гг. XIX в. в воспоминаниях Ф.Ф. Торнау // Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. 2009-2010 гг. – Армавир, 2010.
4. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф.ВУА. Д.6490.
5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.
6. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М., 1967.
7. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик, 1999.
8. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М., 1846.
9. Абазины (историко-этнографический очерк). – Черкесск, 1989.
10. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. – СПб., 1871. – № 7.
11. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. – Краснодар, 2005.
12. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа (исследования и материалы). – М., 1961.
13. Секретная миссия в Черкесию...
14. Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. (управленческие аспекты). – Ростов н/Д, 2010.
15. Ктиторев С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). – Армавир, 2002.

ПАРАДИГМА РОССИЙСКОСТИ В КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЕ

Казачество, представляющее по меткому выражению В.А. Потто, к XIX столетию своеобразное «войско-народ», являло идеальный механизм «мягкой» колонизации, реализуя в этом акте как свою пассионарную, так и мессианскую сущность особой группы российского суперэтноса, воплощающего на практике русскую идею в ее казачьем варианте. Особый характер российской колонизации во многом обеспечивался еще и тем, что казачество – «народ-воин» – было еще и «народом-пахарем», имеющим вековые традиции жизни в иноязычном окружении. Поэтому вслед за неизбежным в большинстве случаев военным противоборством возникала иная, гораздо более продолжительная фаза, время контактов, диалогов культур. Именно в этот период вслед за территориальными присоединениями России возникают новые казачьи войска: Сибирское, Кубанское, Семиреченское, Амурское, Уссурийское.

Прежде чем двинуть «вереницы русских пахарей» на новые территории, России необходимо было первично закрепиться на них, войти в невоенный, культурный контакт с местным населением. И эту функцию успешно выполняло российское казачество, осваивая своими станицами все «новые и новые линии» и реализуя на практике идею служения Вере, Царю и Отечеству. Таким образом, казачество несло еще в своем статусе и все признаки «российскости», выступая первым, проверенным в деле алгоритмом «совместничества» России и включаемых в ее орбиту народов [5].

Российское государство в концепции «российскости» выступает, зачастую, как опосредованный фактор, а ведущее значение приобретают непосредственные контакты народов между собой, их воздействие и взаимовоздействие. «Если официальная "державность" диктовала и признавала одну ("верноподданническую") тональность, то РОССИЙСКОСТЬ воплощалась в куда более пёстрых и гибких формах взаимодействия и даже взаимовоздействия» [5, с. 3]. В этом плане казачество, выступающее авангардом движения России на Юг и Восток, брало на себя с успехом миссию «российскости», успешно позиционируя российскую культуру и осуществляя культурные заимствования у новых народов. Наиболее ярко этот процесс наблюдался в культуре терских и кубанских казаков, заимствовавших элементы быта, одежды, оружия у горцев. Однако и горцы переняли у казаков немало: способы ведения сельского хозяйства, сельскохозяйственную технику, усовершенствовали строительство домов и т.д. Взаимопроникновение происходило не только на уровне быта и ментальности. Известны примеры, когда, попадая в среду другого народа, казаки, беря в жены местных женщин, быстро обрастали автохтонными чертами, привнося в новую среду идеи православия, социального единства, служения Отечеству [8]. Существовали примеры и другого рода. Так ядро Терско-

Кизлярского казачьего войска, образованного во второй четверти XVIII столетия, и Моздокской казачьей команды составляли крещенные «инородцы» – принявшие православие осетины и кабардинцы [4]. А.Ю. Панарина отмечает, что «адыги принимали православие и вступали на российскую службу сознательно и добровольно. Многие женились на русских женщинах и родившиеся у них дети становились христианами» [9].

Наглядной иллюстрацией парадигмы российскости в казачьей среде выступает история калмыков, вошедших с середины XVII века в состав Войска Донского и составивших в последующем значительную часть Ставропольского на Волге калмыцкого казачьего войска, Уральского, Оренбургского, Астраханского войска. Среди казаков-калмыков выделяются имена известных российских военачальников – В. Сысоева, героя Отечественной войны 1812 года, в последствие наказного атамана Черноморского казачьего войска, Ф. Калмыкова – российского адмирала, Л. Корнилова, возглавившего белое сопротивление на Юге России и многих других выдающихся личностей [1]. «Интеграция и партнёрство в социокультурной и иных сферах дополнялись... формированием с XVIII в. у народов... российского самосознания, осознания себя россиянами на основе общей государственности и интеграции, выработки общих культурных черт», – отмечает С.Л. Дударев [6]. Таким образом, парадигма «российскости», ярким проводником которой выступало казачество, способствовала тому, что казачество из явления сугубо русского становится к середине XIX столетия прообразом и определенным соавтором формирования российского суперэтнуса.

Первая мировая война, оцениваемая обществом на первых порах как Вторая Отечественная, актуализировала идеальный образ казачества как надёжного, преданного, верного присяге российского воинства. Не случайно первым, широко представленным в отечественной прессе, фронтовым подвигом был бой донского казака К.Ф. Крючкова с разездом австрийцев, в котором отважный конник в одиночку на голову разбил врагов, оставив на поле боя 12 трупов противника. За этот подвиг Крючков первым из всех рядовых Русской армии награждён Георгиевским крестом [11]. Российская патриотическая пресса не скупилась в своих восторженных оценках в отношении казачества, традиционно выставившего на борьбу все свои бое-способные силы и резервы [2]. Образ казака-воина, быстро поднятый в общественном сознании средствами информации на определенную нравственную высоту, оставался во все годы войны своеобразным идеалом выполнения гражданами России воинского долга перед Отечеством. Врагам этот образ-идеал внушал страх. При одном только упоминании об атаке казаков в стане врага начинался переполох. В «Песне кубанцев», опубликованной в «Кубанском казачьем вестнике» в сентябре 1914 года, есть такие слова: «Кровь пролить готовы смело, / За Царя и Русь стоим, – / Люд в обиду православный / Немцу-зверю не дадим... / Австрияки, точно мыши, / От нас в стороны летят / При одном лишь только слове, / Что казаки в бой

идут, / Все бросают, отступают – / В страшной панике бегут» [10]. Следует отметить, что идеалы православия, освобождения единоверцев от религиозного гнета органично определяли смыслы участия казачества на Закавказском театре военных действий в годы Первой Мировой войны. Речь идет о событиях, связанных со спасением армян и ассирийцев от турецкого геноцида в 1914-1916 гг. [7]. В совместных боевых действиях казаков и армянских ополченцев выковывались узы дружбы и куначества, а образы казачества в общественном сознании освобожденных народов героизировались и наделялись лучшими чертами [7, с. 88-99].

Примечательно, что в казачьей культуре парадигма российскости, развивавшаяся на протяжении XVIII-XIX столетий, получила свой дополнительный импульс в годы Первой Мировой войны. Об этом свидетельствуют факты, представленные краснодарским краеведом А.Д. Вершигорой. Автор отмечает, что поскольку на горцев Северного Кавказа не распространялась воинская повинность, то на фронт черкесы, абазины, абхазы, карачаевцы уходили как добровольцы- волонтеры. Из них в сентябре-октябре 1914 года в Армавире был сформирован Черкесский конный полк. Хотя горцы и были прирожденными воинами-всадниками и отлично владели шашкой, но имели «своеобразное» понятие о дисциплине. Для координации действий и преданию боеспособности горской кавалерии в каждую сотню было направлено 15-20 казаков – линейцев на должности урядников и приказных. Казаки из Баталпашинского, Лабинского, Майкопского отделов ККВ выступали не только младшими командирами, но и учителями горцев. Учили по принципу «делай как я». Черкесский полк под предводительством кубанских казаков блестяще проявил себя в «деле» под Перемышлем в Брусиловском прорыве, в Приднестровье и других сражениях Первой Мировой. Казаки пользовались заслуженным авторитетом среди всадников-горцев. А.Д. Вершигора отмечает: «Служба казаков в Черкесском полку была очень не простой. Кроме личной храбрости и боевой подготовки требовались педагогические навыки и в какой-то мере дипломатические способности. И большинство линейцев таким требованиям соответствовало» [3].

Итак, казачество, выступающее авангардом территориального расширения России, с успехом претворяло в жизнь миссию «российскости». Позиционируя евразийский вектор российской культуры, взаимодействуя с присоединяемыми народами, казачество вводило их в российское культурное поле, не ассимилируя и не угнетая их (как это часто происходило на «цивилизованном» Западе). Это движение в авангарде евразийского приращения России способствовало становлению в ментальном сознании носителей казачьей культуры парадигмы российскости, выражающейся в интеграции казачества в общекультурное российское поле, обретении российского самосознания, выработке общих культурно-идеологических основ. Российскость органично сочеталась с постулатами казачьей идеи в отношении сбережения, укрепления православной цивилизации, расширения ее ареала, интеграции в казачью культуру представителей других на-

родов (калмыков, осетин, бурят, татар, башкир, эвенков, якутов). В данном контексте культура казачества, прежде всего, её социально-педагогическая парадигма, выступала определённой национальной ценностью, обозначающей тенденцию к тому, что казачество из феномена русской материнской культуры становилось к середине XIX столетия прообразом и определённым соавтором формирования российского суперэтноса, российского национального самосознания, превращаясь из этнословной группы в некое общероссийское явление, консолидирующее россиян на духовно-идейной основе служения России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аминов Ю.А. Калмыки в составе российского казачества // Альманах «Казачество». – 2008. – № 1. – С. 38-39.
2. Бардадым В.П. Ратная доблесть кубанцев. – Краснодар, 1993. – С. 121-134.
3. Вершигора А.Д. Линейные казаки в Черкесском конном полку // Линейцы средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Материалы научно-просветительской конференции. – Армавир, 1996. – С. 63.
4. Великая Н.Н. Кабардинцы на службе в линейных казачьих частях в XVIII-первой половине XIX вв. // Полиэтнический микрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Ростов н/Д., 2008. – С. 55.
5. Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России. // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Серия «Вопросы Северокавказской истории». – Армавир, 2002. – С. 3-11.
6. Дударев С.Л. Новое слово о «российскости» // «Российскость» в истории Северного Кавказа. – Армавир, 2002. – С. 12.
7. Елисеев Ф.Н. Казаки на кавказском фронте 1914-1917. – М., 2001. – С. 69-105.
8. Левандовский А. Сибирь из нас «не выгнешь...» // Родина. – 1995. – № 2. – С. 99.
9. Панарина А.Ю. Адыги-христиане на российской службе в дореволюционный период // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. – Армавир, 2009. – С. 47.
10. Песня кубанцев // Кубанский казачий вестник. – 1914. – 14 сентября (№ 37).
11. Энциклопедия казачества / сост. Г.В. Губарев. - М.: Вече, 2008. – С. 213.

Е.В. Манузин (Славянск-на-Кубани)

К ВОПРОСУ О ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КАЗАЧЬЕМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Дореволюционное образование кубанских казаков – тема, интересная уже тем, что в ней как в зеркале отразилось все дореволюционное образование России, – как его достижения, так и просчеты.

Если точкой отсчета становления единой массовой системы начальных школ кубанского казачества считать историческое заседание у наказного атамана Н. Кармалина 18 июня 1873 года (обязать станицы в массовом порядке открывать у себя школы), то к началу XX века дело начального народного образования на Кубани совершило огромный скачок: численность начальных школ возросла со 183 в 1873 г. до 2249 в 1913 г. (в 12,3 раза), численность учеников казачьего сословия за тот же период – в 19,4 раза (с 5801 до 112441), учителей стало в 20,5 раз больше (со 181 до 3712) [1]. Чем не основание для предположения о том, что начало XX века стало началом перехода кубанской системы школ к всеобщему начальному образованию. Тем более, что в областном городе, в Екатеринодаре, вопрос о введении всеобщего начального образования в 1911 году находился уже в стадии проекта. Согласно этому проекту ввести подобное образование можно было уже к 1917 году. Следовательно, и вся дореволюционная Кубань шла к всеобщему образованию. Чем же можно объяснить то, что это развитие так и не привело к требуемому результату. Наиболее простое и лежащее на поверхности объяснение этому – череда войн, сначала первая мировая, после – гражданская.

Чтобы понять, насколько близко в действительности Кубанская область подошла (и подошла ли вообще) к столь важной вехе своего развития как введение всеобщего начального образования, нам необходимо понять, что представляла из себя система кубанских начальных школ в начале XX века. Мешанина из относительно передовых, среднего уровня и совершенно архаичных типов школ – вот еще не самое страшное, что стояло на пути к обучению всех школьников области.

Церковно-приходская школа – практически и не начальная школа не только по современным требованиям, но уже и по меркам начала XX века. Чтение, письмо и четыре арифметических действия – слишком мало для начинающегося века электричества [2]. Тот факт, что с того же начала XX века казаки все меньше направляют туда своих детей и к 1913-1917 гг. она уже была не казачьей школой, [3] говорит сам за себя. Существующие при средних учебных заведениях, учительских семинариях и педагогических классах т. н. «образцовые школы» также были ниже сложившегося образовательного минимума уже потому, что в них один учитель приходился на три группы учащихся, фактически один на всю школу [4]. Образцовые школы можно считать вариантом отживающего типа школ, таких, как станичные общественные училища (школы), такие же бедные и с предоставляемыми ограниченными знаниями. Имеющие одного учителя на школу, они консервировали в себе «ланкастерскую методику», при которой учитель выбирал себе помощников из лучших и надежнейших учеников, эти помощники, или, как их называли, «старшие», усвоив свой урок непосредственно от учителя, обязаны были передать его и научить порученную им группу учеников – их товарищей. Когда старшие ученики ответят задан-

ный им урок учителю, они спрашивают этот же урок с учеников своей группы. С этой целью ученики класса разбивались на группы, каждая вокруг своего старшего: учитель в это время подходил то к одной, то к другой группе наблюдая за правильным ведением старшими порученного им дела [5]. И этот метод существовал не в качестве элемента урока, а в качестве принципа обучения в течение всего трехлетнего курса. Одноклассные училища министерства народного просвещения выполняли скорее промежуточную функцию, открываясь там, где содержащие их на свой счет общества по финансовым причинам не могли себе позволить открытие более совершенной начальной школы. По тем временам наиболее полное начальное образование предоставляли двухклассные училища министерства народного просвещения. Имеющие 5-летний срок обучения, они в начале XX века открывались в четырехлетнем варианте, предоставляя знания, достаточные (при наличии денег для оплаты) для поступления в средние учебные заведения [6].

Так же как простое многократное увеличение объемов производства угля, стали, чугуна и нефти в СССР не приближало народ к построению коммунистического общества, так и простое увеличение численности учебных заведений не приближало школы Кубани к созданию системы всеобщего начального образования. Предстояло переоборудовать училища, изменить программы преподавания, ввести в штат сотен школ новых учителей, переобучить старых. И все это в первую очередь денежные средства.

Чтобы представить себе масштабы расходов на переоборудование школ под общую схему, необходимо обратиться к данным о расходах на нужды образования в 1919 году (тогда еще тоже надеялись ввести всеобщее начальное), – суммы на введение всеобщего начального образования расположены там отдельно от просто расходов на начальные училища (!) и составляли 20 % (10 млн. руб.) всех расходов на просвещение (50,7 млн. руб.), превосходя даже расходы на средние учебные заведения (8,28 млн. руб.) [7]. Могла ли дореволюционная Кубанская школа увеличить расходы еще на 20 %?

В конце XIX века (1896 г.) в общих расходах на народное образование Кубани доля государства (казны) составляла 4,8 %, войско вносило 31,1 %, остальные 61,1 % платили различные общества и составляли собственные средства училищ [8]. К 1911-1913 годам (к которым мы и можем отнести первые попытки в создании проектов введения всеобщего начального образования) суммы, расходуемые на все виды образования вносили в различных пропорциях госказна – 18,5-15,3 %, войско – 22-13 % и различных обществ – 59,5-71,7 % [9]. Данные финансирования дирекции народных училищ, ведомства наиболее массовых начальных школ области, за те же годы несколько иные: от государственной казны – 14-13,3 %, от войскового казначейства – 9,6-3,5 % и от общин – 57,3-59,2 % [10]. Указанный здесь 1913 год был пиком в деле открытия новых школ на Кубани – 517 новых школ и 17747 новых учащихся появилось в области всего за один год [11]. Но этот же год был лебединой песней мечтам о всеобщем

начальном образовании. Как видно из приведенных выше цифр в 1913 г. войско начинает сокращать долю своего участия в содержании кубанских училищ, возлагая ее на общества и государство. Причины этого необходимо искать в состоянии общего войскового капитала, который, достигнув величины в 9-10 млн. рублей в период 1905-1909 гг., с 1911 года начинает стремительно падать, достигнув в 1912 г. суммы 6,3 млн. руб., в 1913 г. – 5,9 млн. руб. и в 1914 г. – 4,4 млн. руб. (2 млн. в долгах войску) [12]. Войско тратило больше, чем зарабатывало, так в 1913 году доход составил 3284491 руб., а расход 4249241 руб., разница в 964750 рублей компенсировалась или за счет кредитов, предоставляемых войску или за счет продажи войском государственных ценных бумаг, в которые переводились излишки префицита войскового бюджета прошлых лет [13]. 1913 год по инерции еще продолжал дело школьного развития, но следующий 1914 год стал подобен ушат у холодной воды на разгоряченную голову мечтателей о введении на Кубани всеобщего начального образования. По сравнению с предыдущим 1913-м годом численность учебных заведений сократилась на 86, численность учащихся уменьшилась на 10103 человека, пропорциональное отношение учащихся ко всему населению Кубанской области сократился с 6,4 до 6 % [14]. В 1914-1915 гг. госказна теперь платила всем школам Кубани – 16-21,9 %, войско – 12,6-8,1 % и различные общества – 71,2-70 %. Финансирование дирекции народных училищ, включающей только начальные училища, дают нам еще более четкую картину: от государственной казны – 23,1-29,6 %, от войскового казначейства – 5,7-2,9 % и от общин – 53,5-48,3 % [15]. Из представленных данных видно, что сокращение доли расходов войсковой казны привело к перекладыванию этой ноши на плечи обществ и общества с ней не справились. Попытки объяснить сокращение войскового и общественного процента в объеме содержания начального образования начавшейся I мировой войной не соответствуют действительности. Увеличение государственной доли в финансировании войсковых расходов началось с 1913 года: по закону от 7 июля 1913 года, 8 февраля 1914 г. высочайшим указанием на государственную казну перекладывались расходы по содержанию администрации (сюда вошли и войсковые, т. н. «Кубанские» учебные заведения), а 20 мая 1914 года Казачий отдел Главного штаба, руководствуясь тем же решением 08. 02. 1914., включил в состав перелагаемого на госказну и пособие на содержание начальных училищ [16]. Первая мировая еще не началась, а казна уже тратила на образование на Кубани 1017649 руб., еще через год эта сумма составляла 1519459 руб. – почти треть всех расходов в области на эти цели [17]. Представляется маловероятным, чтобы государственная казна, и без того все больше оплачивающая содержание кубанских школ, финансировала бы еще и дополнительный рост числа новых и переоборудования старых школ под всеобщее начальное образование на Кубани. Известные нам 20 % составля-

ли к 1913-1915 гг. свыше 1млн. руб./год, и это не считая текущих (также возрастающих) поступлений на содержание школ.

В связи с вышеизложенным необходимо вспомнить о попытке проведения проекта всеобщего начального образования в рамках Екатеринодара в 1911-1912 гг. Тогда еще кризис не был столь очевиден. Предполагалось открыть 60 «комплектов» - отделений школ (в школе 4-5 отделений-комплектов), часть комплектов назначалась для доукомплектования имеющихся, а часть – для открытия новых училищ [18]. Но имелись два препятствия: 1) «в каком порядке будут доведены до нормы частные и церковно-приходские школы – Управе неизвестно, так как эти школы находятся вне ведения городского общественного управления» [19]. 2) для достижения поставленных целей расходы города должны увеличиться к 1916 году на 36,17 %, а казенных средств, на которые, в основном, и рассчитывал город для осуществления этой программы – на 54,41 %. Общая сумма увеличения расходов на всеобщее начальное образование распределялась бы к 1916 г. примерно поровну (49,8 : 50,2 %) между казной и городом, составив 123912 руб./год; [20] в 1911 г. от казны шло 15,3 %, а от города – 84,7 %. Вполне понятно, почему на представленный департаменту народного образования проект городской управы не отвечали до 1915 года, когда просить госказну о еще одном финансировании не решились.

В начале XX века Кубань не была готова к введению всеобщего начального образования. Не была готова не только по финансовым соображениям, но и по качеству предоставляемого в них образования.

Дореволюционные проекты открытия на Кубани высшего учебного заведения стоят особо даже на фоне трудноосуществимого проекта перехода к всеобщему начальному образованию

В отличие от распространенного мнения, о том, что обсуждение подобного проекта относится к началу XX в. [21], впервые этот вопрос встал в 1866 г. когда француз Эдуард Перюш предложил наказному атаману Ф.Н Сумароков-Эльстону открыть в Екатеринодаре «земледельческий институт» как наиболее соответствующий аграрному «характеру области», предлагался проект здания и программа устройства ВУЗа, на здание и первоначальное обустройство предполагалось потратить 50000 руб. [22]. Сам атаман был всецело «за», но это вызвало резкий протест кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича [23]. Надо сказать, что наместник вообще был противником качественного образования для казаков – время от времени им, через окружной штаб, ни раз даже ставился вопрос о том, не слишком ли много для войска имеющихся 19 вакансий в военных учебных заведениях: наказным атаманам, включая и Ф.Н Сумароков-Эльстона приходилось объяснять, что потребность в образованных офицерах в войске будет сохраняться еще очень долго [24] – настаивать казачье руководство, предвидя большие расходы, не стало и о проекте вскоре за другими текущими заботами забыли. Вспомнили вновь в начале XX в. –

захотелось иметь свой университет, в прессе возник спор, не лучше ли вместо университета иметь сельскохозяйственный институт – так некоторые в 1915 г. предлагали даже переселить на Кубань Ново-Александровский сельхозинститут, эвакуированный в ходе Первой мировой войны из Польши в Харьков (а Харьков и без того имел достаточно высших учебных заведений) [25]. Проект не был осуществлен по финансовым соображениям – забегая немного вперед, отметим, что весьма небольшой Политехнический институт (17 преподавателей и 117 студентов), открытый в Екатеринодаре в 1919 г. «потреблял» 10% всех расходов на образование [26]. К 1915 г. расходы на образование в области превысили 6 млн. руб. – «найти» 500-600 тыс. руб./год Кубань в условиях Первой мировой войны не могла.

Несмотря на то, что оба проекта не были проведены в жизнь, сам факт их рассмотрения свидетельствовал о той ступени развития, которой достигло кубанское образование в начале XX века. В рамках северокавказского региона уровень, достигнутый системой образования кубанского казачества был одним из лучших.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т.1. – С. 766-824.; Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1915. – Т.20. – С.90-92; Кубанский календарь на 1898 год. – Екатеринодар, 1898. – С. 39-45; Кубанский календарь на 1903 год. – Екатеринодар, 1903. – С. 63-80.
2. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 106. Л. 347.
3. Кубанский сборник. – Т.20. – Прил. 10., Кубанский сборник. – Т.21. – Прил. 10., Кубанский сборник. – Т.22. – Прил. 10.
4. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 106. Л. 347.
5. Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. – М., 1900. – С. 306-307.
6. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1430. Л. 3-17.
7. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 105. Л. 351.
8. Кубанский Календарь на 1898 год. – С. 43.
9. Кубанский сборник. – Т.18. – С. 80-82; Кубанский сборник. – Т.20. – С. 92-94.
10. Там же.
11. Кубанский сборник. – Т.20. – С. 91.
12. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2054. Л. 27-28.
13. Там же. Л. 25.
14. Кубанский сборник. – Т. 20. – С. 90; Кубанский сборник. – Т. 21. – С. 95.
15. Кубанский сборник. – Т. 21. – С. 97-99; Кубанский сборник. – Т. 22. – С. 88-91.
16. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2054. Л. 1-18.
17. Кубанский сборник. – Т. 21. – С. 98; Кубанский сборник. – Т. 22. – С. 91; РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2054. Л. 8^а.
18. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 106. Л. 347.; ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1430. Л. 26-30; Доклад Екатеринодарской Городской Управы о школьной сети и финансовом плане введения всеобщего обучения в городе Екатеринодаре. - Екатеринодар: Сотрудник, 1911. – С. 9-11.
19. Доклад Екатеринодарской Городской Управы. - С. 12.

С.Б. Манышев, К.Б. Манышева (Махачкала)

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.С. КОСТЕМЕРЕВСКОГО В ДОЛЖНОСТИ ШТАБ-ЛЕКАРЯ ДАГЕСТАНСКОГО КОННОГО ПОЛКА¹

Важным аспектом присоединения Северного Кавказа к России является его социокультурная интеграция в общеимперское пространство, важным компонентом которой выступает исследовательская и просветительская деятельность российских ученых и военных [6, с. 89]. Присутствие российской армии на Северном Кавказе не сводилось лишь к военным конфликтам, а во многом способствовало налаживанию добрососедских отношений [5, с. 3]. Здесь важным фактором выступала деятельность отдельных личностей, которые способствовали приобщению кавказских горцев к достижениям европейской культуры. При этом не стоит забывать, что большинство таких деятелей были по сути своей просветителями, то есть не ограничивались каким-либо одним видом деятельности в своей узкой сфере.

Одним из таких просветителей был Иван Семенович Костемеровский. Он родился в деревне Костемерово Скопинского уезда Рязанской губернии 26 сентября 1813 года в семье священника [4, с. 773]. С большим трудом он попал в число казенных воспитанников Императорской Московской медико-хирургической академии, где окончил курс с утверждением лекарем первого отделения 26 июля 1840 года, а 1 августа был определен батальонным лекарем в Белевский егерский полк, с которым и попал на Кавказ [3, с. 379]. Именно на Кавказе проявился талант Костемеровского как организатора и просветителя. В 1851 году по его инициативе в Большом Дженгутае была открыта школа для детей всадников Дагестанского конного полка, в которой преподавались русский язык, арифметика, чистописание, история, география и другие предметы [1, с. 44]. При этом И.С. Костемеровский вел активную журналистскую деятельность – его очерки, посвященные различным аспектам истории, культуры, экономики, природы Дагестана публиковались на страницах газеты «Кавказ» и в «Московских ведомостях», в «Северной пчеле» и «Москвитянине» [4, с. 773].

Однако хотелось бы подробнее остановиться именно на медицинской деятельности И.С. Костемеровского. Одни из первых сведений в мемуаристике о нем мы находим в воспоминаниях генерала В.А. Геймана, посвященных Даргинской экспедиции 1845 года. В небольшом отрывке

---

¹Выполнено в рамках исполнения государственного задания № 6.1751.2011. По теме: "Культурно-исторические последствия развития Дагестана в составе России". Руководитель - д.и.н., профессор, проректор ДГУ Гасанов М.М.

мы находим не только характеристику врачебной деятельности Костемерецкого, но и узнаем некоторые черты его характера. «Тут же (в госпитале – С.М.) был молодой врач Костемерецкий; он меня успокоил и перевязал рану... Много мы ему обязаны, особенно я; – пишет Гейман, – положительно он спас мне жизнь. Костемерецкий кровный руссапет; Москву и все русское обожал; весьма развитой и хорошо владевший словом; он, не говоря уже о том, что всегда делал нам перевязку собственноручно, про-сиживал у нас до поздней ночи, говоря без умолку; это немало развлекало нас, при скучной госпитальной жизни... Потом уже мне сказали, что Костемерецкий назначил мне жизни один день, но он же и спас меня, ухитрившись приладить иначе перевязку...» [2, с. 392–393].

В 1852 года Костемерецкий зачислен на должность штаб-лекаря Дагестанского конного полка. В этой должности он участвовал во всех военных действиях, где проявил себя как отличный врач. Характеризуя деятельность Костемерецкого в одной из военных операций, подполковник Лазарев отмечал, что он «...подавал помощь нашим раненым под неприятельскими выстрелами с особенным хладнокровием» [3, с. 141].

Во время своей службы в Дагестанском конном полку Костемерецкий снискал себе славу как хороший врач не только у всадников, служивших в полку и членов их семей, но и у жителей окрестных аулов. Евгений Козубский писал: «Почти целый день толпа разного люда, преимущественно женщин, окружали его квартиру и протягивая руку, просили: хаким, шунчага дармен бер! (доктор, дай столечко лекарства). Шиша тырых (нужен пузырек), отвечал доктор – вообще по неимению в аптеке посуды от больных требовал, чтобы они с собой приносили посуду – и затем уже приступал к расспросам. Надо отдать справедливость, отказу никому не было; каждый больной возвращался с видимым самодовольствием» [3, с. 381].

В 1855 году полковой командир характеризовал Костемерецкого в своем рапорте, как «врача деятельного, усердного и попечительного, приобретенного известность и доверенность не только между всеми чинами полка, но и вообще между туземцами, из которых, как известно, те и другие прежде никогда почти не прибегали к пособиям наших медиков» [3, с. 381]. Статистику о количестве местных жителей, пользовавшихся услугами И. С. Костемерецкого приводит Е. И. Козубский в своей «Истории Дагестанского конного полка»: 1853 г. – 146 человек, 1854 г. – 468, 1855 г. – 504, 1856 г. – 986, 1857 г. – 1205, 1858 г. – 2484, 1859 г. – 3452, 1860 г. – 5646, январь 1861 г. – 587. В общей сложности за годы службы в Дагестанском конном полку И. С. Костемерецким была оказана помощь 15478 местным жителям. Увеличивающиеся из года в год цифры говорят не только о возрастающем доверии к Костемерецкому, но и о его высоком профессионализме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Василенко В.Г. Первые медики-северокавказцы // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 14-й всероссийской межвузовской конференции / под ред. В.Б. Виноградова, И.И. Марченко. – Армавир; Краснодар, 2006. – С. 44–46.

2. Гейман В.А. 1845 год. Воспоминания // Даргинская трагедия. 1845 год / сост. Г.Г. Лисицына. – СПб., 2001. – С. 324–408.

3. Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. – Петровск, 1909.

4. Костемеревский И.С. [Некролог] // Исторический вестник. Вып. 44. – 1891. – С. 772–773.

5. Пылков О.С. Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа: автореф. дис... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008.

6. Цвижба Л.И. Особенности социокультурной интеграции Кавказа в Россию (XIX – начало XX вв.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16 – 17 мая 2006 г. / под ред. В.В. Дегоева. – М., 2007. – С. 89–98.

С.Б. Маньшев, И.О. Чумаченко (Махачкала)

«В ОДНОЙ ТОЛЬКО СКЛОННОСТИ К БУЙСТВУ И ГРАБИТЕЛЬСТВУ МЕЖДУ СОБОЙ СХОДНЫ...»

(Кавказ и кавказцы в программных документах декабристов)¹

Русское общество в первой половине XIX в. имело смутные представления о Кавказе и его населении – край этот оставался неизведанным и рассказы о нем были наполнены всевозможными фантастическими слухами. Как отмечает Ю.Ю. Клычников, «и “консерваторы” и “демократы” одинаково плохо разбирались в кавказских реалиях, подменяли их своими домыслами и фантазиями» [2, с. 105]. Не были исключением и декабристы, подавляющее число которых имели о Кавказе весьма смутные представления, для них здесь также обитали «хищники», которые часто совершали разбои и грабежи [1, с. 43–47]². Здесь уместно вспомнить слова Ю.М. Лотмана, который характеризуя «инаковость» декабристов все же отмечал, что для характеристики их бытового поведения нельзя не учитывать все те социокультурные маркеры, которые были характерны для эпохи в целом [4, с. 25–28].

¹Выполнено в рамках исполнения государственного задания № 6.1751.2011. По теме: "Культурно-исторические последствия развития Дагестана в составе России". Руководитель - д.и.н., профессор, проректор ДГУ М.М. Гасанов.

²Представления декабристов, сосланных на Кавказ, о его народах, были значительно шире стереотипов, связанных с образом «хищника» и т.п.. См.: Дударев С.Л., Дударев Д.С. Вклад декабристов в формирование толерантного отношения российского общества к народам Северного Кавказа. Исторические очерки. – Армавир, 2012. - *Ред.*

По мнению Пестеля, все «периферийные» народы Российской империи, «никогда не пользовались и никогда пользоваться не могут самостоятельною независимостью и всегда принадлежали или самой России» или же другим мировым империям, поэтому необходимо сращение и ассимиляция этих народов внутри государства [5, с. 335–336]. Выражаясь современным языком П. Пестель в «Русской правде» отрицает какой бы то ни было мультикультурализм, предполагая слияние в едином государстве всех народов, с целью составить «из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были русские» [5, с. 373]. С этой целью, например, П. Пестель предлагал разделить все кавказские народы на «буйных» и «мирных», и «буйных» «силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем Русским волостям» [5, с. 366].

В «Русской правде» отмечается поликонфессиональность Кавказа, а также то, что его народы «на разных языках говорят, многообразные обычаи и образ управления имеют». При этом подчеркивается, что сходством всех кавказских народов является «склонность к буйству и грабительству» [5, с. 365].

Пестель отмечает необходимость присоединения к Российскому государству неподвластных земель кавказских горских народов, «которые лежат к северу от границ с Персиею и Турциею» [5, с. 337–338]. При этом Пестель объясняет эту необходимость исключительно тем, что все попытки усмирить кавказских горцев не увенчались успехом, и они (горцы) «ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель». Поэтому присоединение к России горцев должно обезопасить ее от их разбоев и набегов [5, с. 338].

Согласно «Русской правде», должна быть образована Кавказская область с центром в городе Георгиевске. Область же подразделялась на 5 округов – Астраханский (с включением в него части Саратовской губернии), Георгиевский (с включением в него земель Черноморского войска), собственно Кавказский (на пространстве между Кубанью, Рионом и дорогой от Моздока до Тифлиса), Тифлисский округ (включая Гурию, часть Имерети и пространство к югу от Риона) и Дербентский, который располагался бы на пространстве между Георгиевским, Кавказским и Тифлисским округами [5, с. 353].

В конституционном проекте Н. Муравьева, в отличие от «Русской правды», нет радикальных оценок кавказской действительности, впрочем, Кавказ и народы, населяющие его, фактически не выступают отдельными культурными или политическими акторами в данном документе. Главное, что сближает два проекта декабристов – это уверенность в том, что единственной формой организации государства может быть такая, которая даст возможность слияния и ассимиляции разнообразных подчиненных народностей с русским народом. Относительно устройства государства Муравьев пишет: «Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей – и

не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостью, но обыкновенно страждут от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов... Федеральное или союзное правление одно решило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан» [3, с. 302]. Муравьев предлагал искусственное деление России на отдельные, но связанные между собой самоуправляющиеся единицы, которые представляли бы собой определенные автономии. Таким образом, территория России должна была быть разделена на 14 «держав» и 2 области. При этом Кавказ выделялся в отдельную «державу» со столицей в Тифлисе [3, с. 307–308].

Важным достижением декабристских конституционных проектов было то, что для всех граждан декларировались единые основные свободы, а преобладающей являлась идея равенства гражданских прав всех народов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дударев С.Л., Дударев Д.С. К вопросу об отношении декабристов к войне на Кавказе // *Caucasica. Труды Института политических и социальных исследований Черноморо-Каспийского региона*. Т. 1 / под ред. В.А. Захарова. – М., 2011. – С. 43–56.

2. Клычников Ю.Ю. Российская общественность и кавказская политика в 20-е – 30-е годы XIX века. // *Дикаревские чтения (8). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год* / науч. ред. и сост. М.В. Семенцов. – Краснодар, 2002. – С. 104–109.

3. Конституционный проект Н.М. Муравьева. 1825 г. // *Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века* / сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевского. – М., 2010. – С. 302–322.

4. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // *Литературное наследие декабристов* / отв. ред. В.Г. Базанов, В.Э. Вацура. – Л., 1975. – С. 25–74.

5. «Русская правда». Конституционный проект П.И. Пестеля. 1825 г. // *Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века* / сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевского. – М., 2010. – С. 323–399.

О.В. Матвеев (Краснодар)

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» АРМЯНЕ: К ПРОБЛЕМЕ КОНТАКТНЫХ ЗОН КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Социальное структурирование исторического пространства войны связано с выделением таких объективных и субъективных характеристик, как «свое / чужое», соединение / разделение. Важны и такие социальные измерения, как ценности военного пространства, соотношение социального и личного, пространственный опыт участников войны [16, с. 157–159]. В статье предпринята попытка обозначить социальные роли представите-

лей армянского народа в пространстве одного из «фронтов» Кавказской войны – Северо-Западного Кавказа.

Постоянно сталкиваясь на дорогах своей истории с воинственными иноверцами, армяне выработали уникальный опыт приспособления к окружающему социальному и этническому пространству, обзавелись переходящими из поколения в поколение навыками торговли, превратились во влиятельную и сплочённую прослойку негоциантов [6, с. 31]. Поэтому посредничество между нередко враждебными мирами на Кавказе было их естественным состоянием. В пушкинистике накопилась обширная литература по поводу интерпретации брошенного в поэме «Тазит» из уст горца обращения «Ты трус, ты раб, ты армянин!». Однако многие исследователи сходятся на том, что этот отражённый в неоконченном художественном произведении стереотип лишь зафиксировал исторически сложившееся компромиссное состояние армянского народа на границах цивилизаций. Элементы такого пограничного состояния сохранялись даже тогда, когда масштабные геополитические столкновения всё же заставляли научившихся за столетия принаравливаться к этносоциальному окружению армян, в конце концов, сделать свой исторический выбор.

Прежде всего, такой выбор сделали армяне Закавказья, вошедшего в первой трети XIX в. в состав Российской империи. В их картине мира Россия воспринималась освободительницей и охранительницей «гайканского народа». Поэтому значительная часть армянского дворянства оказалась в среде офицерского корпоративного сообщества и даже генералитета Отдельного Кавказского корпуса [3, с. 101–107], а армянские сёла поставляли кадры для иррегулярных пеших и кавалерийских сотен милиции [12, с. 345]. В наследии официальных идеологов самодержавия утвердился впоследствии образ «армянина, сделавшегося русским». «Армянин, пробивший себе дорогу и стяжавший себе имя в Кавказской армии, сделался русским, пока приобрёл в рядах такой высоко и художественно-доблестной армии как Кавказская, честное имя и славу», – отмечал князь В.П. Мещерский [14, с. 107]. М.Т. Лорис-Меликов, – по мнению публициста, – не армянский генерал, а русский генерал из армян».

Однако имперская идентичность в условиях Кавказской войны не исключала пограничного состояния идентичности национальной. Особенно хорошо это прослеживается на примере начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л.М. Серебрякова. «Он был родом из Карасубазара, где у него были торговая баня, дом, жена, ходившая по-армянски в шароварах, и куча детей, – писал о Лазаре Марковиче в своих воспоминаниях генерал Г.И. Филипсон. – Во флоте Серебряков играл очень скромную роль и не имел славы хорошего морского офицера [...]. Узнав, что Серебряков хорошо знает турецкий язык, князь Меншиков взял его с собою под Анапу [...]. Серебряков успел войти в милость у князя Меншикова, который, как говорят, давал ему иногда довольно грязные поручения.

Серебряков имел бойкие умственные способности, много азиатской хитрости, расположение к военному делу и торговле и эластическую совесть» [17, с. 116]. Личное, не совсем беспристрастное отношение генерала к выдающемуся военно-административному деятелю российского Черноморья, одному из основателей Новороссийска и руководителю целого ряда масштабных военных операций на Северо-Западном Кавказе для нас важно в другом. Отмеченные Филипсоном «азиатская хитрость», «эластическая совесть», знание турецкого – языка международного общения в годы войны с горцами лишней раз подчёркивают естественное, традиционное для армянской идентичности состояние посредничества, пограничности мироощущения адмирала, посвятившего себя служению российской государственности. Эти качества не раз позволяли Л.М. Серебрякову находить компромиссные решения в, казалось бы, бескомпромиссной Кавказской войне. Генерал Н.Н. Раевский докладывал военному министру 15 ноября 1841 г. об одном из движений войск Л.М. Серебрякова мимо враждебных шапсугских аулов: «Шапсуги, коих жилища весьма близко, в богатых долинах за хребтом Марткох, тотчас подняли тревогу и стали собираться, но не начали перестрелки. Контр-адм. Серебряков подозвал некоторых из них и приказал им объявить, что он идёт не для разорения их жилищ, а дабы ознакомиться с местностью и убедить их, что их ущелья во всякое время доступны нашим войскам, если окажется нужным наказать их за враждебные нам действия. Толпа Шапсугов всё увеличивалась, они подъезжали с доверчивостью к отряду и провожали его мирно; но когда уже нужно было спускаться к Новороссийску, пешие горцы заняли перелесок и открыли огонь по арьергарду. Перестрелка сделалась довольно живою с обеих сторон, но как уже время было позднее и войска довольно утомлены контр-адм. Серебряков, не сочтя нужным возвращаться, чтобы наказать горцев за их вероломство, продолжал следование [...]. Следствием этого движения было то, что Шапсуги, живущие по той стороне хребта, опасаясь враждебного посещения нашими войсками их жилищ, стали приходить в Новороссийск для торговли и с уверениями в своих мирных расположениях» [1, № 440, с. 519–520]. О другом переходе войск Серебрякова из Новороссийска в форт Раевский сообщалось, что отряд «шёл подле самых аулов в светлую ночь, но это не произвело никакой тревоги, кое-где выбегали полусонные жители, но тотчас успокаивались и возвращались в свои дома, говоря, что боятся появления наших войск не они, а их жёны». На обратном пути отряд Серебрякова сопровождал тяжело нагруженный обоз. «Горцы выходили толпами из жилищ своих, – сообщал Н.Н. Раевский, – но большею частью безоружные, они все имели совершенно спокойный вид и говорили, что уверены в нашем миролюбии. Подъём обоза на хребет задержал отряд часа на три, в продолжение коих не переставали прибывать со всех сторон соседние горцы; более почётные явились к контр-адм. Серебрякову с пирогами, пастою, сыром и бузою; простолюдины, с одним

топором, метались в толпе солдат, помогая им около обоза. Число горцев было так велико, что тут было почти всё окрестное народонаселение; даже дети прибегали вместе с взрослыми, не оказывая никакой робости. Порядок и строгая дисциплина, которая контр-адм. Серебряков всегда содержит в войсках при этих движениях, вселяет особую уверенность к нему горцев и вполне заслуживает одобрения» [1, № 441, с. 523-524.8].

О хорошем знании мира своих противников свидетельствует обстоятельная многостраничная записка вице-адмирала Л.М. Серебрякова от 11 декабря 1852 г., посвящённая анализу религиозных верований горцев [2, № 240, с. 233–237]. Изрядным владением информацией о набеговых традициях адыгов можно объяснить и случаи, когда Л.М. Серебряков занимал непримиримо жёсткую позицию в отношении неприятеля. Г.И. Филиппсон вспоминал эпизод, когда «в 1842 году к начальнику отряда, действовавшего в стране нутухайцев, контр-адмиралу Серебрякову, приехала депутация для переговоров из пяти человек, четверо были седые старики, пятый безбородый юноша. Серебряков говорил с депутатами по-турецки без переводчика и начал с того, что упрекнул народ нутухайский за то, что прислал для переговоров такого мальчика, которому следует молчать и слушать старших; я был при этом разговоре. Серебряков спросил меня, понял ли я ответ одного из старцев депутатов. Я сказал, если не ошибаюсь, старик говорит, что, хотя молодой человек действительно молод, но он сын очень почтенного родителя, которому 80 лет и который никогда не воровал. «Плохо же вы поняли, – сказал Серебряков, – он 80 лет воровал, но ни разу не был пойман; оттого его сыну и сделан такой почёт» [17, с. 81].

В начале 1841 г. Л.М. Серебряков предполагал воспользоваться тяжёлым продовольственным положением горцев и привести их в покорность. В отличие от генерала Н.Н. Раевского, щеголявшего фразами о гуманном отношении к черкесам на фоне истребления последними целого ряда обессиленными болезнями гарнизонов русских фортов, Л.М. Серебряков предполагал отпустить муку и сало в обмен на заключение мира. На позиции адмирала сказался собственный опыт: в марте 1840 г. в Новороссийске в помощь горцам он открыл для них меновую торговлю на муку, но вскоре узнал, что черкесы, «обеспечив себя запасами, отправлялись потом к враждебным сборищам» [1, № 433, с. 498]. Не принадлежа, как Н.Н. Раевский, к представителям гуманистической идеологии «золотого века» русской культуры [5, с. 678], Л.М. Серебряков исходил не из красивых либеральных представлений, а из реальных знаний менталитета горцев в условиях спровоцированного английскими эmissарами отказа от посевов зерновых культур и кровавого вооружённого нападения на русские гарнизоны.

Я.А. Гордин, посвятивший специальную главу своего исследования проектам Л.М. Серебрякова о покорении Кавказа, пришёл к выводу, что адмирал принадлежал к новой для империи категории дворян. Несмотря на стремительную интеграцию этой сословной группы «в психологический и

профессиональный контекст исконно русского дворянства», над ней не тяготела имперская психологическая традиция» [7, с. 240]. В отличие от «романтика завоевания» генерала И.Р. Анрепа, плохо знавшего горцев и исходившего из общих схем, которые при всём их благородстве давали противоположный результат, Серебряков был классическим «кавказцем». Военачальник стратегического масштаба, адмирал прекрасно знал, что любой дружественный жест в данной ситуации будет восприниматься неприятелем как проявление слабости [7, с. 246–247].

Пограничное состояние армян в войне на Западном Кавказе хорошо характеризует в рамках категории «свои / чужие» черкесо-гаев. О «чужих» для России черкесо-гаях писал Теофил Лапинский, командир отряда польских авантюристов, действовавшего на стороне горцев. Живущие «в своих коммунах в стране адыгов» армяне, – отмечал он, – принимают участие во всех больших сражениях абазов с русскими» [13, с. 75]. Кроме того, в Закубанье черкесо-гаи занимались тем, с чем так отчаянно боролось русское командование – работоторговлей. «Главная торговля их была с Турками, – сообщал в 1840 г. один из авторитетных источников, – у которых, выменивали большую часть товаров на русских пленных обоего пола и на молодых азиаток, которых получали у горцев» [8, л. 5 об.].

Переселение генералом Г.Х. Зассом черкесо-гаев на левый берег Кубани позволило не только сохранить последним свою идентичность и память о легендарном родоначальнике армян по имени Гайк, но и заполучить верных союзников. «Когда горцы, живущие на Белой речке, узнали силу нашего оружия, – писал Г.Х. Засс в «Журнале военных действий Лабинского отряда за 1840 год», – я заставил их выдать армян и поселил на Кубани. Теперь под щитом нашего правительства промышленность их свободно развивается, они составляют одно сообщество» [8, л. 5 об.]. Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин в рапорте военному министру от 30 января 1838 г. отмечал: горские армяне, «претерпевая от владельцев своих разорение и будучи христианами, имели право на защиту нашего правительства. Больших трудов, однако же, стоило склонить хозяев аулов выпустить из под власти Армянские семейства, бывшие жертвою их корыстолюбия [...]. На предназначенном месте жительства Армяне найдут с избытком средства для земледелия и скотоводства; при предприимчивости своей в торговых оборотах и промышленности они скоро могут упрочить своё благосостояние и принести пользу даже в отношении распространения промышленности между Закубанцами. При навыках обороны, приобретённых ими между горцами, они, как полагает ген. Засс, с помощью небольшого гарнизона, легко могут защитить свои семейства от нападений хищников» [1, № 385, с. 445].

Переселив черкесо-гаев под прикрытия крепости Прочный Окоп, русское командование на Западном Кавказе получило превосходную иррегулярную милицию, которая успешно охраняла участок границы между

станциями Убеженской и Григориполисской, а также участвовала вместе с казаками и верными Росси горцами в походах против немирных аулов. Генерал-майор Н.И. Евдокимов сообщал 13 июля 1853 г., что узнав от лазутчиков намерение Мухаммед-Амина напасть на станицы Лабинской линии, он сосредоточил между станицами Михайловской и Константиновской сотни казаков 3-й и 4-й линейных бригад, «милицию приставства Бесленевских народов и Закубанских Армян» [2, № 571, с. 623]. За черкесо-гаями прочно закрепился статус «своих». В мае 1852 г. Н.И. Евдокимов сообщал, что в борьбе с баракаевцами участвовала «партия из 80-чел. *наших* (выделено нами. – О.М.) Прикубанских Черкес, Ногайцев и Армян» [2, № 566, с. 619]. «В это время, – констатировал Ф.А. Щербина, – совершенно определились позиции обеих сторон. Армяне стали для черкесов такими же гяурами, как и русские, если только не хуже их, так как это были свои отщепенцы. Черкесы обратились в глазах армян в злейших противников, в чуждую народность, по отношению к которой не должно существовать пощады ни к жизни, ни к имуществу» [18, с. 128].

Представляется, что маститый историк здесь несколько категоричен. Чересо-гаи даже в условиях русской службы сумели сохранить своё пограничное состояние, вековые традиции посредничества. «Горские армяне, – отмечает современный исследователь С.Н. Ктиторов, – прекрасно знали закубанский край, с торговыми целями они регулярно посещали различные черкесские племена, и поэтому армавирцы очень ценились в качестве разведчиков и переводчиков» [10, с. 58].

Армяне, продолжавшие жить среди «немирных» горцев, а также турецкоподданные армяне, занимающиеся контрабандной торговлей и поставлявшие оружие и боеприпасы черкесам и убыхам, в глазах русского командования принадлежали к неприятельскому лагерю. Армянские купцы доставляли в главную резиденцию наиба Шамиля на Западном Кавказе Мухаммед-Амина на реке Белой железо для подготовки артиллерийского парка [15, с. 159]. Генерал-лейтенант Н.Н. Раевский писал в апреле 1839 г.: «Армяне, живущие среди черкес, имели к ним свободный допуск, завладели всею торговлею, чтобы сохранить сию монополию, они всячески стараются удалить русских от соучастия в этом торге. Они имеют торговые отношения с контрабандистами, которые охотнее торгуют с ними, чем с горцами, потому что они имеют большие капиталы, не нарушат условий и не притесняют их, как то делают иногда горцы. Армяне сии, хотя и не враги наши, но не желают примирения горцев, потому что это ослабит их влияние. Кроме того, армяне или по болтливости, или для поддержания доверенности в горцах, сообщают сим последним и предполагаемые нами военные действия. Например, цель вверенной мне экспедиции не может быть тайной, потому что всем шкиперам известно, куда будет подвозиться продовольствие» [9, л. 22–22 об.]. Раевский считал необходимым отстранить от торговли с горцами как армян, «подданных Турции, так и армян, живущих в горах».

Однако и «чужие» армяне, выполняя во многом необходимую при всех военных конфликтах посредническую миссию, занимали буферное положение между пытающимися покорить горцев русскими войсками и отчаянно сопротивляющимися черкесами и их заморскими союзниками. Офицер Генерального штаба И.Ф. Бларамберг отмечал: «Эти армяне находятся в близких отношениях со многими черкесами вследствие своих торговых отношений; зачастую они выступают в качестве шпионов, будучи в курсе всего того, что происходит на Кавказской линии; поскольку у них есть лавки как в различных местах вдоль границ, так и в горах, они имеют возможность предупреждать черкесов о намерениях русских. Они занимаются тем, что выкупают русских пленных, платят за них своими товарами, а затем за определённую плату передают их русскому правительству, кстати говоря, с большой для себя выгодой, утверждая при этом, что поступают из соображений чистой гуманности и платят за пленных ту же цену, что требуют от правительства. В своё время они перепродавали выкупаемых таким образом пленников туркам в Анапе» [11, с. 193].

Таким образом, ход исторического развития обусловил занятие представителями армянского народа в пространстве Кавказской войны особой ниши, которая способствовала превращению линии «фронта» на Северо-Западном Кавказе в контактную зону-фронт. Традиционное пограничное состояние армянских сообществ предоставляло возможности для более глубокого «узнавания» друг друга враждующими сторонами, неофициального общения сквозь пути непримиримых идеологий и полярные картины мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК): В 12 томах / под ред. А.А. Берге. Т. IX. – Тифлис, 1884.
2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК): В 12 томах / под ред. А.А. Берге. Т. X. – Тифлис, 1885.
3. Асадов Ю. Генералы русской армии армянского происхождения на Северном Кавказе в XIX в. // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Материалы региональной научно-практической конференции / научн. ред. В.К. Чумаченко. – Краснодар, 2002.
5. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004.
6. Винорадов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи). – Армавир, 1995.
7. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 347. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 62.
10. Ктиоров С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). – Армавир, 2002.
11. Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов) / сост., авт. предисл. и примеч. Х.М. Казанов. – Нальчик, 1993.
12. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX в. – СПб., 2008.

13. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / пер. В.К. Гарданова. – Нальчик, 1995.
14. Мещерский В.П. Кавказский путевой дневник. – СПб., 1876.
15. Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп, 2007.
16. Сенявская Е.С. Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005 / 2006. Актуальные проблемы изучения / гл. ред., сост. Е.С. Сенявская. – М., 2006.
17. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000.
18. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. – Краснодар, 2010.

М.С. Мишунькина (Армавир)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АВИАПОЛКУ «НОЧНЫХ ВЕДЬМ»

*Пусть эти тихие и скромные У-2,
Не из металла грудь и не из стали крылья,
Но сложатся легенды и в словах.
Переплетется сказочное с былью...*

Н. Меклин

Думаю, многие видели художественный фильм «В небе ночные ведьмы», посвященный летчицам Великой Отечественной войны. Он основан на реальных событиях и фактах, хотя мировая военная история до этой войны не знала авиационного полка, целиком состоявшего из женщин. На маленьких легкокрылых самолетах девушки 18-22 лет вылетали по ночам бомбить вражеские объекты. «Русфанер» называли фашисты эти летательные аппараты, а тех, кто ими управлял, – «ночными ведьмами», потому что наносимый ими урон был несоизмерим с боевыми возможностями маленьких По-2. Во всей нашей авиации не было больше полка, летавшего на По-2, который за три года боев сумел бы сделать 24 тысячи боевых вылетов [2, с. 85-96]. Это был женский авиаполк, в котором 23 летчицам и штурманам было присвоено звание Героя Советского Союза, а в наше время - Героя России (2) и Героя Республики Казахстан (1). Это был полк, в котором одновременно с боевыми действиями непрерывно обучали и вводили в строй новых летчиков и штурманов, и в результате его состав удвоился, несмотря на потери. Для этого полка, строили деревянные взлетные полосы, в котором обслуживали полеты бригадным методом.

Летчицы, которые в него пришли, были яркими личностями, с высоким мастерством пилотирования. Ведь для того чтобы женщина окон-

чила летную школу или аэроклуб, она должна была обладать подлинной влюбленностью в небо, страстью к полетам. Тогда она могла стать инструктором аэроклуба, командиром отряда, пилотом пассажирского лайнера. А штурманами у них стали в основном студентки вузов - математики, физики, историки, уже проявившие способность к науке и пожертвовавшие ею, чтобы помочь Родине.

Этот авиаполк не только прославился в годы войны своей боевой силой и смелостью, но и теплой атмосферой межэтнических взаимоотношений в коллективе. Состав полка не был однороден по своему национальному составу, но ни разу летчицы не столкнулись с проблемой межнациональных конфликтов в своей среде. В 46-м Гвардейском Таманском авиаполку около 90% составляли русские девушки и только 10% других национальностей. В данном полку были и украинки, и татарки, одна еврейка, и даже одна представительница Казахской ССР [3, с. 64-75].

Они все быстро освоили новую специальность и внесли в полк особую атмосферу: в краткие перерывы между боями проводились философские и тактические конференции, выпускались литературные журналы, писались стихи. В свободное от полётов время летчицы писали письма родным и близким друзьям, которые находились в тылу и рассказывали им о том, как им живётся на линии фронта. Многие русские девушки за три года войны успели освоить языки и традиции других национальных культур, а взамен знакомили своих иноэтничных подруг с традициями своего народа.

У них не было соперничества между собой ни в небе, ни на земле. Все жили дружно, праздновали свои маленькие и большие победы, когда им вручали очередные ордена и медали, но также вместе и переживали душевную боль от потери своих боевых подруг. Так, например, было, когда погибли их лучшие лётчицы Евдокия Ивановна Носаль, Евгения Максимовна Руднева и многие другие, боровшиеся за освобождение любимой Родины. Все эти девушки перед каждым вылетом говорили своим техникам и вооруженцам не горевать, если они вдруг не вернутся с боевого задания, а если так происходило, то те пели их любимые песни [1, с. 3].

Все летчицы праздновали свои национальные праздники, когда им это удавалось между воздушными сражениями. Иногда бывало, что Новый год, Рождество или Пасху они отмечали несколько раз, если кто-то из девушек из-за боевого задания в день праздника отсутствовал. Обязательной традицией в такие дни было дарение маленьких подарков [4, с. 76-78].

Так же у многих девушек были своего рода обереги, как они сами считали, они их защитят от всех бед, как в небе, так и на земле. У многих летчиц на приборной доске управления самолёта, были прикреплены фотографии любимых, иконки. Однажды их полк случайно посетил священник, который обходил наши боевые расчёты со своим благословением на скорейшее освобождение страны от захватчиков. Все православные девушки прошли обряд причащения и исповедания, а остальные девушки,

приверженцы других религий, просто с ним поговорили, получив благословение священника. Так же были окроплены святой водой их боевые машины, за что летчицы были ему очень благодарны. И даже, исходя из этого мимолетного, казалось бы, случая, можно сделать выводы, что все девушки были верующими в Бога людьми, хотя они молились по-разному, но суть от этого не менялась [3, с. 75-80].

Так же во взаимоотношениях в полку можно проследить то, чего не видно на первый взгляд, - то, как на них влияли их непосредственные командиры. Командир авиаполка Евдокия Давыдовна Бершанская и заместитель по политической части Ирина Ракобольская стали для них примером подражания не только в бою, но и вне боя. Они для многих молодых девушек стали мамами, к которым можно было обратиться с любой просьбой или просто «поплакаться в жилетку», так чтобы другие не видели и не разлагалась дисциплина. Для командира Е.Д.Бершанской они стали настолько родными, что когда они погибали, она плакала в тайне от всех, так как была чуткой и не могла держать в себе всю ту боль, которую причинила война.

Таким образом, всех летчиц полка «ночных ведьм» объединяли взаимное уважение, дружба, сопереживание подругам и стремление во что бы то ни стало победить врага. В боевых условиях разница национальных культур не являлась поводом для конфликтов, а наоборот вносила особый колорит в военную повседневность защитниц Родины, создавала условия для знакомства с чужим языком и традициями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреева Л. Прыжок из горящего самолета // Вольная Кубань. - 1998.- 20 июня. - С. 3. (О Герое Советского Союза гвардии капитане О.А. Санфириной, уроженке г. Краснодара. Погибла в годы ВОВ).
2. Магид А.С. Гвардейский Таманский авиационный полк. - М.: ДОСААФ, 1960.
3. Раскова М.М. Записки штурмана. - М.: ДОСААФ, 1976.
4. Чечнева М. Память - это не только воспоминание. - М., 1975.

О.С. Мутиева (Махачкала)

ВЛИЯНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ КАЗАКОВ

Представители разных этносов вошли в состав российского государства на разных этапах его становления и развития. Как показывает история, живя бок о бок, представители разных народов находили все же точки соприкосновения и взаимодействовали, что нашло отражение в материальной и духовной культуре, в обычаях, нравах, обрядах – словом во всем, что составляет быт народа.

Все это с полным основанием можно отнести и к терским казакам, которые оказавшись в специфических условиях иноэтнического окружения, неизбежно вобрали в себя многое из того, что не составляло их изначальную этническую сущность. Сближение северокавказских культур с русской протекало в разное время по-разному. Но можно предполагать, что казачество вынуждено было приспосабливаться к условиям жизни на новом месте, заимствуя от чеченцев, кумыков и других многие хозяйственные навыки, особенности быта и прочее, при этом сохраняя и свою самобытность.

По словам Л.Б. Заседателевой, «с самого начала традиционный казачий быт на Северном Кавказе представлял собой специфическую вариацию традиционного русского крестьянского быта, проявлявшего себя в особых исторических условиях и особом этническом окружении, что дополнительно накладывало на него своеобразный «кавказский колорит» [2, с. 38.]

Чаще всего взаимовлияние отмечается исследователями в постройках, домашней утвари, одежде, обуви, пище, языке и т.п. Именно в этом направлении делает свой анализ Н.П. Гриценко. Характеризуя быт и нравы кавказских горцев и терских казаков, автор подчеркивает их «взаимное влияние друг на друга» [1, с. 56] Это же отмечал И. Попко. «Горцы Северного Кавказа, - писал он, - оказали известное влияние и на материальную культуру русских переселенцев. Терско-гребенские казаки переняли у горцев одежду, снаряжение, вооружение и прочее» [5, с. 51].

Оказавшись в иноэтническом окружении и находясь в непосредственном контакте с местным горским населением, казаки не могли не заимствовать у них элементы их культуры, в том числе и материальной. Жилище казаки ставили на манер русских изб и украинских хат, но внутреннее убранство они перенимали у местного населения. Стены комнат они на кавказский манер украшали коврами, на них развешивалось оружие, в углу горкой возвышались постели, а на самом видном месте красовались на полочках тщательно вычищенная и нарядно расставленная посуда. Л.Н. Толстой в «Казаках», описывая внутреннее убранство казачьей комнаты, писал: «...на боковых стенах висели медные тазы и оружие. ...Во второй комнате была большая печь, лавки и староверческие иконы» [6, с. 99].

Смешанный этнический состав казачества отразился и на бытовании в старых казачьих поселениях типично кавказских построек. Так, с самого начала большое распространение здесь получили «сакли», строившиеся по местному образцу из сырцового кирпича или турлучные. Сакли имели плоскую крышу, нижнее основание которой у горцев зачастую было для нижерасположенной сакли потолком. Встречались сакли с плоскими крышами и на два ската, с небольшим уклоном кровли. Выполняя на раннем этапе роль жилых помещений, сакли постепенно превратились в подсобные строения, используемые для различных хозяйственных нужд [3, с. 498].

Одним из элементов материальной культуры является одежда. К концу XVIII - началу XIX века в одежде появляется много элементов ме-

стного горского костюма, особенно у казачек. Так, среди казачек распространяется длинное до пят платье горского типа (архалук). Большие платки казачки носили также на горский манер, перебросив один конец через левое плечо, другой, оставляя свободно висеть на спине.

Интересно отметить, что казачки, как и горянки Дагестана, считали неудобным при посторонних ходить с непокрытой головой. Казаки заимствовали именно этот обычай. Девушки у них также не появлялись без головных уборов.

Влиянием горского быта можно объяснить широкое распространение у казачек многочисленных украшений из серебра, металлов (серебряные пояса, серьги, бусы, кольца, браслеты и т.п.).

Пища казаков включала в себя наряду со славянскими блюдами множество заимствований у местного населения. Казакам в условиях отсутствия своего собственного зернового хлеба, приходилось постоянно покупать его, а вместе с ним и другие зерновые культуры. Хлеб им часто заменяла приготовленная из проса саламата (густая просяная каша), пользовавшаяся огромной популярностью, а также кваша и кулага, напоминавшие по способу приготовления и использования пасте – пшеничную кашу соседних адыгских и других народов Северного Кавказа [4, с. 99]. Как и у горских народов, у казаков популярностью пользовался соленый и сушеный овечий и козий сыр, а также мучные изделия с добавлением в пресное тесто соленого творога и сыра, явно заимствованные у местного населения [4, с. 99].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на протяжении веков на Нижнем Тереке складывался особый этнокультурный пласт, на формирование которого оказали воздействие тесные взаимоотношения терского казачества с северокавказскими народами, их взаимовлияния на различные стороны культуры и быта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков и их взаимное влияние друг на друга // Археологический и этнографический сборник. – Грозный, 1972. - С. 56.
2. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI-XIX в. // Кавказский этнографический сборник. - Т.8. - М., 1984. - С. 38.
3. История народов Северного Кавказа... - С. 498.
4. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XV - 30-годы XVIII в. – М., 1963. - С. 99.
5. Попко И. Указ. соч. - С. 51.
6. Толстой Л.Н. Казаки. Кавказская повесть 1852 года // Собр. Соч. в 20-ти томах. – Т.3. - С. 99.

И.В. Пащенко, А.Т. Урушадзе (Ростов-на-Дону)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КAVKAZE КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА*

Включение кавказских территорий в состав Российской империи сопровождалось серией военно-политических конфликтов вошедших в историю под общим названием Кавказская война. Однако, и после ее завершения в 1864 г. и окончательного присоединения Северного Кавказа, южную окраину империи периодически продолжали сотрясать столкновения различного масштаба и характера. Наиболее кризисными периодами являлись годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и время первой русской революции 1905-1907 гг. В стремлении «умиротворить» беспокойный Кавказ имперская администрация прибегала не только к мерам военно-силового давления на местные общества, но пыталась реализовать и «цивилизаторскую миссию», распространив в крае новое европейское образование и просвещение.

В данной работе мы попытаемся выделить основные функции образовательной политики империи в регионе, определить ее роль в «замирении Кавказа» и оценить эффективность проводимых преобразований культурно-познавательного ландшафта региона.

Первые шаги в распространении образования и просвещения на Кавказе были омрачены курьезом. Главном начальствующий в Грузии князь П.Д. Цицианов в отношении к министру народного просвещения графу П.В. Завадовскому от 28 декабря 1802 г. сообщал об открытии 22 сентября того же года в Тифлисе училища «для обучения благородного Грузинского юношества» [1, с. 195]. В училище планировалось обучать чтению и письму на русском и грузинском языках, а число учеников должно было составлять 45 человек. Однако, вернувшись в Тифлис, П.Д. Цицианов не смог обнаружить «ни учеников, ни учителей, ни даже училища», о чем с прискорбием сообщал министру [1, с. 197]. Несмотря на первую неудачу, Павел Дмитриевич не оставил задуманного. Училище удалось открыть 21 мая 1804 г. Кроме того, П.Д. Цицианов рассчитывал открыть подобные училища в Гори и Телави [1, с. 198]. Главной задачей училища князь П.Д. Цицианов определил – дать «твердое и полезное основание Российскому языку» [1, с. 196].

В повседневной работе имперской администрации постоянно возникали серьезные сложности ввиду незнания большей частью населения Кавказа русского языка. Указы имперских властей публиковались на рус-

---

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Практики насилия на Северном Кавказе: генетические признаки, формы проявления, динамика и тенденции», грант Президента Российской Федерации МК - 4453.2011.6

ском языке и оставались для местных жителей «загадочными письменами» [7, л. 112-113]. Финансировать училище предполагалось за счет доходов от продажи шелка. П.Д. Цицианов надеялся, что деятельность училища поможет имперской администрации избавиться от такого порока как «недостаток в переводчиках» [1, с. 197]. Необходимо отметить, что переводчики нужны были, прежде всего, лично П.Д. Цицианову, который, несмотря на своё грузинское происхождение, не владел грузинским языком, отчего, вероятно, испытывал сильный дискомфорт в общении с соплеменниками.

Для России появление новых учебных заведений на окраинах государства, с одной стороны, очевидно, было воплощением имперской миссии, смысл которой отчетливо сформулировал в 1817 г. С.С. Уваров, в то время президент Российской академии наук, а также попечитель Петербургского учебного округа: «Никакая сила человеческая не может более противоборствовать могущественному гению Европы. В общем просвещении находится залог общей независимости. Завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных – тщетная, кровавая мечта, но побеждать просвещением... распространением наук и художеств, образованием и благодеянием побежденных – вот единственный способ завоевания, от коего ныне можно ожидать прочности вековой...» [10, с. 144].

С.С. Уваров имел значительное влияние во властных верхах, не случайно впоследствии он стал главным идеологом русского самодержавия. Вероятно, его слова отражали воззрения имперской власти на способы утверждения российского влияния во вновь присоединенных территориях. Новые оттенки к концепции С.С. Уварова добавила речь профессора Казанского университета О.М. Ковалевского (1801-1878), прочитанная им во время университетского торжественного собрания 8 августа 1837 года. О.М. Ковалевский отметил, что России принадлежит почетная роль осуществления синтеза европейских и азиатских культур: «... Провидение, управляющее судьбами России, предназначило ей быть посредницею между Европой и Азией для сообщения сей... части света плодов истинного образования, которое мы сами приобретаем с невероятным трудом...» [10, с. 155].

В то же время, с другой стороны, необходимо отметить, что с самого начала развитие образовательной сферы на Кавказе связывалось не только с глобальным имперским проектом («цивилизовать инородцев»), но, в еще большей степени, с практическими нуждами местной коронной администрации. В дальнейшем эта особенность сохранилась.

Зримым выражением этого стал пересмотр учебного курса Тифлисского благородного училища в сторону придания ему еще более «прикладного» характера. В начале 1819 г. Тифлисский губернатор Р.И. Ховен и Главнокомандующий А.П. Ермолов просят назначить новые классы (предметы) к преподаванию, а именно: 1) татарского языка, «весьма употребительного в здешнем крае, и необходимого в особенности для пользы

службы»; 2) геодезии; 3) полевой фортификации; 4) гражданской архитектуры; 5) танцев; 6) ситуации.

В 1837 г. на Кавказе было открыто еще одно крупное учебное заведение – Ставропольская гимназия. При этом имперские власти активно использовали опыт, полученный в деле организации Тифлисского благородного училища.

По социальному составу учащихся крупнейшие образовательные центры Кавказского края были преимущественно «дворянскими» или «аристократическими» [2, с. 27]. Таким образом империя рассчитывала пополнить ряды местной лояльной знати, что с успехом ей удавалось [11, с. 122]. Однако, имперская администрация продолжала испытывать острый кадровый дефицит, что предопределило слом сословных ограничений в российских учебных заведениях.

Полноценной образовательной сети на Кавказе до середины XIX столетия создано не было. Число обучавшихся было серьезно ограничено этим обстоятельством. При этом, «спрос» на образовательные услуги в крае возрастал. Имеются сведения об обращениях местных жителей к представителям российской администрации с просьбой открыть учебные заведения для горской молодежи. Так, в частности, кабардинские аристократы в 1840 г. обращались к Начальнику центра Кавказской линии генерал-майору А.Г. Пирятинскому с вопросом об открытии при Нальчикской крепости училища [12, л. 10]. Интересно, что для строительства здания желаемого училища они обязались самостоятельно «заготовить лес и все нужные к тому материалы» [12, л. 10]. Еще более интересной представляется позиция, занятая по этому вопросу эфендием Большой Кабарды Умаром-хаджи. Духовный лидер кабардинцев в письме к А.Г. Пирятинскому отмечал, что в случае если «благочестивое начальство воззрит милости о том, чтобы учредить в Кабарде училище для обучения кабардинских детей, то я обещаю все, что только мне в годовой доход при настоящей моей обязанности приходится будет, как то: из баранов, рогатого скота, меду, проса и прочего подлежащего мне в пожертвование от народа, по учреждению училища определяю на содержание оногo с полным удовольствием» [12, л. 25]. Подчеркнем, что речь шла об образовании светского учебного заведения, в котором горцы обучались бы русскому и другим языкам (восточным). Приведенное свидетельство противоречит широко распространенному мнению, согласно которому «мусульманская духовная элита Северного Кавказа с опаской следила за распространением русскоязычного светского образования» [9, с. 277]. Вероятно, часть мусульманского духовенства отчетливо осознавало масштабность последствий вхождения Северного Кавказа в культурно-цивилизационное пространство Российской империи.

Новым этапом в развитии образовательной сферы на Кавказе стало время наместничества М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). После Даргинской катастрофы (1845 г.) наместник взял курс на проведение полноценной

культурно-образовательной политики, которая смогла бы стать эффективным дополнением военно-политического давления.

Политика М.С. Воронцова в области образования и просвещения преследовала две цели: во-первых, решить проблему кадрового дефицита, а во-вторых, вовлечь значительную часть местного населения в процесс социокультурного обновления Кавказа, преодолеть отчужденность горцев от имперского проекта. Для реализации этих задач администрация М.С. Воронцова подготовила проект «Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи» [6, л. 28]. Кавказская молодежь получала возможность продолжить свое образование в столичных высших учебных заведениях после окончания курса в кавказских гимназиях. Обучение в имперских столицах становилось духовным перерождением горцев. Возвращаясь на Кавказ, они включались в империостроительство, утверждая среди соотечественников новую европейскую аксиологию.

В годы наместничества М.С. Воронцова число учащихся в кавказских гимназиях и училищах увеличивалось как за счет реорганизации имеющихся учебных заведений, так и в результате создания новых. Более чем вдвое было увеличено число учеников Ставропольской гимназии обучающихся на казенный счет (с 20 до 45). Для обеспечения учеников всем необходимым предусматривалось не только увеличение казенных расходов, но и привлечение средств из войсковых сумм казачьих войск, которые шли на обеспечение детей казаков. Воспитанники из семей «беднейших» родителей получали ежегодное финансирование в размере 250 руб. серебром, которые шли на приобретение учебных пособий и «форменного платья» [6, л. 621].

Первый Кавказский наместник обратил свое внимание и на давно созревшую необходимость учреждения на Кавказе специальных училищ для детей мусульманского вероисповедания. Так, в Тифлисе в 1847-1848 гг. были открыты два мусульманских училища для суннитов и шиитов отдельно [8, л. 127]. В течении 1849 г. были открыты еще 7 подобных училищ (в Дербенте два училища, в Баку – одно, Шемахе – два, в Шуше и Елизаветополе по одному), а общее число воспитанников мусульманских училищ составило 586 человек [3, с. 897]. Мусульмане Кавказа получили возможность дать своим детям необходимое в новых условиях российского Кавказа образование, при этом, сохранив в неприкосновенности законы ислама.

Политика М.С. Воронцова наглядно продемонстрировала жителям Кавказа возможность их интеграции в новые реалии края, в пространстве империи не было «ни эллина, ни иудея», а только подданные императора.

Несмотря на то, что кавказские социальные элиты: «Искренне и добровольно приняли имперские идеалы и с готовностью предложили свою помощь на поприще претворения их в жизнь» [5, с. 33] - замыкание имперской «цивилизаторской миссии» только на аристократических слоях было бы недальновидно сразу по нескольким причинам. Во-первых, соци-

альные процессы, происходившие в кавказских обществах, серьезно подорвали влияние традиционной родовой аристократии среди горцев. Во-вторых, образовательная сфера во многом развивалась исходя из растущих потребностей местной коронной администрации, которой были необходимы квалифицированные кадры в немалых количествах. В-третьих, империя при М.С. Воронцове и в последующие годы активно проводила модернизацию Кавказа, его комплексное переустройство, которое должно было затронуть «всех и каждого» и всем внушить «чувство преданности правительству». Сам наместник так писал о сущности проводимой им образовательной политики: «Главная же цель состоит в большем распространении уездных училищ и учреждений со временем приходских, дабы, сколь возможно более, разлить образование в народе» [3, с. 855]. О достигнутых М.С. Воронцовым результатах говорят цифры: общее число учащихся к 1851 г. составило: мужского пола – 8 117; женского пола – 296. В то время как к моменту назначения М.С. Воронцова Кавказским наместником, на Кавказе в имперских учебных заведениях всего обучалось не более 500 мужчин и женщин.

Развитие образовательной сферы стало важной составляющей политики Российской империи по «умиротворению Кавказа». Безусловно, военное давление на непокорных горцев в 1844-1854 гг. не только не уменьшилось, но и возросло, но в отличие от предыдущих периодов оно стало приносить успех. Представляется, что немаловажной причиной этой метаморфозы явилось то, что теперь с военными усилиями «шло рука об руку и преобразование гражданственности» [3, с. 875].

Имперские власти признавали эффективность развития и распространения образования и просвещения на Кавказе в деле преодоления конфликтного потенциала региона. Об этом свидетельствует и политика предпоследнего Кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова (1905-1915), который в сложных условиях системного кризиса, охватившего регион с началом первой русской революции, провел переустройство образовательной сферы, растерявшей к тому времени былую мобильность и эффективность.

Оценивая значение образования в жизни края И.И. Воронцов-Дашков отмечал: «Несомненно, что правильно поставленная русская народная школа, с началами грамотности на материнском языке, является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма в школах с турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми нерусскими идеями, и на языке преподавания, чуждом населению, в роде арабского или адзербайджанского (*так в тексте – прим. авторов*) (чуждый для всех горцев) – в тех частных мусульманских школах, куда население посылает своих детей за неимением достаточного количества русских школ» [4, с. 17-18].

Таким образом, эффективность сферы образования на Кавказе являлась одним из необходимых условий стабильного и гармоничного разви-

тия региона, залогом успешности имперской модернизации. В кавказских учебных заведениях совместно проходили обучение горцы и дети русских чиновников, офицеров, казаков, где они приобретали первый опыт «мирного общежития». Получение образования являлось не только атрибутом престижа или маркером лояльности, но, прежде всего, «билетом в жизнь», способом интеграции в новое имперское пространство Кавказа. Традиции, обычаи, стереотипы продолжали занимать свое место в мировоззрении кавказской молодежи, но не они определяли императивы поведения в большом российском социуме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее - АКАК). Т. II. – Тифлис, 1868.
2. АКАК. Т. III. – Тифлис, 1869.
3. АКАК. Т. X. – Тифлис, 1885.
4. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. – СПб., 1913. – С. 17–18.
5. Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. – Т. 1. (33). – М., 2004. – С. 33.
6. Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17.
7. РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8.
8. РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10.
9. Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. – М., 2007.
10. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). – М., 2000.
11. Стрекалов В.И. Ставропольская мужская гимназия как этнокультурная контактная зона: опыт обучения горцев в русской школе середины XIX в. // Новая локальная история. Выпуск 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. – Ставрополь, 2004.
12. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 24.

О.С. Пылков (Армавир)

О НЕКОТОРЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В КУЛЬТУРЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

События на Северном Кавказе, сопутствовавшие «Кавказской войне», а также контакты местного населения с представителями Российской империи сопровождались не только кровопролитием, но и целым рядом позитивных изменений. Важной составляющей среди этих трансформаций

было появление в среде горцев различных элементов российской и европейской культуры.

С усилением присутствия российской армии в регионе, в первой половине XIX в., этот процесс интенсифицировался. Первыми носителями российской культуры в крае, с кем встречались северокавказцы, были российские военные. Уже с начала XIX в. подобные встречи, сопровождаемые диалогом культур и взаимообменом, не ограничивались полем боя, но и происходили в мирной обстановке (в укреплениях, аулах, на меновых дворах, базарах, ярмарках и т.д.). Сведения о том, что перенимали у северокавказцев российские военные довольно обширны и содержатся в работах Н.Н. Великой, М.Ю. и В.В. Клычниковых, В.В. Лапина и др. [См.: 2; 3; 17; 21; 22; 29]. Поэтому данная статья посвящена проблеме заимствований местным населением некоторых элементов европейской и российской культуры, воспринятых в ходе взаимодействия, в том числе и с российскими военнослужащими.

В указанный период одной из норм поведения, которую старались привить местному населению российские власти, было «отвращение к грабежу и насилию», уважение к чужой собственности и понятие «о честном трудовом хлебе» [15, с. 593]. Так, при генерале А.П. Ермолове в ходе строительства дороги от Хан-Калы до селения Чертой за р. Джалгу (Джалку; чеч. – Жолкх- *прим.ред.*) рассыпанные по лесу солдаты находили женщин и детей, и «поступали с ними ласково», а обнаружив их имущество, ставили караул для охранения. Жители, удивленные подобным обращением, «из благодарности угасивали солдат, приуговавливая для них пищу» [12, с. 425; 19, с. 47]. А в Дагестане солдаты Самурского пехотного полка, по словам исследователя И. Рекалова, учили горцев порядку, уважению чужой собственности и показывали «как надо трудиться», а мирным жителям дали возможность заниматься своим трудом и «спокойно работать над своей пашней» [27, с. 12].

В других частях края, у местного населения желавшего заниматься мирным трудом и «не знавшего до тех пор, что такое безопасность» [24, с. 84], такая возможность возникала при наличии поблизости российских укреплений и войск. Например, в начале 1840-х гг. стада горцев паслись у стен Новотроицкого укрепления на Черноморской береговой линии, а местное население, с разрешения коменданта капитана Мамонтова, пахало землю рядом с укреплением [34, с. 317]. Это же отмечал и наиб имам Шамиля, Магомет-Амин, который был чрезвычайно удивлен, увидев, что во многих местах жители Северо-Западного Кавказа, «пахали землю и сеяли траву рядом с русскими солдатами» [23, с. 49]. Под охраной российских войск горцы спокойно пасли свой скот и на Северо-Восточном Кавказе. Так, в 1846 г. у укрепления Темир-Хан-Шура «по устоявшемуся порядку» с появлением подножного корма на пастбу выгонялись принадлежащие горцам лошади и быки, а «для прикрытия их назначалась по очере-

ди от войск расположенных в укреплении, рота в полном составе» [13, с. 44-45]. В 1850-е гг., под защитой российских гарнизонов от нападений Шамиля, «пахотными работами» занимались жители аулов Истису, Кадии-Юрт, Айсунгур, Амир-Аджи-Юрт и др. По тревоге, из укреплений, «летели защитники новых подданных России» и «сражаясь в рядах с новыми друзьями, отстаивали их табуны, семьи и жилища» [15, с. 595-596].

Российские крепости служили не только источниками стабильности и безопасности, но становились местом культурного обмена военных и горцев, приходивших сюда с различными целями (торговля, лечение, посещение знакомых и т.д.). Поселение горцев в аулах, расположенных поблизости от крупных российских крепостей (Владикавказ, Грозная и др.), где процветала торговля и взаимный обмен, оказывало влияние на перемены в быту и образе их жизни. Средства, вырученные от продажи «гуземных произведений», горцы могли употреблять на улучшение собственных материальных условий. При этом достаток не заставлял их рисковать жизнью «для приобретения коровы или пары баранов в чужом ауле» [15, с. 586].

Посещение базаров, ярмарок, меновых дворов при крепостях, для местного населения, также становилось формой досуга, способом информационного обмена и контактов со знакомыми. Так, одной из категорий северокавказцев, которые «от скуки и бездействия в аулах, бегут в укрепления», где «праздность их имеет хоть какое-нибудь занятие», были молодые горцы. Здесь они целыми днями бродили по улицам «засматривая в окна, не позовет ли их кунак-апцер (приятель-офицер)» в гости. При этом горцы быстро изучали русский язык, перенимали «наши манеры и даже привычки...» и «делались смелее в обращении», поражая «новичков знанием приличий» [15, с. 594]. К сожалению, не всегда усваивалось только хорошее, имевшее положительное влияние, но перенимались и некоторые дурные черты [20, с. 341]. Случалось, что горская молодежь в компании офицеров, лишенных других форм досуга, проводила время за карточной игрой [4, с. 76], где училась «прекрасно метать штосс, банк» (разновидность карточных игр – О.П.). Однако, как отмечает Н. Августинович, «смешно было бы обвинять наши войска в развращении горцев», поскольку негативные заимствования были присущи и для других народов соприкасавшихся с европейской цивилизацией [15, с. 595].

В учебных заведениях (аманатские школы, училища, гимназии и пансионаты) при российских укреплениях, дети представителей местного населения получали начальное светское образование. Так, 1 февраля 1829 г. в крепости Нальчик по предложению выдающегося адыгского просветителя Шоры Ногмова была открыта аманатская школа [31, с. 15]. В результате обучения в школе русскому языку (читать, писать и говорить по-русски), арифметике и др. предметам, дети возвращались домой «меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей

неприязни к русским», более образованными, развитыми и «приобщенными к европейским нравам» [18, с. 41].

В укрепления горцы приглашались на торжественные и досуговые мероприятия (балы, вечера и т.д.) по европейскому образцу, принимали участие в танцах (кадриль, вальс, лезгинка и т.д.). Например, в 1812 г. в Георгиевске проводились вечера, где внимание дам привлекали не только военнослужащие, но и приглашенные «красивые, статные туземные князья из горцев» из-за Кубани и из Кабарды, находившиеся в крепости по разным делам [11, с. 48-52]. В 1820-30-е гг. XIX в. князья из окрестных мирных аулов посещали торжественные балы во Владикавказской крепости, которые устраивал комендант Николай Петрович Скворцов [16]. А в Дагестане, в российском укреплении рядом с аварским аулом Кутиша по приказанию генерала Ивана Давыдовича Лазарева, для съезжавшихся в Кутишу горцев (муллы, кадии, старшины аулов, почетные жители и др.) из самых отдаленных аулов, давались парадные обеды, в ходе которых «целый день, с утра до вечера, стреляли из пушек и ружей, пускали ракеты, пели народные певцы, и не умолкала зурна», а после вечерней молитвы «зажигался фейерверк, окончательно поражающий... горцев, никогда не видевших такой массы разноцветного огня, освещавшего их горы» [6, с. 98-99].

Результатом контактов северокавказцев с представителями российской и европейской культуры, становилось, например, восприятие музыкальных инструментов (гармоники, балалайка или пандуры), предметов быта (зеркала, диваны и др. мебель), новых слов из русской речи (печь, стол, самовар), форм приветствия (рукопожатие), постоянных и пригодных для колесного транспорта дорог и средств передвижения по ним, одежды на «европейский манер», табака, напитков (чай, водка и портер «до которых горцы большие охотники», ром, шампанское), посевные культуры (пшеница, ячмень, овес и т.д.) и т.д. [1, с. 40, 42; 5, с. 90; 24, с. 403; 30, с. 15; 32, с. 216, 240; 33, с. 97]. Так, без водки и чая «не происходило никакого угощения при торжественных случаях», а у многих «обычай пить чай утром вошел в обыкновение» [15, с. 586]. Даже в горах зажиточные чеченцы имели привычку пить чай (шакыр по-чеченски), который туда доставлялся как контрабанда и считался лакомством. А во время свадеб у чеченцев, по словам российского офицера М.Я. Ольшевского, в огромном количестве истреблялась «баранина и водка или, правильнее сказать, наша сивуха...». Водка считалась разновидностью «араков», которые делались из хлебного зерна и варились, в противовес вину из винограда, которое запрещено к употреблению в исламе. При этом, по словам офицера, не смотря на то, что «чеченцы, как и другие горцы, очень любят нашу водку, и хотя пьют много, но никогда не напиваются ею до такой степени, чтобы на ногах не стояли» [25, с. 132]. На Северо-Западном Кавказе водка тоже потреблялась, например, адыгами, которые лечились в российских госпиталях при укреп-

лениях Черноморской береговой линии, а также представителя абхазской знати [8; 32, с. 241].

В ходе взаимодействия с русскими горцы знакомились и с такой формой расчета как деньги. Последние приобретались ими в качестве жалованья за службу или проделанную работу, в обмен на товары и т.д. (деньги, например, использовались для накопления калыма и содержания семей) [24, с. 83; 26, с. 563]. Получаемые от российских властей денежные суммы иногда становились своеобразным «залогом мира», посредством которого налаживались отношения между враждующими аулами. Так, мир между чахкеринцами и атагинцами был восстановлен благодаря тому, что невесте и жениху (атагинке и чахкеринцу) российские военные власти обещали выдать сумму в 25 руб. серебром (сумма «по тогдашним понятиям чеченцев была значительна»), если «свадьба, желаемая русскими, состоится» [25, с. 133].

В первой половине XIX в. горцы знакомились и с новым для себя типом построек (рубленые избы и др. здания). Деловые отношения «полковых ремесленников» с северокавказцами, сказывались на изменении облика жилищ горцев. Военнослужащие, в том числе и отставные солдаты, которые приходили на заработки в горские аулы, привносили новые элементы в жилищное строительство горцев (печи, окна с рамами, черепица и др.) [7, с. 48]. Некоторые представители местной знати из мирных чеченцев, при участии российских военных, строили у себя рубленые деревянные постройки. А немирных чеченцев с подобной техникой строительства знакомили беглые солдаты (среди них были часовщики, кузнецы, плотники и т.д.) [1, с. 39; 28, с. 81].

Российские типы построек появлялись в горских аулах и в других частях края. Так, в корреспонденции газеты «Кавказ» за 1848 г. говорилось: «Кабардинцы особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение и по общему замечанию, отличаются охотою к хозяйственным занятиям и стремлением к просвещению. Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания» [14, с. 88]. Итогом этого становилось строительство благоустроенных селений с правильной планировкой, широкими улицами, домами на русский лад со светлыми окнами и черепичной крышей.

Изменения в быту особенно были заметными у офицеров-северокавказцев Кавказского корпуса, общавшихся с русскими офицерами и бывавших в столице. Так, домами по русскому образцу, мебелью и прочей русской обстановкой обзаводились служившие на Северном Кавказе офицеры из адыгской среды. Тоже отмечалось и на Северо-Восточном Кавказе. Например, по словам российского офицера А.М. Дондукова-

Корсакова, живший в Таш-Кичу в 1845 г. полковник Мусса-Хассай Уцмиев «благодаря своим природным дарованиям и стараньям, во время бытности в Петербурге, сделаться европейцем», свободно говорил по-французски, «имел все привычки образованного человека ... постоянно продолжал образовывать себя, много занимался и читал». Его саля была «убрана с некоторою роскошью и с европейским комфортом», а к азиатскому убранству комнат коврами и оружием «присоединялись европейская мебель, туалетные несесеры, шкафы с книгами, на столе лежали альбомы, газеты, и им получались *Revue des deux mondes* и *Journal des Debats*. » [10, с. 442-444].

Таким образом, в первой половине XIX в. события т.н. Кавказской войны сопровождали различные по своей направленности процессы, не ограничивавшиеся лишь противоборством российской армии и горцев. Важным свидетельством этого становился культурный взаимообмен. Важными пунктами в этом отношении становились российские укрепления, являвшиеся очагами культурного развития региона, центрами этнокультурных контактов, служившими «мощным источником излучения цивилизации на окружающие народы», т.к. контакты с ее обитателями оказывали смягчающее влияние на горские нравы и обычаи [9, с. 82-83]. Первыми транслятором российской и европейской культуры, с которыми соприкасалось местное население, оказывались российские военные. Для горцев взаимоотношения с военнослужащими были сопряжены с целым рядом новшеств в области материальной культуры и форм поведения. Среди тех, кто усваивал нормы и элементы российской и европейской культуры, были, прежде всего, представители горской молодежи и горцы-офицеры (носители новой политической культуры), служившие в рядах российской армии. Проникновение в горскую среду российской культуры способствовало улучшению взаимодействия и более прочной интеграции региона в состав Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулвахабова Б.Б. Этнокультурные взаимодействия в материальной культуре чеченцев и терско-гребенских казаков (вторая половина XVI - начало XIX века) // Известия вузов Северного Кавказа. – № 3А (151А). – 2009.
2. Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX-начало XX вв. – Пятигорск, 2006.
3. Великая Н.Н. Кавказский не только по названию // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. – Армавир, 2008.
4. Виноградов Б.С. Л.Н. Толстой на Северном Кавказе // Русские писатели в нашем крае. Сб. статей. – Грозный, 1958.
5. Виноградов В.Б. Памяти вечная нить. – Грозный, 1988.
6. Гаджиев Б.И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. – Махачкала, 2006.
7. Город Моздок. Исторический очерк. – Владикавказ, 1995.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

9. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – 2-е издание, расш. и дополн. – М., 2003.
10. Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. - СПб., 2000.
11. Желиховская В. Кавказский легион // Повести и рассказы русских писателей XIX века. – Нальчик, 1996.
12. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. – М., 1991.
13. Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны (1845-1861 гг.). - Тифлис, 1897.
14. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.
15. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
16. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование // http://nocss.alanianet.ru/ru/old_vladikavkaz/gl1_p1.html
17. Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864). – Пятигорск, 2006.
18. Клычников Ю.Ю. Адыгские просветители – носители идей российскости // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 10. – Армавир, 2005.
19. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Эссентуки, 1999.
20. Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. - СПб., 2000.
21. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008.
22. Лукирский А.Н. «Русские» полки в восприятии кавказских войск // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М., 2006.
23. Матвеев О.В. Имперское мышление в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 1. - Армавир, 1996.
24. Немирович-Данченко В.И. Горе забытой крепости // Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – Нальчик. 1998.
25. Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2003.
26. П.К. Из дневника дагестанца. 1859 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. - СПб., 2000.
27. Рекалов И. 83-й пехотный Самурский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии. 1845-1881 года. - Ставрополь, 1911.
28. Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб., 2001.
29. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства: автореф. дисс. ... к.и.н. – Краснодар, 2005.
30. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. 2. Повести и рассказы 1852-1856 // Набег (Рассказ волонтера). – М., 1979.
31. Тютюнина Е.С. Аманатская школа в Нальчике // Горянка. – 2003. – № 20.
32. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1. // Серия «КЛИО». «Кавказский литературно-исторический Олимп». Раздел «История». Вып. 8. – Нальчик, 2002.
33. Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе: Роман. – Ставрополь, 1986.

34. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. II. (Репр. изд. 1913 г.). – Краснодар, 1992.

А.Н. Рябиков, Е.В. Манузин (Славянск-на-Кубани)

ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XIX века

Анализ роли казачества в современной России невозможен без оценки той роли казаков в российской истории, которая предопределила сохранение казачьих войск как социально-политического, экономического и военного феномена российской государственности. Кубанское казачество представляет особый интерес в контексте проведения в жизнь политики России XIX века, направленной на утверждение влияния империи на Северном Кавказе. Наше исследование раскрывает некоторые особенности применения кубанских казаков для закрепления позиций России в регионе в начале XIX века.

При характеристике рассматриваемого периода необходимо учитывать ряд важных особенностей. Казаки в степном Прикубанье появились лишь в 1790-х годах. Одновременно, конец XVIII – начало XIX вв. ознаменовался активизацией деятельности на Кавказе как «старых» участников «Большой игры» – Турции и Ирана, так и «новых» – европейских держав – России, Англии и Франции. Механизмом воздействия на Россию выступали различные мероприятия антироссийских сил, такие, как активизация «набеговой системы» горских народов Кавказа и организация восстаний тех народов, которые Россия уже воспринимала в качестве своих подданных. На Северном Кавказе граница между Российской империей и Турцией проходила по реке Кубань, но реального контроля за подвластной Порте закубанской территорией не было. Турецкие власти контролировали территорию на расстоянии пушечного выстрела от их крепостей по побережью Черного моря. В этот период времени турецкие крепости Анапа, Суджук-Кале, Бугуре являлись лишь форпостами Османской империи на Кавказском побережье. В 1801-1802 годах закубанцами было произведено несколько крупных набегов. Это привлекло внимание Александра I, и он поручил войсковому начальству потребовать у Анапского паши возврата взятых в плен казаков и строгого наказания виновных черкесов, на что «турецкий генерал» отвечал, что черкесы не повинуются ему и тайно производят набег. Всплески активности закубанцев в начале XIX века приходится чаще всего на зиму и раннюю весну, чем подтверждается их сезонный характер. Усиление военно-политической активности Ирана в 1804

году привело к резкой активизации на Центральном и Северо-Западом Кавказе антироссийских кругов.

Впрочем, не только Тегеран, но и Стамбул проявляет интерес к «своим» бывшим территориям. Весною 1804 года в Кабарду через анапского пашу приходят призывы подняться против Российской империи, горцам было обещана финансовая и военная поддержка со стороны султана [11, с. 61]. Эти действия предпринимались османскими властями, несмотря на союз с Россией. Таким образом, можно констатировать наметившиеся осложнения между двумя сторонами. Правда, анапскому паше было приказано прекратить происки против России и удерживать закубанских феодалов от набегов. В 1804 году движения против российских властей в Северной и Южной Осетии, а так же в Кабарде отвлекли значительные силы с Иранского фронта. По вышеуказанным территориям прошлись карательные отряды, один из которых возглавлял сам Цицианов. В результате восставшие потерпели поражение. Только в Кабарде было уничтожено около восьмидесяти селений [12, с. 52]. Участвовавшие набеги на Кубанскую линию в середине 1804 года, по мнению некоторых исследователей, могли рассматриваться как реакция закубанцев на «кабардинский бунт 1804 года» и заверения паша о военной поддержке со стороны Турции. Российские власти видели решение проблем в широком спектре военно-политических и социально-экономических методов. Даже сторонник жестких, преимущественно силовых акций по утверждению российского владычества П.Д. Цицианов представляет Александру I в марте 1804 года «План умиротворения Кабарды», в котором предусматривалось сделать последнюю провинцией, создать там школы, привлекать детей знати для учебы в России и последующей гражданской и военной службы на Кавказе, оказывать покровительство мусульманским священнослужителям, способствовать беспощинной торговле [3]. Воплощение в жизнь задуманного тормозилось отсутствием рычагов гражданской администрации вследствие ее слабого развития. Серьезные последствия имело бегство за Кубань абазин и ногойцев в том же году. Именно осложнение ситуации на Центральном и Северо-западом Кавказе не позволило российскому командованию в первый год войны с Ираном производить серьезные операции, что, по всей видимости, послужило причиной неудачной осады Эривани.

Взаимоотношения, возникающие между казаками и османскими властями на Западном Кавказе, были не простыми, и акции, предпринимаемые или санкционированные российскими властями, как то: возвращение весной 1805 года султаном Менгли-Гиреем при поддержке казаков нескольких ногойских аулов и 710 семей тапантовцев из-за Кубани в результате были урегулированы лишь после официальных разъяснений анапскому паше [2]. Ситуация на Кавказе и в Закавказье продолжает оставаться сложной. Не только в Дагестане, но и на Кубанской Линии все большую активность проявляют «хищники». Последнее позволило заявить

К.В. Скибе о том, что набеги в 1804 году на Линию «приобрели характер упорядоченной системы и превратились в «малую Кавказскую войну» [12, с. 15]. Но все же системность набегов в указанный период можно поставить под сомнение ввиду того, что последующие 1805 и большая часть 1806 года прошли «почти спокойно».

Парадоксально, но кражи скота на Кубанской Линии летом 1806 года [4] не воспринимались войсковым начальством как серьезные инциденты. Отсутствие человеческих жертв позволяло атаману Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсаку докладывать генерал-лейтенанту, Херсонскому военному губернатору, Крымской инспекции по инфантерии инспектору и кавалеру Дюку де Ришелье в августе 1806 года: «Во вверенном войске от опасной болезни и от набегов закубанцев состоит благополучно» [9], и это при том, что со второй половины февраля по май 1806 год наблюдались активные вторжения «закубанских хищников» партиями, превышавшими 100 человек. Возрастающая активность черкесов в 1806 году приводила к тому, что войсковое начальство было вынуждено выпустить несколько приказов «об усилении кордонной линии от набегов черкесов». Данные меры были направлены, прежде всего, на ужесточение воинской дисциплины среди казаков и регулярных войск, а также на исправление укреплений, окружающих казачьи поселения, а также на ведение дозорной службы [6].

Общей тенденцией в 1806-1807 годах стало осложнение положения России на Кавказе. Это было связано с неблагоприятными переменами в Европе и началом войны с Османской империей. В 1807 году наметились серьезные осложнения во взаимоотношениях с закубанцами. Наблюдался резкий всплеск активности последних. Чрезвычайно частыми стали нападения на пикеты, хутора, посты, поселения жителей, причем партии, промышлявшие грабежом и угоном скота, были небольшими – 5-6 человек. Начало активизации боевых действий с турками привело к изданию чрезвычайных демобилизационных приказов, при этом на службу вызывались все казаки, «способные носить оружие, не исключая отставных» [7]. Тем не менее в 1807 году произошел показательный случай, когда казаки общим числом 1150 человек совместно с отрядами закубанских князей Бейзрука и Ахметука выдвинулись в поход с реки Белой против абадзехов. Общая численность черкесов, участвовавших в совместном походе, достигала 10 тысяч человек. 18 октября к ним присоединяется также 1000-й отряд ногайцев, причем инициативу по проведению похода проявили еще 11 июля 1807 года черкесские князья Ахметук, Бейзрук, Ханук и Алкас, просившие Ф.Я. Бурсака оказать им помощь в борьбе с анапским пашой. Поддержка преданных России владетелей должна была, по всей вероятности, поднять их авторитет и склонить на сторону российских властей другие черкесские племена. В официальных документах поход властей именовался «командировкой за Кубань 3-х полков с 3-мя орудиями для защиты преданных России черкесских князей» [2]. Действия сводного отряда не были успешными, поскольку,

несмотря на искреннюю преданность представителей черкесской аристократии, их подданные не проявляли большого желания сражаться с абадзехами, вследствие чего коалиция распалась после первой же стычки с последними.

Учащение набегов горцев на Кубанскую сторожевую линию не вызвало серьезного беспокойства со стороны российского командования. Доказательством этому служит то, что в 1807 году два конных полка черноморцев были высланы в Крым для занятия караулов на берегу Черного моря по причине начавшейся войны с турками. В ноябре 1807 года конные полки возвратились в Черноморию, а вместо них «Третий пеший полк черноморского войска, экстренно сформированный под командою полковника Паливоды, был направлен в феврале на Дунай и там, в гребной флотилии, принимал участие в войне с турками». Но все же новый главнокомандующий И.В. Гудович считал, что необходимо было укрепление тыла, особенно на Северном Кавказе [1].

Успехи российских военных в Закавказье оказали большое воздействие на владельцев и старшин Северного Кавказа. Летом 1806 года жители 12 деревень, входящих в союз обществ Иланхеви, направили российским властям депутацию, которая сообщила, что «все жители тех 12 деревень возымели намерение присоединиться к российскому подданству и просят о принятии всех в оное». Ввиду того, что территория Закубанья практически не контролировалась османскими властями, силовые акции, производимые черноморскими казаками на указанной территории чаще всего не наносили серьезного ущерба российско-османским отношениям. «Репрессалии», производимые российскими властями против черкесов в 1804–1805 годах, были восприняты анапским пашой с пониманием их «неизбежности» [5], но все же в целях недопущения обострения отношений меры по обороне «кордонной линии», предпринимаемые российским командованием в 1806 году, на всякий случай были сведены к пассивной обороне. И это притом, что мероприятия по возвращению похищенного российского имущества и людей затягивались на весьма продолжительный срок, так переписка между кубанским восковым начальством и анапским пашой о возвращении похищенных 8 мая 1806 года лошадей затянулась до 18 января 1807 года [10].

Говоря об этом направлении российской внешней политики, не надо забывать, что Кавказ не воспринимался как Турцией, так и Россией в качестве важнейшего. Если для России этого времени основным направлением было западное (участие в антинаполеоновской коалиции), то и для Турции основным направлением было европейское, балканское, в том числе в деле участия в османско-русской войне. В узких горных проходах было легко остановить военные колонны даже действиями легковооруженных отрядов, последнее обусловило широкое преимущество разездов для безопасности маршевых продвижений. Необходимо так же отметить широкое применение иррегулярных войск как Россией (казаки), так и Турцией (кавказские народы). Типичным примером того, что в войне были активно за-

действованы горцы Западного Кавказа, служит кажущаяся столь непоследовательной позиция русского командования в отношении взятия Анапы. В апреле 1807 года крепость была взята русскими войсками, разрушена и оставлена, что позволило туркам в том же году восстановить Анапу, сделав своеобразным координирующим центром антироссийских сил на Западном Кавказе. Забегая вперед, скажем, что в 1809 году русские снова вынуждены были взять Анапу, а по мирному договору 1812 года обязались вернуть ее туркам. Подобное стало возможным благодаря тому, что российские военные не могли в должной мере обеспечить пути сообщения через враждебно настроенную Черкессию. Вторжение казаков воспринималось верхушкой черкесского горского населения как посягательство на свои торговые интересы, состоящие, в основном, в беспрепятственной работоторговле. Работоторговля не прекращалась даже с захватом Анапы русскими войсками, и в 1810 году продолжают фиксировать случаи перехвата российскими кораблями турецких судов с абазинскими и русскими пленными, отправляемыми в Турцию.

Несмотря на сложности этносоциальных процессов, казачество внесло свою лепту в дело присоединения Северного Кавказа к Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). – Т. 3. – С. 76.
2. АКАК. – Т. 2. – С. 946.
3. АКАК. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 1943.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.249. Канцелярия атамана Черноморского казачьего войска. Оп.1. Д. 509. Л. 24-35 об.
5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 473. Л. 1-12.
6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 517. Л. 5-9.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 532. Л. 1-7.
8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 537. Л. 2.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 509. Л. 88.
10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 509. Л. 24, 122-127, 141.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Д. 6164. Ч. 49. Л. 9-10.; Касумов А.Х., Геноцид адыгов. Из истории борьбы горцев за независимость в XIX веке / А.Х. Касумов, Х.А. Касумов. – Нальчик, 1992. - С. 46-51.
12. Скиба К.В. Кубанская Линия в военно-политических событиях 1801-1835 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2004. - С. 84-96.

**О ВЗАИМОВЛИЯНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И ДАГЕСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века**

Современные ученые стремятся по-новому взглянуть на историю взаимоотношений России и Дагестана, объективно оценить роль сторон в формировании нового экономического и культурного пространства. Необычайный интерес приобрели в последнее время вопросы взаимообогащения культур, в частности русско-дагестанского взаимодействия в области образования, культуры, искусства. Ученые пытаются отойти от сложившихся стереотипов и показать не только значение России в культурном взаимодействии народов, но и влияние дагестанской культуры и искусства горцев на быт и хозяйственную деятельность русского населения региона, на развитие новых направлений в науке и общественной мысли, литературе и искусстве России.

Изучая проблемы русско-дагестанского взаимодействия важно привести сведения об их активном взаимодействии в некоторых областях хозяйственной деятельности и торговли. Так, в частности ярким примером русско-дагестанских взаимоотношений в экономической сфере является развитие мареноводства в Дагестане, когда на равноправной, взаимовыгодной основе сотрудничали коммерсанты из России и местные производители.

Весьма важную прогрессивную роль в сближении материальной и духовной культуры народов Дагестана и России сыграли простые русские люди, поселявшиеся в Дагестане. Русские крестьяне явились проводниками более высокой земледельческой культуры и оказали существенное влияние на хозяйство и быт горцев.

Вследствие вовлечения Дагестана в общероссийский рынок получили развитие некоторые виды кустарных промыслов края – производство ковров, бурок, изделий из золота, серебра, кости, дерева и т.д. Этому способствовало расширение спроса в России на изделия, которые не могли быть заменены предметами фабрично-заводской промышленности. Установление взаимовыгодных торговых отношений, когда Дагестан потреблял российские товары фабрично-промышленного производства и сбывал в Россию изделия дагестанского ремесла, так же является важным элементом экономического взаимодействия.

Русско-дагестанские взаимоотношения сказались на развитии ювелирного дела в Дагестане. Так, кубачинцы переняли у русских мастеров опыт получения многоцветной эмали, а житомирские ювелиры стали использовать в своих изделиях кавказский орнамент.

В результате общения с русским народом происходило изменение в домостроительстве и планировке аулов Дагестана. По мнению С.Ш. Гад-

жиевой, в кумыкском ауле происходили существенные изменения: «Вместо старых домов с глухими стенами на улицу появляются новые двухэтажные дома с большими окнами, балконами и остекленными галереями», кумыки «строили свои жилые дома и торговые заведения на русский городской лад» [2, с. 50]. В результате этого в населенных пунктах равнинного Дагестана появились совершенно иначе застроенные кварталы, такие как Базаравул в Тарках, Алиберавул в Эндерее и др. Аналогичные изменения происходили в домостроительстве других частей Дагестана [1, с. 114]. Местные жители из состоятельных слоев общества строили дома с остекленными окнами [3, с. 94]. Дома стали освещаться керосиновыми лампами и парафиновыми свечами. Стали использоваться фосфорные спички. С конца XIX века в Дагестане появилось электроосвещение. В доме горца вместо векового очага и низкого треножного стола постепенно стали появляться русская печь, кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы и другие бытовые предметы.

В связи с увеличением привоза изделий русской фабрично-заводской промышленности, а также с приобщением к русской культуре, происходили изменения в одежде и пище горцев. Широкое распространение получила русская городская одежда: пальто, костюм, сапоги и т.д. Стол дагестанца стал более разнообразным. Частым стало употребление супов, картофеля, томата, капусты и других овощей. Горцы Дагестана заимствовали от русских способы засолки овощей, приготовления кондитерских изделий. При этом жители аулов, близлежащих к городам и к русским поселкам Дагестана быстрее приобщались к русской культуре. Со своей стороны русские переселенцы Дагестана постепенно перестали носить лапти, научились готовить хинкал, шашлык, сушеное мясо [9, с. 162].

Вторая половина XIX века отмечена ростом городов в Дагестане, которые в последующем стали центрами культурного взаимовлияния коренного и русского населения региона.

Говоря о роли России в развитии культуры Дагестана, важно отметить значение развития светского образования в регионе, показать влияние русской науки и общественной мысли на формирование дагестанской интеллигенции, на прогресс культуры и национального самосознания горцев. В XIX – начале XX века представители русской интеллигенции изучали историю, культуру, традиции и язык народов Дагестана, принимали участие в становлении здесь системы просвещения, образования, здравоохранения, оказывали помощь в развитии экономики и культуры.

Большую роль в сближении русского и дагестанского народов сыграли учителя, приехавшие из России. Даже в конце XIX века в светских школах Дагестана почти не было учителей из местного населения. По данным на 1925 г. в Дагестане работало около 30 учителей, педагогический стаж которых превышал 25 лет [4, с. 44].

Дагестанцы получили возможность обучаться в высших учебных заведениях России, многие представители интеллигенции Дагестана были связаны с университетскими центрами России. Таким образом, дагестанская интеллигенция испытывала на себе сильное воздействие русской культуры.

Новшеством для Дагестана было возникновение книгоиздательского дела по европейскому образцу. В 1901 г. в Дагестане было 10 полиграфических предприятий. В Петровске и Темир-Хан-Шуре появились специализированные книжные магазины и лавки [8, с. 143-144].

Русско-дагестанские взаимоотношения проявились в области медицины. Внимание русских ученых и практиков привлек существовавший в Дагестане многовековой опыт народной медицины, которому русские врачи и интеллигенция давали высокую оценку. Академик Н. Дубровин отмечал: «Результаты лечения дагестанских хирургов, можно сказать, невероятны. Почти нет ни одной раны, за исключением, конечно, чисто смертельной, которые бы туземцы-медики не вылечили, и притом так, что пациент их не подвергался уже затем никаким дурным последствиям... Ампутации членов дагестанские хирурги производили не иначе как в суставах. В Дагестане не было вовсе или были весьма редкие примеры, чтобы ампутированный умирал, и в особенности под ножом оператора» [6, с. 168-169].

Народные лекари работали по приглашению властей в качестве полковых и гражданских врачей. Русские врачи и интеллигенция (Н.И. Пирогов, К.М. Трипольский, Н. Дубровин, А. Руновский и др.) давали высокую оценку дагестанской народной медицине и освещали ее в печати.

После включения Дагестана в состав Российской империи началась история официального дагестанского здравоохранения. Стала формироваться на основе достижений российской медицинской науки местная медицинская интеллигенция.

Кавказская и дагестанская тематика повлияла на развитие русской литературы, искусства и общественной мысли.

Значительной была роль дагестанских отходников и русских переселенцев края в вопросах культурного взаимодействия.

Важную роль в процессе русско-дагестанского взаимодействия сыграл русский язык, ставший языком межнационального общения, приобщивший дагестанцев к достижениям российской и европейской науки и искусства. К 1913 г. в Дагестане действовало 84 школы с преподаванием на русском языке, в которых обучалось 6650 учащихся, 41,3 % из них – представители горских народностей [9, с. 163]. К 1915 г. в Дагестанской области было 93 школы, в том числе 60 – в сельской местности [5, с. 59]. В одном из прошений горцев на имя Кавказского наместника говорилось: «Распространение в Дагестане русского языка... есть обстоятельство чрезвычайной необходимости и потому желанное. С насаждением светских школ, несомненно, русский язык завоюет себе подобающее ему по своему

величию место, не нуждаясь в косвенных мерах, вызывающих лишь вредное взаимонепонимание» [7, с. 72].

Таким образом, применительно ко второй половине XIX – началу XX века, можно говорить об активном взаимовлиянии, сказавшемся во многих областях материальной и духовной культуры России и Дагестана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин в XIX – начале XX в. – М., 1988.
2. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков XIX – XX вв. – Махачкала, 1959.
3. Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. – Махачкала, 1989.
4. Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. – М., 1988.
5. Обзор Дагестанской области за 1915 год. – Темир-Хан-Шура, 1916.
6. Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX – начале XX веков. – Махачкала, 2003.
7. Сборник сведений о Северном Кавказе. – Т. 1. – Ставрополь, 1906.
8. Сеидов М.М. Дагестано-русские культурные взаимоотношения во второй половине XIX – начале XX века. Диссертация...кандидата исторических наук. – Махачкала, 2003.
9. Суздальцева И.А. Русские переселенцы в Дагестане в конце XIX – начале XX века: численность, состав, деятельность. – Махачкала, 2006.

Ф.К. Таумурзаева (Нальчик)

ОСНОВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ДВУХ ВАЖНЕЙШИХ ИНСТИТУТАХ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ: ГОСТЕПРИИМСТВА И КРОВНОЙ МЕСТИ

Институты гостеприимства и кровной мести в культуре кабардинцев и балкарцев занимали значительное место на протяжении многовековой их истории. Горцы свято хранили выработанные основы и правила этих институтов и законы эти были непререкаемы, вне зависимости от положения человека в обществе: уорк (князь или дворянин) он или простой крестьянин - это было делом чести. Задачей нашего исследования является определение основных принципов толерантности двух важнейших институтов кабардинцев и балкарцев: гостеприимства и кровной мести.

Приведём небольшую историческую справку по основным критериям гостеприимства и кровной мести, а также толерантности в частности. Институт гостеприимства соблюдался всеми народами Северного Кавказа с древнейших времён до XIX в., в том числе кабардинцами и балкарцами. Гость считался посланцем Бога и отношение к нему было соответственное. Знатные и зажиточные люди строили для гостей отдельные дома со всем необходимым

в нём для приятного и спокойного отдыха, включая конюшню, коновязь и туалет. У менее состоятельных дома для гостей располагались в общем дворе, но не далеко от ворот, чтобы гость мог свободно войти или выйти, не стесняясь и не стесняя хозяев. У бедных для гостей отводилась одна комната в общем доме [2, с. 116]. Какой бы нужды не испытывали хозяева, в комнату, где оставался на ночь гость, должны были принести еды, на случай, если гость захочет есть, а самое главное, если решит уехать, не предупредив.

Гостеприимство распространялось на всякого путника, ищущего ночлег. Обслуживать его должен был сам хозяин, если его нет, старшие сыновья. Гостю оказывались самые доброжелательные знаки внимания и при необходимости помогали ему с оружием, если того преследовали враги. Считалось неприличным спрашивать гостя о его имени или цели путешествия, да и вообще вступать с ним в разговор, если не начнёт сам гость [2, с. 117] («Поводья беседы - в руках гостя» [3, с. 345]). С другой стороны и самому гостю нельзя было стеснять хозяев слишком долго. Адыги говорили: «первые три дня гость - золото, вторые три дня - серебро, а дальше – аршава» (дешёвый сплав меди и олова) или «Засидевшийся гость считается членом семьи» [4, с. 277]. Гость занимал самое почётное место в помещении, даже когда в дом кто-то приходил, он, в первую очередь здоровался с гостем, а потом только со старшими семейства («Честь гостя - на макушке хозяина», т.е. по статусу он выше хозяина [3, с. 348]). В честь него приносили жертвоприношение, столы накрывали всем самым лучшим, что было у хозяев. Если гость показывал, что ему понравилась какая-то вещь, кабардинцы и балкарцы должны были в обязательном порядке презентовать это ему («В гости – с подарками, из гостей - с подарками» и «Не хвали что-либо из вещей хозяина, похвалишь - отдаст тебе» [3, с. 341]).

Отъезжающего гостя провожал сам хозяин до безопасного места.

Уделяя гостю безграничное внимание и обеспечивая ему полную безопасность, хозяин сам получал моральное удовольствие - его гостеприимством не пренебрегли, это радость и гордость, он имеет возможность проявить гостеприимство и соблюсти этикет своего народа, о котором незнакомый человек может поведать другим. Гость издавна считался более дорогим и заслуживающим уважения [4, с. 273].

Говоря о кровной мести, следует отметить, что это один из древнейших обычаев не только у кабардинцев и балкарцев, но и во всём мире. Древний обычай требовал обеспечить целостность общины и защиту её членов. Поэтому каждый член общины был обязан мстить только убийством. Не отомстившие покрывались позором и их изгоняли из общины. Помимо родственников обязанность мстить за убийство возлагалась и на людей, объединённых узами искусственного родства. Например, воспитанник (*къан*) обязан был мстить за аталыка и наоборот. Мечь не имела срока давности. Мечь распространялась в первую очередь на самих убийц, а затем и на их родственников. Таким образом, в дело мести вовле-

кались целые роды, селения и племена. С конца XVIII в. кровная месть в Кабарде постепенно уступает плате за кровь, которая иногда достигала 6000 быков за убитого князя [2, с. 117].

Кровная месть была запрещена в 1822 г. генералом Ермоловым, а окончательно ликвидирована после установления советской власти. Поединок долгое время был способом разрешения непримиримого конфликта между двумя враждующими людьми. Убивать кровника из-за угла считалось делом позорным - мститель был обязан вызвать его на поединок, убить в честном бою [1, с. 258].

Единоборство подчинялось строгим правилам. Сидя с врагом не разговаривали – только стоя или на коне. Вступление было недолгим, это всего лишь краткий диалог. Интересно, что в фольклоре, на вопрос о форме поединка, бойцы почти всегда отвечают: «Стрельба». Затем противники разъезжались на определенное расстояние и начинали обстреливать друг друга. Если у одного из противников запас стрел (или, позже, пуль) кончался, его соперник был обязан поделиться с ним, и перестрелка начиналась снова. Если же она заканчивалась безрезультатно, брались за мечи или кинжалы. Поединок, разумеется, должен был вестись честно. Кроме того, истинный горец не должен был ронять свое достоинство, уродуя тело поверженного или бросая его под открытым небом, - наоборот, он был обязан предать его тело земле [1, с. 259].

На основе источников, использованных в процессе исследования, мы пришли к выводу, что принципы института гостеприимства были выше законов кровной мести. Не потому что институт кровной мести был менее распространенным явлением. Ключевым моментом в этом контексте являлось проявление принципов толерантности.

Толерантность (в переводе с лат. слова *tolerantia* - терпение) это проявление терпимости к чужим верованиям, мнениям, поведению. Это моральное качество личности, либо состояние общественных нравов, для которого характерно сдержанность моральных оценок, неагрессивный способ восприятия социального и морального зла, стремление учитывать интересы других людей и народов. Поэтому не зря толерантность получила столь широкое распространение в традиционной культуре наших народов.

Таким образом, толерантность наши предки должны были проявлять ко всем, даже к гостю, несмотря на то, что он был кровным врагом. Более того, хозяин дома должен был отомстить кровнику, если последний уже перестал пользоваться правом гостеприимства. Но если он еще оставался гостем, хозяин обязан был защищать его за пределами своего дома и проводить до безопасного места, т.е. до его конечного пункта следования. За нарушение этих правил следовало наказание хуже кровной мести - укор и неодобрение, т.е. хозяин автоматически становился изгоем всего общества. С таким хозяином не разговаривали, к нему не приходили в гости, его

не приглашали в чужие дома («Опозоренному в гостях почета нет» и «Мужчина, изгнавший гостя, навлечет позор на весь свой род» [3, с. 350]).

Также были определённые понятия и для кровника, которому нельзя было приходить в гости и надеяться на радушный приём родственника человека, которого он убил («Кто виновен (перед кем-то) - в гости (к нему) пусть не едет» [3, с. 341]). Но если такой случай всё же произошёл, по незнанию или в корыстных целях, бой в любом случае должен был проходить в честных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абазов А.Х. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа / Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик, 2009.
2. Аталиков В.М. Культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 2007.
3. Ёзден Адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост. Ч. Джуртубаев. – Нальчик, 2005.
4. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычай. Традиции (Адыгэ Хабзэ). – Нальчик, 2000.

Д.С. Ткаченко (Ставрополь)

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ОПИСАНИЯХ ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

Со времени назначения на Кавказ генерала А.П. Ермолова, Россия начала прилагать все большие усилия для установления своего контроля в регионе. В связи с переходом к так называемой «наступательной» тактике в Кавказской войне, у командования Кавказской армией неизбежно усиливался интерес к изучению народов Северного Кавказа. С 20-30 гг. XIX в. сформировалось новое – военно-разведывательное направление в изучении народов Кавказа. В отличие от знаменитых Академических экспедиций конца XVIII – первого десятилетия XIX вв. теперь военных исследователей интересовали уже не столько общие вопросы этнографического и культурно-лингвистического характера, сколько вполне практические сведения, которые можно было применить для организации как военных походов, так и управления этническими территориями.

Основными исследователями региона в это время выступили офицеры Кавказского корпуса, ведь как отмечал С. М. Броневский «... разве бы сыскались учением просвещенные и знающие восточные языки путешественники, кои решились бы проникнуть во внутренность гор, дабы обозреть собственными глазами области, известные по рассказам армян и безграмотных переводчиков» [7, с. XV–XVI].

Первоначально сбор разведывательных сведений о Кавказе не носил комплексного характера, был фрагментарным и целиком зависел от личных качеств человека, увлекшегося описанием региона. Нередко пристрастия и даже заблуждения руководили направлением исследований. Характерным представителем ранних офицеров-исследователей может служить личность Якова Костенецкого. Увлечшись, как и многие его сверстники, образами, созданными в произведениях Бестужева-Марлинского, он загорелся желанием своими глазами увидеть легендарную столицу Аварского ханства – Хунзах. Записавшись в 1834 г. в состав отряда генерала Фези, отправлявшегося в военную экспедицию, он вынес все ее тяготы и добрался, наконец, до вождельного места. В своих записках офицер с восторгом пишет о том, что задуманное им предприятие удалось: вот он стоит в центре разрушенного временем ханского дворца: замеряет, зарисовывает, описывает свою святыню. «Чтобы сколько-нибудь сохранить от забвения этот достопримечательный дворец, в котором жили некогда могущественные ханы Аварии, которому назначена была уже переделка, я срисовал как только мог его... Здесь-то жила красавица Салтанета, душа души пылкого Амалат-бека, и, стоя на этой террасе, над этой бездной, она поверяла любовь свою или отдаленному гулу водопада, или дуновению ветерка, или мимолетному облачку. Сколько битв происходило под стенами крепкого Хунзаха, и гром их не осмеливался проникать за эти высокие и толстые стены; но, наконец пришла пора: является Гамзат-бек, изменой овладевает Хунзахом, все предает огню и мечу... С тех пор замок сделался пустыней, развалиной и, наконец превратился в наш лагерь» [6, с. 56].

Вскоре, однако, восторженный офицер прозрел, сравнил увиденное собственными глазами с литературными вымыслами и сделал вывод, «что Марлинский никогда не был в Хунзахе, описанная им поэтическая местность нисколько не сходна с действительностью» [6, с. 58]. Неожиданно для самого себя, исследователь принял решение открыть для общественности не вымышленный, а реальный Дагестан и оставил в своих записках самое скрупулезное описание всего увиденного и пережитого им в ходе долгой экспедиции, перемешивая в дневнике сведения о военной истории региона с материалом из области географии, этнографии и даже лингвистики. Хорошо осознавая значимость своих наблюдений для современников и потомков, российский офицер обоснованно считал, что «даже самые неученые записки справедливого и наблюдательного очевидца могут принести величайшую пользу» [6, с. 72]. Не только Я. Костенецкий, но и большое количество офицеров Кавказской армии оставили разного рода культурно-этнографические зарисовки народов региона. Этому во многом способствовала культивирувавшаяся в среде российской элиты европейская традиция составления дневниковых записей.

Одним из ярких примеров может служить творчество будущего историка Кабардинского пехотного полка – А.Л. Зиссермана, дневниковые

записи которого легли впоследствии в основу его многотомного биографического труда «Двадцать пять лет на Кавказе», изданного исследователем уже в конце своей жизни [4].

Батальон, в котором командиром одной из рот состоял автор, был направлен в аул Кутиши, находившийся в относительно спокойной тыловой зоне. На стоянке в мирном ауле в спокойное время занять свой досуг было совершенно нечем, что для будущего историка Кабардинского полка казалось мучительным. Для того чтобы спастись от томительной скуки, А. Л. Зиссерман открыл для себя занятие, которое, впоследствии не только увлекло его самого, но и имело важное значение. Офицер начал присматриваться к жизненному укладу местного населения и составлять этнокультурные зарисовки.

Прежде всего, российский офицер обстоятельно описал сам аул Кутиши, который, по его свидетельству, имел «типичную, чисто горскую наружность. Во всех подобных кавказских аулах, все равно какому бы племени или верованию ни принадлежали, резко выделяются две особенности их постройки: во-первых, аул обращен к солнечной стороне и закрыт с севера горой, во-вторых, строится так, чтобы представлять возможно сильную оборону против неприятельского нападения... на остальное уже обращалось гораздо меньше внимания, между тем как по нашим понятиям это остальное и составляет главные условия. Горский аул не принимал в расчет близость воды, ее количество и качество, количество и качество распашной земли, удобство сообщения с ближайшими населенными пунктами; все это для горцев было второстепенными вещами, лишь бы в зимнее время при отсутствии топлива пользоваться лучами солнца, обратившись тылом к суровому зимнему ветру да иметь возможность каждому жителю порознь и всему аулу вместе отражать нападения, вызываемые или кровомщением, или враждой за спорную землю, или стремлением сильного соседа поработить слабейшего, что в течение тысячелетий составляло исключительный характер существования этих мелких общин, более или менее отличавшихся друг от друга и языком, и верованиями, и обычаями, и наружностью, и образом жизни» [4, с. 135].

Кроме описания местности, офицер оставил довольно любопытные зарисовки одежды, бытового уклада, хозяйственного цикла и даже языка жителей мирного аула. Наблюдательный сторонний человек заметил многое, даже такие детали, на которые привычные местные жители просто не обращали внимания. «Во время нашего вступления в Кутиши, – пишет он, – жители заняты были молотью хлеба на искусственно устроенных, плотно укатанных площадках. Пара бычков волокут доску, подбитую острыми камешками... снопы превращаются в мякину (саман), которую тут же веют. В это время пройти по аулу просто наказание: глаза заносит пылью, носящийся по всему аулу мелкий саман пробирается и в волосы, и в платье, и в нос и в рот. Кашель стоит всеобщий, на каждом шагу слышится

чихание. Покончив с молотьбой, кутишинцы принялись за уваживание своих пахотных террасок, разбросанных в ближайшей окрестности аула по склонам гор. Целый день сновали взад и вперед арбы с навозом... Покончив с уваживанием, кутишинцы успокоились от трудов и до половины марта предавались полному безделью. Накинув свой тулуп, сидит он или лежит на крыше своей сакли или на камне, у своих дверей, курит трубочку, стругает ножиком щепку, поджидая собеседника... Между тем женщины работают целый день: то делают кизяки, налепливая их для сушки на стены; то ткут сукно, очень ловко и быстро перебрасывая мотки шерсти; то прядут шерсть; то таскают снопы и корзины с саманом; то готовят лепешки и варят ужин» [4, с. 140-141]. Разумеется, исследователь-любитель смотрел на горцев свысока, как на некую невиданную диковинку, однако его наблюдения, так же как и заметки подобных ему офицеров, становились со временем важным историко-культурным источником.

Наблюдения российских военных так и остались бы яркими зарисовками частных лиц, если бы они не имели серьезного научного продолжения, санкционированного на самом высоком уровне. Инициатива создания российского кавказоведения в первой половине XIX в. исходила из Петербурга и имела не только и не столько академическое, сколько вполне практическое значение.

Вскоре к кратким живописным зарисовкам, набросанным в перерывах военного похода или в сонной обстановке зимней квартиры на стоянке в мирном ауле, добавились систематические, планомерные и разносторонние исследования офицеров Генштаба. «На офицеров Генерального Штаба, – говорилось в инструкции, – возложено правительством приобретение и беспрестанное пополнение сведений о крае, в котором происходят действия. Во время боевых действий они должны были вести специальные журналы, в которых помимо диспозиции воинских частей следовало записывать статистические, исторические, топографические сведения о местности и пройденном маршруте [2, с. 34]. В инструкции офицерам, направляемым на Кавказ, прямо отмечалось, что их работа не должна сводиться исключительно к планированию тактики отдельных походов в горы, а состоит «в части разведок и ознакомления с краем» [5, с. 202].

Кавказское начальство так же поощряло исследовательскую деятельность, старалось всеми силами привлечь к себе большее количество образованных офицеров. В начале 30-х гг. при Кавказском корпусе был создан собственный Главный штаб, в который по штату, назначались около 10 офицеров Генштаба. Его структура совершенствовалась. К 1848 г. при Главном штабе появилась отдельная чертежная, архив и штат переводчиков, что позволило военным сосредоточить в своих руках не только войсковые операции, но и все научные исследования Кавказа [2, с. 217]. Кроме Главного штаба Кавказского корпуса были учреждены и штабы местных управлений отдельных частей Кавказа, ведущее место среди ко-

торых играл учрежденный в 1834 г. по ходатайству генерала А.А. Вельяминова штаб Кавказской линии и войск в Черномории, размещенный в Ставрополе, – центре управления всего Северного Кавказа. Через опыт работы в штабе Кавказской линии прошли такие люди, как П.Н. Броневский (историк Донского казачества), Г.И. Филипсон, Герасимов, и даже будущий военный министр Д.А. Милютин [2, с. 282].

По прямому поручению армейского командования или по заданию русского правительства ряд офицеров, служивших на Кавказе, приступили к этнографическому, топографическому и статистическому изучению Северного Кавказа. Анализируя вклад офицеров Генштаба в изучение региона в 30–40-е гг. XIX в., его историк пишет: «В хронологическом порядке, прежде всего, приходится упомянуть о трудах штабс-капитана Бларамберга, который воспользовавшись двухлетним пребыванием своим на Кавказе (1830-1832 г.), собрал и привел в систему разнообразные сведения о горских народах. Рукопись его, состоявшая из двух частей, под заглавием «Описание Кавказа в географическом, историческом и военном отношении», была представлена Государю Императору и, доставив автору обильные награды, схоронена в архивах военно-топографического депо» [5, с.202]. Уже на рубеже XX–XXI вв. рукопись И. Бларамберга была извлечена из архивов, переведена с французского языка, и несколько раз переиздана. Вместе с тем, критикуя этого исследователя, современники отмечали, что ученый не имел опыта непосредственного сбора сведений, а просто систематизировал имевшиеся в Штабе материалы военных разведок региона, которая проводилась как на Северо-Западном, так и на Северо-Восточном Кавказе.

На последнем, подступая к границам имамата со стороны Дагестана, российские военные появились в самой недоступной части региона – между Аварским ханством и Грузией, где проживали вольные дагестанские общества. Оказалось, что этническая карта региона гораздо более пестрая, чем представлялось раньше, а горцы, которых собирательно именовали «лезгинами» делятся на множество племен и обществ. О многих из них командование Линии даже не имело никакого представления. «И в этой бездне, которая кажется только жилищем злых духов, где с первого взгляда, казалось бы, вы не откроете ни одного места, где можно бы поставить ногу человеческую, живут люди, – с удивлением писал российский исследователь. – Здесь находятся большие деревни, обитает целое племя койсубулинцев! ...Трудно поверить, чтобы в таком месте могли существовать люди, а между тем они живут, и живут прекрасно, обратив столетними своими трудами эту дикую пропасть в плодородную почву» [6, с. 63].

Военная необходимость требовала скорейшего исследования региона, который кавказское командование планировало включить в российскую сферу влияния. «Став твердою ногой в Аварии, – отмечали современники, – мы разделяли надвое Нагорный Дагестан и могли влиять непосредственно на вольные общества, гнездившиеся в ущельях Аварского и Андийского

Койсу. Для успешности этого плана было необходимо открыть военные действия одновременно и со стороны Кахетии, через перевалы снегового хребта, ведущие вглубь Дагестана. Таким образом, возникла у барона Розена мысль послать надежного офицера для исследования неведомых путей из нагорных лезгинских обществ в долину Алазани» [1, с. 285].

Выбор остановился на полковнике Генерального штаба Федоре Ивановиче Гене, который не только принимал участие в военных экспедициях, но и в 1833–35 гг. заведовал топографическими съемками в подконтрольной российским войскам части Дагестана [5, с. 205]. Российский разведчик решил проникнуть на перевалы Кавказского хребта не со стороны Аварии, а через непокорные горские общества Центрального Дагестана. Найдя себе проводников из числа «мирных горцев», полковник Гене, переодетый лезгином, покинул Темир-хан-Шуру. Для того чтобы не выдать себя и как можно больше обезопасить, проводники посоветовали разведчику идти налегке и не везти с собой никакой поклажи, однако исследователь не смог продвинуться дальше дагестанского аула Чох, где в доме своего кунака был опознан как русский офицер одним из мюридов.

Обстоятельства пребывания Гене во враждебном ауле, который в свое время не раз штурмовали российские войска, ярко описаны исследователем Кавказа Е.Г. Вейденбаумом. «Шумная толпа обложила дом Ибрагима и потребовала выдачи офицера для всенародной казни, грозя самому хозяину убийством в случае ослушания. Но Ибрагим с твердостью отказался нарушить обычай гостеприимства. Взволнованные чохцы не решились, однако, взять Гене открытой силой. Ибрагим принадлежал к сильному и многочисленному роду. При нападении на дом могли пасть под кинжалами сам Ибрагим и его близкие. Тогда убийцам грозила на долгое время беспощадная кровная месть всего ибрагимского тухума.

Чохцы собрались на совещание. После долгих споров поручили одному молодцу пробраться ночью в дом Ибрагима и заколоть офицера. ...Избранный убийца вошел в комнату Гене, но опытный Ибрагим проник в его намерение... пришедший схватился уже за рукоять своего кинжала, но Ибрагим предупредил его: быстро выхватив свой кинжал, он положил противника на месте. За час до рассвета Гене со своим хозяином скрытно покинули Чох. Предвидя на утро погоню, Ибрагим направился в Кумух по едва проходимым тропам, извивающимся по каменистым крутизнам Турчи-Дага. Осмотрительность опытного Ибрагима спасла беглецов от верной смерти: сотня чохских наездников гналась за ними, но по нижней, более удобной дороге» [1, с. 288-289]. Таким образом, проект исследования вольных горских обществ закончился провалом. Вместе с тем экспедиция российского разведчика имела определенные практические результаты для исследования ближайших к Линии дагестанских территорий. По возвращении в Тифлис, Ф.И. Гене представил командованию карту Нагорного Дагестана, составленную им «по личным наблюдениям и расспросным сведениям» [1, с. 289].

Отдавая должное храбрости российского офицера и верности его кунака, следует отметить, что разведывательная экспедиция, предпринятая Ф.И. Гене, объективно не могла закончиться удачно. Генеральный штаб, не имея точных данных о рельефе местности, изначально ставил офицеру невыполнимую задачу. Даже при поверхностном взгляде на составленные уже после Кавказской войны карты Нагорного Дагестана видно, что разработать относительно удобную для прохода войск дорогу на Лезгинскую кордонную линию из Аварии и тем более из Приморского Дагестана было просто невозможно. Кроме того, за ближайшими к линии российских крепостей дагестанскими вольными обществами, через которые прошел российский разведчик, лежали другие, не менее воинственно настроенные племенные союзы, с которыми военным исследователям предстояло еще только познакомиться. Ни Генеральный штаб, ни сам Ф.И. Гене, растревоживший своей неудачной попыткой проникнуть в горы всю юго-западную окраину Имамата, пока этого еще не знали. Неудивительно, что, когда Ф.И. Гене обратился к пророссийски настроенному Казикумыхскому хану с просьбой о содействии в организации повторной экспедиции по определенному Генштабом маршруту, тот «отклонил эту просьбу, прибавив, что он не смеет послать туда не только офицера, но даже своего подвластного» [1, с. 289].

Попытки изучить неизвестную российскому командованию полосу нагорных земель продолжались и после экспедиции Ф. И. Гене. Так, в том же 1836 году военный топограф Фейзулин тайно прошел по свободным обществам Нагорного Дагестана: из Белокан через Ункратль, Андалял и Гергебиль в Темир-хан-Шуру [5, с. 206]. «С не меньшими опасностями, – пишет историк Генерального штаба, – были сопряжены поиски штабс-капитана Мочульского в Дагестане; в 1837 г. он благополучно обозрел южные склоны хребта со стороны Лезгинской линии, но, будучи отправленным переодетым весной 1838 г. в Хунзах, он был остановлен в с. Моксох, подвергнут пытке и приговорен к смерти; однако же, выдержав все испытания, признан за джарца (местного жителя Джаро-Белаканской области. – *Авт.*) и отпущен вместе с другими, но едва ушел от преследований» [5, с. 206].

Неудачей закончились так же и попытка организации исследований Нагорных обществ, расположенных вблизи Аварии. Путь из Хунзаха в Грузию по течению Андийского Койсу должен был исследовать российский офицер финского происхождения Август Иванович Бергенгейм. Изучение второго возможного маршрута дороги – по Аварскому Койсу – было поручено русскому офицеру – поручику Гордееву.

«Путь, назначенный Бергенгейму, лежал через вольные андийские общества... расположенные в ущельях правых притоков Андийского Койсу. Нам они были известны только по именам. Нравы андийцев так же суровы, как сурова природа нагорного Дагестана. Даже неизбалованным горцам многие андийские аулы, спрятанные в глубоких ущельях, казались мрачными тюрьмами... потому, что имам ссылал сюда провинившихся в

чем-либо мюридов. Гордееву предлежал путь сначала вверх по ущелью Аварского Койсу... и оттуда на перевал снежного хребта, ведущий в Джарскую область» [1, с. 292]. Заручившись проводниками из числа старшин местных обществ и собрав для участия в экспедиции два довольно внушительных отряда, исследователи в августе 1838 г. двинулись по своим маршрутам. Вместе с тем открыто готова экспедиции, разведчиками сразу же была допущена грубая ошибка: горцы, обеспокоенные появлением в центре Нагорного Дагестана военных, несмотря на обманчивую тишину, не желали допускать их к себе. Уже 22 августа в Хунзахское укрепление пришла весть о гибели в горах всего отряда Бергенгейма. Он смог благополучно пройти лишь половину намеченного пути и добраться лишь до селения Тинди. В пути Бергенгейм был узнан одним из мюридов, воевавших под Хунзахом с отрядом генерала Фези. Горец быстро известил жителей окрестных селений о том, что они имеют дело не с простым курьером, посланным генералом в Тифлис, а с разведчиком-инженером, который рассматривает дороги в горах и приведет по ним солдат [1, с. 294].

Не менее печальной была судьба второй экспедиции поручика Гордеева. Весть о ее гибели принесли в Хунзах горцы и освободившийся из плена грузинский князь, сопровождавший разведчика. По рассказу этих свидетелей, Гордеев со своими спутниками уже благополучно достиг горного перевала в Джарскую область, когда – жители одного из вольных лезгинских обществ Тленсерух, расположенного недалеко от Лезгинской линии, не пропустили российских разведчиков через свои земли в Грузию, а отправили их в обратный путь в Аварию. «К сожалению, несчастный Гордеев, выбившись из сил от трудных переходов, не был в состоянии спешить с отступлением. Болезнь и недостаток съестных припасов заставили его остановиться для отдыха на гидатльских землях. Здесь напала на него шайка разбойников, состоящая из 33 человек. ...Гордеев, топограф Белкин и двое (грузинских) слуг были немедленно убиты. Князю Вачнадзе удалось вырваться из рук разбойников и скрыться...» [1, с. 297]. Бесполезная для дела гибель российских офицеров в Нагорном Дагестане заставила генерала Головина издать указание проводить дальнейшие разведки в регионе не иначе, как под прикрытием войск [1, с. 297].

Провал попыток найти дорогу из Аварии в Грузию показал не столько ошибки в организации разведывательных экспедиций, сколько выявил общее незнание кавказским командованием положения дел в многочисленных вольных обществах Нагорного Дагестана. Опыт подсказывал, что, изолированные друг от друга, они, не имеющие прочных торговых связей, живут замкнуто и независимо. «Ни одно из них, – писал один из современников, – не заботится о том, что делается в остальной части вселенной, каждое живет отдельно, не знает языка своих соседей» [3, с. XIII]. Одно российское укрепление, даже расположенное в центре самого значимого ханства, не оказывало ровным счетом никакого влияния на жителей

соседних с ним аулов. «В чем же состоит покорность тиндинского общества, – задавали печальный вопрос в Генштабе, – если они в расстоянии двух дней пути от Хунзахской крепости безнаказанно расстреливают русского офицера?» [1, с.296]. Неудивительно, что в этих условиях российская власть в Аварии в 30-е гг. XIX в. оказалась крайне слаба. Само же Хунзахское укрепление было без боя оставлено войсками зимой 1843 г.

Знания о горах и народах, проживавших в них, меняли взгляды самих военных на регион, а сведения, собранные военными разведчиками в ходе их экспедиций, со временем стали доступными не только узкому офицерскому кругу, но и превратились в важный историко-культурный источник по изучению Северного Кавказа. Они заставляли современников иными глазами смотреть на Кавказ и на его жителей, видеть в горцах не только врагов. «Мы удивляемся голландцам, которые из болота сделали обитаемую страну. Но там образование, наука, искусство, правительство. А загляните в эти горы, где не знают ни читать, ни писать, где нет почти правительства, где нет железа и на лопатку, и вы действительно изумитесь, увидев среди этих диких и бесплодных гор прекрасные деревни, плодороднейшие и огромнейшие сады и плодороднейшие поля» [6, с. 30], – подытожил свои соображения о горцах один из участников Аварской экспедиции генерала Фези. В целом военно-разведывательное направление, собрав обширный пласт общих сведений, перерастало в серьезное изучение Кавказа и неизбежно дробилось на отдельные составляющие: изучение географии, этнологии и истории региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. – Тифлис, 1901.
2. Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825-1909 гг. – СПб., 1910. – С. 34.
3. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. – Т. I. – Тифлис, 1852.
4. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. – СПб., 1879. - Т. II.
5. История русского Генерального штаба. 1826-1855гг. / сост. Генерального штаба генерал-лейтенант Н.П. Глиноецкий. – Т. II. – СПб., 1894.
6. Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции 1837 года. – СПб., 1851.
7. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. – М., 1823. – Ч. 1. – С. XV–XVI.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВОПРОСЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Для современного трансформирующегося российского государства и общества проблемы толерантности актуальны в силу его полиэтничности и поликонфессиональности. Если определять толерантность как ценность, социальную норму гражданского общества, проявляющееся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными; обеспечение устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям [6], то следует согласиться и с тем, что важное значение для развития толерантности представляет нормальное функционирование механизмов интеграции общества. В качестве основных интеграторов рассматриваются территория, государство, культура и религия.

Общество, как и собственно культура, с началом проведения перестройки и реформ, оказались не готовы ответить на новые вызовы времени, включающие утрату прежних идеалов и ценностей, глобализацию, развитие рыночных отношений и пр. Во многом этим объясняются те усилия, которые предпринимаются сегодня различными государственными и общественными институтами для формирования в российском обществе высокой толерантности. Со снижением согласия и терпимости в России, возникает потребность в анализе исторических социальных и культурных предпосылок толерантности, изучении исторического опыта конкретных примеров, а также необходимости определения стратегии дальнейшего развития полиэтничного социума. Проблема затрагивает не только столичные регионы, но и провинциальное общество, в том числе и северокавказское.

Историческое вхождение Северного Кавказа в состав российского государства насчитывало несколько веков. Активная фаза этого процесса относится к концу XVIII – началу XIX вв., когда российское правительство переходило от политики сотрудничества с местными сообществами к политике местного администрирования [5, с. 19]. Суть ее заключалась в укреплении Кавказской военной линии путем переноса ее к подножью Кавказского хребта, и включения горских обществ в сферу российских геополитических и социокультурных интересов.

К особенностям, определившим историческое развитие кавказских народов, относились природные условия и относительная замкнутость территории. В то же время следовало учитывать, что Северный Кавказ стал пристанищем для десятков этносов, родиной целого ряда древних цивилизаций и государств. Здесь раньше других российских территорий

распространились христианская и исламская религии. В результате чего сложился специфический хозяйственный уклад, повлиявший на быт, духовность и идеологию горцев.

При колонизации Северного Кавказа российское правительство делало ставку на русское население. Вместе с тем, как известно, несоответствие обширной территории, несметных природных богатств и ничтожности людских ресурсов было одним из главных противоречий социально-экономического развития России. Учитывая эти факторы, царское правительство пыталось проводить гибкую политику колонизации, вовлекая в нее огромную массу не только русского населения, но и российских «инородцев», уже проживающих на ее территории или специально иммигрирующих в нее [1, с. 40]. Для того чтобы привлечь их в регион, официально предоставлялись им широкие права и немалые привилегии, в том числе и в городских образованиях.

Многочисленные миграционные волны способствовали формированию этнических и этнодисперсных групп, каждая из которых обрела свою нишу в структуре городского населения. Сформировались диаспорные группы армян, евреев, татар, грузин, персов, азербайджанцев, поляков, немцев, греков. Их образованию способствовали достаточная численность мигрантов, характер расселения, сохранения контактов с родиной. Всем им предстояло пройти сложные адаптационные процессы, приспособиться к законам принимающего общества, к урбанизационному хозяйству и культуре, при этом сохраняя этническую идентичность.

Важнейшим элементом социокультурной сферы северокавказских городов на всем протяжении их эволюции оставалось образование. Оно выступало одним из наиболее эффективных механизмов интегрирования кавказских народов в городское сообщество. Светские, церковно-приходские, частные и другие учебные заведения играли огромную роль в обогащении интеллектуального потенциала городского населения; выступали своеобразным мостом в новую жизнь, способствовали развитию толерантности, межэтническому и межконфессиональному диалогу.

Так, православные миссии во всех уголках России занимались наряду с проповеднической деятельностью строительством школ. История же народного образования многих северокавказских народов начинается с деятельности «Осетинской духовной комиссии» и «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Сформированная еще в 1745 году, Осетинская духовная комиссия вплотную занялась вопросом об открытии доступных для большинства населения школ.

Первую осетинскую школу решено было открыть в приграничной крепости Моздок. Указ об учреждении этой школы был подписан 27 сентября 1764 года. Миссионерская направленность школы была очевидна.

В конце 1764 года Коллегия иностранных дел сообщила астраханскому губернатору Бекетову решение Сената «О заведении при урочище Моздок

школы для осетинских и ингушских и прочих горских народов детей» [8, с. 3]. Учителями в этой школе были священнослужители, состоящие при Моздокской духовной комиссии; ученики обучались читать и писать по-русски и по-грузински, краткой истории Ветхого и Нового Завета, краткому катехизису, церковному пению и церковному уставу. Часть воспитанников после окончания поступала в учрежденную в 1777 году Астраханскую семинарию. Со временем Моздокская школа благоустраивалась, что позволило увеличить число ее воспитанников. Школа просуществовала до 1800 года.

В 1793 году была учреждена Моздокско-Маджарская викарная епархия и упразднена просуществовавшая почти полвека Осетинская духовная комиссия. Несмотря на ряд крупных недочетов в ее миссионерской деятельности, она заслужила высокую оценку прогрессивной интеллигенции. Осетинский поэт и общественный деятель К.Л. Хетагуров высказывал свое мнение по этому поводу: «Немногое могла совершить в то время Моздокская комиссия для успешного распространения евангельского учения, но если принять во внимание, что ею отпечатана первая церковная книга на осетинском языке, создано несколько церковнослужителей из природных же осетин, то и эти результаты нужно признать довольно значительными, судя по времени и обстоятельствам тогдашней военной жизни» [7, с. 151].

Свое новое возрождение Осетинская духовная комиссия получила при императоре Александре I, когда церковное управление Кавказом сосредоточилось в Тифлисе. По «высочайшему повелению, от 21-го февраля 1816 года учреждена в Тифлисе Осетинская духовная комиссия, которой по тому же высочайшему повелению отпускалось из государственного казначейства на содержание духовенства и школ и на вспомоществование новообращенным горцам 23 552 руб. в год». Ко времени учреждения «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» в 1860-х годах, экономический капитал «простирался до 231 793 руб. 36 коп.» [7, с. 151]. На проценты с этого капитала комиссия строила церкви и снабжала их всеми необходимыми принадлежностями.

По учреждении «Общества восстановления христианства» возникло предположение соединить с ним Осетинскую духовную комиссию, так как цель «последней во всех отношениях совершенно была тождественна с целями первого и соединения это могло усилить средства «Общества».

Еще в 1857 году Наместник Кавказа фельдмаршал князь А.И. Барятинский пришел к выводу о необходимости образования «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». В предьявленной им на имя Кавказского Комитета в Петербург докладной записке князь писал о том, что создание такого Общества – «это долг православного государства. Дело идет о вопросах, к которым Россия не может оставаться равнодушною: о религиозном просвещении меньших ее братьев, ежедневно отрываемых мусульманскою пропагандою от лона святой Церкви Христовой, о величии России, которая должна разрушить на Кавказе препятствие, противопоставленное ей

воплощением мусульманской ненависти в юридиксизме. Союз честных лиц должен способствовать в этом деле, чтобы поддержать и распространить христианство между кавказскими племенами» [2, с. 205].

Император Александр II милостиво почтил князя Барятинского следующей грамотой: «Православная Христианская вера в древние времена была господствующею в тех местах Кавказа, где ныне преобладает магометанство. В горах, однако же, до сих пор сохранились многие остатки бывшего, но не угасшего еще там света Христианства.

С покорением Кавказа, желая действовать к восстановлению в этом крае православия, но действовать путем убеждений, распространяя в горах Слова Евангелия, мы признаем полезным призвать к участию в этом великом деле всех ревнителей православия. Учреждая с этою целью особое Общество под названием «Общество восстановления Православного Христианства на Кавказе», мы утвердили составленный вами и рассмотренный Кавказским Комитетом проект Устава сего «Общества»... Надеюсь, что при направлении вами занятий Общества, оно благоуспешно пойдет к цели своего учреждения» [3, с. 205].

9 марта 1885 года был утвержден Устав Общества, где был оговорен круг деятельности, включающий: «а) сооружение и содержание церквей, и устройство при них помещений для духовенства; б) открытие церковноприходских школ для образования горского юношества и содействие им денежными средствами; в) перевод на туземные языки священного Писания, богослужебных, учебных и других полезных для чтения книг и печатание как сих переводов, так и священно-церковных книг на грузинском языке...» [11].

В целях достижения поставленных задач, «распространившиеся тогда на все народности Кавказа, Совет Общества восстановления христианства, прежде всего, обратился к проповедническому слову, но вскоре опыт убедил его в недостаточности этого воздействия на... нравы и отсталость... Одним из средств...оказались школы...» [12].

К концу XIX века Общество восстановления христианства уже имело сеть школ. Параграф 34 Устава Общества гласил: «Общество имеет в своем ведении церковно-приходские школы для образования детей горских жителей. Относительно сих школ Общество действует на основании Высочайше утвержденных, 13 июня 1884 года, правил о церковно-приходских школах. Советом Общества на содержание состоящих в ведении его церковно-приходских школ ассигнуется сумма, сообразно со средствами Общества» [11]. Школы Общества находились в более выгодном положении в сравнении с учебными заведениями округа – обучение в них было бесплатным. Также использовалось очевидное преимущество этих школ перед государственными (главное из них заключалось в религиозной однородности состава учащихся). Общество... разработало специальную систему обучения детей. В Правилах говорилось: «Обучение в приходских школах русской грамоте производится после изучения природной грамо-

ты» [4, с. 62]. Члены Общества с размахом вели дело по составлению азбук и учебников, занимались переводами на кавказские языки церковной и другой литературы, что приносило немалый доход.

Активная деятельность духовного органа по расширению сети школ привела к тому, что уже к 1870 году насчитывалось около 60-ти школ. Общество восстановления христианства за короткий срок добилось ощутимых результатов. К 1-му января 1869 года в Осетии было 20 школ Общества с 393-мя учащимися. Современник писал: «Начальных школ Кавказского учебного округа мало в Осетии и эти немногие сосредотачиваются в Владикавказе и некоторых других центральных пунктах, не проникая так глубоко в страну, как школы Общества христианства» [4, с. 70].

Анализируя деятельность Общества, известный осетинский просветитель Х. Уруймагов отмечал, что с 1870 по 1885 года начинают строить под школы «просторные, удобные в гигиеническом отношении, здания, в которых переносятся занятия до того времени, происходившие в сараях и дымных саклях – при самых отвратительных условиях и обстановке. Вслед за внешней реформой, значительно улучшается и внутреннее содержание школ» [13, с. 38]. Учителями в мужские школы Осетии, вместо священников, назначаются молодые люди – осетины со специальным педагогическим образованием, окончившие Тифлиссский Александровский учительский институт. В женские школы направляются учительницы «практически подготовленными во Владикавказской Осетинской девичьей школе» [10, с. 287].

Совместная скоординированная деятельность Общества восстановления православного христианства, военного ведомства и учебного округа способствовала динамичному развитию начального образования в Кавказском наместничестве. Общество, действовавшее среди христианского населения, пользовалось умело разработанной системой методов, благодаря чему продолжало добиваться успехов и с каждым годом расширяло свою школьную деятельность. Лучшие из учеников начальных школ Общества, окончившие курс в третьем отделении, получали за счет Общества среднее образование, для чего назначались стипендии при Кавказских прогимназиях и гимназиях. Стипендиаты, «при отличных успехах», могли поступать на «казенные Кавказские стипендии в университеты и высшие учебные заведения» [11, с. 133].

В заключение следует отметить, что историческая ретроспектива, представленная в нашей работе доказывает необходимость учета культурных, ментальных, религиозных различий; а также скоординированных действий государства и общества в различных вопросах, в том числе мирного сосуществования и толерантности в многонациональном обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. - М., 2005.
2. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1896. – № 13.
3. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1908. – № 13.

4. Гагагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. - М., 1994.
5. Голубев Н.Н. Исторический и этнонациональный аспекты конфликтов на Северном Кавказе// Сб. тезисов международной конференции. – Ростов н/Д – Горячий Ключ: Изд-во СГАГС, 2006.
6. См.: Декларация принципов толерантности. ЮНЕСКО, 1995.
7. Коста Хетагуров. Публицистика (избранные статьи). – Орджоникидзе, 1941.
8. Материалы по истории осетинского народа. – Т.5. – Орджоникидзе, 1942.
9. Неверов М. К вопросу об образовании инородцев // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1869, декабрь.
10. Статьи неофициальной части Терских Ведомостей. – 1875.
11. Терские Ведомости. – 1885. – № 97.
12. Уруймагов Х. Женские школы в Осетии // «Казбек». – 1903. – № 1695
13. Уруймагов Х. Начальная школа в Осетии // «Утро гор». – 1910. –№ 1.

И.М. Федина (Краснодар)

**НЕГАТИВНЫЙ ОПЫТ РАЗРУШЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ
ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО МИРА КАЗАЧЕСТВА
(на примере выссылки населения кубанских станиц в начале 1930-х гг.)**

Толерантность формируется и существует на основе локальных национальных миров. Только народ, проживающий в согласии с самим собой, способен воспринять мир Другого, национальный менталитет, культуру и боль иного народа. Северный Кавказ, наверное, как никакой другой регион России, очень часто подвергался репрессивной политике властей. Это отчасти сближает некоторые народы региона, но в большей мере способствовало и способствует созданию социально-психологической пропасти между ними. Преодоление традиционных разногласий, этноконфессиональных конфликтов на Северном Кавказе невозможно без изучения исторического опыта, в том числе негативного, когда отдельные народы тяжело переживали сложные этапы своей истории, наполненные горечью потерь и трагизмом этносоциального конфликта, когда рушилась целостность привычного мира вещей: семьи, близких, станичников и др. В 1930-е годы были уничтожены не только сложившиеся социально-экономические,

культурные отношения, но и разрушен самобытный формировавшийся столетиями уклад жизни кубанского казачества.

Сегодня многие исследователи проявляют научный интерес к проблеме раскулачивания и принудительных выселений, судьбам людей. Однако их изучение стало возможным лишь в 90-е годы XX века, когда более широко открылось большинство архивов для исследователей. Одними из первых заявили о политических репрессиях и принудительных выселениях населения Кубани историки И.И. Алексеенко и С.А. Кропачев, а затем и в периодической печати стали публиковаться воспоминания очевидцев [1].

Принудительные переселения на новое место жительства явились нелегким испытанием для многих казачьих семей лишившихся своего крова, хозяйства и средств существования. После принятия постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» выселению за пределы края подлежали бывшие белогвардейцы, кулаки, имеющие крепкие хозяйства (1-2 группы).

К первой группе причисляли богатых «кулаков», применявших наёмный труд и машины с механическим приводом. Таких хозяйств на Кубани насчитывалось всего 15 %, хозяйств середняков – 50 % и бедняков – 35 % [2].

Началом принудительных выселений послужило постановление Северо-Кавказского крайисполкома «О ликвидации кулачества как класса». Уже к 5 февраля 1930 г. для переселения кулаков в каждом сельсовете создавалась тройка в составе: секретаря ячейки (председатель) и членов: уполномоченного района и председателя сельсовета. Перед началом операции издавался приказ об учёте и добровольной сдаче имеющегося у населения оружия. Операции по выселению разбивались на 2 периода: 1-й – изъятие глав семей кулаков и 2-й – переселение семей кулаков. Момент ареста главы семьи проводился тайно. Арест семьи «кулака» сопровождался привлечением и широким участием батрацко-бедняцких масс.

В Кушевском районе начало операции по переселению «кулаков» было назначено на 5 февраля 1930 г. [3]. Переселение производилось исключительно по спискам ОГПУ и готовилось «тройками», которые назначали ответственных уполномоченных по хуторам и кварталам из членов партии, помощников из комсомольцев и преданных бедняков или партизан, ответственных уполномоченных по хуторам и кварталам. Полученные из района списки людей, подлежащих высылке, разбивались по кварталам и хуторам, с точным указанием местожительства, составлялся план агитационно-массовой работы на время с момента изъятия кулаков и до переселения семей, отводился дом для содержания кулаков по изъятии, назначались караульные, конвоиры и «товарищи для охраны госучреждений и зернохранилищ» [4].

Для сопровождения арестованных выделялись коммунисты и комсомольцы, хорошо владеющие оружием. Сопровождающие назначались из расчёта 4 сопровождающих на 10 «кулаков», из которых один непременно

должен быть коммунистом. Подводы для переброски людей в требуемых количествах изымались из зажиточных хозяйств.

Идеологический фундамент операции по изъятию «кулаков» обеспечивали постоянные собрания батрацко-бедняцких масс, общегражданские и женские собрания по хуторам и кварталам. На собраниях обсуждались вопросы о необходимости переселения «кулаков» и их семей, добиваясь полного одобрения этой политики вынесением соответствующих решений. Принимались постановления, требующие переселения кулаков и их семей из пределов Северо-Кавказского края, как срывающих все сельскохозяйственные и политические кампании, и занимающихся злостной агитацией против мероприятий советской власти. В телеграммах на места подчеркивалось необходимость «развернуть массовую агитацию, разъяснительную работу во всех станицах селах и хуторах, чтобы ею было охвачено поголовно все батрачество, каждый двор бедняка и середняка всех колхозников» [5].

Всем сельским райкомам партии давались указания во время проведения операции по выселению «кулаков» и по её окончании, «...обеспечить закрепленные её политические результаты путём развёртывания массовой работы с батрачеством, беднотой, середняками, особенно среди женщин и красных партизан, добиваясь их активной поддержки проводимых мероприятий» [6].

Широкие полномочия, которыми наделялись лица участвующие в раскулачивании, создавали почву для многочисленных злоупотреблений. Так, в ряде пунктов фиксировались случаи «барахольства» – отбора у выселяемых денег, вещей, а в отдельных случаях и продовольствия. При этом некоторые руководители на местах не особенно заботились о том, чтобы выселяемые имели минимум продовольствия на 2 месяца.

В телеграмме обкомам и окркомам Северо-Кавказского края выражалась уверенность, что: «...эти мероприятия несомненно встретят бешеное сопротивление со стороны кулачества, вызовут новую волну кулацкой контрреволюционной агитации и попытки активного противодействия. Поэтому раскулачивание и выселение кулаков должно проводиться быстро и решительно» [7]. Райкомам предлагалось «принять все меры к тому, чтобы отправка изъятых кулаков и их семей происходила без всяких перебоев и попыток к антисоветским эксцессам и демонстраций» [8].

По донесениям политического управления Северо-Кавказского военного округа С. Кожевникова, раскулаченных на 9 февраля 1930 г. «по казачье-крестьянским округам было изъято 14 тыс. 551 человек». По сведениям В.Н. Ракачева и Я.В. Ракачевой раскулачиванию к 1930 г., а затем выселению подверглись 30-35 тыс. хозяйств края [9].

На борьбу с «кулаком» и ликвидацию его как класса предполагалось поднять всю многомиллионную массу батрачества, бедноты и середняков. Особое внимание партийных и комсомольских организаций обращалось на развёртывание широкой массовой работы с середняком. На пленумах райкомов отмечалось: «основным и решающим условием в борьбе за уничто-

жение кулака как класса и во всей работе по раскулачиванию является непосредственное активное участие батрачества и бедноты. Поэтому как никогда должна быть развёрнута самая широкая работа среди них, тщательной подготовки и организации их как боевой, революционной силой, играющей ведущую роль в отношении середняка» [9].

По предложению крайкома, количество кулацких хозяйств, подлежащих, как выселению, так и расселению было определено по отдельным районам примерно в объёме 3-5 % [10]. Списки кулацких хозяйств, подлежащих ликвидации, составлялись райисполкомами совместно с сельскими советами. Особо подчёркивалось, что парторганизации должны были «не допускать выселение и конфискацию, какой бы то ни было части середняцких хозяйств» [11]. Кроме того, не подлежали выселению и расселению и семьи красноармейцев и командного состава, а также хозяйства бывших красных партизан, отнесённых к категории «кулацких», при условии подтверждения батрацко-бедняцким собранием их действительного активного участия в гражданской войне в рядах Красной Армии.

Ответственность за конфискацию имущества 1-й и 2-й группы кулаков возлагалась на уполномоченного райисполкома с участием сельсовета, председателей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов. Конфискованное имущество по описи необходимо было передать колхозам в качестве взноса батраков и бедняков с зачислением в неделимый капитал колхозов. Денежные средства выселяемых и расселяемых кулаков конфисковывались с оставлением на семью лишь самой необходимой суммы для проезда и устройства на новом месте, но не более 500 рублей на семью. Паи и вклады кулаков в кооперированных организациях передавались в фонд коллективизации батрачества и бедноты, с исключением самих кулаков из всех видов кооперации.

К июню 1931 г. в Приморско-Ахтарском районе было раскулачено 273 хозяйства и выселено из района по первой и второй категории 106 «кулацких» хозяйств (551 человек) [12]. Из Кушевского района выселению подлежали 174 хозяйства – всего 732 человек. 29 июня 1931 г. эшелонами они были отправлены к месту высылки. Кроме того, на концентрационном пункте находились 85 кулацких хозяйств с 360 членами семей, которые остались «непогруженными, ввиду непредоставления районным штабом необходимого количества вагонов» [13]. По сводкам отдела ОГПУ «Об итогах выселения из районов Кубани» на 26 декабря 1932 г. в районах Кубани с 5-8 декабря из 13 районов Кубани было произведено выселение 1008 кулацко-зажиточных хозяйств и 998 единоличных хозяйств [14]. В Павловском районе с одобрением решения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 12 января 1933 г. выселили в северные районы страны 1200 жителей станицы Уманской [15].

Изъятие семей, как и глав, по сведениям ОГПУ проходило спокойно. Однако в некоторых станицах (Полтавская, Уманская) отмечались так назы-

ваемые «женские волынки», при которых женщины пытались противодействовать властям в высылке станичников [16]. При выезде люди заявляли: «Нам нигде работать не страшно, на новом месте построим такой колхоз, что только полюбоваться тем гадам, которые нас здесь выгоняют» [17]. Встречались и более враждебные: «Пусть нас таких свезут со всех концов страны, мы там организуемся и припомним, как выселять, мы ещё вернёмся» [18].

Воспоминания Исаевой Марии Константиновны (ныне проживает в г. Абинске Краснодарского края, 1916 г.р.) красноречиво раскрывают страшную картину жизни выселенцев: «У нас было крепкое хозяйство, добротный дом под железной крышей, кузница. Работали своими силами, никаких батраков не имели, и прислуги не имели. Жили, работали и радовались и вдруг нашлись новые хозяева на чужое добро, все забрали, разгромили мигом, что было годами приобретено. Выгнали из дома без всего, не разрешали сеять, потом убирать. Всех арестовали, и наступило время покидать родину» [19].

По некоторым населённым пунктам зафиксированы недовольные заявления на то, что отдельных лиц отставили от высылки, говоря: «мы постановили выселять – потому что хорошо знаем, а то на случай войны, когда уйдём на фронт, они подымут восстание и будут вешать наши семьи» [20].

Средняя часть, по большей части, отзывалась одобрительно «там, мол, разберутся лучше, чем здесь и кого надо не выселяют». Средняя-колхозник в общей массе поддерживал выселения, принимая участие и в обсуждениях кандидатур и в самом выселении. Характерно, что по значительному количеству пунктов выселяемых провожали только родные, знакомых и соседей не было. Тогда как, наоборот, при выселении 3-ю категории выселенцев (т.е. кулаков, которых расселяли в районе проживания, на новых участках, отводимых за пределами края) провожали целые толпы баб и мужиков с враждебными выкриками по адресу советской власти и партии. Некоторая часть высказывала сожаление, говоря «лучше бы их раскулачили и оставили работать здесь – они бы много помогли при уборочной кампании» [21]. Средняки высказывали боязнь, как бы, мол, не пришла наша очередь тоже ехать за ними. Среди них компетентными органами фиксировались разговоры такого порядка: «Аресты и высылки проводятся для того, чтобы воздействовать на остальную массу и выполнить планы по укомплектованию коровами МТС, и собрать по планам средства по разным займам и задолженностям» [22].

Сельская интеллигенция, а также совслужащие, в выселении участия почти не принимали. Однако приводимые ниже разговоры свидетельствовали о том, что большинство интеллигенции мероприятия по выселению не одобряло, и эти настроения с протокольной точностью зафиксировали сводки ОГПУ. Например, агроном Шкуринской МТС А. Фиалковский заявлял, что такое массовое переселение – «это жестокость, это – варварство. На это способны только идейные люди, строящие при наших условиях пятилетку: их всего один процент. Остальные 99 – не согласны с проводимой политикой, но их

прижали, запугали террором, и они молчат» [23]. Бухгалтер Союзхлеба Медведев сообщал: «Выселением хотят народ окончательно угробить, проводят жидовское постановление, сделанное в Палестине 10 лет назад – заставить русского человека работать только за кусок хлеба». Помощник начальника станции Шуруинка Козлов утверждал: «Все эти выселения, голодовки сокращают путь к перевороту, они своеобразно организуют массу, иначе она сама не подготовится. Сейчас самый подходящий момент для взрыва, но народ так запуган, что каждый дрожит только за свою шкуру» [24].

Характерно, что при обсуждении кандидатур, подлежащих выселению, присутствующие на собраниях отдельные врачи, учителя уходили от таковых, а другие совершенно молчали. Среди них фиксировались разговоры о том, что должна быть война, поэтому забирают людей, которых боятся. Другие говорили о том, что «казачество нашей местности постепенно всё будет переселено, ибо является политически неблагополучным для советской власти, а интервенты берут именно ставку на бывшую Кубань». «Выселка является методом запугивания каждого, чтобы переносил молча все тяготы данного периода. Выселки будут повторяться много раз, и это приучит население к бессловесному повиновению приказам» (Заявление ветврача Рубижанского) [25].

По казачьим станицам распространялись слухи, что это выселение не последнее, что оно будет повторено и, главным образом, за счёт казачества. Некоторые середняки-казаки, служившие в прошлом в отрядах белых и чувствующие за собой активную деятельность в таковой, ночью в дни изъятия у себя дома не ночевали, думая, что их могут забрать. В отдельных населённых пунктах, например, в станице Пашковской, отмечалась усиленная явка казаков в совет, за справками о социальном положении с целью выезда из станицы «на всякий случай» [26]. Среди них шли такие разговоры: «Я целую ночь ожидал, что за мной придут, ибо сейчас проводится то, что было решено еще в 20 г. – выслать всех казаков за то, что они бросили фронт и пошли за своими генералами».

В результате принудительных выселений 30-х годов пострадали практически все станицы Кубани. Из станиц было выслано за Урал, в Сибирь и другие регионы огромное количество казаков. Высылки осуществлялись в каждой станице неоднократно. По всем населённым пунктам давались дополнительные предписания на выселение. Имущество описывалось, свозилось на общие дворы, когда-то принадлежавшие выселённым казакам, а потом разворовывалось теми, кто его отбирал.

Таким образом, на примере высылки населения кубанских станиц в начале 1930-х гг. мы можем констатировать, что в те времена насильственным образом разрушался целостный этносоциальный мир казачества. В социальной памяти кубанских казаков сохранились печальные образы прошлого, образы отторжения иногороднего населения, безземельных крестьян, которые вселялись на место казачества, что создавало непреодоли-

мую пропасть между различными этносоциальными группами населения. И сегодня, в условиях локальных межнациональных конфликтов нередко раздаются голоса о выселении неугодных, лиц иной национальности. Очевидно, люди забыли, чем грозит такой путь избавления от своих контрагентов в конфликтах. Негативный опыт разрушения целостности этносоциального мира кубанского казачества свидетельствует, что нельзя забывать о прошлом, ибо оно обязательно догонит и накажет «непомнящих Иванов», манкуртов и иных неспособных хранить память своего народа, неготовых уважать бытие представителей других этнических групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеев И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. – Краснодар, 1993; Кропачев С.А. Большой террор на Кубани: Драматические страницы истории края 30-40-х гг. – Краснодар, 1993; Очевидцы рассказывают // Родная Кубань. – 2002. – № 3. – С. 112-117.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК), ф. 8, оп. 1, д.31, л. 2.
3. ЦДНИ КК, ф. 163, оп. 1, д. 108, л. 32.
4. Там же.
5. ЦДНИ КК, ф. 163, оп. 1, д. 108, л. 19.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Ракачев В.Н, Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. – Краснодар, 2007. – Т. 2. 1930-1950 гг. – С. 22.
10. ЦДНИ КК, ф. 163, оп. 1, д. 108, л. 32-34.
11. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. Р-577, оп. 1, д. 472, л. 93.
12. ГАКК, ф. Р-577, оп. 1, д. 107, л. 17.
13. ЦДНИ КК, ф. 163, оп. 1, д. 108, л. 32-34.
14. Там же.
15. ЦДНИ КК, ф. 1384, оп. 1, д. 67, л. 11-15.
16. Очевидцы рассказывают // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 112.
17. ЦДНИ КК, ф. 163, оп. 1, д. 108, л. 24.
18. Там же.
19. Частная переписка Исаевой М.К. с народным музеем станицы Журавской Кореновского района Краснодарского края.
20. ЦДНИ КК, ф. 163, оп. 1, д. 108, л. 35-36.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.

ДУХОВНОСТЬ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА – КУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Северный Кавказ – самый сложный регион Российской Федерации. Этнический состав населения и культура его народов формировалась столетиями. На территории Северного Кавказа проживают народы, отличающиеся друг от друга в языковом, религиозном и этническом отношении, а также особенностями быта, хозяйства, традициями повседневной жизни. Любое общество, для которого характерны этническая, религиозная культурная неоднородность, может существовать при наличии определенной степени толерантности. По мнению исследователей, толерантность увеличивает способность этноса к адаптации к окружающей среде.

Под «толерантностью» в «Краткой философской энциклопедии» понимается «терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам [1, с. 69]. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, нации и религии». «Толерантность» синоним понятию «терпимость», но следует разграничивать их. По мнению М. В. Семашко, понятие терпимость «содержит в себе пассивное принятие окружающей действительности», а толерантность «имеет более яркую активную направленность» [2, с. 36].

Этническая психология Северного Кавказа, их самосознание неразрывно связаны с их историей и самобытной культурой. Культурное взаимодействие, духовность народов Северного Кавказа обуславливает надежную степень толерантности.

В настоящее время, в связи с межэтническими конфликтами на Северном Кавказе, знание норм традиционной культуры общения северокавказских народов является особенно актуальным. У каждого этноса есть своя культура. И не просто как исторически сложившийся комплекс художественной литературы, искусства и фольклора, а как культура бытия, на основе которой выстраивается и эволюционирует жизненный процесс [3, с.46]. Многие историки подчеркивали воспитательные функции обрядов, обычаев, традиций народов Северного Кавказа. Идеальные древние нормы достойного поведения несут в себе изрядный потенциал поддержания общественного равновесия, толерантности, взаимности.

Важной предпосылкой для взаимопроникновения культур, являются и горские обычаи: гостеприимство, куначество, покровительство, аталычество. Обычай гостеприимства на Северном Кавказе играет важную роль в системе межличностных, межгрупповых и международных связей. Хан-Гирей отмечал: «Между разными племенами в Кавказе не было бы других отношений, кроме военных, если бы дружба и гостеприимство не производили между ними частных, но не менее прочных и для человечества по-

лезных связей, кои, отлучая злобу от меча, приглашают вражду к отдохновению» [4, с. 58]. Этикет гостеприимства можно считать важной составляющей всей культуры поведения горских народов, в этих нормах отражаются многие черты их жизни. Этикет, как средство общения, ориентирован на всех, с кем приходится общаться, независимо от этнической принадлежности. Именно поэтому он всегда международен и несет в себе установки на компромисс и толерантность по отношению к другим этносам. Об особой роли этикетных норм свидетельствует то, что у некоторых народов региона они воспринимаются, как равнозначные юридическим нормам. В этом регионе сложилась единая система этикета, которая имеет локальные особенности в пределах одной этнической общности, но все же обладает рядом общих черт. В этой культуре есть лидеры, к которым относятся адыгские народы.

Адыгский этикетный кодекс «Адыгэ Хабзэ» не имеет себе равных по сложности, степени разработанности и роли в общественной жизни. В традиционно-бытовой культуре народов Кавказа институт гостеприимства осуществлял важную социальную функцию: он позволял поддерживать интенсивные связи и контакты не только внутри одного этноса, но и между представителями разных народов. В прошлом этот обычай выступал гарантией безопасности путешественников и торговцев, гость, для принимающего его хозяина, священная персона, за которую он отвечал головой. Весь Северный Кавказ представлял собой сеть кунацких связей взаимной ответственности. Кунацкая готова к приему гостя в любое время суток, делом чести считается поддерживать в ней порядок, иметь неприкосновенный запас лучшей провизии. Исследователи справедливо подчеркивают, что одно из основных значений обычаев гостеприимства и куначества – их роль в установлении добрососедских отношений и сохранения мирных отношений между народами, общинами. Этнические и религиозные различия не препятствовали установлению кунацеских отношений.

Взаимообогащению культур, укреплению дружеских связей горцев и казаков, содействовал обычай аталычества – обмена детьми между семьями. Между казаками и чеченцами было принято отдавать детей на воспитание из станиц в аулы и наоборот, что давало им знание чужого языка, грамоты, обычаев и т.д. Связи воспитанника с семьей аталыка на протяжении всей его жизни были очень тесными, аталык по обычаю считался главным советчиком и руководителем воспитанника. Родственным гостеприимству и куначеству можно считать известный у ряда народов Кавказа институт покровительства, связывавший или различные группы одного народа или разные народы.

Таким образом, краткий обзор традиций, определявших межэтническое сотрудничество народов Кавказа, свидетельствует об их богатстве и многообразии. Народы этого региона накопили богатейший опыт взаимной терпимости, разумного приспособления, достойных компромиссов, двустороннего сотрудничества. Такого рода предания, нормы, представ-

ления – отражение ценностной ориентации представителей народов Кавказа, ориентации на толерантность.

Древние нормы чаще не исполняются, к сожалению, но само знание их и эпизодическое воплощение в поступках некоторых людей выступают положительным фактором для формирования духовности этноса, которая выступает культурной основой толерантности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994.
2. Семашко М.А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках // Электронный научно-педагогический журнал.
3. Тишков В.А. Российский Кавказ. – М., 2007.
4. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1992.

Л.Н. Хлудова (Армавир)

КУЛЬТУРА И БЫТ ПОЛИЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКУБАНЬЯ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ (конец XVIII– 60- е гг. XIX в.)¹

Кубанский регион на протяжении длительного времени постоянно, хотя и в различной степени, оставался включенным в «поле» развития российского и европейского изобразительного искусства. Живописные и графические работы отражают различные аспекты материальной и духовной культуры народов, населяющих Северо-Западный Кавказ, формируя представления современников об особенностях, отдельных чертах их социально-экономического, политического и культурного развития. Позна-

---

¹Выполнено в рамках исполнения государственного задания № 6.764.2011. По теме: "Основы этнической толерантности и межкультурного диалога на Кубани". Руководитель - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии Дударев С.Л.

комиться с работами и репродукциями сегодня можно не только в музейных залах, и на выставках, но и на страницах научно-популярных, художественных изданий, различных интернет-сайтов. Через произведения изобразительного искусства происходит передача и усвоение ценностей, идей других народов. Благодаря искусству расширяется кругозор и формируется мировосприятие как отдельного человека, так и общества в целом и, как результат, складывается терпимое отношение к «другим» людям, культура общения, взаимопонимания и толерантности. Популяризация среди молодежи многообразного культурного достояния народов, передающегося от поколения к поколению, способствует появлению взаимного интереса, стремления к сотрудничеству и, как следствие этого, - к развитию толерантного сознания.

Доступный для использования в образовательном процессе на Кубани регионе историко-этнографический иллюстративный материал можно разделить на 5 групп, отражающих: 1) антропологические типы и национальный костюм; 2) поселения и жилище; 3) обряды и обычаи; 4) пейзажи и архитектурные памятники; 5) общественно-политические мероприятия и органы управления. Причем эти разделы не обособлены, а имеют тенденцию к пересечению. Малоизученными остаются произведения, отражающие хозяйственные занятия населения, многие аспекты бытовой и духовной культуры казачества.

Предметом нашего внимания в данной работе преимущественно стали произведения живописи и графики, созданные в конце XVIII - первой половине XIX вв. Именно в это время усиливается вовлеченность Кавказа в орбиту влияния как России, так и различных европейских держав. Об образе жизни народов России, в том числе и южных ее окраин, в то время бытовали самые фантастические суждения и именно иностранные художники начали «живописное изучение» России еще с середины 50-х гг. XVIII в. «Приблизить» мир воинственных и свободолюбивых горцев позволяли «этнографические и топографические с многочисленными фигурами съемки разных иностранцев» [3, с. 135]. Именно воспроизведение внешнего облика, одежды, элементов вооружения, украшений и т.д. стало задачей этнографов и живописцев того периода.

Характеризуя группу произведений типажно-костюмного характера, надо отметить, что работы такого рода, принадлежащие Ж.-Б.Лепренсу, И.Г.Георги, граверу Х.Роту, не представляли большого интереса в художественном отношении, но пользовались популярностью и служили познавательным целям. Они выходили в 70-90-х гг. XIX в. в виде серий гравюр «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов, в Российской империи обитающих», изготовленных К. Ротом и Шлеппером по рисункам Лепренса и Георги в 1774-1775 годах, выполненных на их основе иллюстраций к книге самого И.-Г. Георги « Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». Последняя работа, признанная одним из

эталонов этнографического исследования, высоко была оценена Екатериной II, велевшей напечатать описания «за счет кабинета, но в пользу автора».

С большей или меньшей достоверностью изображали представителей северокавказских народов – черкесов, казаков – С.Роммель, Х.Гейслер. Последний, к примеру, исполнил в 1790-х гг. целую серию «Наказания, применяемые в России» (Лейпциг, 1801), в которой есть офорт, раскрашенный акварелью «Наказание палками у черноморских казаков» [3, с.372, илл.166]. Такая массовая продукция некоторых иностранных бытописателей имела невысокий художественный уровень, художники нередко искажали облик людей, придавали фантастический характер одежде. Тем не менее, обращение к этим изданиям сегодня в процессе учебно-воспитательной работы с молодежью позволяет подчеркнуть чрезвычайно полиэтничную структуру населения Российской империи, в социокультурное пространство которой оказались втянуты разнообразнейшие культурные миры, в том числе и культуры восточных народов: калмыков, бурят, грузин, армян и др.

В начале XIX века исторические события, связанные с освоением Кубанского региона нашли наиболее полное воплощение в таких жанрах, как пейзаж или видопись, и бытовой жанр. Поскольку графика была меньше скована условностями господствующего стиля, обладала особой эмоциональной выразительностью, позволяла расширить сюжетные рамки, именно она достигает своего расцвета в первые десятилетия XIX века [3, с. 8-9]. Многочисленные экспедиции, вызванные нуждами отечественной науки и необходимостью хозяйственного освоения страны, требовали присутствия художника «для снятия видов», в творчестве которых скрестились пути развития пейзажного и бытового жанров. Одна из первых экспедиций такого рода состоялась в 1768-1771 гг. под руководством И.А.Гильденштедта с участием рисовальщика Григория Белого. Помимо ценных сведений этнографического характера, в отчет экспедиции вошли рисунки, изображающие черкесов (или кабардинцев) [6, с. 230-233]. Ярким примером итогов деятельности такого рода являются два альбома гравюр Е.М.Корнеева «Собрание костюмов» (1808-1809 г.) и «Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов разных народов Российской империи, иллюстрированное цветными изображениями» (Т.1-2. Париж, 1812-1813), в которых имеются изображения представителей черноморских казаков и черкесов [3, с. 74-76]. Образы, созданные Корнеевым - положительные, гармонично сочетающие красоту физическую и духовную, что отличает работы этого художника от произведений иностранцев. Этнографизм рисунков Е.М.Корнеева и других художников, работавших в этом жанре нельзя рассматривать как недостаток, для современников такие изображения служили подчас единственной возможностью наглядно убедиться в реальности существующих «типажей»

Ранняя история черноморцев и линейцев также отражена в многочисленных гравюрах, литографиях, офортах с изображениями запорожских, волгских, донских, малороссийских казаков, т.е. тех этносоциальных групп, из которых будет формироваться казачество на Кубани. На гравюрах конца XVIII в., таких, например, как «Казак-грабитель», «Черноморский казак» [10, с. 22, 23] облик казаков (хотя и неоднозначно трактуемых нами как черноморских) отражает, по мнению ряда историков, специфику их роли «социальных бандитов» на раннем этапе истории.

Пик интереса европейских художников к казачьей тематике приходится на эпоху наполеоновских войн и связан с участием черноморских казаков в европейском походе русской армии, когда казачья натура «сама пришла» на улицы европейских городов. Репродукции работ иностранных художников первой половины XIX в., таких как К.Верне, Опиц, Марле, Зауервейд, Гебенс посвященные, в том числе, и кубанским казакам, опубликованы в современных исторических журналах, альманахах [7, с. 68-73]. В большинстве своем, это костюмно-типажные зарисовки, бытовые сценки, с участием казаков и европейцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что на рубеже XIX-XX вв. первые впечатления о характерных особенностях внешнего вида, одежды, элементах материальной культуры, отдельных чертах образа жизни народов Северного Кавказа, черноморского и линейного казачества проживающих на южных окраинах России во многом формировались под влиянием средств изобразительного искусства, которые представляли собой особый вид коммуникации, дающий уникальную возможность приблизиться к другим культурам, чужому опыту.

Особенно возрастает число изобразительных сюжетов, в том числе и принадлежащих европейцам, в 30-40-е гг. XIX в., когда на Северо-Западном Кавказе обостряется противоборство между Россией, с одной стороны, и местными племенами, поддерживаемыми Великобританией, с другой. Произведения Тебу де Мариньи, английских эмиссаров Д.Белла, Э.Спенсера посвящены особенностям внешнего вида и жилища, бытовой культуры черкесов, различным проявлениям их общественно-политической, духовной и культурной жизни. В частности, в Национальном музее Адыгеи выставлены в экспозиции репродукции с рисунков: Тебу де Мариньи: «Черкесский двор»; Д.Белла: «Убыхское селение в долине Саше»; «Интерьер черкесского дома»; «В черкесской кунацкой»; Э.Спенсера: «Черкесская кунацкая»; Н.В.Ланкенау: «Интерьер черкесского дома». На рисунках англичан фигурируют также исторические памятники Прикубанья – дольмены. Несколько изобразительных работ художников-иностранцев характеризуют религиозные верования черкесов: «Греческий крест», «Под священным деревом Саше» из дневника Д.Белла; рисунок Тебу де Мариньи «Жертвоприношение Ахын» (1818-1820 гг.). Те же авторы обращались и к теме народных увеселений: плясок и др. В целом, черкесы предстают на ри-

сунках иностранцев вполне контактным народом, со сложившейся культурой общения с представителями других государств. Так, важное место в системе жизнеобеспечения адыгов занимала торговля с Турцией. В дневнике Белла помещена иллюстрация «Турецкая кочерма на черноморском побережье» (другой вариант названия – «Торговля с иностранцами в Озерейке»).

Этот иллюстративный материал помещался в опубликованных дневниках этих и других авторов. (Э.Спенсер «Путешествия по Западному Кавказу, включая тур по Имеретии, Мингрелии, Турции, Молдавии, Галиции, Силезии, Моравии в 1836 г. Т.2. Лондон, 1838; он же «Турция, Россия, Черное море и Черкесия». Лондон, 1851; Д.Белл «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, и 1839 годов» Т.2. Лондон, 1840; Э.Спенсер «Путешествия в Черкесию, Крымскую Татарию... в 1836 г.» Лондон, 1837; Д.Лонгворт «Год среди черкесов». Т.1. Лондон, 1840). Анализ иллюстраций позволяет сделать выводы о типологических особенностях жизни горцев, милитаризации быта, обусловленной основными занятиями большей части мужского населения. Они подчеркивают большую роль, которую играли в историческом прошлом и настоящем национальные герои – защитники свободы и независимости. Специфика взаимоотношений горцев с окружающим миром, другими народами, отраженная силами изобразительного искусства, заключалась в сочетании традиций гостеприимства, куначества, торговых и политических контактов с набеговой системой, непримиримостью и жестокостью к врагам, пленопродавством.

Многонациональный характер кубанского региона отражен (пусть и не в полной мере) в изображениях ногайцев, черкесов, абазин, принадлежащих исследователям Кавказа Д.Шлаттеру, П.С.Русселю, А.Орловскому и многим неизвестным авторам [1; 4]. Эти работы фиксируют интерес их создателей к различным аспектам жизни северокавказских народов: социальной структуре и основным занятиям, одежде и вооружению, внешнего вида и внутреннего убранства жилища абазин и черкесов, организации обрядов. Анализ их позволяет проследить общие и особенные черты культуры народов Кубани в сравнении с культурами других северокавказских народов, дают возможность наглядно продемонстрировать процессы этнического взаимодействия на Северном Кавказе.

Весьма наглядно процессы аккультурации отражены в рисунках, изображающих черноморских и линейных казаков. Быстрее всех элементы вооружения и одежды горских народов заимствовали линейцы, которые до начала 30-х гг. не регламентировались в форме одежды. Что касается черноморцев, то в не слишком удобной для них форме одежды они ходили до 1840 г., и лишь 1 ноября 1840 г. основу их одежды и вооружения составили черкесские образцы [8, с. 214]. На рисунке «Формы лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона 1840-1850-х гг.» мы видим казаков в папахах, черкесского типа мундирах с газырями [14, с. 128].

На другом полюсе войсковой должностной иерархии черноморцев, в самой гуще военных стычек с горцами находились пластуны: «Засада пластунов в прикубанских плавнях» [14, с. 496], литография «Пластуны» (автора Н.Брезе), «Пластуны в засаде» (с акварели Т.Горшельта, рисовал Г.Князев, гравировал К.Вейерман). Щербина пишет о пластунах: «Пластуны одеваются как черкесы, и притом, как самые бедные черкесы. Это оттого, что каждый поиск по теснинам и трупам причиняет сильную аварию их наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцветными...кожаными заплатами, папаха вытертая, порыжелая...чуваки из кожи дикого кабана щетиною наружу - вот будничное убранство пластуна» [14, с. 497]. Все эти изображения пластунов похожи тем, что показывают казаков в их естественном быту, привычных сценах «охоты» на противника, без которых невозможно представить свою жизнь. Исследователи отмечают, что эти казаки были равнодушны к хозяйству, сельскому труду, не стремились обзаводиться семьей. Поэтому мы и не увидим изображений их в домашнем кругу, среди близких. Образом жизни пластунов стали постоянный поиск противника, опасности и военных приключений [13, с. 105].

Произведения живописи и графики того периода могут оказать существенную помощь в создании более полных и точных представлений о казачестве Старой и Новой Линий первой половины XIX века. На рисунках и акварелях 20-40-х гг. линейцы изображены в одежде и с вооружением, унифицированными по черкесскому образцу. Это обстоятельство лишним раз подчеркивает специфику казачьей службы на Линии. «Казаку некогда было оглядываться кругом, когда все его внимание было обращено вперед на врага-горца, которого нужно было не выпускать из виду... и собственно для маскировки от которого и была перенята черкеска» [9, с. 7-8].

Для современного исследователя интересно сравнить изображения казаков и горцев - их практически нельзя отличить. Судя по рисункам, казаки брили голову или носили очень короткую стрижку, практически все отпускали бороду, что можно объяснить и горской модой, и старообрядческой традицией. Головным убором служили высокие папахи, которые предохраняли владельца не только от жары, но и от удара шашкой. Верхняя одежда была точной копией горской и даже в мелочах повторяла тогдашнюю мужскую моду - «черкеска рваная и грязная, с оборванными лапами, зато все оружие в серебре». Кроме нее казаки носили бешмет, широкие шаровары, ноговицы с чувяками, башлык и бурку. Оружие линейных казаков состояло из длинной кремневой «пластырной» винтовки, с узким прикладом и кнопочным спуском, заряжавшейся пулей в сальной тряпочке, которую носили в чехле за спиной, 1-2-х кремневых пистолетов «черкесской работы», к которым прикреплялись цветные шейные шнуры, чтобы не потерять оружие в бою; шашка в глубоких ножнах на плечевой портупее; кинжал с подкинжальным ножичком. Обязательными принадлежностями казака были нагайка, узкий наборный пояс с оселком, отверткой,

«жирницей», кресалом и запасными кремнями, а также нашитые на черкеску 20 и более газырей с зарядами, для винтовки и пистолетов.

Часть рисунков изображает казаков верхом на своих лошадях – небольших, с обрезанной гривой, с легкими черкесскими седлами, с завязанными в узел хвостами и без подков. Интересна особая «казацкая посадка» на лошади, отличающаяся от традиционной русской кавалерийской [12, с. 79].

Весьма перспективной в плане дальнейшего изучения представляется нам тема личных, дипломатических, торговых контактов российской стороны с горцами и их союзниками. В этой связи отметим рисунок «Переговоры между русскими и черкесами» из дневника Белла и «Переговоры графа Воронцова с черкесским вождем» из книги Спенсера. Взаимоуважение, признание личных достоинств, воинской доблести противника не были редкими явлениями в российско-горских взаимоотношениях даже в эпоху военного противостояния. И в творчестве таких мастеров живописи, как И. Айвазовский, Г. Гагарин, Г. Горшельт, П. Грузинский и части художников-любителей, чьи работы наиболее реалистичны и относятся к ценному во всех отношениях художественному наследию, мы видим отражение стремления передовой части российского общества трезво взглянуть на суть происходящего сложного процесса освоения новых территорий, объективно и по достоинству оценить роль в нем простых людей – солдат, казаков, глубокое и сочувственное проникновение в менталитет кавказцев.

Князя Г. Г. Гагарина можно считать одним из самых видных представителей российской батальной живописи XIX в., чьи работы открывали для российской публики Кавказ в середине XIX в. Почти до 50-х гг. с некоторыми перерывами Гагарин жил и активно работал на Кавказе. Художник нашел здесь интересный материал и получил "благодарную возможность сочетать в реалистических композициях романтическую приподнятость и жизненную правду» [11, с. 6]. Годы, проведенные Гагариным на Кавказе, были временем расцвета его художественного дарования, что может подтвердить огромное количество прекрасных акварелей, рисунков, картин. Сюжетами зарисовок чаще всего были сцены военной, походной жизни: солдаты у плетня, горцы у костра, черкесские сакли. Не участвуя непосредственно в дальних и опасных походах, художник накапливал материал о них с помощью очевидцев, и тут же под рисунком вписывал имя сообщившего ему эту «графическую информацию». На территории Северо-Западного Кавказа, черноморского побережья Кубани создавались работы «Султан Казы-Гирей», «Яков Барахович», «Черкесские женщины из Геленджика», «Милицонер-черкес из Анапы», «Молодой убыхский князь со своим аталыком», «Натухаец», «Офицер черкесского эскадрона», «Типы жителей Редут-Кале», «Адыги, спустившиеся с гор для знакомства с новым предводителем. Черноморское побережье», «Отряд черкесов, идущих в набег. Черноморское побережье».

Участником военных событий на Кавказе был еще один известный художник Г.Горшельт, на глазах которого решалась судьба горских народов. События эти запечатлены художником в работах «Депутация от абадзехского народа представляется государю императору Александру в укреплении Хамкеты в 1861 г.», «Александр II принимает депутацию адыго-бжедугов вблизи Григорьевского укрепления (м. Панатук) 13 сентября 1861 г.».

Весьма важно, что, оставаясь признанными обществом и обласканными властями, эти художники во многом поднялись выше официально-державной позиции в отношении горцев, сумели донести до зрителя атмосферу повседневной кавказской жизни, породившей свои архетипы, мифы и героев.

Современная этносоциальная политика властей на Кубани проводится в русле укрепления традиций дружбы и сотрудничества северокавказских народов, их совместничества в рамках России, как великой евразийской державы, обеспечивающей интегрирующую роль в социальной, культурной, политической и иной жизни внутри своей этносферы [2, с. 3]. В этой связи особую актуальность приобретают поиски общих точек соприкосновения, общих взглядов на исторические события, а, значит, и на перспективы дальнейшего сосуществования в рамках федерации. Богатое изобразительное наследие позволяет современнику в буквальном смысле охватить взглядом и оценить все многообразие этносоциальных, культурных, военно-политических связей этнических групп, на протяжении веков формирующих сложный и противоречивый образ Северо-Западного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. История оружия. – Москва-Нальчик, 1995.
2. Виноградов В.Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (вводная к дискуссии) // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. – Армавир, 1999.
3. Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века. - М., 1987.
4. Думанов Х.М. Вдали от родины. - Нальчик, 1994. - Приложение.
5. Загребин А.Е. И.Г. Георги и первый сводный труд по этнографии народов России // Вопросы истории. - 2007. - № 6.
6. Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. - СПб., 2002
7. Казачий круг. – Спец. Выпуск 2. – М., 1991.
8. Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве; Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. - Краснодар, 1995.
9. Матвеев О.В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. - Краснодар; Армавир, 1995.

10. Родина. - 2004. - № 5.
11. Савинов А. Григорий Григорьевич Гагарин. - М., 1951.
12. Скиба К.В., Хлудова Л.Н. Линейные казаки в российской батальной живописи // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. - Армавир, 2002.
13. Фролов Б.Е. Черноморские пластуны // Проблемы историографии и истории Кубани: Сб. научных трудов. - Краснодар, 1994.
14. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. - Екатеринодар, 1910. (Репринт. изд. Краснодар, 1992.) – Т.2.

А.А. Цыбульникова (Армавир)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ ОБМЕН ДОСТИЖЕНИЯМИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА КУБАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹

Близкое соседство этносов всегда приводит к частичному усвоению ими культурного опыта друг друга, и данный процесс может затрагивать как материальную, так и духовную сферу. Материальная культура является совокупностью результатов производственной деятельности народа, поэтому при ее изучении специалисты обычно анализируют следующие элементы: особенности строительства жилья и планировку поселений; традиционный хозяйственный уклад; типы орудий труда; специфику создания национальной утвари; особенности национальной кухни; половозрастные типы одежды; особенности оружия (если оно присутствует в национальной культуре) и т.п. На уровне материальной культуры обычно заимствуются те достижения другого народа, которые, чаще всего, не имеют аналогов в собственной культуре.

К концу XIX в. (т.е. к моменту складывания прототипа современной этнической картины) самыми многочисленными на территории Кубани, по данным переписи 1897 г., были следующие народы: русские (в т.ч. кубанские казаки), украинцы, черкесы, немцы и греки [4]. Именно между ними шел наиболее значительный обмен достижениями материальной культуры. Взаимопроникновение русской и украинской культур особенно активно шло в казачьей среде, что в итоге и определило специфику и самобытность как кубанского казачества, так и культуры края в целом. К 1897 г. процент русских и украинцев от всего населения Кубанской области был 47,36% и 42,56% соответственно, а в Черноморской губернии – 42,8% и 16,1% [16].

---

¹Выполнено в рамках исполнения государственного задания № 6.764.2011. По теме: "Основы этнической толерантности и межкультурного диалога на Кубани". Руководитель - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии Дударев С.Л.

Масштабное влияние кавказских традиций на казачью культуру происходило в первой половине XIX века. После исхода в 1860-1880-х гг. значительной части кавказского населения Кубани в Турцию в регионе осталось (по данным 1897 г.) около 100 тыс. горцев и при таком небольшом количестве они не могли уже оказывать существенного влияния на культуру выросшего почти до двух миллионов населения края. На преобладающую массу русского и украинского населения (1 млн. 738 тыс. чел.) так же не могли глобально повлиять и другие «крупные» иноэтничные группы – немцы (21 тыс.) и греки (20 тыс.). Такое соотношение численности этносов в регионе приводило к тому, что представители всех народов постепенно начинали использовать достижения русской материальной культуры в большей степени, чем свои национальные традиции.

Изменения в хозяйственном укладе. В процессе российско-северокавказской интеграции произошел взаимообмен посевными культурами – именно под влиянием горцев в русских поселениях Кубани стали широко использовать кукурузу, выращивать фасоль и горох. Казаками перенимались традиции садоводства (адыги выращивали прекрасные сорта яблок, груш, винограда, которые были приспособлены к местным природным и климатическим условиям), в станицах появились горские породы животных (коней, неприхотливых грубошерстных овец и т.д.) [10].

В свою очередь отдельные черкесские племена, переходящие к прочному оседлому образу жизни, стали сеять завезенные переселенцами пшеницу, ячмень, овес и т.д. Многие кавказцы покупали у казаков плуги и косы. Ногайцы – соседи линейного казачества – начав в начале XIX в. переходить к оседлому образу жизни, заимствовали у казаков – посевные культуры (пшеницу, ячмень и овес), а у адыгов - тип жилых и хозяйственных построек.

Немецкие колонисты занимались хлебопашеством и огородничеством, выращивали картофель, свеклу, табак, лен – культуры, которые они принесли из российских губерний. Почти при каждом доме были сад или виноградники, а значительную прослойку немцев составляли ремесленники – мастера многих жизнеобеспечивающих профессий. Немецкие переселенцы принесли на Кубань и некоторые сельскохозяйственные приемы, воспринятые позднее окружающим их иноэтничным населением. Один из журналистов рубежа XX века охарактеризовал их так: «Еще издали, подъезжая к колонке, впервые в жизни вижу такой способ посадки хлеба: жито растет не сплошь, а рядами, и между рядов свободный проход, – оказывается для того, чтобы можно было ходить и выпалывать сорные травы. Или взять бахчи, огороды – молодые побеги покрыты сверху легким слоем прелой соломы. «Это они делают, чтобы подольше удержать сырость, влагу, – объясняет кучер. – Это очень хорошо от засухи помогает...» [3].

Полезные сельскохозяйственные приемы принесли на Кубань и чешские переселенцы. Так, автор отчета о состоянии Черноморской губернии за 1897 г. сообщает: «...Несомненной заслугой чехов-поселян является введе-

ние удобрений полей и легкого рухадловского плуга, столь важного для почв западной части [Черноморской] губернии» [11].

Болгарские переселенцы считались на Кубани лучшими огородниками. Высокий уровень рентабельности их огородных хозяйств обеспечивался тремя факторами, частично воспринятыми позднее окружающим иноэтничным населением: 1) высоким уровнем искусственного орошения земли (использовали особый поливной механизм, прозванный местными жителями «болгарским колесом»); 2) созданием теплично-парниковых хозяйств (благодаря чему впервые на кубанских рынках появились свежие теплолюбивые овощи - помидоры, баклажаны, сладкий перец, кабачки, цветная капуста); 3) грамотной организации труда производственной артели, отношения в которой базировались на взаимной поддержке, честности и высокой трудоспособности. Конкуренцию болгарским огородникам составили кубанские молдаване [7].

Греки, поселившиеся в Кубанской области, принесли сюда развитое табаководство. Высокая доходность этой новой отрасли вскоре привлекла к ее освоению казаков, армян, молдаван, чехов и русских крестьян [3].

Планировка поселений, жилые и хозяйственные постройки. В первой половине XIX века адыгские поселения и жилища носили временный характер – дома не отличались добротностью, не требовали больших затрат при постройке, территория аула не облагораживалась. Это было связано с постоянными междоусобицами, в условиях которых частые нападения провоцировали население аулов к быстрой эвакуации в горы. Российские деятели отмечали, что для адыгов была характерна «наклонность к частым переменам места жительства при малейших к тому поводах». Но после установления на Кубани российской власти значительная часть адыгов выселилась на равнину, что, в сочетании с мирной стабильной жизни, привело к изменению характера их поселений. Планировка домов в адыгских аулах стала более упорядоченной, исчезли оборонительные сооружения (рвы, защитные плетни), проявилась тенденция к постройке поселений уличного типа. В тех аулах, через которые проходили почтовые тракты, прокладывались относительно прямые улицы. На рубеже XX века в некоторых аулах часть улиц стали покрывать гравием.

Адаптация к российской административной и экономической системе привела к тому, что в горских поселениях стали строиться общественные здания и лавки, мельницы, заводики и кустарные предприятия. Все эти изменения приводили к тому, что аулы теряли черты прежней замкнутости. Под влиянием русской материальной культуры изменился и тип адыгской усадьбы: резко сократилась площадь, занимаемая главным двором и хозяйственными постройками, большая часть территории усадьбы стала отводиться под сады и огороды, кукурузные делянки. Отсутствие военной опасности стимулировало горцев строить дома не в глубине двора, а ближе к линии улицы. Усилия российской администрации способствовали распространению у адыгов саманных хат, иногда с фундаментом. В

отчете по военно-народным управлениям Кубанской области за 1863 - 1869 гг. говорилось, что «удалось довести массу горского населения до сознания неудобств их жизни, имевших (за исключением Карачая) временный характер. Плетневые стены саклей, без стекол в окнах, при дурно пригнанных дверях, с обширными плетневыми же трубами очагов, нисколько не предохраняют живущих в них от холода и сырости, что при постоянных токах воздуха и дыма из каминов порождало упорно глазные и простудные болезни, особенно опасные для детей» [3].

Под влиянием русской домостроительной культуры в адыгских жилищах появляются потолки, застекленные окна, одностворчатые двери из распиленных и обструганных досок, державшиеся на петлях. В аулах начинают строиться дома нового типа - «унэ зэхэт» (дом, состоящий из нескольких комнат), или «урыс ун» («русский дом»). На характер черкесских построек оказывали влияние географические условия проживания и уровень благосостояния семьи. Так, у причерноморских шапсугов возводились преимущественно легкие деревянные дома. Зажиточные адыги, по примеру разбогатевшего казачества, строили дома из кирпича, с четырехскатной крышей, крытой листовым железом. Двери делали на железных петлях, иногда настилали в домах деревянные полы. Требовавшие большого количества дров, пожароопасные черкесские очаги постепенно стали заменяться русскими кирпичными печами. Поначалу печи ставили в комнате для молодоженов, а там, где жили старики, обходились очагом с дымарем. В планировке адыгских жилищ стали удачно совмещаться русские домостроительные традиции и мусульманские каноны. Например, в добротном, квадратном доме, построенном по казачьему образцу, делался специальный сквозной коридор «хъаят», разделявший жилище на две половины, что позволяло реализовывать национальный обычай избегания и изоляции женщин.

Изменилось и внутреннее убранство жилищ. У богатых горцев появилась европейская мебель - столы, стулья, металлические кровати, шкафы, комоды, зеркала. На окна стали вешать занавеси и портьеры из фабричных тканей, столы накрывать скатертью, пользоваться постельным бельем. Зажиточные горцы покупали самовары, швейные машины, изредка даже граммофоны и пианино [9].

Русские крестьяне и казаки также заимствовали у адыгов понравившиеся им элементы жилища и интерьера. Еще в первой половине XIX века большую популярность в селах и станицах Кубани получили кавказские настенные ковры, которые покупали у адыгов. Позже появились в русских селениях мастерицы, которые сами научились изготавливать ковры без ворса. Кубанские казаки по горскому обычаю стали вешать на стену оружие.

Явное влияние русских домостроительных традиций стало заметным уже в начале 70-х годов XIX в. у горских армян. Очевидец писал, что у черкесо-гаев в это время плетеные сакли заменяются прочными домами с «европейским» очагом.

В отличие от кавказских аулов немецкие колонии Кубани повсеместно достаточно быстро достигали экономического благополучия и, как свидетельствуют источники, производили на современников «приятное впечатление своим опрятным и веселящим видом». Вот впечатления обычного журналиста о рядовой немецкой колонии на Кубани: «Еще издали виднеются красные крыши... Большие, как в городе, окна. Дома покрыты железом. Сытый уют выглядывает в окна: фикусы, герань, недорогие гардины... Во дворе, под навесом — косилки, молотилки, жатки и всякий прочий инвентарь...» [3].

Малочисленные группы поселенцев-иностранцев (например, поляки, сербы, черногорцы и др.) компактных поселений на территории края не создали. Поэтому представители этих народов сразу селились в жилища русского или украинского типов (в зависимости от традиций пункта проживания), заключали межэтнические браки, довольно быстро теряя национальные черты быта, одежды и языка.

Иногда региональные власти напрямую вмешивались в планировку селений иностранных поселенцев и в строительство ими домов, санкционируя строительство только по официальному (русскому) образцу. Например, грекам селения Мерчанское руководством соседней станицы Абинской было запрещено строительство саклей, к каким они привыкли у себя на родине. Поселенцам было приказано строить дома по образцу русских хат, а расположение улиц, домов и церковной площади планировать по образцу казачьих станиц. За ослушание станичное начальство могло подать ходатайство высшему руководству о высылке греков обратно в Турцию. Такой приказ был отдан не в ущемление прав поселенцев, а для предупреждения возможных чрезвычайных ситуаций (пожаров, наводнений) и улучшения бытовых условий новых жильцов. Например, главным условием устройства домов было, чтобы «пол в хатах, если будет таковой недошатый, непременно был бы насыпан выше уровня земли не менее 3/4 аршина, эта мера сделана... в предупреждение сырости в хатах» [16].

Одежда и традиционное шитьё у черкесов издавна украшались золотыми и серебряными нитями, шелком, шнуром, аппликацией. В узорах преобладали крупные растительные мотивы, негусто заполняющие фон. На серебряные изделия (украшения для одежды, конской сбруи и др.) тонкие растительные и криволинейные узоры наносились гравировкой, чернью, филигранью, насечкой. Несложные геометрические узоры характерны для циновок, резьбы по дереву, узорных войлоков [9]. Художественно украшенные предметы, одежда, оружие высоко ценились как кавказским, там и русским населением и покупались за большие деньги. Со своей стороны в черкесской среде были востребованы вытканые казачками холсты, которые горцы нередко выменивали на растения, необходимые для пошива одежды и обуви: корень марены (естественный краситель), лист кустарника желтинника (для дубления) [6].

В первые десятилетия после переселения на Кубань боевая (мужская) черкесская одежда, как и адыгейское оружие, являлась предметом активного обмена с адыгами, так как она была лучше приспособлена к местным климатическим и боевым условиям. Недаром уже в 1817 г. Высочайшим повелением казакам предписывалось иметь обмундирование «черкесского образца». По мере развития торговых и дружеских отношений с черкесами казаки стали шить боевую одежду под заказ у специально занимавшихся ее пошивом портных-адыгов. Особенно ценились бурки и папахи черкесского производства [1].

К концу XIX века быстрый рост продукции текстильной промышленности на кубанских рынках расширил возможности ее приобретения горцами, но типовые характеристики национального черкесского костюма остались практически неизменными. Исчезли только феодальные привилегии на отдельные цвета и формы одежды, трудоемкая и очень дорогая вышивка золотом и серебром стала вытесняться более простой и быстрой гладью. Мужские черкески, а также праздничные, украшенные вышивкой и галунами башлыки, все чаще стали шиться из тонкого фабричного сукна. В конце XIX в. в зажиточные адыги начали ходить в пальто и русских сапогах. К началу XX века на женский черкесский костюм, как и на казачий, стала оказывать значительное влияние российская городская мода. Одежда стала украшаться фабричными элементами отделки: тесьмой, лентами и кружевом. Адыгские модницы из зажиточных семей стали носить часы-медальоны на цепочке, городские ботинки, а также использовать сумочки-риди-кюли. Кроме того они приобретали ввозимые из России шелковые и шерстяные шали, пледы, платки, газовые, шифоновые и кружевные (ручного плетения, вологодской работы) шарфы.

Аналогичные тенденции в эволюции типов одежды были характерны и для другого кавказского народа – горских армян. Один из авторов конца XIX в. так описывал быт армавирских армян: «Исчезло затворничество женщин, восточные костюмы сменились европейскими... чуть ли не все девушки коренного населения превратились в барышень, ибо самая последняя из них носит шляпку и платье по моде» [3].

Все большее распространение к концу XIX в. на Кубани продуктов фабричного и заводского производства привело к ликвидации многих кустарных промыслов, что отразилось как на русском, так и на адыгском населении. Так, у горцев постепенно пришло в упадок ткачество, бурочное, седельное производства, кожевенный и керамический промыслы, обработка дерева, оружейное и ювелирное дело, которые не выдерживали конкуренции с промышленностью. При этом сохранили свою рентабельность национальные черкесские циновки, украшавшиеся богатым орнаментом.

Национальная кухня и утварь. В кубанской казачьей кухне все более плотное сплетение русских и украинских традиций привело к совмещению целого ряда национальных блюд. Так, из первых блюд женщины-казачки готовили борщ и щи (в основном с квашеной свеклой; томаты ши-

рокое распространение получают только к 70-м годам XIX в.), различные супы, а также (особенно у линейцев) окрошку с квасом или с простоквашей. По сообщению информанта в доме потомственной линейной казачки К.Я. Пампуриной «готовили в основном борщ, варили вареники, галушки» [15]. Борщ и галушки в большей степени были характерны для украинской культуры, а щи и вареники – для русской.

В процессе межэтнических контактов шло и взаимное заимствование блюд русской и кавказской кухни. Так, казачки под влиянием черкесских традиций начали делать сыры, закваску для которых покупали или выменивали у адыгов. К середине XIX века в казачьих семьях стали варить кукурузную кашу-мамалыгу, которую, правда, в отличие от горцев ели с хлебом. Интересно, что мамалыга получила широкую популярность и у других этнических групп Кубани. Так, о молдаванах в 1870-х гг. писали так: «...Молдаване же умеют варить борщ, но исключительно печеный хлеб заменяют мамалыгой, едят много» [16]. Переняли российские женщины у черкесов и еще одно блюдо - отварную курицу под холодным сметанным соусом с зеленью (с той лишь разницей, что у адыгов соус был ореховым и очень острым). Впрочем, острые соусы со специями также впоследствии стали готовиться в русских семьях.

Под влиянием русской культуры происходят изменения и в горской традиционной кухне, где хозяйки стали использовать подсолнечное масло и свеклу, делать квашеную капусту и даже готовить борщ. Адыги чаще стали употреблять картофель, капусту, свеклу, расширилось потребление кондитерских изделий, чая и сахара. Появление в горских домах русских печей привело к вытеснению национального блюда - круто сваренной просяной каши - пшеничным хлебом домашней выпечки.

О национальной кухне греков, переселившихся с территории Турции и принесших потому на Кубань некоторые восточные черты, современники писали так: «...из пшеничной и кукурузной муки пекут хлеба пресные и на скорую руку, заколотив муки и сейчас замесив, в печь - и готов, варят мясо преимущественно во вкусе не кислом, с многими травами, а в особенности лук, чеснок и спаржа, едят мало, много пьют чай...» [16] Традиция пить чай несколько раз в день, даже летом, и сейчас характерна для большинства кубанцев, и зачастую вызывает удивление у жителей центральной России.

Для традиционного стола кубанских чехов в конце XIX века были характерны вареные кнедлики, клецки со свиной и капустой, штерц (обжаренный картофель с луком, с добавлением масла, сахара и корицы), штуром (мелко нарезанные оладьи), тонинки (хлеб с чесноком), пончики, караваи [11]. Со временем в традиционную кухню вошли русские и украинские блюда.

Таким образом, начиная с момента включения территории Кубани в состав России и начала формирования современного этнического облика региона на его территории все более усиливалось взаимовлияние матери-

альной культуры разных народов при ведущей роли русской культуры (в силу многочисленности ее представителей). Это способствовало развитию этнической толерантности и мирного добрососедства кубанских этносов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вакуленко Е.Г. Народная культура кубанского казачества. – Краснодар, 2009.
2. Вакуленко Е.Г. Народные мастера Кубани. - Краснодар, 2009.
3. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. – Армавир, 1995.
4. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир, 1993.
5. Гангур Н.А. Материальная культура Кубанского казачества. В 2 т. - Краснодар, 2009.
6. Горлова И., Манаенков А., Лях В. Культура кубанских станиц 1794 –1917 гг. – Краснодар, 1993.
7. Матвеев О.В. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX – начале XX в. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. – Краснодар, 2008. – С. 68-100.
8. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. - Краснодар, 2003.
9. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции (Адыгэ хабзэ). - Нальчик, 2000.
10. Павелко Н.Н. Толерантность как культурная универсалия в традициях народов Северного Кавказа // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов XI международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 25 февраля 2011 г.). – Краснодар, 2011.
11. Пукиш В.С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868-2010. - Ростов н/Д., 2010.
12. Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. - Краснодар, 2008.
13. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. 1778-1793. - Краснодар, 1992.
14. Хлынина Т.П. Демографическая статистика 1920-х гг. о численности и размещении славянского населения Адыгейской автономной области // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2008. – С. 42-49.
15. Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX в. - Армавир, 2005.
16. Юракова О.В. Взаимоотношения иностранных переселенцев с казачеством и русским крестьянством Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX в. (на примере греческих поселенцев) // Казачество и народы России. – Краснодар: КубГУ, 2008. – С. 207-222.

**РОЛЬ АРЕНДАТОРСКИХ КОЛОНИЙ
ЛАБИНСКОГО ОТДЕЛА
В ПОПОЛНЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ОБЩИНЫ АРМАВИРА
(последняя треть XIX – начало XX вв.)**

На начальном этапе массового переселения немцев на Кубань, они предпочитали селиться в сельской местности, стремясь сохранить не только привычный род занятий, но и колониственный статус. В 1882 г. в городах Кубанской области проживало только 409 немцев, что составляло лишь немногим более 4% от их общей численности в этом регионе.

Немецкие колонии были самоуправляемыми. Высшим органом власти внутри колонии был сельский сход, правом голоса на котором обладали домохозяева и все назначаемые сельские должностные лица. В каждой колонии был выборный староста (шульц), у которого были помощники (бейзицеры), чаще всего их было двое. Кроме шульца и бейзицеров, в состав управы колонии входил казначей. Срок полномочий должностных лиц составлял 3 года. Во многих колониях был даже свой суд, состоявший из 3-8 судей, который рассматривал гражданские дела. Оплачивалась только должность шульца, бейзицерам и казначею платили лишь в редких случаях [1]. Кроме того, колонисты обладали рядом личных преимуществ, таких как освобождение от воинской повинности, право судебного разбирательства, размер оброка и нек. др. Покидая колонию на время заработков (отходничество) немцы сохраняли статус колонистов, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами.

Однако в 1871 г. были введены новые «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворённых на казённых землях». Согласно этому нормативному акту, упразднялось положение колонистов, которые впредь переводились в разряд крестьян-собственников. Колонисты переходили в состав поселян. Отсюда происходит и формулировка их сословной принадлежности, которую мы находим в метрических книгах Армавирского лютеранского молитвенного дома: «поселянин села Н, Н-ской губернии, Н-ского уезда». Перевод немецких поселенцев в разряд крестьян-собственников сохранял некоторые их преимущества, а также откладывал распространение на них воинской повинности до 1881 г.

Правила 1871 г. о поселянах-собственниках действовали в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Черниговской, Воронежской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, таврической и Бессарабской [2]. Немецкие селения, в соответствии с этими Правилами, могли образовывать волости, а если какое-либо селение было расположено далеко от других немецких колоний и было более 300 чел. населением, то оно могло стать самостоятельной волостью. Иными словами, достаточно немцам

было добиться организации совместного поселения в числе более 300 чел, и они могли стать даже самостоятельной волостью. Но вот добиваться этого на Кубани со временем им становилось всё сложнее.

В Кубанской волости существовало несколько немецких волостей. Их центрами были такие сёла как Эйгенфельд (Ванновское), Розенфельд (Шереметьевское), Александрфельд (Леоновское) и Семёновская.

Областные и региональные власти первоначально благоволили немецкой колонизации региона. Так возникли колонии Ейского уезда. В 1863 г. в Баталпашинском отделе возникает первая немецкая колония Вольдемфюрст, основанная меннонитами из Таврической губернии. Вскоре неподалёку от этой колонии возникает второе поселение меннонитов – Александрфельд. Рядом с ними в 1864 г. возникает селение Рождественское, основанное немцами-католиками [3]. Эти три колонии, как и поселения Ейского уезда, были расположены на казённых землях, то есть землях, принадлежавших государству. Дальнейший ход событий в истории немецкой миграции на Кубань показал, что такие поселения станут скорее исключением, нежели правилом в характере землепользования колонистов. Наиболее распространённым типом немецких поселений на Кубани будут арендаторские колонии, или даже хутора арендаторов, лишённые колониетского статуса. История возникновения Семёновской (1863 г.) уже оказалась тесно связанной с проблемой аренды частных земель и тягостными усилиями поселенцев испросить у властей права жить на казённых землях.

Не только областные, но и окружные власти проявляли труднообъяснимые инициативы в деле «урегулирования» немецкой колонизации Кубани. Известно, что в апреле 1866 г. управление Урупского округа, в который входил Армавир, довело до сведения Саратовской конторы иностранных поселенцев разрешение кавказской администрации на принятие колонистов на постоянное поселение, но «исключительно» лютеран [4].

В течение 1860-х гг. энтузиазм властей в отношении немецкой миграции на Кубань постепенно иссяк, чего нельзя сказать о самих колонистах. Власти принялись усложнять условия переселения, а в 1867 г. начальнику Кубанской области последовало распоряжение от Главнокомандующего армией более требовательно относиться к выбору поселенцев. Очевидно, что к этому распоряжению отнеслись со всем тщанием, так как после 1867 г. на казённых землях не было образовано ни одной колонии [5].

В числе требований, которые кубанские власти ужесточают в отношении немцев-мигрантов, стало обязательное увольнение из прежнего общества по месту их приписки, скажем, в Самарской губернии. Первое время на это смотрели сквозь пальцы. Но запретить немцам арендовать частные земли, или тем более покупать их, власти не могли. Более того, для образования таких колоний не требовалась увольнительная с прежнего места жительства. Поэтому среди жителей близлежащих к Армавиру колоний и среди самих армавирских немцев мы находим сплошь поселенцев

колоний Самарской, Саратовской, Бессарабской, Таврической и т.д. губерний. Поселенцами этих колоний считались даже их дети, а иногда и внуки, уже родившиеся на Кубани.

Как же сложились условия, позволившие развиваться немецкому землевладению на Кубани преимущественно по этому пути? Понимание основ формирования частновладельческого, и особенно арендаторского землевладения у немцев, а также трудностей, с которыми сталкивались арендаторы, на наш взгляд, позволяет более отчётливо представить себе один из источников формирования немецкой общины Армавира.

Войсковым положением 1842 г. предписывалось сделать межевое распределение войсковой земли и отвести в пожизненное пользование на каждого казака по 30 десятин земли, на обер-офицера по 200, на штабс-капитана по 400 и на генерала по 1 500 десятин. 23 апреля 1870 г. было высочайше утверждено положение об обеспечении генералов, штабс- и обер-офицеров, а также классных чиновников Кубанского казачьего войска земельными участками и переводе их в потомственную собственность [6]. Император щедро одарял кубанскими землями высоких сановников, имевших отношение к завершившейся на Кавказе войне.

Многие новые землевладельцы не были готовы к ведению хозяйственной деятельности, а иные и вовсе не интересовались дарованными имениями. Они предпочитали получать доход с земель, сдавая их в аренду или продавая. Эти возможности землевладельцев были многократно усилены, когда 29 апреля 1868 г. вышел Указ о разрешении лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимость на казачьих землях.

Едва приоткрытая в 1868 г. дверь на Кубань, с прокладкой ветки Ростов-Владикавказской железной дороги в середине следующего десятилетия, превратилась в распахнутый шлюз, через который хлынули потоки переселенцев, измученных на своей родине малоземельем.

К этому необходимо добавить, что покупные и арендные цены на землю в Кубанской области в те годы были совсем невелики.

По сведениям Б.М. Городецкого, в конце 1870-х - начале 1880-х гг. в Ейском отделе в юрте станицы Должанской немцы активно скупали землю по цене от 19 руб. 68 коп. до 24 руб. 69 коп. за десятину. В 1890-х гг. цена выросла до 101 руб. 98 коп. и более [7]. Он же свидетельствует о том, что жители Эйгенфельда приобрели всё имение Головина по цене 10 руб. 13 коп. за десятину. Александрфельдцы купили имение Антоневиича по 19 руб. 34 коп. за десятину. Покупка земель жителями колонии Розенфельд была произведена примерно по той же цене [8]. Немцы из колонии Эйгенфельд арендовали землю у генерала Маркозова по цене 75 коп. за десятину в год. С 1881 по 1888 гг. они платили по 2 руб. за десятину, а к концу 1880-х гг. – по 7 руб. 50 коп. за десятину в год [9].

Т.Н. Плохотнюк соглашается с тем, что покупные и арендные цены на землю в Кубанской области были невелики. По её данным, пахотные

земли можно было купить в середине XIX в. чуть более чем по 10 руб. и 13 коп. за десятину. Однако к концу века цены выросли от 40 до 150 руб. за такую же площадь [10].

По сведениям г-на Котова, составившего описание имения Хуторок в 1900 г., «арендные и продажные цены на землю в первые годы частного землевладения на Кубани были очень низкими». Аренда составляла 20-30 коп. от десятины в год под распашку, сенокос или выпас. Покупная цена колебалась от 2 до 20 руб. за десятину [11]. В отношении арендных цен на землю непосредственно в имении барона В.Р. Штейнгеля, автор описания более конкретен: «под усадьбой – 24 руб. за десятину; под пастбищами и токами – 3 руб. за десятину, под бахчей – 5 руб. за десятину» [12]. Б.М. Городецкий, подтверждая эти данные, уточняет, что такие условия сохранялись до 1904 г. [13].

Для нас это особенно важно, так как в числе арендаторов этих земель были и жители двух немецких колоний: Клеопатрафельд и Фриден-таль. На наш взгляд, они сыграли определённую роль в формировании немецкой общины Армавира, о чём мы скажем ниже более подробно.

Таким образом, на частновладельческих землях близ станции Тиф-лисской возникли колонии Эйгенфельд (1868 г.), Розенфельд (1869 г.) и Александрфельд (1871 г.). В данном случае колонисты использовали как купленные ими земли, так и арендованные угодья. В 1879 г. по их просьбе они были причислены к государственным крестьянам. В Таманском отделе на основе частной собственности на землю были образованы колонии Михаэльсфельд (1868 г.) и Пиленково (1886 г.) [14]. В Лабинском отделе, кроме упоминавшихся колоний Клеопатрафельд (1882 г. – 603 чел.) и Фриден-таль (1882 г. – 740 чел.), складывается ещё несколько немецких поселений арендаторского типа – Лилиенфельд (1897 г. - 410 чел.), Марко-зовсталь (1882 г. - 281 чел.), Мариенфельд (1897 г. - 769 чел.). Арендаторские колонии были на хуторе Мамацева (потом Шилика и Шессена), Чебе-таева, Булавинова, Красковского, Герасименкова, Косякина [15]. Всего в 1880-е гг. арендаторских колоний в Кубанской области, по подсчётам Б.М. Городецкого, было около 20. «Большинство из них были в 3-6 дворов, занимали до 800 десятин земли. Колонистов-арендаторов в Кубанской области в те годы насчитывалось 4 300 чел.» [16]. То есть, арендаторами в начале 1880-х гг. были примерно 40% немецких жителей Кубани.

Рост арендных цен и перепродажа земель были основными причинами неустойчивости положения арендаторских колоний. Многие из них распались буквально через несколько лет после образования [17]. Анализируя последствия роста численности колоний в середине XIX в., Т.Н. Плохотнюк отмечает, что в тех случаях, когда уменьшались размеры участков, и земля неравномерно распределялась по владельческим наделам, кажется вполне закономерным вывод: немецкие колонии втягивались в процесс обезземеливания со всеми его последствиями - обнищанием, обострением социальных проти-

воречий и т.д. Но, тем не менее, результаты обследования колоний не давали фактов, подтверждающих этот вывод [18]. И всё же, по-видимому, некоторые колонии были затронуты этим процессом.

Анализируя состав немецкой общины Армавира в последнее десятилетие XIX и в первые два десятилетия XX вв., мы находим сведения о том, что в городе было немало немцев, которые имели детей, родившихся в одной из близлежащих колоний, или даже сами там родились.

Попробуем разобраться.

Среди более чем 545 немецких семей, так или иначе упомянутых в метрических книгах лютеранского молитвенного дома, есть некоторое число тех, кто проживал в колониях, чаще всего недалеко отстоящих от Армавира. Лидирует колония Фриденталь – 22 семьи, а если учитывать единичные упоминания, связанные со смертью ребёнка, родившегося в данной колонии, то таких семей насчитывается свыше 40. С колонией Мариенфельд (ныне село Марьино) были связаны 19 семей. Ещё около 40 семей проживали в колониях, хуторах, сёлах и станицах Кубанской и Терской областей, а также в незначительном количестве прослеживаются жители Ставропольской и Черноморской губерний. Логично было бы предположить, что эти последние приезжали в Армавир потому, что здесь был ближайший молитвенный дом. Но вряд ли это «работает» на примере колоний. Во-первых, потому что по численности они были сопоставимы с немецким населением Армавира, особенно если говорить о XIX в. Поэтому вряд ли пасторы обходили их своим вниманием. Во-вторых, даже если предположить, что лютеранские священники не приезжали в эти колонии, и немцы вынуждены были отправлять свои религиозные потребности исключительно в Армавире, то число крестившихся здесь младенцев должно было быть в десятки раз больше. Мы знаем, что во Фридентале в 1882 г. проживало 740 чел., в 1897 г. – 1 476 чел., в 1926 г. – колония не упоминается; В Мариенфельде в 1897 г. – 776 чел., в 1926 г. (Марьинское) – 1 793 чел. [19].

Точную дату основания колоний Фриденталь, Клеопатрафельд и Мариенфельд, расположенных к Армавиру ближе всего, нам установить не удалось. Известно, что в 1881 г. первые две из них уже существовали. При этом логично было бы предположить, что едва ли они существовали ранее 1867 г., когда было основано село Кубанское, положив тем самым начало хозяйственному освоению этой части Кубанской области.

В 1881 г. барон Р.В. Штейнгель приобрёл участок земли у генерал-адъютанта князя Н.И. Святополка-Мирского. Эти земли находились между селом Кубанским и именем графини Граббе [20]. Б.М. Городецкий уточняет, что колония Клеопатрафельд располагалась на левом берегу Кубани на участке барона Штейнгеля, а колония Фриденталь – там же, на участке графа Граббе [21]. Однако П.И. Котов, составивший описание имения В.Р. Штейнгеля «Хуторок» в 1900 г., ни единым словом не обмолвился о Клеопатрафельде. В то время как колония Фриденталь неоднократно упомина-

ется на страницах этого во всех отношениях занимательного и чрезвычайно скрупулёзного описания. Например, Котов отмечает: «Небольшое количество земли имения «Хуторок» сдавалось в аренду поселенцам, образующим три посёлка: 1) немецкую колонию «Фриденталь», 2) русскую колонию и 3) Ковалёв хутор. Население этих колоний находилось в земельной зависимости от «Хуторка», служит незаменимым источником рабочей силы, исполняя большую часть сделанных работ, а главным образом, вследствие безземелья, поселенцы являются работниками на испольных началах или, по местному выражению, скопщиками» [22]. Применительно к экономии «Хуторок» в более поздний период немецкая колония (без названия) упоминается, как один из населённых пунктов, от которого были направлены представители на переговоры с бароном Штейнгелем в период забастовки в сентябре 1905 г. [23]. Среди наиболее крупных немецких населённых пунктов Армавирского округа в 1926 г. мы уже не находим колонии Фриденталь. При этом надо подчеркнуть, что в известном нам статистическом сборнике по итогам переписи 1926 г. приведены немецкие колонии Армавирского округа даже с относительно небольшим числом жителей, например, Шенталь – 129 чел., Высокополье – 120 чел., Ново-Германовский – 115 чел. и т.п. [24]. Предположение о том, что колония Фриденталь получила какое-нибудь новое название, которое более соответствовало революционному пафосу того времени, едва ли существенно, так как местность в районе Ковалёвского хутора (ныне село Ковалёвское) хорошо известна, и никаких населённых пунктов, которые могли бы вызвать подозрения в преемственности от интересующей нас немецкой колонии там нет. Вероятнее всего, что к середине 1920-х гг. Ковалёвский хутор и колония Фриденталь слились в один населённый пункт, и сегодня, место бывшей немецкой колонии – это прикубанская часть села Ковалёвского.

Самой загадочной колонией из окрестностей Армавира является Клеопатрафельд. Она упоминается в списках Е.Д. Фелицына (1882 г. – 603 чел.) и в статье Б.М. Городецкого, основанной, по-видимому, на этом же источнике. Из более поздних источников мы находим сведения о Клеопатрафельде у В. Дизендорфа, который сообщает, что в 1912 г. там проживало 740 чел. [25]. Однако эти сведения не внушают доверия.

Мы не сомневаемся в достоверности данных Е.Д. Фелицына, но куда могла исчезнуть огромная колония, в которой, по его сведениям, в 1882 г. проживало 603 чел.?

Самым важным для нас аргументом в пользу того, что к концу XIX в. этой колонии не было является то, что она не упоминается в метрических книгах лютеран Армавира ни единого раза. Возможно, но очень маловероятно, что располагаясь по соседству с Армавиром, на землях имения Хуторок, владельцы которого имели тесные связи с быстроразвивающимся селом, ни один ребёнок не был крещён в армавирском молитвенном доме,

и ни один уроженец Клеопатрафельда не умер в Армавире. Повторимся: это возможно, но маловероятно.

Учитывая эти аргументы, мы пришли к выводу о том, что немецкая колония Клеопатрафельд к концу XIX в. либо прекратила своё существование, либо была переименована (о чём нам неизвестно). Возможно, она находилась значительно дальше от Армавира, чем это описал Б.М. Городецкий.

Поселенцы колонии Мариенфельд, расположенной южнее Армавира примерно в 15 километрах, между селом Коноково и станицей Убеженской, оставили чётко фиксируемый след в лютеранских метрических книгах Армавира.

Надо полагать, что арендаторские колонии Кубанской области, в силу шаткости своего экономического положения, о чём мы писали выше, стали одним из источников пополнения немецкой общины Армавира. В силу того, что проживание и хозяйственная деятельность в данных колониях не предусматривала увольнения из прежних обществ, расположенных порой далеко от Кубанской области, то нам не всегда представляется возможным выявить на основе записей в церковных книгах точное место проживания колонистов до их появления в Армавире.

Поясним на отвлечённом примере.

Представим, что житель колонии Клеопатрафельд, назовём его «Миллер», переехал в Армавир, и вскоре решил жениться на одной из местных девушек. В метрической книге будет записано, что он является поселенцем колонии по месту своей приписки, чаще всего, в Поволжье, а не поселенцем к. Клеопатрафельд, которая была, как известно арендаторского типа. Даже если он родился в этой колонии, он всё равно будет записан как поселенец из Поволжья. А вот если этот самый «Миллер» умрёт в Армавире, то в книгу обязательно внесут место его рождения, а не приписки. И в этом случае нам станет ясно, из какого конкретного села или колонии он приехал в Армавир. Так же поступят и в том случае, если умрёт кто-либо из детей «Миллера». При крещении же место рождения родителей также не указывалось. Поэтому, если «Миллер», родившийся в к. Клеопатрафельд, женится в Армавире, потом у него появятся дети, которые будут записаны уже как уроженцы Армавира, а сам он умрёт после 1924 г., когда прекратили вести записи в церковных книгах, то мы никогда не узнаем, что он имел отношение к колонии Клеопатрафельд, и может быть даже там родился.

На этом примере видно, что приток из арендаторских колоний, расположенных в окрестностях Армавира мог быть выше, чем нам удалось обнаружить. Правила церковного делопроизводства не позволяют нам строго фиксировать переселения колонистов уже внутри Кубанской области и всего Северного Кавказа, куда они прибывали, покинув места своей приписки в Бессарабии, Таврии, Поволжье и т.д.

Безусловно, нам не известны все тонкости и все сложности взаимоотношений колонистов-арендаторов с владельцами земель, но ясно только

то, что они были более беззащитны, чем колонисты, проживавшие на казённых землях. Пожалуй, самой главной опасностью для арендаторов могла стать продажа земли новому владельцу.

Примером такого рода трудностей может послужить эпизод из истории колонии Фриденталь, о котором повествует Б.М. Городецкий: «В этом году (В.Ш. – 1904 г.) часть имения гр. Граббе, где осела колония Фриденталь, было приобретено землевладельцем г. Щербак, который не пожелал сдавать колонистам земли, вовсе оковав их плановые места канавой. Он отказался принять от них арендную плату за эти места, и предлагал их выселить судебным порядком. Впоследствии г. Щербак от своего намерения, кажется, отказался, ибо колония Фриденталь существует до сей поры (В.Ш. – 1914 г.); существует она путём аренды небольших земельных паёв от смежных землевладельцев» [26].

Также нельзя сбрасывать со счетов и рост арендной платы.

Подобные трудности могли привести к исчезновению колонии, или к заметному снижению уровня жизни колонистов, часть которых по экономическим мотивам могла покинуть поселение. Нельзя исключать, что судьба к. Клеопатрафельд могла быть менее удачной, чем к. Фриденталь, и именно по этому мы не находим свидетельств о ней ни на картах, ни в метрических книгах.

Логично предположить, что в случае выезда поселенца из арендаторской колонии, при сохранении желания остаться в Кубанской области, его внимание должен был привлечь населённый пункт, дававший большие экономические возможности, нежели прежнее место жительства. В Лабинском отделе таким местом, безусловно, был Армавир. Здесь можно было арендовать землю у местного населения. В Армавире конца XIX в. были более широкие, чем в сельской местности, возможности для работы внаём. Достаточно благоприятная экономическая ситуация позволяла надеяться на открытие собственного дела в большей мере, чем в границах разоряющейся арендаторской колонии. Роду деятельности немцев и сфере приложения их сил в Армавире конца XIX – начала XX вв. мы посвятим специальный раздел этой книги.

Таким образом, руководствуясь приведёнными выше соображениями, мы позволили себе предположить, что некоторую часть немецкой общины составили переселенцы из разорившихся или терпящих нужду арендаторских колоний Лабинского отдела, преимущественно Мариенфельд, Фриденталь и, возможно, Клеопатрафельд.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что переселяясь в Армавир, как впрочем, и в другие города и станицы Кубани, немцы шли на разрыв с устоявшимся колонистским бытом. Нельзя сказать, что они порывали с колониями полностью, так как сохраняли свою приписку и соответствующие привилегии, но их повседневная деятельность после переезда, безусловно, претерпевала существенные изменения, и они не могли не отдавать себе в этом отчёта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Плохотнюк Т.Н. Образование немецких колоний на Северном Кавказе // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. – М., 1998 // http://www.rusdeutsch.ru/biblio/files/addb_175/pdf/ - С. 6.
2. Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. – Т. 20. 1915. – С. 362.
3. Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. – Т. 20. 1915. – С. 368.
4. Воронежцев А.В. Миграционные процессы в Поволжских колониях в XIX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. – М., 1998 // http://www.rusdeutsch.ru/biblio/files/addb_175/pdf/ - С. 10.
5. Юракова О.В. Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во вт. пол. XIX в.: причины, численность, расселение // ftp://lib.herzen.spb.ru/text/yurakhova_115_108_116.pdf. – С. 112-113.
6. АОАА. Коллекция документов по истории Армавира. Описание кубанского имения «Хуторок». 1900 г. / сост. П.И. Котов. – Л. 16.
7. Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. – Т. 20. 1915. – С.367.
8. Там же. С. 369.
9. Там же. С. 369-370.
10. Плохотнюк Т.Н. Образование немецких колоний на Северном Кавказе // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. – М., 1998 // http://www.rusdeutsch.ru/biblio/files/addb_175/pdf/ - С. 21.
11. АОАА. Коллекция документов по истории Армавира. Описание Кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля: 1900 г. / сост. П.И. Котов. – Л. 16.
12. Там же. Л. 39.
13. Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. – Т. 20. 1915. – С.370.
14. Юракова О.В. Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во вт. пол. XIX в.: причины, численность, расселение // ftp://lib.herzen.spb.ru/text/yurakhova_115_108_116.pdf. – С. 113.
15. Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. – Т. 20. 1915. – С.371.
16. Там же. С. 379.
17. Юракова О.В. Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во вт. пол. XIX в.: причины, численность, расселение // ftp://lib.herzen.spb.ru/text/yurakhova_115_108_116.pdf. – С. 114.
18. Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.): дисс... к.и.н. – Ставрополь, 1996. – С. 61.
19. Немецкое население СССР в 1926 г. / сост. В. Дизендорф // [http://wolga-deutsche.net/diesendorf/Deutsche_1926.pdf](http://wolga-deutsche/net/diesendorf/Deutsche_1926.pdf). – С. 12.
20. АОАА. Коллекция документов по истории Армавира. Описание Кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля: 1900 г. / сост. П.И. Котов. – Л. 18.

21. Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. – Т. 20. 1915. – С. 370.
22. АООА. Коллекция документов по истории Армавира. Описание Кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля: 1900 г. / сост. П.И. Котов. – Л. 38-39.
23. История Новокубанского района // http://svet.mayakov.ru/?page_id=35.
24. Немецкое население СССР в 1926 г. / сост. В. Дизендорф// [http:// wolga-deutsche/net/ diesendorf/ Deutsche_ 1926 .pdf](http://wolga-deutsche/net/diesendorf/Deutsche_1926.pdf). – С. 12.
25. Немецкие населённые пункты Российской империи: география и население. Справочник / сост. В. Дизендорф. – М., 2006. – С. 190.
26. Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. – Т. 20. 1915. – С. 370.

II. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО МИРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Б.Б. Абдулвахабова (Грозный)

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ – ПУТЬ К МИРУ И СОГЛАСИЮ (на примере Чечни)

В современных сложных социально-политических условиях, насыщенных межэтническими и межконфессиональными противоречиями, актуальность приобретают вопросы толерантности. Формирование толерантного поведения, уважение к культурам, традициям и обычаям других народов необходимо сегодня для всех народов, живущих в многонациональной России. Проблемы развития межнациональных отношений и толерантной культуры являются также актуальными и для Северного Кавказа, в частности Чечни.

Различные факторы (процесс политизации этничности; стимулирование процесса возрождения в сознании народов Северного Кавказа их исторических обид по отношению к России и друг другу; миграционные процессы, проблемы адаптации национальных диаспор к социокультурным условиям данного региона; процесс религиозного «ренессанса» в республиках Северного Кавказа, который используется различными силами для разжигания межрелигиозного противостояния; высокий уровень безработицы и т.д.), создают огромные проблемы в эффективном функционировании многонационального северокавказского региона [4].

Для Чечни эти проблемы были усугублены военными действиями в крае 1994-2000 годов. В период страшных событий последнего десятилетия XX века чеченская традиционная система ценностей подверглась деформациям, произошла ее частичная переоценка. Долгие годы войны, социально-экономическая и политическая нестабильность оказали самое негативное влияние на мировоззрение и психологическое состояние чеченского общества, и в первую очередь это относится к чеченской молодежи [4].

В силу известных событий, часть молодежи покинула республику, многие оказались в разных регионах России, часть - в европейских странах. Оказавшись в иноэтничной среде, они оказываются интегрированными в унифицированную «европейскую» урбанистическую культуру. Молодые чеченцы находятся в состоянии этнокультурной маргинальности, что сопровождается представлением о неравенстве социального статуса культур и психологически выражается в осознании индивидом своей неполной приобщенности к более «высокой» по статусу культуре и неполно-

го разрыва с исходной более «низкой». Последствия такого состояния далеко идущие [7]. Поэтому так важно для обеспечения стабильности в таком полиэтническом регионе, как Северный Кавказ, воспитание подрастающего поколения в духе толерантности.

На современном этапе в Чечне, для преодоления указанных проблем, проводится большая работа руководством республики, национальной интеллигенцией, силами различных общественных организаций. Немало усилий прилагается для установления межнационального диалога, стимулирования межэтнических связей и общения, формирования развития толерантного сознания, чувств и отношений у многонациональной молодежи Чеченской Республики [4]. Важным фактором в развитии этих позитивных процессов является сохранение исторического и культурного наследия всех народов населяющих край, «глубокое изучение и умелая пропаганда богатейшей истории благотворных, братских взаимоотношений чеченцев, русских и других народов в процессе их длительного совместного проживания на Северном Кавказе» [4].

Общеизвестно, что в историко-эволюционном процессе чеченского этноса толерантность, как уникальный механизм сосуществования с различными народами, являлся одной из составляющих их этнической культуры. Толерантное сознание являлось основой нравственно-этических норм чеченского народа, традиционных институтов гостеприимства, куначества, побратимства и т.д., с помощью которых налаживались дружеские контакты и связи с другими народами. Открытость границ, веротерпимость, дружелюбие и гостеприимство горцев помогли казакам создать на территории Чечни свои общины. Несмотря на неоднородный этнический состав казачества, совместное проживание славянского и местного населения породили между ними связи этнокультурного характера.

Постоянно крепнувшие связи во всех сферах совместной жизни способствовали их культурно-духовному сближению, установлению дружеских отношений, братской солидарности в борьбе иноземных захватчиков. Они оказывали посильную помощь друг другу. И горцы, и казаки свободно могли перемещаться – и в казачий городок, и в чеченское селение. Немало было здесь и родственных связей. «Случалось, что какой-нибудь джигит Гассан похищал в соседнем селе красавицу Фатьму – и оба на одном коне спасались от погони. Являлись ночью в один из домов гребенских казаков, и наутро Гассан превращался в казака Ивана, Фатьма становилась Марьей – или по-гребенски, Машуткой» [5]. Тесное общение казаков и горцев сказывалось и на элементах материальной культуры. Заимствования коснулись жилищ, орудий труда, в пище, в одежде и т.д. И таких примеров можно было бы привести множество. Так, важным фактором в установлении тесных межэтнических контактов являлась торговля. Знакомясь ближе с представителями других культур на личностном уровне, чеченцы, проще находили пути преодоления трудностей во взаимоотноше-

ниях с другими народами, укреплялись давние традиции толерантности народов этого края, что очень важно сохранить и укрепить на современном этапе развития взаимоотношения северокавказских народов.

К великому сожалению, военные действия на Кавказе в первой половине XIX века во многом подорвали взаимовыгодные, мирные, добрососедские отношения, породили неприязнь, противостояние между казачеством и местным населением. События конца XX века на территории Чеченской Республики еще более обострили межэтнические связи, привели к резким изменениям в расселении этнических групп, возникновению противоречий на этой основе... И чтобы избежать в дальнейшем подобные разрушительные процессы необходимо глубоко изучать, учитывать в повседневной жизни многовековой опыт сосуществования коренного и русского населения. Многовековые, многогранные русско-чеченские отношения, несмотря на трагические страницы истории, могут служить примером межнациональной толерантности, средством предупреждения нетерпимости, в какой бы форме она не проявлялась. В настоящее время, когда проблема толерантности стала мировой проблемой, важно изучить опыт сосуществования тенденций толерантности и нетерпимости в конкретных культурах, обществах и регионах. Любое общество, для которого характерна культурная, этническая, религиозная неоднородность, может стабильно существовать только при наличии определенной степени толерантности [6].

В течение многовековой воспитательной деятельности народная педагогика чеченцев, равно как и всех народов Кавказа, накопила значительный опыт толерантности в социальных нормах поведения и в нравственных системах. Благодаря преемственности поколений, в жизни народов Северного Кавказа, в том числе у чеченцев, сформировалась специфическая система этических и эстетических воззрений, которая фиксировалась в общепринятых заповедях и кодексах. Так, древний чеченский кодекс «Къонахалла» трансформировался в этический кодекс, нравственной основой которого стала идея «совершенного человека», «благородного мужа», который должен был обладать такими качествами, как честь, благородство, достоинство, мужество, любовь к ближнему, к Родине, уважение и терпимость к иной культуре. Согласно нормам своеобразного кодекса чести чеченцев требовалось проявлять уважение любому человеку, причем уважение тем больше, чем более далек был этот человек по родству, вере или происхождению. Этикетные нормы чеченцев во многом были направлены на то, чтобы создавать благоприятную атмосферу для общения людей, причем, не только знакомых, но и случайно встретившихся на пути, в поездке [6]. Описанные выше положения кодекса чеченцев до сих пор остаются актуальными. Поэтому так необходимо использовать этот богатый потенциал толерантности в нравственной системе чеченцев в деле воспитания подрастающего поколения. Во всех общеобразовательных школах республики, с пятого по одиннадцатый классы в программу учебного кур-

са введена этика традиций и обычаев вайнахов. Формирование у молодого поколения интереса к национальным культурам, традициям, расширение их кругозора, должно привести к пониманию и принятию, а, следовательно, к уважению других ценностей, взглядов, мнений [3]. Прогрессивные традиции, которые складывались в течение многих веков, носили поучительный характер. Их содержание всегда являлось своего рода эталоном, по которому люди оценивали свои поступки, свою деятельность. Благодаря этому формировался идеальный образ личности. Именно по традициям в чеченских семьях детям прививались такие качества, как деликатность, тактичность, благопристойность поведения, уважительное отношение к родителям, почтительность к старшим, патриотизм, трудолюбие, гостеприимство, чувство долга перед народом и т.д. [2]. Вот почему так значимо использование прогрессивных национальных традиций и обычаев в нравственном воспитании молодежи: они связаны со многими сторонами мировоззрения и взаимоотношений людей; в них наиболее ярко отражен накопленный и умноженный тысячелетиями народный опыт, человеческая мудрость, выражается характер и душа народа, лучшие черты истории семейно-бытовой жизни общества.

Эффективным фактором формирования толерантной культуры современной молодежи в Чечне являются не только пропаганда истории межэтнического сотрудничества в прошлом, но и те реальные шаги, которые предпринимаются в республике для укрепления этого богатейшего опыта взаимной терпимости, достойных компромиссов, двустороннего сотрудничества. В Концепции государственной национальной политики Чеченской Республики (утвержденной первым Указом Президента Чеченской Республики Р.А. Кадыровым № 110 от 9 апреля 2007 года) в полной мере учтены интересы и потребности многонационального народа Чечни. В республике принят и действует «Закон о языках», который способствует развитию и сохранению языков всех народов, проживающих на территории Чечни.

В середине февраля 2012 года в столице Чеченской Республики прошел съезд чеченской молодежи. На съезде была представлена молодежь не только, которая проживает в настоящий период в республике, но представители чеченских диаспор из разных регионов Российской Федерации. На повестке дня – обсуждение духовно-нравственного воспитания молодых чеченцев, вопросы межэтнической толерантности и т.д.

Одной из приоритетных задач руководства республики является возрождение многонационального общества нашей республики. Основываясь на принципах толерантности и веротерпимости, республиканские органы предпринимают действенные шаги по возрождению полиэтничности, многоконфессиональности, укреплению национального, политического и культурного развития всех народов Чечни, а также дальнейшему развитию и углублению связей между народами северокавказского региона и другими регионами Российской Федерации в разных областях и сферах их

жизнедеятельности. В Чечне систематически проводятся (и это стало доброй традицией) фестивали молодежи Кавказа «Дружба народов – единство России», «Молодежь Кавказа за мир и безопасность», Всероссийскую акцию «Поезд без брони». Комитетом Правительства ЧР по делам молодежи был проведен Всероссийский молодежный форум «Молодая Россия». Огромный толерантный потенциал имеют проводимые Министерством по внешним связям, национальной политике, печати и информации Чеченской Республики такие мероприятия, как фестивали культуры и искусств народов под девизом «Чеченская Республика – Дом дружбы», «В Чеченской Республике братство – традиция, дружба – закон» и др. Ежегодно проводятся северокавказские региональные фестивали молодежи «Толерантность через искусство» [4].

Важным фактором формирования межэтнической толерантной культуры в Чечне является поддержка и развитие национальных культур всех народов, проживающих здесь. Поддержка руководством ЧР национальных культур осуществляется с помощью различных программ и проектов, направленных на сохранение и развитие культурных ценностей, в том числе на проведение межрегиональных, межрайонных, международных фестивалей, конкурсов, выставок народного творчества, дебютных проектов молодых авторов и исполнителей, обеспечение культурного обмена и т.д.

Значительным потенциалом в формировании толерантной культуры молодежи обладает религия. Исламские ценности в Чечне, занимающие важное место в социальной и духовной жизни современных чеченцев, наряду со своими специфическими функциями, играют важную роль в духовно-нравственном развитии молодежи, в формировании и развитии у нее нравственных добродетелей патриотизма, толерантности, уважения к созидательному труду. Духовное управление мусульман Чеченской Республики, Центр духовно-нравственного воспитания и развития проводят огромную работу среди молодежи в рамках проектов, совместно с Министерством образования и науки ЧР, в области культуры, духовно-нравственного просвещения молодежи.

По инициативе главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова и Духовного управления мусульман ЧР в республике начиная с 2007 года прошли четыре Международные миротворческие форумы «Ислам – религия мира и созидания», посвященные памяти А.А. Кадырова, первого Президента Чеченской Республики. На этих форумах рассматривались актуальные вопросы развития духовно-нравственной, политико-правовой жизни исламского общества, проблемы толерантности, культуры, образования, борьбы против экстремизма и терроризма и т.д. Таким образом, все предпринимаемые усилия создают необходимые предпосылки для формирования этноконфессиональной толерантности у современной чеченской молодежи, что имеет огромное значение в условиях многонациональной Чечни.

Каждый народ, каждая культура формирует свои стереотипы сознания, поведения, опирающиеся на собственное видение мира. То, что зна-

чимо в одной культуре, может не иметь никакого значения в другой. Наша общая задача - приложить все усилия для воспитания подрастающего поколения в духе толерантности: воспитать у них чувство уважения к представителям каждого народа, понимание ими равноценности культур, соблюдение чувства собственного достоинства и достоинства представителей другой культуры.

Все это равно относится ко всем народам многонациональной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулвахабова Б.Б., Гайсултанова А.А. Проблемы духовно-нравственного воспитания чеченской молодежи в постконфликтный период // Россия и Кавказ: история и современность глазами молодежи. – Карачаевск, 2010. – С.3.
2. Арсалиев Ш. М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. – М., 2008. – С.354-355.
3. Бабошина Е.В. Формирование этноконфессиональной толерантности у учащейся молодежи города // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). – Кизляр, 2008. – С.276-277.
4. Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики. Проблемы духовного развития. – Грозный, 2011. – С.254-255; 258;259;274.
5. Потто В.А. Два века Терского казачества. – Владикавказ, 1811. – С.234.
6. Павелко Н.Н. Культура толерантности в традициях народов Северного Кавказа // Ф.А.Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность. – Краснодар, 2007. – С.198-199.
7. Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. – М., 2007. – С.195-196.

И.А. Абдуллаева (Кизляр)

К ПРОБЛЕМЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

«Открытие» России миру, плюрализация и дифференциация политического, экономического, идеологического, религиозного, культурного пространства выдвинули проблему толерантности на авансцену современной российской жизни. А события октября 1993 г. и война в Чечне, изоляционистские и антидемократические тенденции, чреватые конфликтами на национальной и религиозной почве, лишь усилили актуальность вопроса борьбы с нетерпимостью. И это сразу нашло свое отражение в повороте общества к данной проблеме – резко увеличилось само упоминание ранее незнакомого термина «толерантность» в СМИ, чаще стали проводиться конференции, посвященные этой проблематике, появились соответствующие публикации в академических и общественно-политических журналах.

Воспитание толерантных начал носит многоплановый характер и в условиях полиэтничности, многоязычия, поликультурности и полиментальности населения России не может не приобретать характер поликуль-

турного образования. Термин толерантность в современной трактовке означает - готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных. При этом даже в том случае, когда эти убеждения или взгляды тобою не разделяются и не одобряются. Таким образом, проблема толерантности и развития духовной культуры очень актуальна для современной России. Россия представляет собой полиэтничное государство с большим количеством народностей (170) и культурных образований, но, именно это приводит периодически к нагнетанию этнической и религиозной обстановки в стране, и в частности на Северном Кавказе. Современное общество стоит перед дилеммой: сосуществование представителей разных культур и конфессий, либо конфронтация, которая может привести к гибели не только одной нации, но и всего человечества. Сложность современной ситуации в том, что существующие разногласия только разжигаются, для разобщения представителей разных народностей, живущих на одной географической плоскости [1]. В свою очередь это приводит к порождению национализма (слепой эгоизм той или иной национальной культуры), разделению людей на фоне конфессиональной принадлежности. В связи с этим усугубляется ситуация в обществе в целом. Без выработки взаимной терпимости, согласия, мирного сосуществования, единения людей под эгидой распространения моральных, нравственных ценностей, сохранности культуры всех народов, человечество придет к краху [2]. Избежать конфронтации цивилизаций, культур, возможность которых сегодня реальна, можно только на пути критического диалога, на пути отказа от индивидуального и культурного своецентризма, на пути совместного решения тех трудностей, с которыми столкнулся в своем развитии современный мир. Современному человеку не хватает взаимоуважительного, благожелательного, терпимого отношения друг к другу.

Современное общество дает человеку право выбора во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и религиозной принадлежности, которая должна воспитывать в человеке миролюбивое отношение к другим, а не желание истребления себе подобных. В нынешнем обществе очень много противоречий, которые привели к становлению и развитию религиозного фундаментализма, радикализма, политизации религии.

Религиозный фундаментализм и веротерпимость – два основных полюса современности. Требованием времени является уважение и взаимное признание, терпимость к чуждому этносу и религиозной культуре при высокой национальной идентичности, принцип, который актуален во все времена «относись к другому человеку так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». Для взаимопонимания и сотрудничества представителей разных религий необходимо толерантное сознание.

Существует несколько тенденций эволюции социальных отношений:

- распад традиционных социальных групп и дальнейшая социальная дифференциация;
- возрастание социальной и географической мобильности и изменение образа жизни, большая открытость социального пространства;
- кризис традиционной социальной идентификации и индивидуализация социального протеста.

Таким образом, о кризисном состоянии культуры сегодня свидетельствуют следующие признаки:

- обострение демографической ситуации в стране, резкое падение рождаемости. В связи с чем правительство вынуждено было принять закон, который стимулирует население к деторождению;
- наряду с возрождением классических религий (христианства и ислама) наблюдается расцвет магии, ранних форм религии и их разновидностей: экстремизма и терроризма;
- раскол общества изнутри, появление «новых русских» и т.п., и обслуживающих их маргинальной прослойки.

К наиболее эффективным путям преодоления идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма, в частности, в условиях Северного Кавказа относятся:

- органы государственной власти РФ и северокавказских субъектов Федерации должны расширить взаимодействие государственных органов и религиозных объединений по всем направлениям сотрудничества, в первую очередь в активизации борьбы с проявлениями религиозно-политического экстремизма и терроризма, борьбе с преступностью, в духовно-нравственном оздоровлении Северокавказского общества;
- муниципальные органы власти должны уделять особое внимание воспитанию населения в духе национальной и религиозной терпимости, неприятия идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма - главный упор в стратегии противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму следует делать на улучшении социально-экономической ситуации в регионе, так как это способствует урегулированию социально-политических конфликтов и существенно сужает социальную базу религиозно-политических экстремистов и террористов;
- одновременно следует принимать решительные меры по перекрытию каналов финансирования экстремистов и террористов из-за рубежа и из местных источников [3, с. 67-69];
- в плане блокирования терроризма, как уголовного проявления, следует совершенствовать правовую базу, укреплять и совершенствовать деятельность специальных служб, а также активизировать идеологическую работу;
- в связи с тем, что усилия, предпринимаемые государственными и общественными институтами по борьбе с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом, не оказались адекватными остроте проблемы и

бесчеловечные теракты продолжаются, требуется комплексный подход к осуществлению противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму, при котором предусматривались бы меры не только регулирующего и запретительного, но и профилактического характера [4].

В настоящее время необходимо возрождать и делать упор на то, чтобы прививать подрастающему поколению нравственные ценности, накопленные народами, проживающими на территории России.

В связи с этим перед государством выстраиваются следующие конкретные задачи [5, с. 6]: глубокое и всестороннее овладение культурой своего собственного народа как непереносимое условие интеграции в иные культуры; формирование у молодёжи представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества и служащим условиям для самореализации личности; создание условий для интеграции в культуры других народов; формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур; воспитание подрастающих поколений в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

Основной жизненный ориентир современного человека - понять и осмыслить культуру своего народа, религиозные особенности, основные моральные ценности, ориентированные на созидание, но не уничтожение

Российская Федерация – страна с прочно устоявшимися, исторически сложившимися религиозными стереотипами, которые тесно связаны с культурой, традициями, национальными особенностями и самосознанием населяющих её народов [6].

Российская модель государственно-церковных отношений должна учитывать историческое, культурное и религиозное своеобразие страны и поддерживать, прежде всего, те религиозные структуры, которые не только в прошлом сыграли огромную роль в деле сохранения её национального достоинства, но и впредь способны вносить позитивный вклад в возрождение России [7, с. 189].

Все многомиллионное народонаселение страны, движется к признанию приоритета ценности толерантного сознания, так как оно способствует устойчивому развитию, здоровому образу жизни, сохранению окружающей среды, развитию личности и духовному совершенствованию. Толерантное сознание общества - моральный императив, норматив социально-культурной жизни всех людей на Земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Религия и национализм. Сборник статей. – М., 2000.
2. Религия и политика в современной России. – М., 1997.
3. Зиммель Г. Религия: социально-психологический этюд // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. - М., 1996.

4. Выступление В.В. Путина на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров // [http:// www.religare.ru/article31095.htm](http://www.religare.ru/article31095.htm).
5. Макаев В.В., Малькова З.А., Супрунова Л.Л. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы // Педагогика. – 1999. – № 4.
6. Постсоветское мусульманское пространство: религия, политика, идеология. – М., 1991.
7. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер 2002.

Д.В. Аганесова (Хасавюрт)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Для любого этноса, нации безусловно важны общность территории и экономической жизни, но сохранение духовного пространства возможно только при сохранении языка.

Язык не есть просто средство общения между людьми. Это многовековое творчество народа, его память, его характер и душа, философия и мораль, его частица в общечеловеческой культуре. Изучая исторические события, мы обращаемся к хронике, поэме, историческому документу, орудю труда, расшифровываем эти послания из прошлого и начинаем понимать, что перед нами **иное** сознание. Французский исследователь **Жак Ле Гофф** писал, что историк, подобно этнологу, должен «распознавать другого» и проявить к нему уважение [2, с. 302]. В данном случае речь идет об ином сознании, другом восприятии мира во времени, в истории. Не менее важно знать, что существует «иное» восприятие мира в пространстве, представленное разнообразием наций, этносов и их культур.

Для историка Ле Гоффа ведущим критерием социально-этнического сообщества является культура. Культура – способ человеческого существования, система мировосприятия. Культура предполагает построение целостных социально-культурных моделей поведения людей. В обыденной жизни это проявляется в стереотипах сознания, ожиданиях человека. Умение считаться с особенностями национального характера, с культурой другого народа, знать, как поведет себя представитель какого-либо этноса, позволяет людям уживаться и выживать, понимать друг друга и заимствовать полезные традиции.

Исторически такой тип взаимоотношений представлен, прежде всего, установлением торговых путей и созданием торговых сообществ. Признание другого этноса проявлялось и в заключении смешанных браков. Общеизвестны традиционные матримониальные связи между европейскими королевскими и русским царским домами. Взаимное признание этносов проявляется через использование достижений науки, техники, искусства.

Эллинско-римская культура дала миру философию, гражданское право, каноны прекрасного в искусстве.

Культуре как универсальной системе существования этноса присущи свойства, без которых она вырождается или стагнирует: преемственность во времени и взаимодействие и взаимопроникновение в пространстве.

Наряду с готовностью воспринимать иную культуру существует другая тенденция – игнорировать особенности других этнических сообществ. Есть несколько вариантов такого отношения: от бытового презрительного отношения к культуре других народов до силового подавления всякого своеобразия (ограничение использования родного языка, антисемитизм, оскорбление личности человека по внешним этническим признакам и т. д.). История в большой степени демонстрирует вторую тенденцию: через войны, покорение народов, великие завоевания и открытия. Достаточно вспомнить завоевательные походы Александра Македонского, Наполеона Бонапарта, Крестовые походы Средневековья, покорение Римом мира варваров, и наоборот – вторжение варваров в Рим и последующее разграбление и упадок Великого Города, идеологический и политический диктат инквизиции, тотальное подавление инакомыслия при режимах Гитлера и Сталина, уничтожение по признаку принадлежности к какой-либо этнической группе – геноцид. В настоящее время эта тенденция проявляется в дискредитировавшей себя, но не изжитой расовой идеологии.

Человечество осознало бессмысленность, бесперспективность мировых войн, но череде локальных социально-этнических конфликтов, вооруженных и мирных, не видно конца: сербы и хорваты, ирландцы и англичане, арабы и евреи, «цветные» и белые французы, турки и курды, англоязычные и франкоязычные канадцы, армяне и азербайджанцы, китайцы и вьетнамцы – список противоборствующих сторон можно продолжать. Историк и экономист увидят в этом феномене неравномерность развития наций и их претензии на оформление государственности своего этноса. Социолог даст анализ социально-экономических и политических показателей этнической группы. Для культуролога состояние этнического конфликта – знак неспособности и нежелания считаться с социально-культурными традициями этноса или этносов, втянутых в конфликт.

Анализ взаимоотношений наций позволяет систематизировать условия взаимодействия этносов и наций. Существует три основных типа такого взаимодействия: **сотрудничество, превосходство, изоляционизм.**

Сотрудничество может осуществляться по типу материального и культурного взаимовыгодного обмена.

При отношениях превосходства – политического, культурного, экономического, морального – одного этноса над другим возможны самые разные формы взаимодействия: от грубого подавления до ориентации людей на стиль жизни и культуру другого народа.

Для сохранения целостности этноса взаимоотношения с другими народами могут быть сведены к минимуму. Этот тип отношений – изоляционистский. В некоторых случаях он способствует формированию и развитию нации. Государство ограждает этнос от ассимиляции системой гражданских, политических ограничений для некоренного населения страны, ставит заслоны иностранному влиянию. Это очень старая этнополитическая традиция. Философ Аристотель сам испытывал на себе эти ограничения, много лет, будучи метеком, неполноправным членом полиса Афин. Иногда этот тип отношений воплощался материально – в строительстве валов, крепостных стен.

В современных условиях изоляционизм изживает себя: рухнул «железный занавес» между Восточной и Западной Европой, ушел в прошлое запрет на браки с иностранцами. В процессе ломки национальных барьеров главная роль принадлежит культуре сотрудничества. Нациям нужны передовой зарубежный технический и технологический опыт, освоение научных открытий и достижений, и эта потребность является объективной основой преодоления изоляционизма.

Все три типа отношений можно проиллюстрировать «японским чудом». Полтора века назад русский писатель **И.А. Гончаров**, посетивший Японию в составе экспедиции на фрегате «Паллада», сравнивал японцев с детьми, нуждающимися в опеке старших. Кто же эти старшие? Гончаров писал: «Если не нам, то американцам, если не американцам, следующим за ними – кому бы ни было, но скоро суждено опять влить в жилы Японии те здоровые соки, которые она самоубийственно выпустила... и одряхла в бессилии и мраке жалкого детства» [1, с. 48]. Страна нуждалась в заимствованиях извне, но была отгорожена от остального мира, наглухо закрыта для иностранцев, что Гончаров испытал на себе: несколько месяцев моряки фрегата вели переговоры с чиновниками из столицы Эдо о разрешении сойти на берег, но так и не получили его. С другой стороны, японское общество потенциально было готово к модернизации.

Доктор исторических наук **В. Хорос** назвал традиционную японскую цивилизацию эстетической [3, с. 27]. Какие же черты были ей присущи?

Островное положение Японии и ограниченность пространства явились естественными предпосылками для формирования сплоченного, однородного этноса. Чертами национального характера стали коллективизм, корпоративность и одновременно способность усваивать чужой опыт. Капризный климат научил японцев смирению перед неизбежным. Религия дзен-буддизма воспитала у них вкус к созерцательному, интуитивно-чувственному, утонченному постижению мира. Не случайно цветовой спектр японцев более богат, так как они различают больше цветов, чем европейцы.

Конфуцианская этика долга, культ семьи, готовность подчиниться отцу, старшему, государству создали благожелательное отношение к фак-

ту зависимости от другого, в том числе и от чужого, опыта. Идеология синтоизма – наделения душой всех окружающих предметов и живых существ – сделала для японцев живым и технический прогресс. Все это в совокупности явилось хорошей базой для модернизации общественных отношений. Общеизвестно чудо превращения Японии во вторую промышленную державу мира. Нельзя не учитывать роль чужого, прежде всего американского, опыта, американских научно-технических достижений. И все-таки в первую очередь следует отметить, что модернизация общества осуществляется на почве собственных национальных традиций, на базе культурно-психологического единства нации и ее готовности к переменам.

От изоляционизма Япония перешла к сотрудничеству с другими народами и государствами, будучи целостным социально-культурным организмом. Сохранив обычаи, японцы вырастили внутри традиционной общинности новую современную личность.

Национальное самосознание – это субъективное выражение культуры нации, ее этнической специфики. Для второй половины XX – начала XXI века, со времени начала научно-технической революции, характерна ломка национальных барьеров. Условия труда таковы, что этническая специфика в культуре народов ослабевает, размывается. Казалось бы, национальное самосознание, будучи субъективным выражением культурных различий, должно ослабевать. Однако повсеместно, хотя не везде одинаково, оно усиливается. Этот феномен часто называют «этническим парадоксом» современности. Доиндустриальные цивилизации отличались большим культурным разнообразием. Существенные различия наблюдались в языке, одежде, пище, обрядах, образе жизни. В таких условиях люди четко осознавали свою принадлежность к определенной культуре. Неудивительно, что при политическом оформлении этноса национальное самосознание ориентировано на совпадение этнической и политической границ. Правители должны отвечать национальным ожиданиям, а иностранцы, особенно если они многочисленны, нежелательны и воспринимаются враждебно.

Неравномерность в развитии стран порождает огромные различия в их производственном, экономическом и политическом потенциале. Бурно идут интеграционные процессы, в основе которых – небывалый рост производственных, научных, экономических, культурных межгосударственных и межнациональных связей. Однако интернационализация жизни не только порождает тенденцию к нивелировке этнических культур, но ведет к столкновению национальных интересов. Например, развитые страны импортируют рабочую силу, иностранный рабочий (гастарбайтер) мобилен географически, малоквалифицирован, ему достается работа, которую местное население выполнять не хочет; согласен работать за невысокую по местным меркам оплату.

Недавно прибывшим и отличающимся в культурном отношении иностранцам отказывают, как правило, в праве получения гражданства,

пользовании социальной помощью. Дискриминация, неудовлетворенность материальным положением толкают какую-то часть гастарбайтеров в уголовный мир, что еще больше усиливает предубеждение против них у населения страны. И с той и с другой стороны растут националистические настроения и взаимная враждебность.

Данная характеристика универсальна, и ее можно отнести к этносоциальной ситуации в России.

На основе трений и конфликтов усиливается национальное самосознание по всему спектру межнациональных отношений. Экономические, политические, религиозные стимулы для возведения границ и установления исключительного положения для одного этноса существуют повсюду. В России межэтническая напряженность широко представлена региональными этническими конфликтами: осетины и ингуши, чеченцы и народы Дагестана и т.д.

XX век стал веком великого разъединения наций (мировые войны и распады империй) и объединения народов и государств. На смену локальным культурным ментальностям приходит глобалистское надэтническое сознание. Оно предполагает прежде всего ответственность на индивидуальном и общественном уровнях за судьбы планеты.

Мы живем в эпоху кризиса цивилизации, в основу которой легла идеология имперского сознания. Новый космополитизм (планетарное гражданство) предполагает культурное взаимодействие с точки зрения интересов любой нации. Вместе с тем с огромной силой и широтой охвата проявляет себя этноцентризм. Приходится признать, что в начале XXI века этнические настроения опираются на убеждение в необходимости совпадения этнической и политической границ.

Обостренное этнонациональное самосознание народов Кавказа во многом объясняется их историей. Преступное принудительное переселение ингушей и чеченцев более полувека назад до сих пор еще живо в памяти немалоого числа людей.

Общемировая тенденция к росту национального самосознания имеет и особые, соответствующие современному этапу развития основы.

В доиндустриальном обществе большинство населения, занимаясь сельскохозяйственным трудом, проводило жизнь в границах небольших замкнутых общин. Типичной в этом отношении можно считать старую Россию. У деревенской общины не было ни средств, ни необходимости в письменно сформулированной, передающейся с образованием культуре. Такая культура, достигая нередко огромных высот, была присуща только небольшому верхнему слою аграрного общества. Основная масса населения довольствовалась устной культурой, передающейся из поколения в поколение.

Столетие отделяет нас от подобного положения. Культура образования становится неотъемлемой собственностью большинства населения. Производство требует работника нового типа и получает его. Казалось бы,

из бесспорного факта интернационализации культуры на основе новых технологий должно следовать стирание этнических различий, ослабление национального самосознания. Бытует даже термин «индустриальный космополитизм». Однако образованность, умение пользоваться компьютером, соблюдать технические инструкции – все это не тождественно понятию культуры. Современная культурная ситуация имеет этническую окраску. Русский остается русским, англичанин – англичанином, поляк – поляком. Более того, приобщение к ценностям мировой культуры делает культуру каждого народа многогранней и богаче. Именно высокая культура широких масс открывает пути к восприятию иной культуры не как чужой, а как новой, интересной и дополняющей свою собственную. Только на такой основе возможно плодотворное культурное взаимодействие этносов с позиций интересов каждого из них.

Как ни в какой другой области, равноправная, доброжелательная межнациональная интеграция проявляется в создании Европейской интернациональной системы высшего образования. В исследовании по вопросам высшего образования в ЕС говорится, что никогда еще так не ощущалась потребность в людях, которые не только владели бы иностранными языками, но и могли бы общаться с зарубежными партнерами на основе глубокого знания политических и социальных структур, ценили бы исторические и культурные традиции друг друга.

Итак, взаимоотношения между современными этническими сообществами представляют собой маятник с большой амплитудой: от культурного партнерства и взаимной искренней заинтересованности во всесторонних контактах до острых конфликтных ситуаций с трагическим исходом для противоборствующих сторон. В первом случае это культурные обмены, совместная деятельность в области науки и искусства. Во втором – физическое и моральное разрушение людей и материальных ценностей, редукция (возврат, упрощение) межнациональных отношений.

Оба варианта представляют собой различные типы культуры национальных отношений, как традиционные, так и вновь складывающиеся.

Взаимодействие этносов представляет собой сложный процесс.

Сложные процессы взаимодействия наций и этносов идут как бы параллельно: на основах жесткой конкуренции – в экономике и политике и на принципах уважения и понимания – в области науки и искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» (любое издание).
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 2007.
3. Хорос В. Японские секреты // Знание – сила. – 1991. – № 10.

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Гражданские, религиозные и этнические кризисы и конфликты не обошли и нашу страну, и это делает проблему толерантности одной из приоритетных в ряду других, стоящих перед мировым сообществом. Из страны размеренной и мирной жизни Россия превратилась в конфликтно-генное общество со многими «горячими точками».

Одной из наиболее острых остается проблема на Северном Кавказе - в одном из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов России, регионе контактов многих культур и этносов. В силу ряда причин в 90-е гг. здесь сложилось новое геополитическое и геостратегическое положение, в результате которого произошло серьезное обострение этнополитической ситуации. Сложная ситуация в Северо-Кавказском регионе обусловлена прежде всего противоречиями территориального и регионального характера, многие из которых, достигнув своей критической отметки, оказывают крайне негативное воздействие на ход развития ситуации.

Происходящие на всем постсоветском пространстве трансформационные процессы на территории Северо-Кавказского региона имеют, по меньшей мере, две отличительные особенности: высокий уровень полиэтничности и напряженный социально-политический фон.

В реальной ситуации полиэтничности, многоязычия, поликультурности и полиментальности данного региона, воспитание толерантных начал носит многоплановый характер. Проявляется острая необходимость создания социально-педагогических условий, направленных на формирование развивающейся личности, уважающей родную культуру и культуру других народов, не претендующую на свою исключительность, способную к активному содружеству в условиях диалога и внутрикультурной и межкультурной коммуникации.

В числе задач, которые ставятся перед образованием, - воспитание толерантной личности, готовой к терпимому отношению и взаимопониманию между этносами, социальными группами во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной или религиозной идентичности.

В современном Дагестане острота проблемы толерантности усиливается в связи с ростом социального расслоения, этническими и религиозными противоречиями, которые приобретают характер латентных и открытых конфликтов.

В этот сложный период переоценки ценностей, в период вхождения России в единое мировое образовательное пространство, проблема поли-

культурного образования и воспитания молодежи стала актуальна для Дагестана. На современном этапе необходимо образование, включающее приобщение подрастающего поколения к этнической, национальной и мировой культуре, развитие на этой основе планетарного сознания, формирование готовности и умения жить в многонациональной среде. Поликультурное воспитание культивирует в человеке дух солидарности и взаимопонимания во имя мира и сохранения культурной идентичности различных народов, и в то же время оно ориентировано на развитие у каждого человека планетарного мышления и осознание принадлежности к человеческому сообществу в прошлом, настоящем и будущем. Большую роль в воспитании толерантности как одного из условий формирования культуры мира играют такие институты народной дипломатии, как маслиат (примирение), Совет старейшин джамаата, куначество. Опора на эти традиции как на систему компромиссов, примирения приводит к отказу от насильственных мер, предотвращает доведение конфликта до необратимости. Эти морально-этические нормы дагестанских народов позволяли людям наряду с храбростью, мужеством, отвагой проявлять и такие прекрасные качества, как великодушие, взвешенность, терпимость, сдержанность и уступчивость, умение слышать и слушать собеседника.

В Дагестане воспитание культуры межэтнической толерантности требует решения следующих задач: воспитания российского и дагестанского патриотизма; воспитания уважения к человеку независимо от расы, национальности, социального положения, отношения к религии; воспитания непримиримости ко всем проявлениям шовинизма, национализма, расизма и экстремизма; решения проблем межнациональных отношений только путем переговоров, использования демократических механизмов урегулирования конфликтов исключительно мирными средствами по собственному выбору сторон с учетом национальных традиций и обычаев. Безусловно, без глубоко продуманной, обоснованной, адекватной интересам народов и религий страны в целом политики в вопросах этноконфессиональных отношений само существование такого многонационального государства, как Россия, становится проблематичным. Ошибки политиков оборачиваются межнациональными или межконфессиональными конфликтами, страданиями миллионов людей. Для ведения правильной, нравственно чистой политики, необходимо опираться на хорошо продуманные идеи, необходимо видеть все связи общественного организма, все последствия принимаемых решений, т.е. необходима разработка обоснованной государственной идеологии в вопросах межнациональных и этноконфессиональных отношений. Формирование толерантности не может происходить вне соответствующего видения конфессиональной реальности и нравственно религиозной ее оценки. Одним из важнейших факторов этого процесса была этнокультурная ситуация - постоянное взаимодействие народов и конфессий России. Первоначальной позицией в межконфессиональных

отношениях в начале XX столетия была толерантность. Согласие между верующими и неверующими необходимо для общего этического мира. Установки на межнациональную интолерантность связаны с разностью религий, с убеждением в незыблемости этнических границ, установками на агрессию.

В настоящее время религиозная ситуация в Дагестане характеризуется, с одной стороны, резким ростом общественного интереса к религии и ее влияния на все стороны жизни общества, с другой - количественное возрождение ислама не дает заметного прогресса в нравственной, духовной жизни мусульман. Ислам не стал консолидирующим верующих фактором, усилились разногласия, как среди мусульманского духовенства, так и верующих. К расколу по национальному признаку в последнее время прибавился и раскол верующих на разные течения, приведший в ряде случаев к массовому противостоянию и кровопролитию. Существуют противоречия между духовенством, исламскими политическими партиями и государством и обществом в целом, что вносит беспокойство в сознание немусульманского населения, побуждает его к миграции из республики. Все это, а также и отсутствие информационно-идеологической защиты населения создали тот политический иммунодефицит, который и стал благодатной почвой для внедрения и развития на всем Северном Кавказе и Дагестане в особенности идей исламского экстремизма, ориентированного на построение исламского государства в регионе. И, тем не менее, несмотря на сложности, и конфликтности межнациональных и конфессиональных отношений в Республике Дагестан на сегодняшний день отмечаются отдельные факты сотрудничества, попытки наладить межконфессиональное сотрудничество.

Несмотря на очевидные различия в нравственной кодификации отношений у мусульман, христиан и буддистов, в них представлены некие универсалии, так как в основе культурных ценностей, исповедуемых большинством религий, лежат общечеловеческие морально-этические понятия любви, надежды, справедливости и уважения к человеку. Для консолидации дагестанского общества, для утверждения в нем мировоззренческой толерантности необходимо активнее развивать межконфессиональный диалог, являющийся важным фактором общественно-политической стабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головатая Л.В. Национально-культурные и этнические особенности проявления толерантности народов Северного Кавказа // Вестник отдела социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН. Вып. 1. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005.

2. Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности; Южный федеральный университет. - Майкоп : ООО «Качество», 2007.

3. Казначеев В.А. Кавказская идентичность: через диалог к взаимопониманию // Современный Кавказ.- Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2007.

4. Лебедева Н.М. Этническая толерантность в России и способы ее укрепления // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе. – Ставрополь, 2003.

Е.В. Бабошина (Кизляр)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА НА РУБЕЖЕ XX- XXI ВЕКОВ

Россия представляет собой яркий пример полиэтничного и поликонфессионального государства, в котором внутриконфессиональные, а также межконфессиональные отношения приобрели большую значимость. Сам процесс становления правового государства в РФ, решение многих государственных проблем, в котором значительное место отводится религиозному фактору, делают названную проблему актуальной не только для страны в целом, но и для каждого региона, с учетом специфики его религиозной ситуации. В частности, Республика Дагестан представляет собой уникальный пример этноконфессиональности в рамках Российской Федерации.

В этноконфессиональном отношении Дагестан всегда считался одной из сложных республик, так как здесь живут представители 100 народов, из которых 32 коренных и конфессиональное пространство формируют почти все религиозные конфессии: исламская, христианская, иудейская. Невероятная конфессиональная пестрота и многонациональность республики связана с историей Дагестана и его географическим расположением. Процесс религиозного возрождения в Республике развивается в тесной взаимосвязи с ростом самосознания этнонациональных групп населения. Этот факт актуализирует проблему этноконфессиональной идентичности дагестанцев.

Говоря о самоидентификации граждан по отношению к определенной конфессии «можно констатировать тесное переплетение разных форм самосознания религиозного, конфессионального, этнического. При этом религиозность выступает своеобразной формой этноконфессионального и этнонационального самосознания» [1, с. 143].

В одних случаях религиозная идентичность выступает в качестве маркера этнической идентичности, в других исследователи говорят об этноконфессиональной идентичности.

В первом случае религиозная идентичность – это выражение современного срез социального бытия конфессий через соотнесение представителей этих конфессий с себе подобными и с остальным миром. Во втором – это самоотождествление индивида с той или иной конфессией через осознание того, что он разделяет вероучение, культ и организационные формы данной конфессии [2].

Так, посещение мечети и участие в общей пятничной молитве, соблюдение поста, отмечаемое его окончание – Ураза Байрама, праздника жертвоприношения – Курбан Байрама, захоронение по мусульманскому погребаль-

ному обряду – все это становится не только показателем исламской идентичности, но и маркерами этнической и культурной принадлежности.

Заслуживает внимания точка зрения А.О.Булатова о влиянии ислама на формирование конфессиональной идентичности, выраженном в двух противоречивых тенденциях: «Первая - объединительная, когда общая религиозная принадлежность выступает сплачивающим, цементирующим фактором, помогающим выжить и сохранить этническую идентичность. Наиболее показательный пример этого - вайнахские народы, у которых ислам в суфийской форме привел к формированию во второй половине XIX - начале XX в. вирдовых общностей, по значимости не уступавших кровнородственным тейповым. В годы ссылки вирдовая структура выступала серьезным объединяющим фактором, помогающим чеченцам и ингушам выжить и сохранить свою идентичность, как национальную, так и религиозную. Вторая тенденция наиболее четко появляется у дагестанских народов, у которых возрождение ислама не способствовало консолидации, а напротив, привело в качестве одного из своих следствий к превращению ислама в механизм реализации интересов определенных этнополитических групп, в средство борьбы за власть» [3].

Говоря об этноконфессиональной идентичности народов Дагестана важно отметить, что понятия «религиозное» и «национальное» тесно взаимосвязаны в сознании мусульман Дагестана. Представление о единстве национального и религиозного факторов утверждалось в сознании народов Дагестана на протяжении длительного исторического периода. После принятия ислама народности Дагестана оказались объединенными на основе общности религии. Процесс формирования конфессионального на национальной почве сопровождался специфическими особенностями, впитывающий местные национальные обычаи, традиции, обряды. Как констатирует К.Г. Гусаева, традиции и обычаи, облаченные в религиозную форму, воспринимались как созданные самим богом и имеющие религиозное содержание [4, с.23]. Недопонимание и неправильная оценка национальных особенностей часто проявляются в отношении к существующим религиозным обрядам и традициям. Например, организация похорон и поминок, проведение обряда имянаречения, сунната, которые не только верующими, но и не верующими в Дагестане воспринимаются как национальные обряды.

Этот феномен объясняется еще и тем, что в советский период истории немало людей придерживалось исламских обычаев и обрядов, воспринимая их как народные, а не религиозные. Это характерно не только для Дагестана, но и для мусульман Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа.

В то же время, процесс возрождения религиозного фактора в 90-е годы в Дагестане шел параллельно с активизацией процесса этнической самоидентификации. Процесс национальной самоидентификации доказал несостоятельность советских теорий, постулировавших стирание этнических различий и затухание этнического самосознания народов под воздей-

ствием индустриализации, урбанизации и глобализации. Многие этнические общности, считавшиеся в советское время ассимилированными с родственными народностями, на самом деле сохранили свою самобытность и особое самосознание. Одним из следствий роста этнического самосознания в республике стала политическая активизация этнических элит, выразившаяся в увеличении числа общественных и политических организаций, инициативных групп, выступающих от имени народов с политическими требованиями. В целом же в республике, как и по всей Российской Федерации, довольно отчетливо проявились центробежные силы, сепаратистские настроения.

На фоне складывающейся тенденции к децентрализации республики по этническому признаку, на волне повышенного интереса общества к религии ислам представлялся важным консолидирующим фактором. Дальнейшее развитие политического процесса в республике показало, что надежды на ислам, как на консолидирующий фактор, не оправдались [5, с. 14].

С целью изучения сложившейся конфессиональной ситуации, идентичности населения проводились социологические исследования в 2004-2009 гг. в различных городах и районах Дагестана. Среди более 6 000 учащихся общеобразовательных школ, лицеев, гимназий, колледжей, студентов дагестанских вузов и филиалов центральных вузов в РД, представителей 39 национальностей, среди которых представлены все основные народы Дагестана. Исследования дали следующий результат: из респондентов в качестве идентификационных этнических признаков 87,9% назвали национальный язык и 76,1% - национальную культуру. Более половины опрошенных сельских учащихся (52,8%) и одна треть (34,2%) городских студентов и учащихся считают, что именно религия (ислам, христианство, иудаизм) роднит их со своим народом.

Таким образом, мы видим, что национальный язык (87,9%) и культура (76,1%) в качестве идентификационных этнических признаков имеет большее значение для респондентов, чем религия. В то же время только 37,2% опрошенных молодых людей положительно оценивают влияние религии на межнациональные отношения в республике, отрицательно оценивают это влияние 49,3 % опрошенных. Многие религиозные обряды, ритуалы и традиции воспринимаются современными верующими как национальные. Таким образом, этническая самоидентификация остается по сравнению с конфессиональной более высокой.

Хотя конфессиональное самосознание остается главной формой проявления отношения дагестанцев к исламу. Влияние ислама на формирование конфессиональной идентичности дагестанцев значительно возросло с 90-х годов. Этот процесс характерен не только для народов Дагестана. Социологические исследования показывают, что, в отличие от других регионов страны, население Северного Кавказа в подавляющем боль-

шинстве является верующим. Например, уровень верующих среди чеченцев - до 97%, ингушей - 95%, карачаевцев - 88% [6, с.40].

А.В. Малашенко подчеркивая возросшее значение ислама как фактора этнокультурной идентификации для всех мусульман Северного Кавказа выделяет несколько уровней исламской идентичности.

«На первом уровне (назовем его "личностным") речь идет, о вере во Всевышнего, т. е. об отказе от атеистической идеологии, об изменении в мировоззрении индивида. На смену индифферентности, в былые времена особенно характерной для городских жителей и молодежи, приходит религиозность.

Второй уровень, на котором реализуется влияние ислама на северокавказскую идентичность, - традиционно-обрядовый. Здесь степень приобщенности к исламу определяется регулярностью совершения обрядов, соблюдением исламских нормативов поведения, в том числе разного рода запретов» [7].

В свою очередь, исследования показывают, что религиозность населения не всегда связана с количественными показателями. По мнению Г. Сабировой, массовая вовлеченность населения в ритуальную практику оценивается неоднозначно в поддержании исламской идентичности. «Во-первых, подчеркивается показной характер обрядовой стороны религиозности. Истинно верующий человек не станет демонстрировать свою религиозность.

Другой вид аргументации сдержанной оценки обрядовой стороны религиозности заключается в том, что для многих из тех, кто соблюдает обряды, это стало привычкой, чем-то абсолютно обыденным - «так принято». Привычные отношения приводят к тому, что многие исламские обряды начинают восприниматься как народные, а не религиозные. И следование им на самом деле означает приверженность не исламу, а народным традициям.

Другое мнение, распространенное среди сдержанно религиозных мужчин: строгое соблюдение обрядов - это удел тех, кто свободен от других ответственностей - работы, воспитания детей, заботы о доме и т.д. Ислам определяется ими как «клубная религия для пенсионеров и безработных» [8, с. 164].

Среди основных обрядов, принимаемых современными мусульманами Дагестана наибольшее распространение получили пятикратная молитва, пост, хадж, практика совершения подаяния (садака). Важное значение, с точки зрения смысловой значимости для поддержания исламской идентичности имеют обрезание (суннат) и похоронные обряды.

Согласно социологическим исследованиям, если верующими себя считают 64,1% опрошенных, то соблюдают религиозные обряды только 38,7%, а 25% опрошенных не соблюдают никаких религиозных обрядов. По подсчетам Э.Ф. Кисриева глубоко религиозных мусульман примерно 200 тыс. человек. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в Дагестане преобладает тип религиозности, или верующих не связанных с регулярной обрядовой практикой.

Интересные явления наблюдаются в отношении различных дагестанских этносов к религии: аварцы - 38%, даргинцы -20%, кумыки -14%, лезгины -10%, лакцы -4%, другие национальности -14% глубоко верующих [9]. Доля ваххабитов и тарикатистов среди глубоко верующих мусульман весьма незначительна, в пределах 3-4%. Очевидно, что процесс реисламизации этнически выражен: наиболее интенсивен в северо-западных районах, особенно среди аварцев, даргинцев (исключая кайтагов), кумыков, гораздо слабее – среди лезгин, лакцев, табасаранцев, даргинцев-кайтагов.

Таким образом, исламизированные в более поздний исторический период аварцы и даргинцы горных районов Дагестана отличаются особым религиозным рвением, религиозно-культовой и обрядной активностью.

Очевидно, что исламская идентичность в Дагестане обусловлена, с одной стороны, культурными различиями, определяемыми устойчивыми этническими идентичностями, с другой стороны, развитием широких контактов с мусульманским востоком. Распространенность адатных норм, а также сохранение социальной значимости тухумных связей и джамаата (сельских общин) придают специфику исламской идентичности. Строго иерархизированная система кровнородственных и этнических идентичностей образует множественную этноконфессиональную идентичность, которая нередко оказывается противоречивой. Особенность этноконфессиональной идентичности народов Дагестана заключается в том, что этническая самоидентификация является по сравнению с конфессиональной более высокой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственно-религиозные отношения в современном Татарстане. – Казань, 2003.

2. Астапов С.Н. Конфессиональная и культурно-традиционная составляющие религиозной идентичности в современном обществе // <http://www.e-religions.net/reports/astapov.htm>

3. Булатов А.О. Российское государство и мусульмане: основные тенденции взаимодействия и стратегии адаптации // *Этно-журнал*. – 2006. – № 12. // <http://www.ethnonet.ru/ru/pub/bulat.html>

4. Гусаева К.Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности: автореф. дисс. ...докт. филос. наук. – Махачкала, 2006.

5. Темирова М.Б. Ислам в современной общественно-политической жизни Дагестана: автореф. дисс. ...канд. философ. наук. – Москва, 2006.

6. Крицкий Е. Религиозный фактор в этно-политической ситуации на Северном Кавказе // *Религия и политика в современной России*. – М., 1997.

7. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М, 2001 // <http://www.kursach.com/biblio/0002003/301.htm>

8. Сабирова Г. Мусульмане Татарстана и Дагестана: идеалы и идентичности // *Другое поле: Социологические практики* / под ред. Е.Л. Омельченко, С.А. Перфильева. – Ульяновск, 2000.

Б.В. Виноградов (Славянск-на-Кубани)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ
«НАЦИОНАЛЬНОЙ» КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО МИРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

На протяжении уже двух с лишним десятилетий Северный Кавказ является регионом социально-политической и идеологической нестабильности. Причем в происхождении ее, наряду с констатациями проявлений общероссийских кризисных тенденций, можно проследить весьма своеобразную местную «органику», корни которой надо искать во временах довольно отдаленных. Следует признать, что горский традиционный уклад, связанное с ним мировоззрение со всеми своими «знаковыми» чертами и проявлениями, так или иначе, из периода местного «позднего средневековья» трансформируясь, но, не изживаясь, перешли в XX, а затем – и в XXI век. Данный уклад, замешанный на вариативном переплетении раннефеодальных и патриархально-родовых отношений, не был полностью разрушен капиталистической, а после – социалистической модернизацией. Кроме прочего, он предполагал (и фактически продолжает подразумевать в настоящее время) выраженные представления о правоте «своего» народа (этнической группы) в конфликтных ситуациях любого свойства. Конечно, при существующем у всех народов условном разделении по принципу «мы – не мы, мы – они » подобные представления вроде бы и не новость, однако северокавказские историко-культурные реалии придали данному привычному противопоставлению специфическое содержание. Явные маскулинные традиции и ценности горских народов (нелишне заметить – изначально стадийно обусловленные, а затем, вплоть до настоящего времени – так или иначе передаваемые из поколения в поколение) создавали и продолжают создавать немалые проблемы сначала складыванию, затем – бытию российского Северного Кавказа. Представляется, что именно они в значительной мере предопределяли столкновения горских этносоциальных сообществ с имперскими властями, а впоследствии – с советской и современной российской властью. Естественно, что «народная память» горцев (а любая память избирательна) в целом позитивно для «своих» народов воспроизводит и трактует данные события и процессы. Любопытно, кстати, что в последнее время с высоких трибун научных конференций раздавались призывы именно эту самую «народную память» сделать основным

критерием истины в исторических исследованиях по проблематике российско-северокавказских взаимоотношений¹.

Так получилось, что идеологическая заданность советской исторической науки большей частью соответствовала запросам горских народов на обоснование собственной правоты, по крайней мере, по отношению к «царизму». Еще на раннем этапе развития советского кавказоведения сформировались идеологически обусловленные, политически конъюнктурные, но соответствовавшие своему времени догматы о колониальной политике царской России и справедливой освободительной борьбе против нее горцев. При этом наличие собственно колониальной практики России на ее «иноэтничных» окраинах оставалось, мягко говоря, не доказанным, а классово выдержанные оценки движений горских народов лишали эти движения внутренней семантики. Конечно, динамика развития советского кавказоведения привела к отказу от наиболее одиозных оценок российско-горского взаимодействия, свойственных для периода «абсолютного зла» в интерпретации последствий присоединения к России «нерусских» народов и территорий. Однако констатации колониальной политики России и народно-освободительной борьбы горцев задержались в советской историографии на целые десятилетия, объективно способствуя выработке у представителей горских народов своеобразного комплекса правоты по отношению к «царской» России. Естественно, что, несмотря на отказ от огульного очернительства дореволюционного прошлого, в советском настоящем и будущем советская власть по-преимуществу видела тот воспитательный потенциал, который необходимо использовать для поддержания стабильности в обществе, в том числе – и межнациональной стабильности. В данном контексте умонастроения горцев – советских граждан по части оценивания «царской» политики в регионе внешне не выходили за рамки официальных идеологем. Однако, правота «своего» народа не может быть надежно сдерживаема какими-то временными рамками и прочими обстоятельствами. Начавшийся в конце 80-х гг. развал Советского Союза обусловил возможность «хронологического расширения» «правоты» горцев по отношению к центральной власти.

Вполне естественно, что противоречия горских народов с советской властью в отечественной историографии вплоть до разгула горбачевской «гласности» преподносились с точки зрения классового подхода, что не противоречило политизированным оценкам деятельности дореволюционной России в отношении горцев. По крайней мере, вне классовой схемы рассмотрения противоречий сторон в советский период практически не производилось.

Данные тенденции определили в свое время преимущественно положительное, во многом комплиментарное историографическое и общест-

---

¹Эта тенденция развивается с конца 1980-х гг. – *Ред.*

венное восприятие движений горцев против «царизма». Региональная историческая наука, комплектуемая в значительной степени «национальными кадрами», развивалась вполне в русле обозначенной традиции. Подобное положение вещей вписывалось в реалии национально-государственного строительства в северокавказских автономиях, где «титульные» народы получали все больше негласных преимуществ в сравнении с остальным населением. Конец 80-х – начало 90-х гг. ознаменовался переломом в традиционной системе координат оценивания российско-горских взаимоотношений. Именно в это время, на наш взгляд, и происходило структурирование сил и идеологием «национальных» историков. И дело здесь не только в фактическом их возврате в 1990-е гг. к постулатам пресловутой концепции «абсолютного зла», характерной для 20-х – 30-х годов и в издании за два десятка лет огромного количества книг и сборников статей (материалов конференций), где в большей или меньшей степени, при наличии определенных подвижек и модификаций, демонизировалась политика России на Северном Кавказе при идеализации жизненных привычек и действий горцев и их стадийного уровня развития [7, 10, 13, 14, 15, 19, 26]. В условиях отсутствия дальнейшей необходимости пиететного отношения к политике в регионе советской власти «центр тяжести» «правоты» горцев по отношению к России перемещается из социально-классовой в чисто этническую плоскость. Несмотря на внешнее следование многими историками региона марксистско-ленинской по сути терминологии и «оценочной шкале», именно этнические приоритеты фактически выходят на первый план в контексте набирающей обороты критики уже и советской власти. Именно такое положение вещей и позволяет нам говорить о «национальном историописании», «национальных историках».

Само словосочетание «национальные историки» требует пояснений. Конечно, каждый российский историк имеет свою национальность, и это не является основанием автоматически нарекать его русским, татарским, чеченским, кабардинским и т.д. «национальным» историком. Однако представляется, что принадлежность к действительно российской, а не национально заикленной исторической науке предполагает исследование отечественной истории без явных или маскируемых этнических пристрастий. «Национальное» же историописание склонно видеть «свои» народы однозначно «максимально древними», сугубо героическими, всегда и во всем правыми во всех конфликтных ситуациях, имевших место за многие столетия [см. об этом: 12, с. 171–182; 17]. Применительно к изучению российско-горских взаимоотношений, данная склонность оборачивается тем, что именно и только Россия (или советская власть) объявляется ответственной за эскалацию напряженности в отношениях с горскими народами, которые «по условию» преподносятся правой и страдающей стороной, практически без недостатков и собственного конфликтного потенциала. «Национальные» историки рассматривают прошлое «своих» народов не

как объект исследования (в том числе, для тех, кто не разделяет их «построений»), а в качестве некой этнической собственности, призванной удовлетворять современные национально-политические амбиции, способствовать националистическому по сути самолюбованию.

Нелишне заметить, что современное «национальное» северокавказское историописание весьма схоже с так называемой «альтернативной историей», следуя постулатам которой «свой» народ тоже подается самым древним, самым развитым, самым правым и т.п. [22, с. 40] Правда, наши региональные «национальные» историки никогда не признаются в своей принадлежности ко столь паранаучному направлению исторической мысли. Напротив, внешне они «исповедают» сугубо научные принципы исследования. Однако выходящие из-под их пера мифологизированные построения, как правило, свидетельствуют об обратном [см. об этом: 6, с. 44–54].

Магистральными направлениями «национального историописания» можно считать всемерное «удревнение» истории «своего» народа, завышение уровня его стадийного развития, и, наконец, представление его правым во все времена. По каждой из этих позиций у «национальных» историков Северного Кавказа есть многочисленные «достижения», активно внедряемые в общественное сознание соответствующих «титовых» народов. Здесь можно вспомнить и односложное выведение происхождения адыгов от носителей Майкопской культуры эпохи бронзы, и выставление урартийцев предками вайнахов, и почти титаническую «борьбу за аланское наследство», как, впрочем, и многое другое, накопившееся за два с лишним последних десятилетия и лежащее зачастую за гранью не только научности, но и элементарного здравого смысла. Нелишне заметить, что склонность к удревнению истории собственного народа есть в настоящее время и у представителей весьма многочисленных этносов, на данном сомнительном поприще отметился даже сатирик Михаил Задорнов, выводя русскую историю чуть ли не с палеолита, причем на полном серьезе... Все это было бы даже забавно, если бы не порождало ряд проблем в современных межнациональных отношениях, не затрудняло бы перспективы объективного исследования этногенеза и этнической истории народов, не стимулировало бы ту «национальную гордость», которая сродни националистическому чванству.

Вторая «позиция» также изобилует всяческими «открытиями», внешне опирающимся на некоторые постулаты советского кавказоведения. Последнее, как известно, следуя формационному подходу к периодизации всемирно-исторического процесса, склонно было так или иначе связывать реалии социально-политического бытия горских средневековых этнических сообществ с феодальной формацией, хотя и задумывалось о немалой специфичности «горского феодализма», в том числе и в контексте зыбкости критериев собственно европейского феодализма [9, с. 8–23]. Теперь же ряд «национальных» историков, игнорируя общеизвестные (по крайней мере для средневековой Европы) признаки сложившегося феода-

лизма, заявляет о наличии у адыгов и народов Дагестана в XVI – начале XIX века сложившихся феодальных отношений, феодальной раздробленности и т.п. [1, с. 32–34; 20, с. 145; 23, с. 141–147; 24]. Особенно симптоматичны поиски А.Ю. Чиргом в племенной по сути организации западных адыгов признаков сословно-представительной монархии [25, с. 52] и выведение В.Х. Кажаровым некой «вотчины-общины» в качестве основной единицы сложившегося адыгского феодального общества [15, с. 50–178]. В.Х. Кажаров, кроме того, находит в Кабарде конца XVIII – начала XIX века какие-то признаки высшей законодательной и исполнительной власти [15, с. 231]. «Шедевром в своем классе» являются разговоры (хотя, быть может, кто-то уже и «застолбил» это в виде историографической оценки...) о наличии парламентаризма у адыгов до их интеграции в российскую государственно-правовую систему. Видимо то, что парламентаризм есть явление, характерное для буржуазного общества и правового государства, ничуть не смущает радетелей подобной «национальной гордости». Не менее впечатляюще звучат утверждения современного чеченского историка Ш.Б. Ахмадова о наличии феодальной раздробленности уже и в позднесредневековой Чечне [2, с. 3, 210, 234, 238], при том условии, что там можно констатировать (несмотря на нынешние бездоказательные умствования на сей счет) лишь начало складывания раннефеодальных отношений при явном доминировании патриархально-родового уклада.

Весьма показательно, что комплиментарное оценивание стадийного уровня «своих» народов «органично» взаимосвязано у «национальных» историков с оценкой характера и особенностей российско-горского взаимодействия. Ведь «констатации» сложившегося феодализма, наличия государственности призваны, кроме прочего, искусственно сблизить социально-политические, культурные и другие значимые характеристики сторон данного взаимодействия, одновременно «замазав» тот конфликтный потенциал горских сообществ, который вытекал из действительных реалий их бытия. Таким образом, получается весьма удобным уже в новой «редакции» обвинять именно российские власти в эскалации напряженности на Северном Кавказе: в колониальной экспансии, карательных экспедициях, захвате горских земель, ликвидации самостоятельной государственности горцев (которая есть специальный продукт исторического мифотворчества «национальных» историков Кабарды, Адыгеи и Дагестана...) и т.п.

Между тем, практическое отрицание какой-либо ответственности «своих» народов за те или иные конфликтные факторы и обстоятельства весьма не безопасно. Оно предполагает формирование соответствующей традиции в общественном сознании на все времена, культивирование националистического самолюбования, вседозволенности и безнаказанности. Зато «национальное историописание» вполне отражает интересы правящих в северокавказских субъектах РФ этнократических элит «титовых» народов. Правда, довольно несложно проследить взаимосвязь антироссий-

ских по сути своей исторических опусов с зарождением и развитием этно-сепаратистских и религиозноэкстремистских движений на Северном Кавказе. Та же самая печально знаменитая «Чеченская революция» имела своей прелюдией ряд антироссийских и антисоветских националистических «исторических реконструкций», да и собственно при режиме Джохара Дудаева их вполне хватало, теперь уже на официальном уровне [18, с. 177 – 179]. Взаимосвязанность огромного количества изданных за последние два десятилетия в Кабардино-Балкарии трудов, обличающих «российскую колониальную экспансию» с успехами местного бандподполья также бросается в глаза. Безудержная идеализация в современном Дагестане анти-российского движения под руководством Шамиля [10] на наш взгляд, также вполне состыкуется с существованием там неконтролируемых официальными властями республики ваххабитских анклавов (в том числе – в ауле Гимры, на родине Шамиля). Однако все это почему-то не мешает продолжению издания за счет средств федерального бюджета этноцентричной, антироссийской по сути своей, продукции и в Дагестане, и в Чечне, и в Кабардино-Балкарии, и в Адыгее. Видимо, местные этнократические элиты получают в обмен на проявление внешней лояльности к федеральному центру соответствующие преференции для поддержания на «должном» уровне однозначно положительной этнической идентификации титульных народов. А зря! Между тем, основные «выкладки» «национального» историописания и сегодня вполне пригодны для использования откровенно сепаратистскими силами, чья собственная антироссийская риторика не отличается, заметим, особой оригинальностью.

Естественно, что не для всех историков северокавказских субъектов РФ характерны этноцентричная заикленность и стремление списать на российскую и советскую власть происхождение всех конфликтных ситуаций в регионе. Так, например, позитивно отличаются исследования ряда осетинских историков, достаточно здесь вспомнить знаковые фундаментальные труды М.М. Блиева [4, 5], которые до сих пор вызывают болезненную реакцию некоторых «оппонентов» в Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее. Чрезвычайно интересны и интегративны по своей сущности работы З.Б. Кипкеевой [16], Н.Н. Гаруновой [8]. В последнее время увидели свет в качестве диссертаций довольно взвешенные исследования по истории российско-чеченских взаимоотношений в конце XVIII - начале XIX в., положению в Чеченской Республике в последние два десятилетия [3, 11, 21]. И данное перечисление можно было бы продолжить. Однако полагаем, что здесь существует специфическая проблема: очень легко и одновременно весьма нелестно получить ярлык плохого чеченца, кабардинца, аврца и т.д. на основании обусловленного профессионализмом неприятия однозначно героической, комплиментарной и насыщенной «правотой по этническому признаку» истории собственного народа. А ведь именно такая «история» яв-

ляется сегодня условием для амбициозных попыток создания однозначно положительной этнической идентификации горских народов.

Представляется, что совсем не обязательно толерантно, по нынешней моде на «политкорректность», относиться к современным этнополитическим амбициям, развернутым в «историческую плоскость». Нелишне, кстати, заметить, что толерантность в нынешнем ее понимании предусматривает сходную или, по крайней мере, взаимоприемлемую направленность умонастроений сторон этнокультурного взаимодействия. Между тем, «национальные» историки, этнократические региональные элиты и неформальные общественные объединения этноцентричного толка, распространяющие в массовом сознании «своих» народов националистические по сути своей ценности, стремятся позиционировать собственные воззрения в качестве исторической истины в последней инстанции и весьма нетерпимо, а нередко и просто агрессивно относятся к своим оппонентам, что не очень-то ассоциируется с принципами толерантности. Объективно подобные амбиции представляют угрозу для территориальной целостности Российской Федерации, для межнационального мира на российском Северном Кавказе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX вв. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006.
2. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII - начале XIX века (Очерки социально-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). – Элиста: АПП «Джангар», 2002.
3. Бадаева Л.А. Социально-экономическое развитие и политические взаимоотношения народов Северо-Восточного Кавказа с Россией (1774 – 1813гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2009.
4. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Росет, 1994.
5. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Наука, 2004.
6. Виноградов Б.В., Клочков О.Б. К проблеме мифологизированных построений в современном научном кавказоведении // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – II. – Пятигорск, 2009. – С. 44–54.
7. Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2008.
8. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007.
9. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. – Т. 1. – Владикавказ: Ир, 2007.
10. Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006.
11. Дикаев В.Р. Чеченская Республика в 90-е годы XX в.: особенности политического и социально-экономического развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2009.

12. Захаров В.А., Арешев А.Г. Кавказ после 08. 08. 08: старые игроки в новой расстановке сил. – М.: Издательство «Квадрига», 2010.
13. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007.
14. История многовековых взаимоотношений и единения Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009.
15. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII - первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-фа, 1994.
16. Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М.: Изд-во Ипполитова, 2006.
17. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ: Ир, 2000.
18. Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. - М.: ИГ-ПИ, 2010.
19. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20 – 50-х годах XIX в. Материалы всесоюзной научной конференции 20 – 22 июня 1989 г. – Махачкала, 1994.
20. Нурова С.М., Агларов М.А., Эльдаров Э.М. О системе общественного самоуправления в досоветском Дагестане // Труды Географического общества Дагестана. – Махачкала, 1998. Вып. XXVI. – С. 145 – 160.
21. Осмаев А.Д. Общественно-политическая и повседневная жизнь Чеченской Республики в 1996 – 2005 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2010.
22. Основные этапы всемирной истории / Под. ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. – Армавир: Графа, 2009.
23. Панеш А.Д. Общественно-политическое развитие западных адыгов в 30 – 40-х гг. XIX в. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 5. – Майкоп, 2002. – С. 141 – 147;
24. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII - 60-е гг. XIX в.). – Майкоп: Меоты, 2002.
25. Чирг А.Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой трети XIX в. // Информационно-аналитический вестник. – Майкоп, 2003. – Вып. 6.7. – С.52 – 63.
26. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджен Б.Е. Земля адыгов. – Майкоп: Меоты, 2004.

В.В. Добровольский (Ставрополь)

О РОЛИ КАЗАЧЬИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Вопрос о восстановлении в социально-политической системе Северного Кавказа казачьих общественных объединений и их участия в противодействии экстремизму может рассматриваться только с учетом кон-

кретных исторических условий, влияние которых на общество, в свою очередь, обусловлено общегосударственными, региональными и местными социальными, политическими, экономическими и иными факторами.

Среди основных причин формирования, развития и политизации общественных объединений на Северном Кавказе во второй половине 1980-х годов - и первой половине 1990-х годов выделяется долгосрочный системный кризис советской политической системы, вызвавший нарастание защитных реакций в национальном сознании коренных народов, проявляющееся в их стремление к суверенизации - выходу из состава ослабшего унитарного Советского Союза для создания самостоятельных национальных государств, способных обеспечивать решение актуальные социально-экономических и других проблем коренных народов. При этом термин "коренные народы" неправомерно использовался для обозначения лишь титульных этнических групп, обоснования их территориальных и других претензий к другим народам, проживающим в регионе более 100 лет и закономерно считающихся "коренными". Легко определяемые этнические признаки "коренных" и "некоренных" народов применялись для сепарации сограждан на "своих" и "чужих", что вызывало рост напряженности в межэтнических отношениях, усиливало сопротивление этнических групп и общественных объединений, выражающих их интересы. Противоправные действия националистических общественных объединений, имеют признаки экстремизма, под которым, в широком смысле, понимается деятельность, осуществляемая методами, нарушающими законодательство.

Наглядные примеры экстремизма в 1990-х годах демонстрировали националистические организации. Они претендовали на полную политическую власть в регионе, проводили "этнические мобилизации" для вытеснение из региона "инородцев" и "иноверцев", которые выступали против сепаратистских замыслов отделения Северного Кавказа от России и развала Российской Федерации на множество суверенных государств.

Слабая государственная власть в 1990-х годах допустила "парад суверенитетов", поэтому для сохранения единого государства объективно требовались консолидирующие действия гражданского общества. Среди его акторов в конце 1980-х годов стали выделяться казачьи общества, самостоятельно организованные потомками казаков в местах их традиционного проживания.

Духовное и организационное возрождение казачества во второй половине 1980-х годов - первой половине 1990-х годов стало закономерной реакцией наиболее активной части русскоязычного населения (не только этнических русских, но и иных представителей нетитульных народов) на деструктивные действия националистов и сепаратистов, которые в начале 1990-х годов стали оформляться в незаконные вооруженные формирования. Казачество стало своеобразным буфером, который значительно смягчил удары националистов по основам российской государственности. В

такой обстановке, в марте 1990 г. была учреждена общественная организация "Терское казачество", которая провозгласила цели объединения всех терских казаков Северного Кавказа для защиты конституционных прав законопослушного населения региона. К началу 1991 г. казачьи организации Терка и Сунжи насчитывали около 500 тыс. членов. Они организовывали военизированные подразделения, вооруженные гладкоствольным охотничьим оружием, создавали отряды местной самообороны для защиты казачьих станиц и иных поселений от бандитских группировок и иных незаконных вооруженных формирований местных националистов, агрессивные действия которых против казаков и других представителей "некоренных народов" приобретали характер террора и геноцида на территориях Чечни, Ингушетии, Осетии и других республик. Конфедерация горских народов объявляла казаков своими основными врагами и принимала репрессивные меры по отношению к ним. Так, 7 апреля 1991 г. в пос. Карабулак ЧИ АССР был убит один из самых активных организаторов терского казачества атаман Сунженского отдела А.И. Подколзин, а в ночь с 28 на 29 апреля 1991 г. многочисленная банда хорошо вооруженных националистов напала на станицу Троицкую. За время десятичасового погрома были убиты 5 человек, ранены 53 человека, сожжены 4 жилых дома, автомашины, разграблено имущество, совершены многочисленные акты насилия над гражданами.

Террор националистов вызвал массовый исход русскоязычного населения из республик Северного Кавказа: до конца 1991 года около 500 семей выехало из станиц Сунженского района. В последующие годы поток беженцев и вынужденных переселенцев из Чечни и Ингушетии усиливался. За 1992-2000 гг. количество русских в этих республиках уменьшилась в 10 раз - с 400 до 40 тыс. человек.

«Негорское» население притеснялось и в других республиках, вследствие чего в те годы через Ставрополье мигрировало около 1 млн. беженцев и вынужденных переселенцев и было зарегистрировано прибытие в край на постоянное жительство более 280 тыс. беженцев и вынужденных [1].

Для усиления влияния на региональный политический процесс в феврале 1992 г. объединение "Терское казачество" реорганизовывалось в межрегиональную организацию "Терское казачье войско". Его целью провозглашалось возрождения терского казачества в исторических местах его жизнедеятельности. Но относительная малочисленность казачьих объединений, в которых насчитывалось менее 5 процентов от общей численности населения региона, не позволяла казакам самостоятельно противостоять разгулу националистов. Поэтому в 1993 году терцы поддержали объединение казачьих обществ Северного Кавказа в межрегиональную общественно-политическую организацию "Кавказское линейное казачество" (впоследствии переименована в "Кавказское линейное казачье войско" - КЛКВ), уставной целью которой было «объединение казачьих организаций Северного Кавказа в единую общественно-политическую и экономическую структуру для совместной деятель-

ности, восстановления и сохранения казачества как этнической формации, имеющей равные права на самовыражение, наряду с другими народами в этом регионе. Восстановление казачьих традиций, культуры, истории с учетом современных условий, пропаганда обычаев, праздников, обрядов казачества, их традиционного быта..., реализация и защита гражданских (политических, экономических, культурных) прав и свобод казаков» [2].

В КЛКВ входили казачьи общества Ставропольского края, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Чечни, насчитывавшие около 300 тыс. членов [3], что создавало предпосылки для влияния КЛКВ на общественно-политический процесс в регионе. Однако, реформа государственно-казачьих отношений, проводившаяся во исполнение Указа Президента России от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» [4] и других политико-правовых документов [5], ослабила межрегиональные связи казачьих обществ Северного Кавказа и привела к роспуску КЛКВ. При этом усиливалась зависимость казачьих объединений от характера отношения к ним региональной и местной политической элиты субъектов Российской Федерации. Так, казачьи общества Ростовской области и Краснодарского края получают от государственных органов поддержку, которая во много раз больше, чем в других регионах Юга России.

Несмотря на эти обстоятельства, значительная часть казачьих обществ из предгорной зоны Северного Кавказа, провела реорганизацию и была включена в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации в составе Терского войскового казачьего общества, Кубанского войскового казачьего общества и войскового казачьего общества «Все-великое войско Донское».

Реализуя возможности, предоставленные законодательством «реестровым» казачьим обществам, в 1996 г. казаки сформировали 694-ый отдельный мотострелковый казачий батальон им. генерала А.П. Ермолова, который участвовал в восстановлении конституционного порядка в Чечне. Кроме того, казаки Терского войскового казачьего общества сформировали две комендантские роты Внутренних войск МВД России и две отдельные мотострелковые роты Министерства обороны РФ, выполнявшие комендантские функции в Наурском и Шелковском районах Чечни. После прекращения активных боевых действий эти воинские части расформировывались.

Положительный опыт участия казаков в стабилизации социальных отношений, охране правопорядка накоплен в Краснодарском крае, Ростовской и Волгоградской областях, где созданы муниципальные казачьи дружины, которые получили от органов местного самоуправления полномочия и ресурсы для охраны общественного порядка [6]. В Ростовской области, например, правоохранительную работу ведут 54 муниципальные казачьи дружины численностью более 1100 человек и 7 конных взводов, насчитывающих 145 казаков. Их деятельность положительно сказывается

на оперативной обстановке в области. Но в других регионах казачьи общества занимаются правоохранительной деятельностью только эпизодически, как правило, в дни церковных праздников. Так, несмотря на то, что согласно закону Ставропольского края от 18 декабря 2007 г. № 69-КЗ «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» [7] для казачьих обществ предоставлены дополнительные права и полномочия на участие в правоохранительной деятельности, казачьи общества заключили с правоохранительными органами и органами местного самоуправления только 16 договоров о сотрудничестве в охране правопорядка.

Очевидно, дальнейшее изучение опыта и перспектив участия казаков в охране региональной безопасности и общественного порядка позволит точнее определять реальный правоохранительный потенциал казачества, перспективы его использования для решения проблем противодействия различным проявлениям экстремизма на Северном Кавказе и в других регионах России. Для этого правоохранительные и иные государственные органы должны налаживать взаимовыгодное сотрудничество с казачьими формированиями в соответствии с Концепцией государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества [8], реально обеспечить социальные гарантии казакам, участвующим в правоохранительной деятельности, решить весь комплекс вопросов материально-технического оснащения муниципальных казачьих дружин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Изменение основных демографических характеристик Ставропольского края за 1989-1999 гг. Стат. сборник. – Ставрополь, 2000. – С.62.

2. Ведомственный архив правительства Ставропольского края (ВАПСК), оп. 1, д. 154, л.2-3.

3. ВАПСК, оп. 1, д. 222, л. 10.

4. Указ Президента России от 9 авг. 1995 г. № 835 "О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. Ст. 3559.

5. Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 563 "О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной или иной службе" // Российская газета. – 1996. – 24 апр.

6. Закон Ростовской области от 16 сент. 1999 г. № 47-ЗС "О муниципальных казачьих дружинах" // Наше время. – 1999. – № 188-189. – 8 окт.; Закон Волгоградской области от 25 сент. 2000 г. № 41-ОД "О муниципальных казачьих дружинах на территории Волгоградской области" // Волгоградская правда. – 2000. – № 188. – 10 окт.; Закон Краснодарского края от 5 нояб. 2002 г. № 539-КЗ "О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска в Краснодарском крае" // Кубанские новости. – 2002. – № 258. – 4 дек. и др.

7. Закон Ставропольского края от 18.12.2007 г. № 69-кз "Об участии граждан в обеспечении охраны общественного порядка"// URL:[http/ /www.dumask/ledislation/regional/zakony/2007/12200](http://www.dumask/ledislation/regional/zakony/2007/12200) (обращение 15.03.2011 г.)

8. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. Утверждена Президентом Российской Федерации 2 июля 2008 г. Пр-1355 // URL: <http://www.kremlin.ru> (обращение 20.03.2011 г.).

С.Л. Дударев (Армавир)

ТРАДИЦИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Начало III тысячелетия нашей эры связано с подъемом стран Востока, в том числе, стран ислама. Мусульманство играет в современном мире все возрастающую роль. Это одна из наиболее крупных и динамично развивающихся конфессий, как зарубежья, так и России (всего в мире насчитывается около 1.300.000 млн. мусульман, в том числе в России более 20 млн.). Религия ислама является очень важным компонентом не только духовной жизни многих людей нашего времени, в том числе, россиян, но и крайне важным фактором мировой политики. Как пишет отечественный исламовед Ю.Г. Петраш, в сегодняшнем мире ислам у всех на слуху, но понимание его неоднозначно – от абсолютизации до исламофобии, т.е. страха перед ним как угрозой современной цивилизации. Поэтому необходимо донести до людей подлинную правду об этой мировой религии. Прекрасно известно, что экстремизм, который часто упоминается вместе с понятием «исламский» (в том числе, *ваххабизм*), является одной из весьма существенных составляющих международной политической жизни, внося в нее опасную дестабилизацию. Однако несправедливо все представления об исламском мире сводить к проблеме терроризма, как и увязывать терроризм с исламом в целом, что порой случается сейчас. Нельзя не согласиться с муфтием Равилем Гайнутдином, Председателем духовного управления мусульман Европейской части России, который говорит о некорректности понятия «исламский», или «религиозный» экстремизм, когда сам факт увязывания преступления с религией, отмечая, что это прямое оскорбление чувств и убеждений миллионов наших и зарубежных граждан, а значит и их конституционных прав [ср.: 1]. Невозможно, подобно великому Данте, поместившему пророка ислама Мухаммада в самый страшный круг Ада вместе с разного рода отщепенцами: смутьянами и бунтовщиками, предавать, тем самым, эту конфессию анафеме. Достойны осуждения недавние случаи, имевшие место в ряде стран Запада, когда там были опубликованы карикатуры на пророка ислама Мухаммада. Бурю

возмущения в мусульманских странах вызвал фильм «Невиновность мусульман», содержащий высказывания, порочащие пророка. Протесты сопровождались погромами и убийствами. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун осудил появление фильма, предположив, что он был «преднамеренно нацелен на разжигание нетерпимости и кровопролития» [1a]. Недавно в США имел место прецедент, обошедший весь мир, когда два пастора публично сожгли Коран. Еще более вызывающий поступок совершили американские военные, которые в конце февраля 2012 г. на своей базе в Баграме (Афганистан) сожгли ряд религиозных книг, и в том числе четыре копии Корана, что спровоцировало террористический акт с человеческими жертвами [2]. С другой стороны, нельзя умолчать о том, что в исламском мире имеют место карикатуры на Папу Римского и передачи негативного содержания о христианских и иудейских святынях. В ряде мусульманских стран христианство запрещено, в Саудовской Аравии, Пакистане, Ираке, Йемене, Афганистане, Нигерии, даже Индии известны случаи гонений на христиан [3], подрывов христианских центров и уничтожения членов христианских общин, убийств миссионеров [4]. Не менее 20 христиан в Пакистане ежедневно переходят в ислам в атмосфере резкой нетерпимости к этой религии [5]. Непростая обстановка в этом смысле существует в некоторых субъектах Российской Федерации, где идет распространение ислама фундаменталистского толка. Дело дошло до того, что под флагом борьбы с «советским язычеством» некоторые «ревнителю ислама» стремятся отменить Новый год [6].

Такие факты ведут к обострению политической ситуации в современном мире и России, способствуют радикализации чувств верующих. Задача нашей работы заключается в том, чтобы продемонстрировать то, что в исламе еще с момента его возникновения и распространения были механизмы, которые регулировали отношения между представителями различных конфессий, способствуя их мирному, в целом, проживанию друг с другом. Традиции мусульманской терпимости продолжают существовать и настоящее время, способствуя, несмотря на известные проявления негатива в межконфессиональных и межэтнических отношениях, удержанию стабильности и межнационального мира в России и во всем мире.

В лекционном курсе истории средних веков, читаемом нами на историческом факультете АГПА, в соответствии с действующим Госстандартом, присутствует тема «Мусульманская культура и мусульманский Ренессанс в средневековье». Термину «Ренессанс» (Renaissance), т.е. Возрождение, традиционно придавался смысл как подъему культуры после долгих средних веков в Западной Европе, особенно в Италии. Как следует его понимать в данном случае? Арабы, придя в завоеванные ими страны Востока и Запада, сумели воспользоваться теми достижениями культуры, которые существовали до них, в том числе, культуры античного мира, отчасти забытой в то время, придали им новое дыхание, а в ряде случаев да-

же открыли для Европы произведения тех или иных античных авторов и т.п. Как писал известный российский исламский исследователь Гайдар Баммат, «Византия и Багдад дополняли друг друга. Они смутно чувствовали себя солидарными в создании культуры. Не в этом ли был скрыт клад знаний? Между тем, как остальная часть мира была погружена в варварство, они восприняли и творчески развивали наследие античной культуры» [7, с.77]. Не нужно удивляться тому, что ученый указывал на едва ли не единство византийской (православной) и мусульманской культур. Скажем больше. О. Шпенглер («Закат Европы», 1918) выделял, со своей стороны, арабо-византийскую культуру. Это не случайно. Арабская культура – это *синтетическое образование*. Арабы оказались талантливыми учениками и сумели из множества традиций, существовавших до них, создать оригинальный сплав, представший перед миром в виде арабской, мусульманской культуры. Важно заметить, что, как и в области общественной жизни, ислам оказался тем цементирующим, синтезирующим фактором, который способствовал возникновению нового культурного образования. Появившись на свет, ислам оказался знаменем борьбы арабов, а затем и других мусульманских народов за свое жизненное пространство. Однако показательно, что при жесткости догматов ислама и взгляде Мухаммада на свою проповедь, как на восстановление древней истины, искаженной еврейскими и христианскими пророками, очень существенно то, что ислам не отбросил много того, что досталось ему из наследия «неверных». Как писал известный историк Анри Пиренн, «арабы в науке следовали греческой школе, в искусстве – персидской. После завоевания они берут как добычу науку и искусство неверных... они развивают их во имя Аллаха» [8, с.76]. В этом смысле мусульмане оказались куда более прилежными учениками античной древности, чем христиане, которые начали с того, что стали крушить античные достижения – ведь скоро и так должен был наступить конец света, так зачем было дорожить успехами государственности, материальной и духовной культуры «язычников»?! Ислам проявил здесь гибкость и известную *толерантность*. Примечательны в этом смысле наставления халифа № 1 Абу-Бакра: «Не притесняйте народы, не провоцируйте их напрасно. Будьте добрыми и справедливыми, успех будет вам вознаграждением. Когда вы встретите противника, атакуйте его смело, если вы выйдете победителем из боя, не убивайте ни женщин, ни детей, бережно обращайтесь с полями и домами, если вы заключите договор, соблюдайте его условия. В христианских странах вы встретите на вашем пути людей набожных, которые служат богу в церквях и монастырях не притесняйте их, не разрушайте ни их церкви, ни их монастыри» [9, с.72]. Следует принять во внимание, что толерантность мусульман, прежде всего, относилась к тем, кто согласно Корану считался «людьми Писания» (*ахл ал-китаб*, или *китаби*) или приравнивались к таковым. Ими были первоначально иудеи, христиане (*ахл ат-талис*, или «Люди Троицы»), а позднее стали

зороастрийцы и т.н. сабии [10]. Они являлись «людьми договора» (*ахл аз-зимма/дхимма*, или *зимми*). Они могли сохранять свою веру, следовать своим религиозным обрядам, жениться, разводиться, наследовать имущество на основе своих правовых норм, но на определенных условиях.

Мусульмане многое переняли у завоеванных ими христиан Востока. Еще не имея собственной столь развитой культуры, завоеватели нуждались в образованных иноверцах, среди которых христианам принадлежало первое место (христиане и зороастрийцы, в отличие от арабов, в силу своего воспитания, например, владели другими языками). Иными словами, восточные христиане послужили арабам-мусульманам мощным культурным субстратом в создании будущей исламской культуры.

Положение христиан под властью мусульман, особенно в первое время, было достаточно терпимым. Характерно уже то, что когда Иерусалим был, после 4-х месячной осады, сдан патриархом Софронием лично халифу Омару, последний дал гарантию безопасности жителей и уважения к церквям и святым местам, что и было выполнено. Сравним, что при взятии Иерусалима крестоносцами в 1099 г. погибло, по более поздним данным, от 70 до 100 тыс. чел. По трагической иронии судьбы только в одной мечети халифа Омара было уничтожено 10 тыс. чел. [11, с.109] (Ибн ал-Асир сообщал, что там погибло 70 тыс. человек [12, с.81]).

Из Египта, Сирии и Месопотамии в первые века ислама вышел ряд выдающихся представителей науки и литературы, греческой и сирийской (например, Иаков Эдесский /ок.640-708/, которого применительно к сирийской церкви сравнивают со св. Иеронимом). Берега Евфрата снова, как в древности, стали мировым культурным центром. Кроме христианских высших школ здесь были еврейские и манихейские [13]. Интересно, что для религиозной пропаганды представители этих учений в то время не меньше, чем сами мусульмане, сумели воспользоваться расширением торговых связей после образования мировой державы - Арабского халифата. Христиане, манихеи и иудеи сумели проникнуть в Китай и Монголию, христиане и иудеи – на Кавказ и берега Волги (иудеями стали хазары). Впрочем, сами арабы, конечно, тоже не отставали. Известно, что с VIII в. в Кантоне (Китай) существует мечеть [14]. Вообще, создание Арабского халифата, раскинувшегося от Португалии до Ферганы, и имевшего единую религию, мощную инфраструктуру в виде охраняемых караванных путей и т.п., привело к мощному втягиванию в историко-культурные процессы самых отдаленных уголков арабского мира, усиление взаимодействия между которыми и привело к мощному подъему культурного творчества в тех или иных регионах. Большинство представителей ученого мира халифата не были этническими арабами, что заметил еще в средневековье знаменитый историк Ибн Халдун. Христиане долгое время сохраняли свои храмы, и как утверждал академик В.В. Бартольд, беспрепятственно строили новые церкви и монастыри. На всем огромном пространстве халифата

упоминаются богатые христианские обители, за которыми сохранялось их недвижимое имущество. Христиане халифата имели постоянные связи с христианским миром и принимали оттуда пожертвования; на Константинопольском соборе 680-681 гг. был и представитель Иерусалима. В тесном общении между собой находились и христиане различных областей халифата. Так называемый же договор Омара, по которому христиане будто бы обязались не строить новых церквей и не ремонтировать старых, (а также предусматривал ряд неприятных ограничений и условий для христиан; его текст можно, например, прочитать в работе Альбера Шамдора [15, с.181-182]) был придуман, по мнению авторитетного ученого, гораздо позже [16, с.21].

Со второй половины VIII в. христиане способствовали изучению греческой науки мусульманами благодаря связям, существовавшим с Византией, как на уровне двора халифа, так и отдельных частных лиц. В то же время, мусульмане могли учиться у христиан и независимо от контактов с Византией, в тех христианских школах, которые сохранились здесь после арабского завоевания. Шел интенсивный культурный обмен, когда христианин мог быть учителем мусульманина, и наоборот. В течение 200-300 лет христиане были еще более продвинутыми в области образования, чем арабы, одевались, как знатные мусульмане, прежде всего те, кто занимал должности в госаппарате. Большое влияние в халифате имели и отдельные представители иудейской конфессии в качестве администраторов, но особенно менял и банкиров. Это вызывало, порой, поэтические сатиры [17], проявления национализма со стороны арабов и гонения на иноверцев. Постепенно, по мере уменьшения зависимости мусульман от христиан в культурной области положение христиан, особенно с первой половины IX в., в мусульманских государствах ухудшается. Они теряют свое культурное первенство, мусульмане начинают их обгонять и оттеснять на задний план, выдвигая целую плеяду выдающихся деятелей культуры. Церковь постепенно теряла свою недвижимую собственность.

Несмотря на определенную терпимость, прежде всего в начальный период арабского господства, в халифате, как отмечает Л.С. Васильев, шла неуклонная политика *исламизации* [18, с.268]. При этом для «людей Писания» в завоеванных областях Византии и Ирана, ислам вовсе не был чуждым в принципе. Он является такой же монотеистической религией, как иудаизм и христианство и предполагает веру в единого великого Бога – олицетворение добра и справедливости, для него нет разделения на расы и нации (но, правда, внутри самого ислама; то же относится к христианству: «нет ни иудея, ни эллина»). Недаром в 1076 г. римский папа Григорий VII в письме к одному алжирскому князьку заявил, что *«мы и вы веруем в одного бога, хотя и разными способами»*. Более того, пророк Мухаммад неоднократно заявлял, что он пришел не для того, чтобы создать новую религию, а чтобы возродить и пропагандировать на арабском языке рели-

гию Авраама, Моисея, и Иисуса [19]. В связи с этим вхождение в лоно ислама не было столь уж болезненным для новообращенных («Скажите: мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. **Наш и ваш Бог един, ему предаемся**» (К.29:45:46).

Немаловажно и то, что многие мечети строились на местах старых храмов или руинах древних дворцов. По сведениям Ал-Масуди, многие храмы огнепоклонников в Иране стали использоваться в качестве мечетей. В Сирии и Палестине многие церкви были также превращены в мечети (подобное произошло и при османах на территории бывшей Византии). Это был хорошо продуманный ход – прежняя харизма «святости места» должна была постепенно, незаметно перейти на объект новой религии [20].

Впрочем, некоторые исламские авторы, указывая на родство учения ислама с верованиями «людей Писания» как стимул для их симпатий к этому вероисповеданию, все же не скрывают того, что «часть халифов препятствовала «людям Писания» в реставрации храмов, им запрещали заниматься рядом важных дел и предписывали носить одежду, имеющую отличительные знаки [21]. Некоторые халифы вынуждали «людей Писания» к принятию ислама, а в ряде случаев провоцировали мусульман к насилию над ними. Однако подобные события случались достаточно редко и были непродолжительными» [22, с.5]. Видимо, здесь имеется, в частности, в виду, обращение с христианским населением и его святынями пресловутого халифа Хакима, разрушившего Храм Гроба Господня и развернувшего бесчинства против египетских христиан [23, с.17-18; 24]. Вспышки насилия над христианами в исламском мире, по оценкам европейских авторов, время от времени действительно имели место (порой это делалось в ответ на византийские завоевания), но «всех этих случаев очень мало для необъятных просторов Востока» (А. Мец). Интересна ситуация, возникшая в Индии в момент распространения там ислама в XII-XIII вв. Здесь насильственные методы обращения в ислам применялись, но, как правило, лишь к местным феодалам, что должно было служить для них символом признания своего вассального статуса, и открывало путь к занятию должностей в войске и госаппарате. Подданные же их могли сохранять религию предков. Но ислам здесь распространялся и среди рядового населения. Дело в том, что представители низших индийских каст связывали с принятием ислама мечты об избавлении от сословно-кастового угнетения (как однажды сказал халиф Омар: «Таков закон ислама, для него не существует ни привилегий, ни касты. Все мусульмане равны в глазах пророка, как и в глазах его преемников»). И еще одна примечательная деталь. Наибольшее число приверженцев в Индии завоевал ханифитский мазхаб (учение или религиозно-правовой толк), отличавшийся относительной терпимостью и гибкостью среди четырех правоверных суннитских мазхабов, сложившихся на Арабском Востоке в VIII-IX вв. Ханифитский мазхаб и ныне наиболее распространен в мире (например, на Северо-Западном Кавказе, среди адыгов). В

частности, в нём определение наказаний было менее суровым и присутствовало лояльное отношение к немусульманам. Примечательно, что многоэтническое Османское государство также строилось еще с XIII в. на основе ханифитского мазхаба. Здесь в ислам чаще всего переходили те христиане, которые в результате военных действий оказывались вынужденными покинуть прежние места обитания и обустроиваться на новых землях, потеряв не только имущество, но и утратив старые духовные ценности. Охотно переходили в ислам и последователи еретических христианских учений, например, богомилы. Иными словами, в ислам переходили маргинальные слои населения. Опыт Османской империи по устройству межконфессиональных отношений (миллетная система) весьма репрезентативен для мусульманского Востока сам по себе и нуждается в дальнейшем изучении. Некоторые авторы отмечают, что создание миллетной системы было результатом того, что исламское государство отказалось от проведения внутри страны политики исламизации. Исламизация шла, но политики исламизации, по их мнению, не было [25, с.40-42].

С другой стороны, исламизацию стимулировала экономическая политика первых халифов. Те, кто принял ислам, платили в казну халифата лишь десятину – ушр (а сами завоеватели-арабы долгое время вообще были свободны от уплаты налога с земли), в то время как немусульмане-зимми платили тяжелый поземельный налог харадж, составлявший от одной до двух третей урожая, и подушную подать джизью (джизию) [26]. Как говорил один из средневековых исламских правоведов, Хасан аль-Басри, «они платят нам джизью, чтобы жить по своей вере». В новейшее время джизья была упразднена и заменена обычными государственными налогами.

Исламизации сопутствовала энергичная *арабизация*, которая шла тем успешнее, чем ближе в этнолингвистическом отношении покоренные народы были близки завоевателям (арамейское население Сирии и Ирака). Знание арабского языка, к тому же, давало многочисленные преимущества. Арабский стал языком межэтнического общения, и овладение им давало возможность успешно заниматься торговлей, ростовщичеством, продвигаться по службе и т.д. Приобщение к арабскому языку служило распространению арабо-исламской культуры, поскольку он со временем стал единственным в сфере науки, образования, литературы, философии и т.д.

Таким образом, указанные факторы - ислам и арабский язык - стали интегрирующими для многих народов в процессе создания новой культуры, способствовали этнолингвистическим контактам и лучшему узнаванию друг друга.

Сближению мусульман и христиан способствовали и популярные праздники. Мусульмане справляли не только собственные, но также и все христианские, так как они были отражением старинных обычаев той или иной страны, традиций местной доисламской земледельческой культуры. Таким было, например, вербное воскресенье. Вероятно, это был древний

праздник дерева, причем оливкового (в Египте он так и назывался «праздник оливы»). Или, скажем, страстной четверг в Египте называли «чечевичным четвергом», так как в этот день повсюду ели популярную чечевицу. И христиане, и мусульмане одинаково справляли праздник солнцеворота, который у христиан совпадал с Рождеством (25 декабря). Таким же совместным был праздник Крещения в Египте, причем в воду погружались и христиане и мусульмане, так как большинство людей считало, что это оберегает их от болезни (в этом явлении сказывался древнейший культ вод, культ Нила). Несомненно, что наличие общих, доисламских культурных традиций у оседлого населения Востока способствовало совместному толерантному проживанию в средние века и христиан, и тех, кто принял мусульманство.

Немаловажную роль в деле утверждения терпимости к иноверам сыграли и некоторые выдающиеся деятели суфизма (мистико-аскетического течения в исламе, оказавшего громадное влияние на культуру мусульман), например, такие, как поэт Джелаладдин Руми (Мевлана) (XIII в.) или богослов Ибн Араби. Они принадлежали к тому течению в суфизме, которое считало, что исполнение шариата, требуемое от всех мусульман, для суфиев обязательно только на начальном этапе мистического самосовершенствования; для прошедших же мистический путь и достигший маарифата (того этапа мистического пути самосовершенствования суфия, когда тот способен достигать озарения и в ограниченные мгновения вступать в область сокровенного – *Авт.*) в познании Бога, следование шариату не обязательно. Ибн Араби, мистик-пантеист, рекомендуя суфиям все же соблюдать шариат, считал вообще формы религии несущественными и находил возможным для мусульманина молиться и в церкви, и в мечети, и в синагоге [27, с.42-45]. Что же касается Руми, являвшегося истинно верующим мусульманином, истиной этот мыслитель и поэт считал безграничную, мистическую любовь к Богу. Но на фоне этой любви, к важнейшим человеческим качествам он относил земную любовь, бескорыстную дружбу и преданность, сострадание и человеческую доброту [28, с.5]. Он, как и другие суфии-пантеисты, подчеркивал, что каждая из религий отражает и являет одну из граней Высшей реальности. «Нет ни одной на свете веры, что к заблуждению ведет/И в каждой святости примеры прилежно ищущий найдет». «О правоверные, себя утратил я среди людей. Я чужд Христу, исламу чужд, не варвар и не иудей» [29, с.117]. Говорят, что на похоронах Руми за его гробом следовала огромная толпа из мусульман, иудеев, христиан и представителей всех иных религиозных конфессий. Люди шли в обнимку, горько оплакивая потерю своего Учителя. Это был факт единения людей, принадлежащих к различным вероисповеданиям и национальностям в глубоком средневековье.

Традиции мусульманской толерантности позднее реализовались в нашей стране в XIX - начале XX в. в процессе возникновения такого интереснейшего феномена, как «русское мусульманство» (этот термин одним из первых употребил крымско-татарский просветитель Исмаил бей Гаспринский)

[30, с.39]. Формирование русского мусульманства шло в общем русле складывания «российскости», которая была питательной средой не только для развития и укрепления взаимной терпимости, но и синтеза этносов и культур, а также их традиций, представляя собой более позитивное, плодотворное и конструктивное явление, нежели мультикультурализм [31, с.88-101].

Нельзя не отметить тот факт, что в наше время национальная традиция стремится использовать позитивный потенциал учения ислама, содержащийся в шариате и хадисах пророка мусульман Мухаммада, направленный на воспитание честности, братства, доброжелательности, дружбы, справедливости [32, с.141-145]. Одновременно нужно заметить, что шариат сегодня все более привлекает молодых людей в регионах его традиционного распространения как универсальное средство, едва ли не панацея решения всех задач, стоящих перед обществом. Особенно растет доверие к ценностям ислама среди молодежи северокавказских республик, прежде всего, Дагестана, что происходит на фоне роста коррупции в правящих кругах, которые опираются на кланово-семейные связи и круговую поруку (современному Дагестану недавно опрошенные респонденты подобрали синонимы: «коррупция», «откаты», «кланы», «преступность», «экстремизм»). «Ислам ей представляется в некоем идеальном виде, как утопическая система, которая в жизни им не знакома», — говорит Энвер Кисриев, заведующий сектором Кавказа Центра цивилизационных и региональных исследований РАН. Если в 2010 г. такому влиянию были подвержены 36 % молодежи Дагестана, то в 2011 – уже 42 %. Эта молодежь верит в то, что опора на шариат по модели развитых султанатов является наилучшим рецептом для решения социальных проблем [33]. Отмечая значение рассмотренного выше позитивного пласта исламских традиций для складывания исторической основы решения исламом межнациональных, социальных и иных проблем (исторически весьма своеобразной), приходится констатировать, что опоры на одни религиозные регуляторы наведения порядка и единения в обществе недостаточно. С другой стороны, имеющиеся пороки в управлении страной и регионами дискредитируют действия нынешнего руководства и стимулируют рост интереса именно к религиозной гармонизации социальных и иных проблем. Но, как известно, в основе такого урегулирования нередко лежит салафизм, что представляет угрозу для безопасности России и, в том числе, такого проблемного региона, как Северный Кавказ. Очевидно, что внимательно применяя наиболее ценное из опыта ислама в разрешении межконфессиональных и межэтнических проблем, современные политики, ученые и религиозные деятели должны стремиться к поиску наиболее оптимального сочетания традиций и инноваций, светского и духовного наследия, учитывая реалии современного глобального мира, в котором должны доминировать установки на толерантность, реализуемые на основе принципов партнерства и взаимного

учета интересов, не нарушения исторических сложившихся социальных, экономических, религиозных, культурных и иных ниш.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В монографии Ю.Г. Петраша «Ислам: происхождение, вероучение, современность (философско-культурологический взгляд). – М.: Республика, 2005» на с.326 написано: «Мусульманский экстремизм вырос во всемирного монстра, стал опасной планетарной эпидемией. Это факт».

1а. См., например: <http://news.rambler.ru/15531955/> В средние века мы сталкиваемся с более прагматичным отношением мусульманского права к подобным случаям. «Если кто откажется от платы епикефалии (поголовный побор. – *Авт.*) , или убьет мусульманина, или станет поносить срамными словами пророка Мухаммада (мир ему!) (пророку. – *Авт.*), или впадет в блуд с мусульманкой, то при таком поступке обязанности его не уничтожаются. Обязанности не уничтожаются, исключая разве того случая, если он оснует жилище на немусульманской земле или завладеет местом (которым владеют мусульмане) и поведет против них войну (См.: Агрономов А.И. Джихад: священная война мухамеддан. – М.: КраФТ, 2002. – С.118).

2. http://rus.ruvr.ru/2012_03_05/67639578/

3. <http://news.rambler.ru/11992231/>

4. АИФ.№ 37. - С.6; <http://news.rambler.ru/12347606/>

5. <http://www.newsru.com/religy/27jan2011/pakistan.html>

6. В декабре 2011 года 1206 дагестанских школ, или 70% от общего их числа, отказались отмечать Новый Год. Республиканские чиновники уверяют, что инициатива исходила «снизу». Кампанию против «советского язычества» активно поддерживают имамы и местные СМИ. Новый год действительно противоречит положениям Корана, равно как языческая Масленица не укладывается в Евангелие. Но Дагестан – светская республика. Здесь проживают не только религиозные люди, но и неверующие. Однако их голос тонет среди проповедей в мечетях и заголовков местных газет, утверждающих, что «Новый Год не угоден Аллаху». Мониторинг молодежной среды в Дагестане свидетельствует о значительной приверженности салафизму школьников во многих сельских районах и в ряде городских кварталов (<http://www.nr2.ru/culture/365957.html>)

7. Гайдар Баммат. Лики Ислама. Глава 4. Отношения мусульманского Востока с христианским Западом // Тарих. – № 2-3. – 1996.

8. Там же.

9. Там же.

10. Согласно Корану, сабии являются иудейско-христианской сектой. Сабейзм характерен культом небесных светил. Сабии пользовались покровительством мусульман. Впрочем, здесь нужно напомнить о том, что согласно откровению Пророка Мухаммада, оглашенному через его двоюродного брата и зятя Али (согласно мусульманской традиции, одного из будущих первых четырех «праведных» халифов) во время хаджа в марте 631 г., ислам решительно размежевался с «людьми Писания»: с ними предписывалось вести войну, пока они не покорятся и не станут платить подать – джизию, так как они оступили от единобожия и сделали своими божествами раввинов, монахов и «Мессию, сына Марии» (История Востока. Т.2. Восток в средние века. – М.: Восточная литература, 2002. – С.112).

11. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. – М.: Наука, 1980.
12. Хилленбрандт К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. – СПб.: Диля, 2008.
13. Манихейство – религиозно-философское учение, возникшее в III в. на Ближнем Востоке, в Персии и названное по имени пророка Мани. Представляло собой сплав халдейско-вавилонских и персидских (зороастризм, маздеизм и др.) религиозных учений с христианством.
14. Как свидетельствует один арабский текст, в 878 г. солдаты Хуан Чао истребили во время осады Кантона 120000 мусульман, евреев, христиан и «волшебников» (Ломбар Д. Императорский Китай. – М., 2004. – С.102).
15. Шамдор А. Саладин, благородный герой ислама. – СПб.: Евразия, 2004.
16. Бартольд В.В. Культура мусульманства. – М.: Леном, 1998.
17. «Будь христианином! Ибо быть христианином – это быть в лоне истинной религии, что доказывает наше время» - с сарказмом писал один мусульманский поэт времен первых Фатимидов в Египте. Еще один мусульманский поэт иронически вторил своему коллеге: «Мой вам добрый совет: становитесь иудеями, ибо даже небо стало иудейским» (Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: ВиМ, 1996, – С.65,67). Вряд ли у таких настроений есть что-то специфически свойственное мусульманам. Когда Александр I спросил у А.П. Ермолова, как ему того наградить, то Алексей Петрович ответил: «Государь, сделайте меня немцем!». Причины такого ответа хорошо известны (Лапин В.В. К образу А.П. Ермолова в исторической литературе и в коллективном историческом сознании // Генерал А.П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX – начале XX века // «Звезда», СПб., 2009. – С.27-28).
18. Васильев Л.С. История Востока. Т.1. – М.: Высшая школа, 1994.
19. «Бог узаконил для вас в религии то, что он завещал Нуху, что открыли тебе и что завещали Ибрахиму, Мусе и Исе» (К. 42:11:13) / Нух – Ной, Ибрахим – Авраам, Муса – Моисей, Иса – Иисус – *Авт.*; «И отправили по следам других пророков Ису, сына Марьям (Марии – *Авт.*), с подтверждением истинности того, что ниспослано для него в Торе (араб. *Таурат*) – *Авт.*); мы ему даровали евангелие (араб. Инджиль. - *Авт.*), в котором руководство и увещание для богобоязненных» (К. 5:50:46). Исследователи говорят о значительном влиянии иудаизма на ранний ислам (см. например: Гойтейн Ш.-Д. Евреи и арабы. Мосты культуры. - М., 2001. С.64). Напомним также о хадисах, согласно которым, когда воины Мухаммада стирали «языческие» росписи в Каабе, сам пророк мусульман не дал уничтожить изображение Девы Марии и младенца Христа (Лучицкая С.И. Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов // Одиссей: человек в истории. 2006. Феодализм перед судом истории. – М.: Наука, 2006. – С.321).
20. Мечети раннего средневековья в Восточной Африке внешне имели вид прежних «языческих» святилищ. Нечто подобное было в XIX в. в Чечне, когда родоначальник нового для здешних мест направления в суфизме – т.н. зикризма - Кунта-Хаджи проводил собрания своих сторонников в местах, связанных некогда с почитанием «языческих» богов. Интересный факт связан с мечетью Омейядов в Дамаске. На ее месте когда-то стоял собор Св. Иоанна Крестителя. При этом сохранились южные ворота церкви с греческой надписью: «Царство твое, Христе есть царство для всех времен, и твое господство [останется] на всяком поколении» (Бартольд В.В. Культура мусульманства. – М.: Леном, 1998. – С.21). В мечети имеется также гробница, в которой, как говорят, была похоронена голова Иоанна Крестителя. Мечеть могут посещать и христиане. По преданию, халиф Валид велел снести ее, но оцепенел. После этого

гробницу оставили в покое, усмотрев в этом знак свыше (NTV. Передача «Их нравы». От 20.03.2011).

21. Эти знаки называли «зуннар» (под ними, на самом деле, имелся в виду широкий пояс, носившийся рабами христиан). Ношение определенной одежды христианами было введено еще со времен Харуна ар-Рашида (807 г.). Существовали отличия в украшении головных уборов, подпоясывании одежды, для неисламских конфессий регламентировался ее цвет, специальные аксессуары нужны были и при посещении бани и т.п. В мусульманском средневековом законодательстве, в частности отмечено: «Данники, принятые мусульманами под покровительство, обязываются отличаться от мусульман одеждой, рабочим скотом, седлами и шапками; не позволено им ездить на лошадях и носить оружие» (См.: Агрономов А.И. Указ. соч. – С.118).

22. Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. – М.: Андалус, 2004.

23. Шамдор А. Саладин: благородный герой ислама. – СПб.: Евразия, 2004.

24. Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: ВиМ, 1996. – С.65-66. Справедливости ради нужно отметить, что безумства Хакима в полной мере испытало на себе и мусульманское население.

25. Орешкова С.Ф. Османская империя: проблемы межконфессиональных отношений // Восток. – 2008. – № 6.

26. По утверждению исламских авторов джизья была необременительной (не более 4 динаров в год; по данным А. Меца – 1,2,3 динара в год) и взималась с тех, кто был способен к ношению оружия. От нее были освобождены священнослужители, женщины и несовершеннолетние. Отечественные историки, в свою очередь указывают, что при халифе Омаре все немусульмане мужчины с 15 лет платили джизию в 12, 24 или 48 дирхемов в зависимости от достатка (в Османской империи джизию взимали со всех здоровых мужчин в возрасте от 14 до 75 лет, при этом они были освобождены от службы в армии). Для рядовых ремесленников это равнялось примерно месячному заработку. В порядке сравнения укажем, что баран стоит 5-10 дирхемов, корова – 30-40 дирхемов (серебряных монет, введенных между 692 и 696 гг. и весивших вначале 3,9 г.). Динар же – это золотая монета, получившая обращение в халифате с VII в. и весившая 4,25 г. (Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. – М.: Радио и связь, 1993. – С.95). В начале X в. курс динара был приблизительно 1:14 по отношению к дирхему.

27. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. – Алма-Ата, 1975.

28. Джелаладдин Руми и суфийская традиция. – М., 2000.

29. Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. – М., 1961. Доктор Худжатуллах Айюби (Тегеранский университет) отмечает: «Что касается религий, то следует отметить, что Мевлана не только с уважением относится ко всем религиям, но и связывает их всех с одной единой основой и сущностью. Мевлана выступает категорически против любых конфликтов, ксенофобий, противостояний и войн между существующими в мире религиями. Согласно убеждению Мевланы, все божьи религии берут свое начало из одного единого Божьего света. Мевлана убежден, что религии отличаются друг от друга лишь в форме, а не в значении и сущности. По сути дела внутренний смысл всех религий един. Следовательно, говорить о множественности и разнообразии религий бессмысленно. Это подобно яблокам, которые по формальным показателям

подлежат считанию. Однако, если раздавить все эти яблоки и деформировать их внешний вид, и получить от этого кашицу из их мякоти, то убедимся, что их сущность уже не подлежит считанию. Они уже одно единое целое» (Айюби Х. Заветные слова Мевланы для сегодняшнего мира//Проблемы всеобщей истории. Вып. 11. - Армавир: АГПА (в печати).

30. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе (исторические аспекты проблемы). – Армавир-Ростов н/Д., 2001.

31. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. – № 45. – 2007. Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л. Нарочницкого / отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д., 2007.

32. Магомедова Ш.А. Формирование нравственности молодежи на ценностях ислама // Народы Северного Кавказа в общероссийском пространстве: история и современное состояние. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Хасавьюрт, 2011.

33. <http://bs-kavkaz.org/2011/10/chechnja-ne-bahrejn-ona-luchshe-bahrejna/>

*Дударев С.Л., Ктиторов С.Н.,
Ктиторова О.В., Цыбулькинова А.А. (Армавир)*

**ОБ ОПЫТЕ ВНЕДРЕНИЯ РАЗРАБОТОК КАФЕДРЫ ВСЕ-
ОБЩЕЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ АГПА
ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹**

После трагического распада Советского Союза процессы образования независимых государств, приведшие к крушению старой государственной машины в бывших республиках СССР, и бурным политическим событиям в государствах Кавказа и Средней Азии вместе с неодолимым ростом глобализации, вызвали рост мощных миграционных потоков. Приток в Россию населения из ближнего и дальнего зарубежья, активное перемещение в Центр страны и другие регионы выходцев с юга самой России, рост национального самосознания россиян, привели к новой исторической ситуации.

---

¹Выполнено в рамках исполнения государственного задания № 6.764.2011. По теме: "Основы этнической толерантности и межкультурного диалога на Кубани". Руководитель - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии Дударев С.Л.

Граждане Российской Федерации столкнулись с необходимостью тесного взаимодействия с большим количеством представителей других религий и культур, узнавания иного мировосприятия, нежели раньше. И хотя Россия на протяжении целого ряда столетий была страной совместного и успешного проживания многих десятков народов – представителей различных конфессий – немало её жителей оказалось недостаточно подготовленными к контакту с представителями другой культуры, традиций, носителями иного менталитета. Это, порой, приводило к обостренному восприятию не только их обычаев и привычек, но и манеры поведения, способов общения с окружающими людьми. Оказалось и так, что представители тех или иных диаспор, находясь в новой стране проживания, или среди людей другой национальности, могут проявлять сплоченность и наступательность в отстаивании или утверждении своих интересов, а иногда – агрессивность и неуважение к обычаям и ценностям новой страны проживания. Таким образом, целый комплекс причин привел в 1990-2000-е гг. к проявлениям межэтнических трений и неприятия, всплескам экстремизма, в том числе недавним известным беспорядкам в г. Москве. Усугубляют ситуацию не прекращающиеся террористические акты в Центре и на Северном Кавказе, в результате которых пострадало немало невинных людей. Осуществляющие их силы, маскируют свои политические цели религиозными лозунгами ислама, что несправедливо бросает тень на это учение в целом.

Мир и порядок в России будут возможны только тогда, когда каждый народ будет чувствовать себя, как и в советское время, в любом уголке страны, как у себя дома, а не чувствовать себя «негражданином» или представителем «нетитульной» нации. И основой всего гармоничного развития межнациональных взаимоотношений в стране должно стать укрепление положения и самочувствия русского народа, как *государствообразующего этноса*. Кубань на сегодняшний день является реальным очагом национальной стабильности Северном Кавказе. Незаурядные достижения кубанцев в деле сохранения межнационального мира и толерантности нужно хранить, беречь, но особенно – приумножать. Народам Кубани и всего Северного Кавказа для их успешного совместного проживания, обретения достойного будущего в современном мире нужно окончательно забыть любые старые «исторические обиды» и претензии, оставшиеся со времен «имперского» прошлого.

В сложившейся ситуации назрела необходимость дать молодому поколению наших соотечественников необходимые знания о положительном историческом опыте совместного проживания народов России и особенно Кубани, как части великой Родины. Нужно предоставить школьникам и педагогам основные сведения о процессе выработки взаимопонимания между различными этносами Краснодарского края на путях истории, о формировании подлинной толерантности, как свойства истинно цивилизованного современного человека.

В начале 2011 г. глава администрации Краснодарского края А.Н. Ткачев в целом ряде своих выступлений четко обозначил приоритет вос-

питания у подрастающего поколения этнической толерантности в качестве важнейшего фактора гармонизации межнациональных отношений в Краснодарском крае. Одновременно с этим губернатор сообщил о введении с 1 сентября 2011 г. в школах Кубани специального учебного курса, посвященного этнической толерантности. На эту полезную и давно назревшую инициативу откликнулся ректор Армавирской государственной педагогической академии кандидат педагогических наук, доцент Амбарцум Робертович Галустов. Он предложил коллективу кафедры Всеобщей и региональной истории АГПА во главе с доктором исторических наук, профессором С.Л.Дударевым подготовить учебно-методический комплекс литературы для обеспечения нового школьного курса. На этой кафедре давно был накоплен ценный опыт изучения разнообразных аспектов взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества народов Кубани и всего Северного Кавказа, в целом ряде публикаций раскрывалась позитивная роль Российского государства в формировании прочных основ межнационального согласия и стабильности в регионе.

Уже в начале марта 2011 г. авторским коллективом, в который вошли, члены кафедры ВиРИ АГПА, кандидаты исторических наук, доценты С.Н. Ктиторов, О.В. Ктиторова, А.А. Цыбульникова и Л.Н. Хлудова, было подготовлено и опубликовано учебно-методическое пособие для учителей старших классов общеобразовательных учреждений Краснодарского края по дисциплине «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани». Ответственным редактором этого издания выступил ректор АГПА А.Р. Галустов, а научным редактором – заведующий кафедрой ВиРИ С.Л. Дударев. Заявленный курс был рассчитан на 11 аудиторных часов. Пособие включило в себя подробные поурочное планирование и планы-конспекты уроков; широкий круг вопросов и заданий для школьников, методические указания для учителей, терминологический словарь и разнообразные приложения.

В качестве основных приоритетов дисциплины «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани» были определены следующие:

– Историческая территория Кубани не ограничивается только размерами нынешнего Краснодарского края. Кубань – это более обширный регион, к которому исторически относятся также земли современных республик Адыгеи, Карачаево-Черкесии и часть Ставропольского края. Поэтому надо учитывать, что формирование этнического состава края шло до 1920-х годов в более широком межнациональном соседстве.

– Следует учитывать, что кубанский регион был полиэтничным (многонациональным) уже с глубокой древности, что является специфической чертой края.

– При рассмотрении контактов и связей между народами Кубани особое внимание нужно уделять изучению складывавшихся здесь веками традиций добрососедства и взаимовыгодного партнерства.

– При изучении курса должен неизменно подчеркиваться приоритет «российскости» в отношениях между народами России и региона. При этом под термином «российскость», понималась исторически формирующаяся в пределах Российского государства особая социокультурная, ментальная сфера, внутри которой происходит тесное взаимодействие, а затем и синтез различных этнокультурных элементов при интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей. Данная дефиниция была введена в научный оборот еще в 1993 г. историко-кавказоведческой школой профессора В.Б. Виноградова.

– Одной из специфических черт истории региона является феномен казачества. Кубанское казачье войско, сложившееся на основе синтеза русской и украинской этнических культур, стало важнейшим фактором прочного включения кубанских земель в состав России, обеспечивающим и сейчас яркую самобытность региона.

Исходя из заявленных принципов учебный курс «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани» подразделяется на следующие тематические блоки:

1. Вводное занятие. Толерантность в современной межэтнической коммуникации.

2. Основные вехи этнополитической истории Кубани. Этап 1. Особенности взаимодействия этносов Кубани в древности и средневековье (до конца XVIII в.).

3. Основные вехи этнополитической истории Кубани. Этап 2. Кубань в конце XVIII – начале XX века: период активной интеграции этносов региона в многонациональное поле Российского государства.

4. Основные вехи этнополитической истории Кубани. Этап 3. Эволюция межнациональных отношений на Кубани в XX – начале XXI века: сложный поиск новых основ межэтнического единства.

5. Межнациональный мир и толерантность как результат совместности народов Кубани.

6. Города Кубани и Причерноморья – главные центры межэтнической и поликультурной коммуникации.

7. Обмен достижениями материальной культуры как фактор межэтнического сближения.

8. Духовность народов Кубани – культурная основа толерантности;

9. Народы Кубани в семье народов России.

10. Пути укрепления межнационального мира на Кубани.

Сразу же после опубликования учебное пособие для учителей прошло экспертизу в Краснодарском краевом институте дополнительного профессионального педагогического образования (ККИДППО). Специалисты этого института подготовили в целом положительную рецензию, содержащую также ряд рекомендаций и замечаний методического характера. На основе этой рецензии Департамент образования и науки Краснодарского края направил всем руководителям муниципальных органов управления образованием края письмо,

в котором говорилось, что учебное пособие по курсу «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани» «может быть использовано в качестве дополнительного материала на уроках «Кубановедения».

С учетом высказанных рецензентами ККИДППО замечаний в июне 2011 г. вышло в свет 2-е переработанное и дополненное издание пособия для учителей. Одновременно в строгом соответствии с ним коллективом авторов АГПА (С.Н. Ктиторов, О.В. Ктиторова, А.А. Цыбульникова; ответственный редактор – А.Р. Галустов, научный редактор – С.Л. Дударев) было подготовлено и опубликовано учебное пособие «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани» для учащихся старших классов общеобразовательных учреждений Краснодарского края. Помимо подробной и развернутой текстовой части это издание включило в себя многочисленные иллюстрации и подборку исторических карт, составленных кандидатом исторических наук, доцентом Кубанского государственного университета А.М. Авраменко.

Это издание призвано познакомить учащихся с этническим многообразием населения Кубани и складывавшимися на протяжении столетий традициями межнационального партнерства и добрососедства. Работа с учебным пособием должна способствовать укреплению у старшеклассников чувства патриотизма и гражданственности, формированию толерантности в сфере межэтнических отношений, что является одним из важнейших условий сохранения стабильности в многонациональном регионе, упрочения государственного единства нашего Отечества.

В настоящий момент учебное пособие для учащихся «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани» было рассмотрено в Краснодарском краевом институте дополнительного профессионального педагогического образования и получило положительную рецензию, с учетом которой в октябре 2011 г. было выпущено 2-е переработанное и дополненное его издание.

В результате усилиями коллектива кафедры Всеобщей и региональной истории АГПА, при всемерной поддержке ректора академии А.Р. Галустова был создан достаточно цельный учебно-методический комплекс, который может использоваться в учебном процессе в средней школе по предмету «Кубановедение», в рамках введенного с 1 сентября 2011 г. тематического модуля «Кубань – многонациональный край», а также в курсе «Обществознание» в рамках регионального компонента.

Внедрение в школьную практику материалов учебно-методического комплекса «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани» должно способствовать формированию у учащихся искреннего интереса и уважения ко всему разнообразию национальных культур и исторических традиций полиэтничного населения Кубани, обогатит их знаниями и позитивном опыте взаимовыгодного межэтнического сотрудничества и добрососедства, который жизненно необходимо бережно хранить и приумножать. Только на этой основе возможно стабильное и благополучное

развитие нашего Российского государства – общего дома для всех проживающих в нем народов.

А.М. Кадиева (Кизляр)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Многие исследователи и политические деятели считают Северный Кавказ «ахиллесовой пятой» Российской Федерации. Для таких утверждений имеются определенные основания, и прежде всего, это то, что данный регион России наиболее полиэтничен.

Присоединение значительной части Северного Кавказа к России происходило в период с XVIII по XIX вв. Северный Кавказ – это не только край, где сосуществует множество этнических групп, но ситуация в этом регионе исторически обременена конфликтами. Существуют несколько точек зрения на проблему межнациональных конфликтов на территории России, а не только на территории Северного Кавказа. Одна из наиболее известных и распространенных концепций предложена С. Хантингтоном. Суть её: наступает новый цивилизационный кризис. В основе столкновения лежит культурная несовместимость народов и прежде всего несовместимость между еврохристианской и азиатско-мусульманской цивилизациями.

Для России как многонационального, многоэтнического государства именно данная проблематика выдвигается ныне на первый план. Краткий обзор позволяет сделать вывод: конфликтность не является доминирующей чертой этнополитических отношений в РФ. Однако межнациональные отношения – легко воспламеняющийся материал. Зоны напряженности при сравнительно небольших ошибках в отношении к местным властям могут быстро трансформироваться в конфликты, а если в этих конфликтах будет применено насилие, то неизбежно возникновение кризиса, который будет иметь затяжной характер. Ощущаемой взрывоопасностью межнациональных отношений объясняется серьезная озабоченность общественного мнения этнополитическими конфликтами, обнаруживающаяся во всех опросах. Именно в этих конфликтах не без основания видят одну из самых больших угроз сохранению России. Большая часть населения склонна усматривать причины этнополитических конфликтов в происках местной и центральной политических элит, а также в дезорганизации управления регионом, необеспеченности методов управления соответствующими культурно-информационными, экономическими, этнополитическими методами, диалогом с гражданским обществом. Основные неудачи государственной политики на Северном Кавказе вызваны методами управления.

В целом кавказская политика характеризуется непоследовательностью и несогласованностью действий, попытками решить сложнейшие этнополитические вопросы наскоками (отдельными поездками). Она переполнена стереотипами, символами и импровизациями. Религиозный фактор - неприкрытое заигрывание властей с радикально настроенными религиозными деятелями резко усиливает этнополитическую напряженность. Идет слияние этнополитического экстремизма с религиозным.

На Кавказе совершается большое количество террористических актов. Беззаконие и коррупция, террористические разборки и торговля оружием нередко осуществляются с участием местных этнополитических элит. К сожалению, такое положение дел в регионе выгодно не только бандитам, но и некоторым чиновникам, чья преступная бездеятельность приносит им политические и финансовые дивиденды. Нужны кардинальные меры по демилитаризации и постконфликтному строительству на Кавказе.

Но как бы ни были коварны конфликты вообще и этнополитические в частности, ученые-политологи и конфликтологи стремятся на основе имеющегося опыта разрешения разнообразных политических конфликтов найти если не пути, то подходы к выходу из конфликтных ситуаций. Кавказ - важнейший регион, где сегодня проходят испытание на прочность, как межнациональные отношения, так и вся модель национально-государственного устройства России, а также система федеративных отношений. Не только России нужен Северный Кавказ и Северному Кавказу нужна Россия. Кавказ - это Россия, и не в меньшей степени, чем любой другой регион страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулатипов Р. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М, 2000.
2. Андреев В. К., «Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешение конфликтов». – Казань, 1992.
3. Дружинин В.В., Конторов М. Д., Конторов Д.С. Введение в теорию конфликта. – М., 1989.
4. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты. – М., 1997.
5. Напсо Д.А. Современный быт и культура народов Кавказа. – Ставрополь, 1983.
6. Скотт Дж. Конфликты: пути их преодоления. – Киев, 1991.

**ИНТЕРОРИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В РЕГИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

В структуре политической системы такого многонационального государства как Российская Федерация, большим своеобразием отличаются региональные и местные уровни политической системы. Для Северного Кавказа, например, это своеобразие обусловлено многонациональным и поликонфессиональным составом населения, существенные этнокультурные интересы которого выражают национально-культурные общественные объединения. Они относятся к гражданскому обществу и в структуре политической системы занимают место, соответствующее общественной популярности, способности выражать и защищать жизненно важные национальные интересы.

Организация, политизация и интеграция национально-культурных общественных объединений в политическую систему нашей страны активно происходили в последней четверти XX века. Востребованность национально-культурных общественных объединений в то время была обусловлена беспомощностью политического руководства, не способного преодолеть лавинообразное нарастание социально-экономического кризиса. Поэтому национальные общественные объединения, изначально провозглашавшие культурно-просветительские цели, в конце 1980-х годов политизировались, стали активно участвовать в политике, а в начале 1990-х годов заняли лидирующее положение в политической жизни республик.

В Карачаево-Черкесской автономной области развитие национальных общественных объединений обуславливалось многонациональным составом населения, в котором преобладали русские (42,4%), карачаевцы (31,2%), черкесы (9,8%), абазинцы (6,6%), ногайцы (3,1%), украинцы (1,5%), осетины (0,9%), греки (0,4%) [3]. Интересы соответствующих народов стали выражать абазинское общественное движение «Абаза», черкесское общественное движение «Адыге Хасэ», общественные организации «Конгресс карачаевского народа» и «Джамагъат», ногайское национальное движение «Бирлик», славянские общины, казачьи организации и другие. В политических процессах на Северном Кавказе участвуют и международные национальные общественные объединения: Международная Черкесская Ассоциация «Адыге Хасэ», Карачаево-Балкарское национальное общественное движение, Межрегиональная общественно-политическая организация «Алан», межрегиональная карачаевская демократическая общественная организация «Джамагъат», Межрегиональное общество ногайского народа «Бирлик» и другие.

При длительном проживании на ограниченной территории у односельчан неизбежно возникают противоречия интересов, реализации которых могут препятствовать соседи, национальные, конфессиональные или иные отличия которых являются дополнительным раздражающим фактором, стимулирующим трансформацию экономических и подобных им конфликтов в межнациональные и межконфессиональные. Устойчивое раздражение мотивирует поиск его причин, а при некритичной самооценке они обнаруживаются не в себе, а в других, имеющих легко определяемые внешние отличия, которые используются для идентификационной дифференциации социального окружения на «своих» и «чужих», имеющих отличия, значимые для идентификатора. Общественные объединения «своих», определяемых по национальному признаку, выступают концентратором и пропагандистами идей выделения в социальном окружении «чужих», относящихся к иным нациям и этносам. Причем, степень интегрированности «своих» в национальных общественных объединениях нарастает по мере усиления осознанности их членами идентификационных отличий «своих» от «чужих» и признания враждебности «чужих» по отношению к «своим». Массовое распространение таких объединяющих и мобилизующих идей активизирует национальное сознание и в условиях кризиса сопровождается ростом сепаратистских настроений и усилением соответствующих им действий по радикальному изменению политической системы и формированию мононациональных государств.

Резонансный эффект нарастающего кризиса в конце 1980-х – начале 1990-х годов вызвал массовый протест населения против советской политической системы, партийных и государственных органов. Национальным объединениям удалось придать стихийному протесту организованный характер борьбы за преобразование Карачаево-Черкесской автономной области в республику. Для преодоления противодействия преобладающей по численности русской части населения по вопросам реорганизации Карачаево-Черкесии, национальные общества объединились и совместными усилиями добились провозглашения в ноябре 1990 г. Карачаево-Черкесской Советской Социалистической Республики (КЧССР), ее выхода из состава Ставропольского края [5].

Но, как оказалось, государственно-статусные трансформации не избавили Карачаево-Черкесию от системного кризиса и борьба национальных объединений за создание самостоятельных абазинской, карачаевской, ногайской, русско-казачьей и черкесской республик продолжилась. Ее обостряло то, что ни одна нация не имеет в республике доминирующей численности, а компактные мононациональные поселения часто размещались в разных муниципальных образованиях. Не взирая на это национальные общества добились провозглашения Карачаевской Республики (17 октября 1991 г.), Республики Черкесия (27 октября 1991 г.), Абазинской Республики (ноябрь 1991 г.), а также Баталпашинской Казачьей Респуб-

лики и Зеленчукско-Урупской Казачьей Советской Социалистической Республики, которые 30 ноября 1991 г. объединялись в Верхне-Кубанскую Казачью Республику.

Однако самопровозглашенные республики не были признаны федеральными органами Российской Федерации, не получили соответствующего политико-правового статуса. Акции массового протеста, организованные национальными объединениями, привлекли внимание федеральных органов власти и 5 февраля 1992 г. Президент России Б.Н. Ельцин внес в Верховный Совет РФ проект закона «О восстановлении Карачаевской автономной области и Черкесской автономной области в составе Российской Федерации», а специальная комиссия Верховного Совета РФ начала подготовку раздела Карачаево-Черкесии на Карачаевскую, Черкесскую и Баталпашинскую республики. Но 78,5% участников республиканского референдума 28 марта 1992 г. высказалось против дробления Карачаево-Черкесии по национальному принципу и она, сохранив целостность, с 9 декабря 1992 г. стала называться Карачаево-Черкесской Республикой (КЧР). Но и после этого идеи раздела республики поднимаются национальными общественными объединениями. Так, 11 февраля 1995 г. объединенный съезд черкесов и абазин принял решение о восстановлении Черкесской автономной области в составе Ставропольского края. На ее территории помимо мест компактного проживания абазин и черкесов, оказывались населенные пункты с доминирующей численностью русских, ногайцев, карачаевцев и других национальностей. Поэтому федеральные органы государства признали такое решение противозаконным.

В связи с тем, что родственные народы, живущие на Северном Кавказе, разделены административными границами, но выражают желание воссоединяться, в региональных политических процессах участвуют международные и межрегиональные национальные объединения. Так, Международная Черкесская Ассоциация «Адыге Хасе» выступает за объединение родственных адыгейского, черкесского и кабардинского народов в единой Адыгейской Республике, которую предлагается создать на территории Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии; Карачаево-Балкарское национальное общественное движение призывает к воссоединению карачаевцев и балкарцев в Карачаево-Балкарской Республике на землях, выделенных из Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик; Межрегиональное общество ногайского народа «Бирлик», объединяющее ногайские организации Астраханской области, Дагестана, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края и Чечни, выдвигает программы создания ногайской территориальной автономии на землях Дагестана, Ставропольского края и Чечни [1]. Однако интересы представителей других народов инициаторы указанных программ не учитывают, вследствие чего не получают поддержку государственных органов.

Факторами, также осложняющими политический процесс в Карачаево-Черкесии, стали демографические проблемы – снижение численности русского населения за счет низкой рождаемости в русскоязычных семьях и эмиграции русского населения из региона, вследствие чего в структуре населения республики за последние 15 лет на 18 тысяч человек (12%) сократилось количество этнических славян (русских, украинцев, белорусов) при существенном росте численности горских народов. Это привело к уменьшению на 11,5% представительства русских в структуре населения, увеличению доли карачаевцев на 8,8%, черкесов на 1,9%, абазин на 0,8%, ногайцев на 0,2% [3].

Конституция Карачаево-Черкесской Республики определила пять коренных народов в качестве «государствообразующих» субъектов – абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов, перечислив их в алфавитном порядке. Наиболее многочисленными из них являются карачаевцы (38,5%), русские (33,6%), черкесы (11,3%), абазины (7,4%), ногайцы (3,4%), осетины (0,8%), украинцы (0,8%), греки (0,3%) [3]. Представители других наций и этносов не имеют обособленных поселений в республике.

Дополнительные политико-правовые предпосылки для проявления активности национальных общественных объединений создавались Концепцией государственной национальной политики, утвержденной Указом Президента России от 15 июня 1996 г. № 909 [2], и Федеральным законом от 22 июня 1996 г. "О национально-культурной автономии" [4]. Они предоставили возможности для трансформации национальных общественных объединений в национальные муниципальные образования – районы и поселения. В 2005 и 2006 гг. в Карачаево-Черкесии по инициативе национальных общественных объединений абазин и ногайцев проводились местные референдумы, на которых жители 5 населенных пунктов Прикубанского, Усть-Джегутинского и Хабезского районов приняли решение об образовании Абазинского района, а жители 5 сельских поселений Адыге-Хабльского района решили организовать Ногайский район. Таким образом, в структуре КЧР появились абазинский и ногайский муниципальные районы.

Вместе с тем, в составе населения г. Карачаевска, Карачаевского и Малокарачаевского районов доминируют карачаевцы, а в Адыге-Хабльском и Хабезском районах – черкесы, вследствие чего указанные муниципальные образования могут также относиться к числу национальных.

При отсутствии необходимых условий для создания мононациональных муниципальных образований, жители населенных пунктов с компактным проживанием представителей некоторых нетитульных наций образовали региональные и местные национально-культурные автономии адыгов, осетин и других наций и этносов. Такие автономии ведут культурно-просветительную работу, но, практически, не участвуют в политике.

Изучения опыта участия национально-культурных объединений Карачаево-Черкесии в политических процессах показало, что национальные обще-

ственные объединения становятся активными акторами гражданского общества в условиях кризиса. По мере нарастания активности и общественной значимости их политической деятельности они трансформируются в национальные муниципальные образования и национально-культурные автономии, степень политической институционализации которых обнаруживает деятельность по артикуляции, агрегации и реализации национальных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.Б. Средняя Кубань. Земляки и соседи. Ногайцы // URL://http://budetinteresno.info/kraeved/narod_vin_nogay.htm (10.10.2010)

2. Концепция государственной национальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909 // URL:// <http://oficery.ru/eto-interesno/158-eto-interesno>

3. Население Карачаево-Черкесии // URL://<http://www/etno-kavkaz.narod.ru/rnkchr.html>

4. О национально-культурной автономии: Федеральный закон от 22 июня 1996 г. // Российская газета. – 1996. – 24 июня.

5. Это решение было утверждено постановлением Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1991 г.

М.К. Кармокова (Нальчик)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

С точки зрения диалектической методологии, всеобщей причиной любого явления, любого процесса, в том числе межнационального и этнополитического, является его противоречивость. Развитие межнационального, этнополитического противоречия, его развертывание – это борьба двух неразрывных сторон в едином целом, двух противоположных тенденций: изменение и сохранение. Это развертывание происходит в форме волны, характер которой определяется противоборством нескольких народов и одновременно стремление к их сосуществованию. Применительно к межнациональным, этнополитическим процессам такими тенденциями являются сохранение существующей этнополитической реальности на Северном Кавказе или ее изменение.

Исследование этнической проблемы на Северном Кавказе чрезвычайно актуально, так как здесь в связи с обострением межэтнических отношений сложилась реальная угроза национальной безопасности России, ее целостности и суверенитету.

Развал Советского Союза в 1991 г., дефицит земель и постоянно производившиеся административно-территориальные изменения привели

к обострению противоречий в системе межнациональных и этнополитических отношений на Северном Кавказе. Это породило, в свою очередь, возникновение ряда проблем межнационального характера:

- существенное изменение этнической структуры и этнической стратификации общества;
- в республиках Северного Кавказа продолжается расхождение двух культурных пластов - русского и мусульманского;
- национальный и религиозный факторы в бурном росте национального самосознания коренных народов Северного Кавказа;
- новые экономические, политические, идеологические ценности, утверждающиеся в РФ, приобрели особый смысл и характер на Северном Кавказе;
- особая посткоммунистическая ситуация на Северном Кавказе, где такая обстановка связана с появлением нового в жизни мусульман религиозно-политического движения «ваххабизма»;
- борьба сторонников традиционного ислама и «ваххабитов»;
- Северный Кавказ оказался вовлеченным в крупномасштабные конфликты и противоречия, возникшие в отношениях между новыми независимыми государствами Кавказа (Армения, Азербайджан, Грузия) и РФ.

Анализируя межнациональные отношения и этнополитические процессы на Северном Кавказе, необходимо, на мой взгляд, выделить противоречия между централизмом и федерализмом. Причем их следует рассмотреть с нескольких позиций. Во-первых, их можно трактовать как противоречие между силами самосохранения и силами самоизменения. В данном случае нас интересует суть и характер противоречий между центростремительными и центробежными тенденциями. Это противоречие между центром и регионами свойственно любому государству, имеющему административно-территориальную структуру, и является сущностным противоречием государственно-территориального устройства.

Во-вторых, применительно к условиям нынешнего этапа развития РФ это противоречие можно рассматривать как проявление более широкого противоречия между демократией и авторитаризмом. Большие права регионов в решении проблем собственной жизни в федеративном государстве являются одним из главных элементов демократического устройства общества.

Только такого рода размышления о современных проблемах межнациональных отношений могут способствовать стабилизации межнациональных отношений, этнополитической обстановки на Северном Кавказе. Сегодня уже нет сомнений в том, что в многонациональном государстве существует огромная необходимость всеми доступными формами утверждать культуру межнациональных отношений, воспитывать традиции толерантности. Шовинизм и национализм, в какой бы форме они себя не проявляли, являются злейшими врагами РФ, ее государственности, ее авторитета на международной арене. Но России необходимы стабильность, безопасность и сотрудничество во всем Северокавказском регионе, иначе эко-

номические проблемы могут приобрести этническую окраску, и Северный Кавказ надолго останется незатухающей “горячей” точкой России. Поэтому для федерального центра нет сегодня более важной задачи, чем выработка путей и форм разрешения межнациональных конфликтов на Северном Кавказе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулатипов Р. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М., 2000.
2. Андреев В.К. Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешение конфликтов. – Казань, 1992.
3. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2000.
4. Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х гг. – Ростов н/Д., 1996.
5. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты. – М., 1997.
6. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1996.
7. Нэх В. К вопросу о причинах конфликтов на постсоветском пространстве // Безопасность Евразии. – 2000. – № 2. – С.24-29.
8. Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов) – Саратов, 1998. - 260 с.

Ю.Ю. Клычников (Пятигорск)

«НАСТОЙЧИВО ОТСТАИВАТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ЦЕЛОСТНОСТЬ РОДИНЫ...»: К ОЦЕНКЕ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В январе 2012 г. в «Независимой газете» была опубликована статья одного из тогдашних потенциальных претендентов на должность президента российской Федерации В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» [9]. Оставила она двоякое и неоднозначное впечатление. С одной стороны там обозначены действительно злободневные для нашей страны и мира проблемы, связанные с массовой миграцией, ростом ксенофобии, межэтническими конфликтами и т.п. Автор демонстрирует понимание всей сложности ситуации, ставит перед собой вполне благородные цели и с большинством его тезисов можно согласиться. И все же, как представляется, в этом программном заявлении имеют место определенные «передергивания» фактов, которые нуждаются в дополнительном осмыслении и пояснении. За хлестким лозунгом «Хватит кормить Кавказ!», скрываются не столько уперто-националистические желания отгородиться от всего «чуждого» и непохожего, сколько вполне мотивированное раздражение от кланово-этнических режимов, которые существуют при щедром финанси-

ровании федерального центра. Десант «поп-див» и массовые гуляния с праздничными фейерверками в дотационных республиках напоминают пир во время чумы и заставляют по-иному оценить национальную политику нынешнего правящего режима. В его защиту можно сказать лишь одно – оппозиция еще хуже. В свое время «у них не нашлось ни мужества, ни ответственности, ни политической воли – чтобы последовательно и настойчиво отстаивать территориальную целостность Родины». На фоне ухудшающейся для России внешнеполитической конъюнктуры образ В.В. Путина, демонизируемый западноевропейскими и американскими средствами массовой информации, что само по себе симптоматично, выглядит куда привлекательнее. Но это не значит, что его нынешний курс в решении северокавказской проблемы можно считать оправданным и оптимальным.

Случилось так, что «волею судеб Северный Кавказ стал с начала 90-х гг. XX в. одной из несущих этно-геополитических опор федерализма в России. Слом этой опоры произведет эффект домино на всем протяжении южной периферии страны с последующим обвалом здания российской государственности. Хаос, который не заставит себя ждать при таком обороте дел, создаст прямую угрозу общепланетарной безопасности, а лихорадочные поиски выхода из положения принесут острую головную боль и Западу, и Востоку. При этом успех на поприще спасения человечества вовсе не гарантирован. Когда-то один выстрел спровоцировал мировую войну. В случае с Северным Кавказом речь идет о возможности мощного геополитического взрыва, ставящего под сомнения само существование огромной державы. Иначе говоря, есть над чем поразмыслить политикам, грезящим о раздроблении России как о вселенском благе» [3, с. 315-316].

Необходимо четко осознать тот факт, что рецидивы чеченского сепаратизма еще долго будут играть дестабилизирующую роль в российской жизни. Гарантировать безопасность граждан от террористических актов, подобных захвату театрального комплекса на Дубровке в Москве в октябре 2002 г., школы в Беслане в сентябре 2004 г., нападения на Назрань в июне 2004 г. и Нальчик в октябре 2005 г. и т.п., власть не сумеет. Но гипотетические призывы уйти или отгородиться от Кавказа не иначе как опасным популизмом назвать нельзя. Лишившись этого естественного рубежа, российское государство все равно должно будет решать те же самые проблемы по обеспечению собственной безопасности, но уже куда в более сложных условиях.

В то же время представляется, что нынешняя политика, проводимая федеральным центром в отношении своей южной периферии, исчерпывает свой потенциал. «Игры в государственность», не подкрепленные соответствующими экономическими, политическими, да и ментальными возможностями населения российских окраин, видятся не оправданными и тупиковыми. Есть мнение, что «акт передачи властных полномочий центра в регионы кавказским элитам не был интерпретирован населением республик в коннотациях демократизации жизни, а был расценен как слабость» [4, с. 224].

В этой связи высказанная Н.Ф. Бугаев идея о том, что «статус всех составляющих Российскую Федерацию должен быть единым, как более приемлемый – края, области» [1, с. 23], видится перспективной и оправданной. Схожие мысли высказывают и другие авторы [2, с. 60-62]. Затратная и обременительная роль «старшего брата», навязываемая какому-либо народу, неминуемо будет вызывать ксенофобию и защитный этнический экстремизм. На сегодняшний день имеет место обострение т.н. кавказского вопроса, в основе которого «лежит порочная практика подавления русского национального самосознания и, с другой стороны, ублажение всевозможных этнических элит за счет интересов русского народа, по сути, лишенного в РФ субъектности» [7, с. 49]. В случае продолжения нынешнего политического курса, его последствия могут иметь достаточно пессимистическое завершение. Есть сценарии, рисующие распад России и потерю ею своего суверенитета [7, с. 64].

В условиях Северного Кавказа попытка создания государственности на этнической основе выливается в дискриминацию «титულიной» нацией всех других этносов. Наиболее уязвимыми здесь оказались русские. За их счет происходило самоутверждение титульных народов, рассчитывавших решить свои проблемы вытеснением славянских конкурентов. Отмечается, что в настоящее время «задача по сокращению по разным причинам численности русских, надо признать, решена «успешно» в Республике Дагестан, Чеченской, Ингушской республиках, частично в Карачаево-Черкесской Республике. Однако трудно сделать вывод об улучшении жизни народов этих республик, да и общего состояния самой государственности. Следует иной вывод: эта отрицательная практика не оправдала себя, да и не могла она себя оправдать» [1, с. 32].

Обращает на себя внимание тот факт, что меры по прирастанию титульных наций осуществляются за счет федерального бюджета. Так, например, происходила социальная адаптация черкесских переселенцев из Косово, прибывших в Адыгею из охваченной войной Югославии. Но закончилась эта акция, инициированная местными властями, тем, что «многие из прибывших соотечественников отбыли обратно. В то же время под натиском изгонялись представители других национальностей, прежде всего русские» [1, с. 33]. Причины того, почему «земля предков» показалась для них менее привлекательной чем их балканская родина, требует отдельного исследования. Расширенные квоты на «возвращенцев» не используются за отсутствием желающих [6, с. 344]. Впрочем, Адыгея здесь не исключение. У потомков осетинских «мухаджиров идеализированный ореол исторической родины был разрушен после того, как участились их контакты с Осетией в 1990-е годы» [5, с. 161].

Неоднозначную оценку заслуживает принятый 26 апреля 1991 г. закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Как уже говорилось выше, меры по экономической, политической и культурной реоби-

литации предпринимались непосредственно во время возвращения депортированных этносов на их «малую Родину». Теперь же, «принятие этого Закона способствовало усилению конфронтационной ситуации на местах, породило неразрешимые проблемы, вызвало к жизни муссирование общества вокруг надуманных разных идеологических посылок» [1, с. 49]. И как следствие – раздача «откупных» и межэтнические конфликты.

Не сразу прошла эйфория, связанная с надеждами на гуманистический потенциал, заложенный в религии, которая, как казалось, может нормализовать отношения между народами Северного Кавказа. На практике религиозные лозунги стали использоваться в террористической борьбе куда более успешно, нежели в миротворческой практике. Проходя обучение в арабских странах, многие богословы с Кавказа возвращаются домой с антирусскими и антихристианскими убеждениями, считают своих земляков недостаточно верующими людьми, с которыми следует бороться с помощью насилия [1, с. 125].

Обращает на себя внимание увлеченность части этнической интеллигенции проблемами своего исторического и культурного наследия. При этом, «самоутверждение личности происходит не в реализации собственного потенциала, а в манифестации своей этнической группы. Но если сегодняшние достижения культуры народа не блестящи, о чем свидетельствуют стагнация экономики и низкий уровень жизни значительной части населения, то компенсировать это можно, актуализируя архетипический комплекс маскулинности. Его и поддерживают идеологи-почвенники. Для них самих эта деятельность имеет огромный компенсаторно-практический смысл – утвердить свою значимость в этнической культуре, заглушившая профессиональную неконкурентоспособность.

Та часть интеллектуальной элиты народов, которая занята созидательным трудом (образованием, медициной, наукой и др.), не нуждается в такого рода компенсации и поэтому ориентирована на центральную зону российской культуры, к которой сама и принадлежит. Для ее представитель этничность – личностный выбор, свои собственные частные характеристики, внутренний мир» [4, с. 226]. Представляется, что возможность реализовать свой личный потенциал выходцы из Кавказа, как правило, могут лишь выехав за пределы региона, где от них требуется не столько продемонстрировать приверженность «заветам предков», сколько доказывать свои деловые и профессиональные качества. Отсюда и усилившаяся «колонизация» традиционно русских районов страны выходцами из северокавказских республик. Противоречивость этого закономерного процесса видится в том, что, стремясь вырваться из подавляющего их образа жизни, они зачастую стремятся сохранить его в иноэтничной среде, прибегая к агрессивной демонстрации своей «особости» и тем провоцируя ксенофобию со стороны этнического большинства [11].

Что касается увлеченности «презентивной историей», которую ряд современных исследователей считают второстепенным занятием, забирающим непропорциональные ресурсы [10, с. 10], то польза от нее в нынешней ситуации видится гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Мобилизуя этнос вокруг идеи «славного прошлого» и «былых обид», нанесенных «враждебными соседями», можно успешно шантажировать федеральные власти перспективой разрастающегося конфликта, добиваясь все новых преференций.

В преддверии Олимпиады в Сочи активизировался процесс исторического мифотворчества вокруг черкесской проблематики. Среди наиболее часто муссируемых тем вопрос о геноциде, якобы имевшем место в XIX столетии. Имеющиеся доводы сводятся к тому, что адыгов переселяли насильственно на земли не пригодные для жизни, Сочи – место, где уничтожили убыхов, а их малочисленные остатки умерли на чужбине, да и вообще у адыгов не оставалось никакой возможности остаться на земле предков и т.п. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все эти факты не соответствуют действительности и написаны скорее «по мотивам» событий. Со стороны самых высоких российских инстанций (императора!) звучали призывы прекратить вооруженное сопротивление и переселиться на равнины, в места, где по соседству уже живут русские поселенцы, своим примером доказывая преимущества жизни на равнине. Альтернативой могла быть только продолжающаяся война. Аргументом в пользу тех, кто внял доводам рассудка, служат аулы Уляп, Хатукай, Кошехабль и т.д. Убыхи в полном составе, организованно перебрались в Османскую империю, но, будучи носителями пограничной (между абхазами и адыгами) идентичности, ассимилировались в новых условиях. На месте проведения будущей олимпиады никаких кровопролитных сражений просто не происходило, а знаменитая Красная поляна названа так по растущему здесь в изобилии папоротнику, имеющему в сумерках красноватый оттенок. Говоря о невзгодах и гибели в пути части т.н. мухаджиров, необходимо помнить, что это было вызвано не злым умыслом российской администрации, а тем, что исход адыгского населения, сагитированного своими вождями, приобрел массовый, не контролируемый характер. Обеспечить переселенцев всем необходимым оказалось невозможно, хотя государство и выделяло для этого значительные финансовые средства (289678 руб. 17 коп., т.е. 10 рублей на семью) [6, с. 235-309].

В настоящий момент «черкесский вопрос» активно используют как элемент политического давления на Российскую Федерацию. В качестве примера можно привести прожекты по созданию Великой Черкесии, прозвучавшие на Чрезвычайном съезде черкесского народа в ноябре 2008 г., конференцию, прошедшую в Грузии в ноябре 2010 г. и т.п. [8; 12]. За всеми этими демаршами стоят не только амбиции части региональной элиты,

но и геополитические интересы соперников России, не упускающих возможности расшатать ситуацию на южных рубежах своего конкурента.

Созданный 19 января 2010 г. Северо-Кавказский федеральный округ стал одним из наиболее проблемных в Российской Федерации. Для него характерна самая высокая дотационность, при этом государственный бюджет получает от округа лишь около 1,2% от всех налоговых поступлений. Регион отличается значительным конфликтогенным потенциалом, прежде всего межэтнической напряженностью и исламским экстремизмом [1, с. 310-311; 10, с. 155].

Между тем, эксперименты с экономическими преференциями, предоставляемыми республикам Северного Кавказа, имели далеко не те последствия, которые ожидал федеральный центр. Так, создание экономической зоны «Ингушетия» привело к тому, что сюда стали стекаться огромные деньги, а уровень безработицы при этом оставался высоким [4, с. 215]. Республика превратилась в криминальную дыру, в которой скрывались от налогов огромные средства, часть из которых шла на подпитку бандформирований.

Среди позитивных моментов современной российской политики в регионе, пожалуй, можно назвать осознание властями того факта, что дискуссии вокруг темы этнических территорий неминуемо приведут к децентрализации Кавказа. Любой шантаж по этому вопросу должен пресекаться властями всеми доступными средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое и настоящее. – М., 2011.
2. Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. – М., 2006.
3. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. - М., 2001.
4. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д., 2003.
5. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М., 2003.
6. Епифанцев А.А. Неизвестная кавказская война. Был ли геноцид адыгов? – М., 2010.
7. Кавказ 2011. Русский взгляд. – М., 2011.
8. Кешев: конференции по «черкесскому вопросу» проходят в Грузии, так как Россия не занимается этой проблемой // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/177889/>
9. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 февраля.
10. Российский Кавказ. Книга для политиков / под ред. В.А. Тишкова. – М., 2007.
11. Соколов-Митрич Д. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. – М., 2007.
12. Черкесская молодежь Северного Кавказа предлагает создать новую республику <http://south-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/144489>

А.Б. Мацухова (Нальчик)

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Толерантность – терпимость, доброжелательное отношение к окружающим, стремление к достойным компромиссам и к преодолению возникающих несогласий и конфликтов, склонность решать возникающие проблемы мирным способом – все чаще становится предметом внимания исследователей. И это не случайно. Только на пути толерантности человечество может избежать опасности взаимного истребления.

Проблема толерантности в настоящее время приобрела особую актуальность в связи с процессом глобализации, сталкивающей цивилизационные, религиозные, национальные и этнические идентичности различных культур и народов. На территории России много исторически сложившихся регионов, где веками жили представители разных этнических и культурных групп. Таким регионом, в частности, является Северный Кавказ. Живущие в этом регионе народы можно рассматривать как единую систему этнических групп. В сходстве исторических судеб, образа жизни, менталитета народов поликультурного региона заложены мощные основы для мирного, толерантного сосуществования.

Проблемы, связанные с существованием религиозных, этнических и культурных меньшинств в многонациональном государстве, в северокавказском регионе актуальны как никогда, поскольку здесь уже долгое время живут представители различных национальностей.

Рост этничности в регионе приводит к усилению этноцентризма, который в условиях снижения нравственного сознания общества чреват негативными последствиями. Усиливается разница между «своими» и «чужими», что приводит к росту национализма, межнациональной конфликтности и насилия в регионе в целом. Под «насилием», в данном случае, понимается применение определенным этносом, различных форм принуждения в отношении других этносов с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных привилегий. Господствующие этносы для сохранения своих привилегий применяют все средства насилия, вплоть до массового террора.

В этой связи, в таком полиэтничном регионе, которым является Северный Кавказ, национальные отношения должны строиться на основе общечеловеческой морали и принципах гуманизма.

Этническая толерантность трактуется современными исследователями как особая черта любого этноса, как неотъемлемый элемент структуры этнического менталитета, ориентирующегося на терпимость, признание легитим-

ности «чужой правды», отсутствие или ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор в межэтнических отношениях.

К факторам, влияющим на этническую толерантность, можно отнести: значимость этнической идентичности, установки на поддержание традиций, позитивное отношение к инокультурным группам, индивидуализм.

На наш взгляд, основой этнической толерантности в таком поликультурном регионе, которым является Северный Кавказ, может являться общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Отношение к группам с отличающейся культурой, религией является наиболее достоверным показателем уровня толерантности в поликультурном регионе.

Важно отметить, что национальные движения, этнические группы на Северном Кавказе играют очень важную роль в сохранении и развитии культурной целостности и сохранении уникальности больших и малых народов, в росте общественно-политической активности граждан. Но, к сожалению, в ряде случаев этнический фактор стал, в настоящее время основой для появления программ и действий, а также для пропаганды идей и установок, которые провоцируют нетерпимость, вызывают конфликты и насилие. Поэтому формирование идей толерантности в массовом сознании жителей региона должно выступать в создавшихся условиях в качестве основы сохранения безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головатая Л.В. Национально-культурные и этнические особенности проявления толерантности народов Северного Кавказа. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005.
2. Лебедева Н.М. Этническая толерантность в России и способы ее укрепления. – Ставрополь, 2003.
3. Тавадов Г.Т. Этнология. Словарь-справочник. – М., 1998.

Д.З. Паитова (Нальчик)

ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Что вообще такое «толерантность»? В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется следующим образом:

«... ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов,

готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [1, с. 69].

То есть, на первый взгляд, всё элементарно – толерантность есть терпимость. Однако так ли всё просто? Могут ли эти понятия считаться абсолютными синонимами? Мне кажется, что нет. Терпимость – это нечто пассивное, быть терпимым, на мой взгляд, значит безропотно переносить неприятное, тяжёлое соседство, переступать через себя, уступая другому. А быть толерантным – быть готовым заинтересоваться чужими обычаями, традициями, верованиями, отнестись к любой разнице между людьми положительно. Разумеется, при этом нужно иметь в виду, что толерантность имеет свои границы, т.е. наличие неких моральных пределов, позволяющих не смешивать толерантные отношения с вседозволенностью и безразличием к важнейшим человеческим ценностям.

Я попыталась провести своего рода опрос среди своих друзей – людей разных наций, вероисповеданий, но примерно одного возраста. Я предложила им ответить на один-единственный вопрос – как они понимают слово «толерантность» и как относятся к этому понятию. И получила следующие ответы:

Беслан, 23 года, абхаз, православный:

Толерантность очень важна. В мире множество наций и понимать то, что нам чуждо - это большая мудрость. Так было всегда. Но сегодня мы живем во времена глобализации. И возникает вопрос - стоит ли продолжать следовать обычаям наших предков? Продолжать верить в Бога и так далее? И лично мне, как абхазу, сложно быть толерантным ко многим вещам.

Андрей, 21 год, белорус, православный:

У нас слова толерантность и терпимость в Беларуси являются синонимами.

Иналь, 18 лет, черкес, мусульманин:

Ну, я считаю, что нужно быть толерантным по отношению к окружающим, у каждого своя правда, навязывать свои убеждения, будь то религиозные или житейские, глупо, ведь свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Что касается религии, принцип мусульманства - единобожие, как бы Всевышнего не называли в других религиях, Он един. Мы просто называем его Аллахом. Нельзя заставлять других против воли принимать какую-то веру, она же ведь не зря "верой" называется, она сама должна прийти, для галочки такие вещи не делаются...

Сусанна, 16 лет, черкешенка, определённого вероисповедания не придерживается:

Это же вроде терпимое отношение к людям, например, другой национальности, религии, и цвета, и заморочек музыкальных... Всего.

Рада, 21 год, черкешенка, атеист:

Терпимость к чему-то чужеродному, например, к другой культуре, религии и т.п. Не обязательно предполагает понимание, но признание это-

го иного явления (мнения) религии и т.д. имеющим право на жизнь... как-то так, если своими словами.

Юрий, 20 лет, русский, атеист:

Толерантность - это смирение, снисхождение. Уважение чужих взглядов и вкусов.

Адам, 19 лет, серб, православный:

Термин «толерантность» является продуктом человеческих заблуждений, главное из которых - пацифистская идиллическая демократия. На таком фундаменте и дом стоит косо. А что такое «толерантность» по своей сути, если не открывать словарей? Толерантность - признание, что все люди равны, даже те, которые хуже, даже те, которые морально уродливы. Это либерально. Это демократично. А какое общество осмелится сказать, что оно не демократично? Да нет таких. Это завет президента "любите друг друга, братья и сестры" (условно). И во имя этого можно плюнуть на национальные традиции, устои, пережившие века, на свою историю, живя во лжи? Мы не братья и сестры, друг мой, мы разные, и не должны забывать или переступать через некоторые преграды, которые не дают нам просто подойти и пожать друг другу руки. И поэтому мне не нравится это слово – «толерантность». ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ – вот что должно править миром, вот что заставляет нас не быть агрессивными животными по отношению друг к другу. А «толерантность» - ложь. Тот, кто призывает быть «толерантным», является шовинистом и мразью, ибо этим самым говорит: "подай руку собаке, она лучший друг человека". Да здоровые люди даже не думают о какой-либо разнице между собой и окружающих личностями, они просто живут, поэтому им и не надо быть "толерантными", ибо это знак, что "что-то с кем-то не так". Будьте людьми.

Нарек, 20 лет, армянин, православный:

Любовь и уважение к представителю другой культуры, который живет рядом. Да-да, именно любовь, а не терпеливое перенесение чего-то тягостного и неприятного.

Подведем итоги. К несчастью, большинство респондентов не уловило сути вопроса, или радостно пропустило его первую часть мимо ушей, по привычке начав объяснять, как толерантность важна для современного общества. Да, не спорю, она важна, но как мы можем говорить о толерантности, не до конца понимая, что она из себя представляет? ТЕРПИМОСТЬ – это нечто пассивное, быть терпимым, на мой взгляд, значит безропотно переносить неприятное, тяжёлое соседство, переступать через себя, уступая другому. А быть ТОЛЕРАНТНЫМ значит быть готовым заинтересоваться чужими обычаями, традициями, верованиями, отнестись к любой разнице между людьми положительно. Разумеется, при этом нужно иметь в виду, что толерантность имеет свои границы, т.е. наличие неких моральных пределов, позволяющих не смешивать толерантные отношения с вседозволенностью и безразличием к базовым человеческим ценностям.

Опрошенные молодые люди в лучшем случае поверхностно знакомы с этим понятием, и усердно делают вид, что согласны с «официальной версией» мироустройства – все люди братья, они должны относиться друг к другу с пониманием, уважением, интересом, забыв исторические обиды и вечные разногласия. В худшем же случае говорят правду – некрасивую, неугодную, но всё-таки правду – некоторым этносам, религиям, культурам практически невозможно понимать друг друга и уживаться в мире. Например, армяне и понтийские греки никогда не забудут геноцида со стороны турок, так же как и сербы не простят албанцам Косово и Метохию, ирландцы, шотландцы и валлийцы никогда не будут испытывать к англичанам тёплых чувств. Конечно, ситуации бывают разными, есть даже случаи браков между представителями «враждующих» этносов (и они не так редки, как может показаться). В современном глобализованном обществе проще и правильнее всего было бы переступить через эти «предрассудки», если можно так выразиться. Но с другой стороны – а имеем ли мы на это право? Имеем ли мы право забывать страшные трагедии и их жертв в угоду складывающемуся интернациональному обществу? И вообще, можно ли забыть такое, даже если очень захотеть? Если бы все-все люди смогли сделать это – они создали бы настоящее ТОЛЕРАНТНОЕ общество. Но такое идеальное отношение друг к другу абсолютно всех невозможно по многим причинам, это утопия. Но если отношение друг к другу не может быть **ОЧЕНЬ ХОРОШИМ**, обязательно ли оно должно быть **ОЧЕНЬ ПЛОХИМ**? Нет, нет и ещё раз **НЕТ**. Мы просто не можем себе этого позволить, иначе утонем в крови. То, что мы иногда не можем быть **ТОЛЕРАНТНЫМИ** друг к другу, не мешает нам быть **ТЕРПИМЫМИ**. Да-да, на помощь придёт терпимость – то самое безразличное, пассивное перенесение не слишком желанного соседства. Не так уж хорошо, но лучше, чем насилие. Да, это жизнь на острие, да, столкновение может произойти в любой момент, но ничего лучше человечество само себе предложить не может. Это не его вина – в этом вообще нет чего-то неправильного. Это просто **ТАК**, а не иначе.

Успокаивая себя самообманом, идеализируя окружающий мир и населяющих его, мы рискуем совершить большую ошибку – упустить момент, когда хрупкое равновесие мирного сосуществования будет нарушено. Не нужно забывать о том, что, как выразился один из респондентов, мы не братья и не сёстры, и не можем переступить через некоторые вещи, чтобы пожать друг другу руки. Но это не должно мешать нам относиться друг к другу спокойно, без агрессии и попыток навязывания другим своего видения мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994.

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ДАГЕСТАНА
В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ РЕГИОНА
КОНЦА XX в.**

Демократические преобразования в России в последние десятилетия характеризовались складыванием и развитием многопартийной системы, активизацией общественно-политической жизни в стране.

В Дагестане, как и в целом в стране, многопартийная система начала складываться на рубеже 80-90-х годов. На начало декабря 1991 года Министерством юстиции Республики было зарегистрировано 36 политических партий, общественно-политических движений и объединений, отражающих социально-политические и национальные интересы и требования всех слоев и прослоек народностей Дагестана.

Социально-экономические и политические процессы в стране и Республике, поляризация общества 90-е годы обусловили зарождение и развитие новых политических партий и общественно-политических объединений, изменение их политической окраски и целей. Всего на 1 января 2000 года Министерством юстиции Республики Дагестан было зарегистрировано 220 политических партий, национальных движений, общественных и религиозных организаций, общественных фондов [5, с. 612].

Политическая жизнь обогатилась разнообразными подходами, взглядами на решение социально-экономических, общественно-политических и духовных проблем Дагестанского общества. Общественные организации, занимаясь идеологической и разнообразной политической деятельностью, пытались влиять на развитие политической обстановки, решение актуальных задач экономического, социального и духовного развития Дагестана.

Новым элементом общественно-политической жизни Дагестана стали национальные движения, которые зародились в конце 80-х годов с появлением благоприятных возможностей для утверждения плюрализма идей и мнений в обществе. Создание национальных движений в республике было обусловлено нарастанием трений и проблем в расстановке кадров высшего административно-государственного аппарата, трудностями и ошибками в решении социально-экономических и культурных вопросов конкретных этносов [5, с. 622].

Среди них наибольшую активность проявляли аварское народное движение (АНД), кумыкское народное движение (Тенглик), лакское «Каз-Кумух», лезгинское «Садвал», ногайское «Бирлик», «Кизлярский круг Терского казачьего войска».

Национальные движения Дагестана зародились как сугубо просветительские, культурные, преследующие благородные цели: возрождение

истории, культуры, языка, содействии решению экономических проблем конкретных этносов многонационального края.

Однако довольно быстро национальные движения республики отошли от просветительских идей и целей, началась весьма интенсивная их политизация, причем в ряде случаев в их деятельности проявились радикалистские, экстремистские тенденции. Среди активистов национальных движений появились лица, которые, оправдываясь своей «патриотической» позицией, апеллировали к чувствам людей и умышленно толкали их на действия, чреватые непредсказуемыми последствиями. В этой связи, давая оценку деятельности национальных движений, съезд народов Дагестана, состоявшийся в 1992 году, указал: «Заметное влияние на общественно-политическую обстановку в республике оказывают возникшее в последние годы многонациональные движения и другие общественные объединения. Хотя в целом они играют определенную роль в повышении политической активности населения, своими выступлениями они побуждают органы государственной власти и управления критически оценивать свои действия, нельзя умалчивать и то что неконструктивные противопоставленные действия, инсценируемые лидерами некоторых движений, не расставили под серьезную угрозу мир и спокойствие в Дагестане [3, с. 6].

Тем не менее, национальные движения сыграли заметную роль в пробуждении национального самосознания и интереса к духовному наследию народов горного края, творческому наследию и общественно-политической деятельности представителей национальной интеллигенции. Правда, нередко деятельность их преподносилась исключительно в розовых очках. Национальные движения Дагестана возродили демократические формы борьбы за реализацию собственных идей и политических установок.

Заметное оживление деятельности национальных движений в республике и их желание скоординировать свою деятельность проявилось во время выборных компаний в законодательные органы, во время выборов в Государственную думу в РФ они образовали «Общественный блок», в которой вошли: кумыкское народное движение «Тенглик», «Межрегиональное общество ногайского народа», «Берлик», «Кизлярский круг Терского казачьего войска», Славянское общественное движение «Россия». Основная задача нового блока заключалась в объединении усилий предвыборной компании. Была определена единая команда кандидатов, которые вошли: С. Алиев – председатель КНД «Тенглик», выдвинутую блоком «Совет федерации» И. Заргишиев - депутат бывшего ВС РФ и Ю. Кульчик, в Государственную Думу.

Кандидатура И. Умаханова в государственную думу РФ в 1995 году была поддержана народным фронтом имени Шамиля и даргинским народным движением «Цогели».

Национальные движения стали фактом политической жизни Дагестана и во многом заполнили ниши, в обществе которые должны были быть заняты организациями гражданского общества и политическими партиями. Более

того, в условиях ослабления и паралича власти отдельные лидеры этих движений и криминальные авторитеты брали на себя функции параллельного правосудия. Возникла угроза, что всякий конфликт (хозяйственный или бытовой) могли перевести на межнациональную почву [2, с. 17].

Руководители национальных движений осознанно или неосознанно своими действиями обостряли межнациональные отношения в республике. Нередко они использовали существующие проблемы для достижения целей политического характера, прежде всего для обеспечения доступа к властным рычагам. Так, в свое интервью в газете «Дагестанская Правда» в 1997 году лидер Лакского народного движения «Кази-Кумух» заявил: «В Дагестане существует ряд проблем, которые оптимально разрешаются именно силами национальных движений. Официальная власть не предпринимает адекватных мер для решения проблемы переселения Новолака и единственная структура пытающаяся сегодня защитить интересы переселенцев – это лакское народное движение» [4, с. 4].

Руководство Дагестана самого начала возникновения национальных движений вело политику установления с ними диалога, привлекало их лидеров к разработке решений, имеющих важнейшее экономическое, политическое и социально-культурное значение. Например, при разработке новой Конституции Дагестана на всех этапах многие из лидеров национальных движений являлись членами конституционной комиссии и ее рабочей группы. Они же привлекались и подготовке и принимали активное участие в проведении 1992 году съезда народов Дагестана, ставшего событием огромного политического значения в истории народов республики, оказавшего сильное влияние на стабилизацию общественно-политической обстановки республике в тот период [1, с. 11]. Однако, признавая, что взятый руководством республики курс на сотрудничество, а не на конфронтацию с национальными движениями, хоть и послужили во многом фактором, стабилизирующих обстановку в Дагестане все же нельзя считать оправданной политику привлечения отдельных лидеров и активистов национальных движений, отличившихся своими националистическими взглядами, в органы государственной власти и управления республики назначений их на руководящие должности, поскольку это расширяло их возможности проведения именно удобной им политической линии.

Позиция властных структур республики хоть и была направлена не на конфронтацию, а на сотрудничество с национальными движениями, однако деятельность ряда национальных движений носила характер противостояния власти, что негативно отражалось на общественно-политической жизни республики в целом. Такая политика национальных движений не имела перспектив и поддержки со стороны народа, который был заинтересован в стабилизации и обеспечении единства республики.

Особенностью общественно-политического развития Дагестана в 90-е годы являлось то обстоятельство, что в период обострения политической

обстановки роль и значение национальных движений резко усиливались, политические партии и объединения нередко отходили на второй план.

Являясь разнородными политическими образованиями, национальные движения отражают весь спектр политических отношений и противоречий, проявляющихся в Дагестанском обществе. В их деятельности наряду с позитивной, в ряде случаев проявлялись радикалистские, экстремистские тенденции, способные, в конечном счете, вызвать угрозу территориальному единству и национальному миру в республике [5, с. 625].

На сегодняшний день ни одно национальное движение не прошло перерегистрацию в главном Управлении регистрационной службы РФ по РД. Не проявляется активность с их стороны в общественно-политической жизни Дагестана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алиев М.Г. Программа решения проблем национальных отношений в республике Дагестан // Возрождение. - 1994.- №1.

2. Амиров С.Д. Особенности разрешения этно-конфессиональных конфликтов в Дагестане и многоэтнические сообщества в условиях трансформаций опыт Дагестана. - М., 2005.

3. «Дагестанская правда». – 1992. – 18 ноября.

4. «Дагестанская Правда». – 1997. – 18 августа.

5. История Дагестана с древнейших времен до наших дней в 2-томах. – Т.2. – Махачкала, 2005.

Я.Г. Попов (Армавир)

МОНИТОРИНГ УРОВНЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ АРМАВИРА (НА ПРИМЕРЕ АГПА)

В настоящее время в России проживает 5 848 700 студентов [5]. Большая часть из них это молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет. Они в значительной части обладают тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает их от других групп населения. К тому же нынешнее поколение молодежи является наиболее образованным за всю предыдущую историю человечества.

В студенческие годы происходит окончательно формирование личности и мировоззрения в целом, причем основополагающую роль в формировании последнего играет выбранное студентом учебное заведение. Здесь немаловажным фактором является отношение руководства к вопросам этнической толерантности, что особенно актуально для территории Северного Кавказа. Незаинтересованность руководства учебного заведе-

ния в данной проблеме может в будущем привести к возникновению конфликтов на межнациональной почве, к формированию у студентов позиции нетерпимости к представителям других этносов, что может весьма негативно отразиться на стабильности всей ситуации в вузе и на дальнейшей судьбе каждого из его выпускников.

Студенчество города Армавира – это конгломерат молодых людей самых различных национальностей, чье процентное соотношение в целом повторяет данные переписи по краю. Так, в средних и высших учебных заведениях города учится порядка 80 % представителей титульного (русского) этноса.

В марте 2012 в рамках инициированного нами проекта «Мониторинг уровня межэтнической напряженности в студенческой среде Армавира на примере АГПА» среди студентов нашего вуза было проведено соответствующее анкетирование. Определение уровня межэтнической напряженности строится, прежде всего на анализе отношения молодых людей к ряду вопросов, касающихся различных аспектов межнациональных отношений [3].

Всего было опрошено 106 студентов различных специальностей из которых 77 человек - русские (или 73,58%), 7 – метисы (или 6,6%) и 21 человек – представители различных кавказских народов (или 19,81% причём из них 16,98% - армяне, что характерно для нашего города, в котором армяне второй по численности народ). Большинство респондентов проявили огромный интерес к данной теме и отвечали очень вдумчиво, подолгу размышляя над каждым вопросом. Особенно эта тема тронула представителей кавказских национальностей, среди них не было ни одного студента, который отнесся бы к предложенной ему анкете легкомысленно. Каждый из них старался дать полный развернутый и аргументированный ответ на вопросы, где не предполагалось вариантов ответа. Среди же представителей титульной нации были те, кто практически не задумываясь отмечал приглянувшиеся ему варианты ответа, зачастую не давая никаких комментариев. По нашему мнению это говорит о том, что вопрос межэтнических отношений не носит для большинства русского населения города острый, конфликтный характер. В то же время обостренное внимание к подобным проблемам у большинства студентов кавказского происхождения говорит о чувстве этнического дискомфорта, формирующегося у этих ребят в преимущественно иноэтничной (и зачастую иноконфессиональной) для них среде Армавира. Нельзя не отметить и тот факт, что среди анкетированных встретилось небольшое количество респондентов с крайне радикальными взглядами в национальном вопросе.

Тем не менее, в целом картина весьма позитивная. Большинство продемонстрировали свою открытость к межэтническому контакту. Отвечая на вопрос «может ли человек другой национальности стать вам хорошим другом», 55 респондентов (или 51,89%) считают, что «ничто не может помешать настоящей дружбе». 41 респондент (38, 68%) отметили, что при межнациональной дружбе необходим некий компромисс, т.е. той или иной сто-

роне надо изменить свое отношение к некоторым вещам, своё поведение, привычки и т.д. И наконец, 10 (9,43%) студентов считают, что такая дружба невозможна и отношения могут остаться лишь на уровне знакомства. Таким образом, мы видим в целом достаточно высокий уровень открытости студентов к межэтническому контакту. Примерно 90% студентов АГПА предрасположены к близкому общению с представителями иных культур.

Интересна разница в ответах по этому вопросу среди студентов различных специальностей – гуманитарных и технических. Так, среди студентов технических специальностей за открытость к межэтническому контакту выступили 97,8%, а среди гуманитариев 85,24%. Это свидетельствует о том, что студенты гуманитарных направлений больше заинтересованы историей международных отношений и на формирование их жизненной позиции и их отношения к представителям других культур несколько больше влияют события, которые произошли между различными народами в прошлом. В то время как «технари» прежде всего, рассматривают человека как работника, оценивают насколько приятно будет иметь с ним дело, насколько продуктивна будет совместная деятельность и к каким результатам она приведёт [2, с. 179-192].

Что касается развития межнациональных отношений на уровне семьи, мнения студентов разнятся. В вопросе межэтнических браков 25 (или 23,58%) опрошенных «собираются вступить в брак только с представителем своей национальности», в чем можно увидеть желание сохранить самобытность своего народа. 30 (или 28,30%) отметили, что они «не против межнационального брака, но не с каждым народом». Как нам видится, довольно значительный процент таких ответов объясняется сформированностью у ряда горожан определенных этнических стереотипов, прямо влияющих на открытость к межэтническому контакту с представителями ряда национальностей. А ведь межэтнический брак – это высшая форма готовности к межнациональному контакту. Кроме этнических стереотипов, нередко навязываемых СМИ, существует и негативная историческая память, также влияющая на складывание межэтнического сотрудничества. Так, например, брак армянина и азербайджанки очень маловероятен в связи с событиями в Нагорном Карабахе (1987-1994) или, например, чеченца и русской из-за Кавказской войны XIX века и двух чеченских войн (1994-2000). Причем подобным бракам будут активно препятствовать родители, являющиеся современниками или тем более очевидцами тех событий. А вот, например, брак русского и украинки вполне возможен, так как эти народы родственны по языку, религии и культуре, и на протяжении многих лет живут в мире и согласии. 51 (или 48,11%) респондентов считают, что в вопросе заключения брака национальность вообще не важна и «родители не должны препятствовать развитию подобных отношений», что связано прежде всего с нарастающими процессами глобализации и особенно культурной интеграции, которые все больше приобретает силу в последнее время.

Что примечательно, в вопросе брака мнения студентов различных национальностей, вероисповедания, специальностей и разного пола в процентном соотношении не изменяются. Скорее всего, это связано с тем, что межэтническое сближение на уровне семьи всегда находило как много сторонников, так и много противников и не зависит от перечисленных категорий.

Для того чтобы выяснить является ли этничность важным фактором в отношениях, студентам был задан вопрос «делите ли вы жителей нашего города на своих и чужих по национальному признаку». 9 (или 8,49%) считают, что чужие остаются чужими, даже живя с нами в одном городе. 59 (55,66%) считают, что «мы разные только в культурном плане», но несмотря на это мы очень похожи и тот факт, что мы живем в одном городе важнее наших культурных различий. 38 (или 35,85%) респондентов выбрали вариант «мы являемся особой общностью – мы люди Северного Кавказа», что свидетельствует о высоком стремлении этих людей к интеграции. Причем среди представителей кавказских народов этот вариант ответа выбрали 66,67%, что говорит о том, что современное поколение кавказской молодежи стало более дружелюбным по отношению к другим этносам, оно уже в заметной степени интегрировано в общероссийскую культуру, хотя и продолжает сохранять значительную долю культурной и конфессиональной самобытности.

В целом ответы на этот вопрос представляют достаточно обнадеживающую картину. Более 90% студентов не разделяют своих соседей по национальному признаку и стало быть готовы к развитию личностных отношений и организации совместной деятельности, что немало важно для нашего города как в социальном, так и в экономическом плане.

Следующей ступенью нашей работы было определение уровня развития национализма, в первую очередь у численно доминирующего русского контингента. Был задан вопрос: «поддерживаете ли вы лозунг Россия для русских» - на что 19 (или 24,67%) представителей русского этноса ответили положительно, 48 (62,34%) отрицательно – 21 (27,27%) не смогли определиться. Среди представителей кавказских народов более 90% естественно ответили отрицательно, подчеркивая, что «Россия всегда была многонациональной страной». В рамках вопроса респондентам было предложено объяснить как конкретно они данный лозунг понимают, ведь в зависимости от вложенного в предлагаемую фразу смысла могли меняться и варианты ответов. Большинство студентов написали, что понимают его как исключительно нацистский лозунг, предполагающий крайне радикальное отношение к другим народам. Но у некоторых мнение совпало с известной формулировкой В.Ф.Жириновского: «Что хорошо для русских - то хорошо для всей России, что плохо для русских - то плохо для всей России. Не будет русского народа - не будет самой России. А не будет России - не будет ни татар, ни удмуртов, ни якутов» [4, с. 3]. Также различный смысл вкладывается и в само понятие национализма: это и любовь к об-

щей земле, расе, языку и исторической культуре; это и стремление к политической независимости, безопасности нации и забота о её престиже; наконец, это и доктрина о том, что данная нация является или должна быть господствующей среди других наций и должна совершать с этой целью агрессивные действия. Однако, все же в целом можно сделать вывод, что студенты в основной своей массе (62,34%) имеют, прежде всего, установку на Россию как на *многонациональное государство*, в котором могут ужиться и уживаются самые различные народы.

Наш регион помимо большого количества различных национальностей имеет также и достаточно большое конфессиональное разнообразие. Однако в нашем городе ввиду того, что два самых многочисленных народа здесь русские и армяне, больше всего распространено христианство. Ни для кого ни секрет, что слово «атеист» на современном этапе ассоциируется с советскими временами, быть атеистом не модно и поэтому значительная часть русской молодежи позиционирует себя как верующие (православные, христиане), хотя преобладающая часть из них практически не знает основ собственной религии, не посещает церковь и не исполняет религиозные обряды. В связи с этим очень интересна конфессиональная идентичность, зафиксированная студентами АГПА в анкетах. Так, из 106 респондентов 55 (51,88%) отметили, что они православные, 39 (36,79%) в графе вероисповедания написали просто «христианство» без всякого разграничения, лишь 2 считают себя прихожанами армянской апостольской церкви и 1 студент указал, что он католик. Итого в целом к христианству приписывают себя 97 (или 91,51%), хотя среди них истинно верующих, правоверных христиан явно гораздо меньше, поскольку во всей России число истинно верующих и регулярно бывающих в церкви россиян не превышает 5-6% [1, с. 38]. Лишь 6 (или 5, 56%) респондентов не посчитали постыдным признаться в своих атеистических убеждениях. И наконец, всего 2,83% респондентов считают себя мусульманами. Связано это прежде всего с тем, что в Армавире проживает мало представителей этносов, исповедующих ислам.

Нейтральное отношение к религиозному вопросу проявляется также в том, что 64 (60,38%) студента указали, что им «безразличны религиозные убеждения другого человека, лишь бы сам человек был хорошим». 13 (12,26%) респондентов указали, что им наиболее приятно общаться с православными, а 14 (13,21%) в общем, с христианами, в чем нам опять-таки видится некое непонимание и неразборчивость студентов в религиозных делах. Здесь, как и в случае с атеизмом работает аналогичный, хотя и обратный принцип - модно называться христианином и носить крестик. Таким образом, можно говорить о весьма высокой готовности студентов к межконфессиональному контакту, что можно считать предпосылками развития высокого уровня межнациональных отношений. Ведь в прошлом религия играла даже большую дезинтегрирующую роль, нежели национальность.

Стремление бок о бок продолжать вместе мирно сосуществовать и развиваться в следующих вопросах анкеты продемонстрировали в равной степени, как русские, так и кавказские студенты. В вопросе «как по-вашему необходима ли независимость национальным республикам Северного Кавказа» 92 (или 86,78%) студента отметили, что это не нужно так как они «такие же субъекты РФ как и остальные, и при их отсоединении в них лишь ухудшится социальная обстановка и пострадает население», причем так в большинстве своем считают и русские (88,31%) и представители кавказских народов (80,95%). Остальные 13,2 % респондентов считают, что «республики Северного Кавказа должны исторически быть независимыми национальными государствами» и что «отсоединение может способствовать развитию определенных республик», что скорее говорит об их неосведомленности и недальновидности в некоторых вопросах национальной политики и экономики. В большинстве же своем студенты понимают, что дальнейшее сотрудничество, тем более в их многонациональном городе, есть залог успешного будущего.

Подводя итог можно отметить, что основная масса студентов АГ-ПА открыта к межэтническому диалогу, для них важнее кто с ними живет, а не какая у него национальность. Студенты считают свою страну неделимым единым многонациональным государством и считают, что все в нём могут прекрасно ужиться независимо от их национальности или вероисповедания. Также 90 (или 84,91%) студентов указали на необходимость обладания каждым человеком определенного уровня этнической толерантности и на необходимость развития данного направления в молодежной политике. Таким образом, уровень межэтнической напряженности в студенческой среде Армавира, выявленный на примере АГПА, можно охарактеризовать как крайне низкий. По нашему мнению сохранению данного уровня или по возможности его дальнейшему снижению всячески должно способствовать как руководство ВУЗа, так и администрация города.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дубин Б.В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – № 3 (71).
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. – М., 2004.
3. Орлов А. И. Прикладная статистика. – М., 2006.
4. Резолюция XIX съезда ЛДПР // Газета ЛДПР. – 2007. – № 9 (208).
5. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/obrg-v1.htm

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Русско-северокавказское цивилизационно-культурное взаимодействие уходит корнями во времена Киевской Руси, развивается сложно и неоднозначно, но является определяющим для современных этнокультурных процессов в регионе. Они занимают в истории России и Северного Кавказа особое место.

В цивилизационно-культурологическом аспекте существуют различные, подчас взаимоисключающие подходы к пониманию России и Северного Кавказа, их роли в региональной и мировой истории. В XVI-XVII вв. диалог двух цивилизаций носил в целом взаимообогащающий характер, преимущественно ознакомительный, который в политическом плане, несмотря на периодические конфликты, выражался в союзно-вассальных отношениях и в постепенном нарастании пророссийской ориентации владетелей и вольных обществ Северного Кавказа. Горские народы испытали кризис самоидентификации. Угроза потери независимости, необходимость преодоления этнической, клановой и социальной разобщенности активизировали исламизацию Северного Кавказа как интеграционного фактора. Шамилю удалось впервые создать объединенное исламское государство Чечни и Дагестана, связанное и с адыгами Северо-Западного Кавказа. Попытки Шамиля перестроить социальную и клановую структуру горского общества, вытеснить адаты (обычное право) шариатом имели глубокие цивилизационно-культурные и психологические последствия. В то же время исламизация не смогла разрушить традиционалистское ядро, обеспечивающее самоидентичность горских народов. Фронтальное столкновение горской цивилизации с российской в годы Кавказской войны носило противоречивый характер. Часть горской элиты и горских обществ колебалась, переходя от одной стороны к другой, часть преимущественно продолжала придерживаться российской ориентации.

Современная культура Северного Кавказа исторически сформировалась в результате диалога кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX в. Поэтому она отличается сложной многослойностью, полисубъектностью, синкретизмом. На Северном Кавказе, как и в других обществах, в условиях кризиса и процессов дезинтеграции проявляется архаический синдром, т. е. возрождение комплекса архаических явлений, представлений, стереотипов и норм поведения, размывание или сужение сферы рационального, усиливается воздействие иррационального и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, укрепляется мифологическое мышление. Этот процесс проявляется на разных уровнях и в различных формах. Актуализация традиционной культуры происходит для нынешнего поколения с того време-

ни и состояния, как она пережила свою катастрофу, т. е. с XVIII - первой половины XIX века (до окончания Кавказской войны). В связи с этим возросло внимание к формированию исторического сознания горских народов как фактора, определяющего этническое и панэтническое самосознание, а тем самым культурно-цивилизационную самоидентификацию.

Прессу региона всех субъектов РФ на Северном Кавказе захлестнул поток псевдонаучных и наукообразных публикаций (монографий, статей, публицистики) по проблемам истории отдельных народов, которые в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном - в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма. В изучении русско-северокавказских отношений основной акцент делается на военном противостоянии с Россией, при этом идеализируются восточные каналы культурного развития и политика в кавказском вопросе европейских государств. Таким образом, в цивилизационно-культурном взаимодействии на Северном Кавказе идет борьба различных тенденций как консенсусного, так и конфликтного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алародии: этногенетические исследования. – Махачкала, 1995.
2. Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. – Грозный, 1988.
3. Дагестан в эпоху великого переселения народов. Этногенетические исследования. – Махачкала, 1998.
4. Жданов Ю. А. Введение // Современное кавказоведение: Справочник персоналий. – Ростов н/Д, 1997. – С. 10.
5. Зобов Р. А., Келасев В. Н. Мифы российского сознания и пути достижения общественного согласия. – СПб., 1995.

А.М. Сайдарханов (Гудермес)

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Важнейшим условием успешности демократических процессов является активное участие гражданского общества во всех общественных делах. Для этого в современной России принимаются меры для развития структуры гражданского общества, формирования в ней социально-политических институтов, способных максимально полно и точно артикулировать и агрегировать интересы различных социальных групп населения, а также развитие активных и эффективных коммуникаций между ними.

Для полиэтничных и поликонфессиональных регионов, подобных Северному Кавказу, большое значение имеют вертикальные и горизонтальные коммуникации представителей разных этно-конфессиональных социальных групп, компактно проживающих на относительно небольшой территории региона с плотностью населения в 5-6 раз превышающей среднестатистические показатели для европейской части России. Развитие межэтнического согласия и межконфессионального диалога обеспечивают межкультурные коммуникации, которые имеют разные направления, степени активности и интенсивности, характер.

Политико-правовые предпосылки для межкультурных связей-отношений создаются социально-политической системой, которая формируется на федеральном, региональном и местном уровнях, оказывает императивное влияние на все сферы общественной жизни. Но основная часть жизни людей проходит оседло в конкретных социально-поселенческих группах, в которых люди реализуют свои биогенные, социогенные и духовные потребности. Поэтому структура местных сообществ, характер отношений между его членами, взаимодействие с другими местными сообществами, иными формами общественных объединений, органами государственной власти и местного самоуправления имеют большое значение для удовлетворения потребностей людей. Каждое местное сообщество имеет своеобразные формы организации и методы деятельности, что превращает их в универсальный механизм выявления и реализации актуальных проблем населения.

Для определения места и роли местных сообществ в современном гражданском обществе России обратимся к определению их сущности, которая пока не имеет общепринятого определения и закрепления в правовых документах. Некоторые авторы предлагают под «местным сообществом» понимать любое множество социальных отношений, осуществляемых главным образом внутри некоторых границ поселений или территорий, или социальную сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории, или наименьшую территориальную группу, которая может охватывать все аспекты человеческой жизни [1]. Другие авторы считают, что термином «местное сообщество» можно определять группу людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов развития ресурсов территории с целью обеспечения своей жизнедеятельности, сформировавших публичную власть и органы управления для осуществления процесса развития [2].

Но наиболее важным для понимания сущности местных сообществ имеет Конституция РФ. В п. 1 ст. 131 Конституции РФ записано, что «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций». Следовательно, гражданам предоставлена свобода выбора форм местного самоуправления независимо от административно-территориального устройства, а местные сообщества можно рассматривать и как одну из форм самоорганизации населения в виде общественного объединения, и как

форму местного самоуправления. Однако, в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об основных принципах местного самоуправления в Российской Федерации» субъект местного самоуправления обозначается термином «муниципальное образование». Но понятие «местное сообщество» шире, чем «муниципальное образование», ибо не все местные сообщества соответствуют требованиям, предъявляемым к муниципальным образованиям. Поэтому в исследованиях местных сообществ большое значение отводится их структурно-функциональному анализу.

В структуре местных сообществ выделяются три вида компонентов: территориальные, социологические, психокультурные [3]. Они указывают на наличие общих территориальных, социальных, культурных, психологических и иных открытых и латентных внутригрупповых связей-отношений, зависящих от степени общности совместно проживающих граждан (сограждан).

В свою очередь, интересы членов местных сообществ подразделяются на профессиональные, этнические, гендерные, конфессиональные, образовательные, досуговые и иные. Их синтез в каждой социально-территориальной группе образует неповторимое многообразие форм и методов реализации общественных, групповых и индивидуальных интересов граждан. Вследствие этого в структурах местных сообществ выделяются элементы, различаемые по месту и роли в общественной жизни. Совокупности таких элементов динамичны, образуют процессы, в которых могут существенно изменяться, выделяться те или иные доминанты в зависимости от конкретных исторических условий, направлений планомерного организованного или спонтанного развития сообществ, природно-климатических и иных факторов.

Миграционные процессы, активизировавшиеся в России с 1990-х годов, приводят к тому, что в некоторых поселениях наряду со «старожилом» (коренным) населением проживают переселенцы («новопоселенцы»), имеющие этнические, экономические, культурные, конфессиональные и иные отличия. Замечено, что при небольшой численности и разобщенности «новопоселенцы» стремятся быстрее войти в местное сообщество, занять в нем равноправное положение с другими согражданами. При этом мигранты готовы проявлять высокий уровень толерантности. Они готовы воспринимать культуру и социальные нормы местного сообщества, «сливаться» со «старожилом» населением.

Необходимым условием включения новопоселенцев в местное сообщество является доброжелательное отношение к ним «старожилого» (коренного) населения.

В противных случаях, которые обусловлены не только поведением «старожилов», но и завышенными претензиями «новопоселенцев», мигранты «капсулируются», замыкаются, формируют свои закрытые сообщества, не развивают межкультурные коммуникации и проявляют инновационную активность, а иногда и агрессивность, в поиске собственного высо-

кого социального статуса во всем местном сообществе. Вследствие этого нарушается единство местного сообщества и естественно возникающее конкурентное взаимодействие сограждан трансформируется в конфликты между «старожилами» и «новопоселенцами», проходящие под девизами: «Понаехали тут всякие», с одной стороны, и «Местные нам не указ, мы установим здесь свои порядки», с другой стороны.

Социальная опасность таких конфликтов очевидна. Она уже неоднократно проявлялась в разных регионах России и зарубежных странах, выливалась в кровопролитные межэтнические и межконфессиональные столкновения.

Практика разрешения аналогичных социальных конфликтов в России, Англии, Германии, Франции, Турции и других государствах показывает бесперспективность силовых методов. Конфликтующие стороны неизбежно вступают в переговоры. При этом, как показал опыт Германии, уступки «новопоселенцам», сохраняющим существенные инокультурные отличия и не желающим воспринимать культуру коренного населения, приводит к радикальному изменению социокультурной среды в стране, вызывает у коренного населения дискомфорт и желание всемерно защитить свои исконные социокультурные интересы.

Члены местных сообществ, заботящиеся о формировании комфортной среды обитания, осознанно или интуитивно стремятся налаживать, укреплять и развивать межкультурные коммуникации между всеми жителями поселений. Для этого в местных сообществах создаются национально-культурные автономии и другие типы национальных общественных объединений [4], которые имеют направленность не только на объединение представителей определенных этнических групп для самостоятельной реализации национально-культурных интересов, но и на формирование благоприятных условий для их включения в местное сообщество в качестве равноправных членов.

Межкультурные коммуникации, осуществляемые местными сообществами, способствуют формированию солидарности, взаимного доверия и конструктивного сотрудничества сограждан, создают предпосылки для взаимопонимания и обеспечения общественного порядка.

В условиях полиэтничных поликонфессиональных регионов особое значение приобретает деятельность местных сообществ по развитию культурных коммуникаций молодежи, которая обладает высокой мобильностью, коммуникабельностью, но не имеет устойчивых навыков реализации принципов толерантности. Содействовать выработке толерантного сознания и навыков соответствующего поведения молодежи призваны все члены местных сообществ и особенно молодежные органы и учреждения государства и муниципальных образований, семьи, молодежные объединения.

Местные сообщества поселений Северного Кавказа, как правило, имеют многонациональный полиэтничный состав и накопили значительный опыт ведения межкультурных диалогов в разных исторических усло-

виях. Изучение этого опыта и широкое распространение успешных методов межкультурных коммуникаций имеет большое значение для местных сообществ, выработки научно обоснованных рекомендаций по использованию местных сообществ в качестве акторов гражданского общества современной России, а также для решения практических задач обеспечения межэтнического согласия и межконфессионального диалога в северокавказском регионе и Российской Федерации в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющихся условиях // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике (Материалы к XIII социологическому конгрессу). Ч.1. – Новосибирск, 1994.
2. См.: Лапин В. Местное сообщество и государство: состояние – 98 и цели – 99 // Наш современник. – 1998. – № 7. – С. 199-211.
3. Чихладзе Л.Т. Историко-теоретические аспекты развития местного самоуправления и местного управления в государствах Европы // Политика и право. – 2005. – № 9. – С. 24.
4. О составе национально-культурных автономий и национальных общественных объединениях в Ставропольском крае см.: URL: www.stavkomnat.ru/index.php/natsocunion/83-nateulturunion (обращение: 10.11.2010)

Б.А. Синанов (Владикавказ)

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И МЕЖЭТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

С сентября 2012 года во всех субъектах Российской Федерации вводится обязательный для изучения в четвертом классе комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (далее – ОРКСЭ). Комплексный учебный курс ОРКСЭ включает в себя шесть модулей (предметов): основы православной, исламской, буддийской, иудейской культуры, историю мировых религиозных культур и основы светской этики. Что предпочтет четвероклассник – решать ему и его родителям.

Что касается дальнейшего изучения курса духовно-нравственных основ, то в новых стандартах основной школы его планируется продолжить. Вопрос – как двигаться дальше – сейчас активно обсуждается на всех уровнях. В условиях Северного Кавказа проблема становления и развития духовного образования встает наиболее остро.

Северо-Кавказский регион – уникальная историко-культурная и географическая область на юге России, в этническом и конфессиональном плане представляющая собой пеструю палитру народов и верований, не просто сконцентрированных на ограниченной территории, но и перемешанных в результате многовекового исторического развития. В этнолин-

гвистическом плане Северный Кавказ представлен народами трех крупных языковых семей: иберо-кавказской, индо-европейской и алтайской. К иберо-кавказской языковой семье относятся народы абхазо-адыгской группы: абазинцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы; нахо-дагестанской группы: ингуши, чеченцы, аварцы, лезгины, даргинцы, кубачинцы; картвельской группы: грузины [11]. К индо-европейской языковой семье относятся народы иранской группы: осетины, таты; славянской группы: русские (субэтносы: терские казаки, кубанские казаки); армянской группы: армяне; греческой группы: греки. Алтайская языковая семья представлена тюркской группой: кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы. В представленной этнической картине Северного Кавказа, мы упомянули лишь наиболее многочисленные, населяющие регион, народы.

Следует также учитывать, что национальные и демографические процессы на Северном Кавказе, связанные с перемещением народов внутри региона и усложнением этнической картины, а подчас, наоборот – упрощением – созданием мононациональных образований, не остались достоянием далекого прошлого. Напротив, на рубеже XX – XXI вв. наблюдаются интенсивные этнодемографические процессы, в которых, еще в 1960–70 гг. намечались две противоположные тенденции. Первая из них состоит в сокращении доли «нетитульного» населения в пределах большинства национально-государственных образований и возрастании этнической однородности этих территорий. Данная тенденция связана не только с различием показателей естественного прироста между титульными группами с одной стороны и русскими, с другой (а именно русские составляют большинство нетитульного населения автономий/республик). Ее также питают явно обозначившиеся различия в миграционных направлениях и этническом составе мигрантов. Противоположная первой этнодемографическая тенденция связана с усложнением этнической композиции в пределах нетитульных/русских территорий (главным образом за счет хозяйственно-миграционного притока этнических меньшинств), а также в некоторых субрегионах национально-государственных образований [10, с. 100].

К сожалению, решающим фактором в кардинальной реконструкции этнического состава населения многих субрегионов всего Кавказа являются вооруженные конфликты. Разрушение единого советского пространства, эскалация целой цепи вооруженных конфликтов (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Северная Осетия/Ингушетия, Чечня) становятся факторами массовых вынужденных миграций, охватывающих значительные пространства Кавказа [10, с. 100].

Сложную этническую картину региона дополняет не менее сложная религиозная. Северный Кавказ – поликонфессиональный регион, в нем присутствуют все мировые религии, но доминируют ислам и христианство. Трудно переоценить ту роль, которую веками играла и играет религия в жизни народов Северного Кавказа. Анализируя конфессиональные отно-

шения в конце XIX в. политолог и философ А. Цуциев особо отмечает, что на Кавказе «религиозные идентичности зачастую преобладают над племенными, и, являясь более «политически» звучными, нередко оказывают и более серьезное влияние на динамику политических процессов в регионе» [10, с. 41]. Эта оценка актуальна и в наши дни.

И христианство, и ислам проникают на Северный Кавказ практически сразу после своего зарождения. Первая встреча алан Северного Кавказа с христианством связана с посещением этой страны св. апостолом Андреем Первозванным I в н.э. О раннем знакомстве алан с христианством говорит также рассказ из «Мученичества Воскеянов» и «Мученичества Сукиасянов» о мученической смерти крещеных алан от руки их соотечественников (V в.). Массовое распространение христианства в Алании приходится на начало X в. [2, с. 46-47]. На сегодняшний день православное христианство исповедуют русские, украинцы, белорусы (Краснодарский и Ставропольский края, русское население национальных республик), большинство осетин (Республика Северная Осетия – Алания), а также грузинская и греческая диаспоры. К Армянской апостольской церкви принадлежит большинство представителей армянской диаспоры, проживающей практически во всех субъектах Северного Кавказа.

В свою очередь появление ислама на Северном Кавказе связано с арабским завоеванием Дагестана в VIII в. С установлением политического господства Золотой Орды, особенно при хане Узбеке в первой половине XIV в. начинается более активная исламизация Северного Кавказа. В наши дни ислам суннитского толка является практически абсолютной религиозной доминантой в Дагестане, Чеченской Республике и Ингушетии. Его исповедует большинство населения Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Республики Адыгея.

Иудаизм на Северном Кавказе представлен горскими евреями, проживающими на востоке региона, по меньшей мере, уже полторы тысячи лет, а так же европейскими евреями, переселившимися сюда в основном в XIX в.

Особенность современной конфессиональной ситуации на Северном Кавказе состоит в том, что мировые религии представлены здесь не только в своих традиционных формах (православное христианство; ислам суннитского и, в меньшей степени, шиитского толка), но и различными неопротестантскими деноминациями (свидетели Иеговы, пятидесятники и т.д.) и радикальными течениями (ваххабизм). Кроме того в некоторых регионах под видом возрождения дохристианских верований в последние годы происходит институционализация неоязыческих культов, лидеры которых в своих публикациях бросают резкие, а подчас и кощунственные выпады в сторону представителей традиционных конфессий [8]. Такая ситуация сложилась всего лишь за два десятилетия прошедшие после распада Советского Союза. Разрыв с религиозной традицией и религиозными знаниями в сочетании с комплексом социально-экономических и полити-

ческих проблем вызвали к жизни антисоциальные и экстремистские религиозные движения. Однако такому положению вещей предшествовал 70-летний период целенаправленной политики по вытеснению религии из всех сфер жизни общества и прежде всего из сферы образования.

До революции 1917 г. на Северном Кавказе существовала многогранная система школьного образования, отвечающая конфессиональным и этническим потребностям местного населения. В пределах Терской области к началу XX века насчитывалось 165 церковноприходских школ различного уровня и 176 светских училищ разных наименований [1, с. 294]. Кроме того, действовали религиозные мусульманские школы, школы при еврейских синагогах и прочие. Преподавание «Закона Божьего» в светских учебных заведениях являлось обязательным.

Традиции духовного образования были в одночасье прерваны событиями октября 1917 г. 23 января 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, на страницах которого было законодательно закреплено отделение Церкви от государства и школы от церкви. Через пол года данный законодательный акт получил развитие в пределах Терской области, где 18 июня декретом Областного народного совета дела воспитания и образования были переданы из Духовного ведомства в ведение Народного комиссариата просвещения, а на следующий день, 19 июля, было упразднено преподавание «Закона Божьего всех исповеданий в школах всех ступеней» [6, с. 53, 57]. Однако, в годы Гражданской войны, на территориях, занятых белыми войсками, преподавание «Закона Божьего» возобновляется. Окончательно вопрос о преподавании этого предмета будет решен с установлением советской власти на Северном Кавказе в марте 1920 г. Весной-летом этого года выйдет серия законодательных актов, упраздняющих религиозные дисциплины и проводящих в жизнь Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [7, с. 317, 320, 345].

Трудно не согласиться с мнением профессора А. Кашеварова, отмечавшего, что в начале 1920-х гг. «из всех конфессий России гонениям подвергалась в основном Православная Церковь, под предлогом того, что она якобы является реакционным и контрреволюционным наследием царизма» [5, с. 123-124]. Так, например, в апреле 1920 г. в телеграмме к члену РВС Кавфронта Г. Орджоникидзе В. Ленин подчеркивал: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и при том самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономии, независимости и прочее» [7, с. 44]. В области образования в горско-мусульманских центрах временно допускалось преподавание религиозных вероучений в школах, так как «обучение грамоте арабской ведется по Корану и через религиозные вероучения» [7, с. 346]. Однако такие симпатии к мусульманскому населению в этот период были лишь умелым тактическим хо-

дом по привлечению на свою сторону определенной части населения. Стратегия была иной – полная ликвидация любой религии как таковой. На рубеже 1920-1930-х гг. последователи ислама будут подвергаться не меньшим преследованиям и репрессиям, чем представители других вероисповеданий.

Для новой власти главным было не только убрать религиозную составляющую из учебного процесса, но и, выражаясь современным языком, отформатировать сознание людей, и, прежде всего, сознание молодежи. С первых дней прихода к власти лидеры советского государства придавали особое значение молодежи как объекту и субъекту осуществления государственной политики в отношении религии. Именно на эту категорию населения делалась основная ставка в процессе социалистических преобразований в стране. Северный Кавказ в этом отношении не был исключением: «Партия в своей работе по привлечению к общей революционной жизни казачье-крестьянско-горской массы будет и может строиться главным образом на молодежи... Единственным элементом, способным быстро усвоить идеи компартии и советской власти, может быть только и только молодежь» [4].

Таким образом, в первые послереволюционные десятилетия в атмосфере тотального контроля со стороны государственных и партийных организаций, осуществлялась целенаправленная политика формирования новой культуры молодого поколения советских граждан, отдельное место в процессе которой отводилось антирелигиозному воспитанию [9].

Семена антирелигиозного образования и воспитания, посеянные в первые годы советской власти, возвращались на протяжении всех последующих десятилетий, и к моменту крушения атеистического государства, плодом прерванной духовной традиции явились практически полная религиозная неграмотность и отсутствие четких духовных ориентиров подавляющего большинства населения страны.

В условиях северо-кавказского общества, где религия, как мы выяснили, играла и играет значительную роль в социально-политических процессах, на сегодняшний день уровень знаний верующими основных религиозных текстов, истории и догматов своей конфессии остается на крайне низком уровне. Социологические исследования показывают, что, несмотря на, относительно высокую религиозность населения Чеченской Республики (основные религиозные обряды здесь соблюдает 71,4% чеченцев), «никогда не читали» Коран 34,6% чеченцев, каждый третий респондент из числа кабардинцев, балкарцев КБР также не знаком с Кораном. Сравнительно высок этот процент у ингушей (22,5%), учитывая, что в Республике Ингушетия каждый второй респондент соблюдает основные религиозные обряды. Также высок процент респондентов, не читающих священные книги, в Республике Дагестан: никогда не читали Библию (Коран) 26,7% представителей народов Дагестана и 22,1% русских и русскоязычных. В других республиках процент респондентов не знакомых со Священным Писанием распределен следующим образом: РСО-А (24,3% осетин, 18,6% русских и русскоязычных),

Республика Адыгея (23,8 % адыгейцев, 23% русских и русскоязычных), КЧР (17,6% карачаевцев и черкесов, 22,1% русских и русскоязычных). Что же касается процента верующих «регулярно читающих» Священные Писания, то он во всех перечисленных республиках крайне низок, и лишь в Ингушетии и Чечне достигает 12,6% и 11,5% соответственно [3, с. 32-34].

Таким образом, при все возрастающей роли религиозного фактора в общественно-политической сфере жизни северо-кавказского социума повышение интеллектуального уровня последователей традиционных для России конфессий становится актуальнейшей задачей, от правильности решения которой, зависит межэтническая и межконфессиональная стабильность в регионе. На современном этапе в условиях отделенности церкви от государства мы имеем унифицированную и стандартизированную систему образования постсоветского периода, которая, к тому же, переходит на западную модель образования – бакалавриат, магистратура, тестовая основа контроля знаний и всего процесса образования и пр. При этом в условиях полиэтничного и поликонфессионального региона приоритет духовного и нравственного начал в образовании является очевидным. Наметившийся в последние годы диалог специалистов в области образования и представителей традиционных конфессий необходимо продолжить с целью выработки гармоничной модели духовного образования с учетом региональной специфики и внутренней политики государства.

В заключение следует отметить, что при дальнейшей разработке курса духовно-нравственных основ и его практического применения в условиях поликонфессионального северо-кавказского региона в первую очередь следует учитывать следующие факторы:

1. При углубленном изучении одного из шести модулей ОРКСЭ, учащиеся также должны получать знания и о других традиционных конфессиях, представленных в регионе.

2. От региональных вузовских структур зависит разработка учебно-методологической базы с учетом этнокультурных, исторических, геополитических особенностей и общенациональных задач.

3. В ближайшем будущем крайне остро будет стоять проблема подготовки квалифицированных педагогических кадров преподавателей религиозоведческих дисциплин. Для решения этого вопроса необходимо тесное взаимодействие светских и духовных учебных заведений.

От того на сколько грамотно будет решена проблема религиозного образования без преувеличения зависит будущее Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беляев Иоанн, протоиерей. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. (Исторический очерк распространения и восстановления христианства среди осетин). Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821-1890). Историко-биографический очерк жизни и деятельности «апостола

Осетии» и первого архипастыря Владикавказской епархии. (Составил священник Иоанн Попов) /сост, ред.: А.А. Горобец. – Владикавказ: Олимп, 2008. – 416 с.

2. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. – М.: Индрик, 2011. – 392 с.

3. Дзуцев Х.В. Религиозные и межнациональные установки населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ. Книга 4. Монография в 5 книгах. – М.: ИСПИ РАН, 2010. – 283 с.

4. Жизнь национальностей. – 1921. – 20 февр.

5. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 440 с.

6. Культурное строительство в Северной Осетии: сб. док. и материалов. Т. 1. – Орджоникидзе: Ир, 1974. – 546 с.

7. Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение советской власти (октябрь 1919 г. – август 1920 г.): сб. док. и материалов / сост. О.А. Кобахидзе. – Сухуми: Алашара, 1971. – 432 с.

8. См.: Моргоев Х. Правдивое слово против христиан. URL: <http://www.assdin.ru/articles/30-pravdivoe-slovo-protiv-hristian.html> (дата обращения 5.01.2012). Например: «христианство – религия рабов и рабовладельцев...», «христианство – религия плебеев и дегенератов...», «группный запах христианских благоволий благополучно достиг Осетии» и т.п.

9. См: Синанов Б.А. Некоторые аспекты антирелигиозного воспитания молодежи Северной Осетии в 1920-1930 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Выпуск 9. – С. 126-137.

10. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2007. – 128 с.

11. Этнический колорит на Северном Кавказе усиливают многочисленные, веками живущие на этой земле, национальные диаспоры. Наиболее многочисленны из них армяне, грузины, азербайджанцы, греки, украинцы, белорусы, евреи и немцы (численность последних до депортации в сентябре 1941 г. только в Северной Осетии составляла 3000 человек). Этнические диаспоры разбросаны по всему региону, дополняя чересполосицу населения. В отличие от украинцев, белорусов, евреев и немцев, живущих в основном в городах, и не имеющих мест компактного поселения, армяне, грузины, азербайджанцы и греки расселены, как в городской местности, так и компактными поселениями (например, грузины в Северной Осетии проживают, как в столице республики, так и компактно в селах по Военно-грузинской дороге – Балта, Чми, Нижний Ларс).

А.П. Скорик, В.А. Бондарев (Новочеркасск)

РАЗРАБОТКА И ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ СОГЛАСИИ ДЛЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Проблема развития этнических процессов в мультикультурном городе относится к одной из главных проблем современного общества, на рубеже XX – XXI в., столкнувшегося с неизбежностью и остротой их решения в глобальном масштабе. Необходимость исследования проблем современного города и процессов урбанизации связана с тем, что именно эти процессы и обусловленные ими изменения социальных отношений и структур в городе, в наибольшей степени, определяют характеристики и общий социокультурный потенциал общества на современном этапе развития цивилизации. Вопросы социального регулирования в современном мегаполисе становятся предметом особого внимания специалистов различных областей научной, государственной и общественной деятельности, поэтому в рамках задуманного нами социального проекта считали возможным выделить следующие аспекты, подтверждающие актуальность данного независимого исследования: научно-исследовательский, социокультурный, конфликтогенный и управленческий.

Для российского провинциального города в настоящее время очень важна выработка взаимоприемлемых форм межнационального диалога путём развития институтов гражданского общества. При этом миссией проекта становится принятие образа Другого, развитие этнокультурного диалога в полиэтничном регионе. К числу задач такого проекта мы отнесли: наработку практики межнационального диалога; совершенствование организационно-управленческой деятельности по сбалансированности полиэтнического общения; предотвращение конфликтов на почве межнационального непонимания; развитие гражданской инициативы; проведение научных исследований поставленных проблем. Такая постановка вопроса нашла поддержку в Министерстве внутренней и информационной политики Ростовской области.

В результате совместных усилий мы подготовили грантовый проект под общим названием «Межнациональное согласие и взаимодействие: региональный контекст», который был осуществлен в Новочеркасске в период с июня по декабрь 2011 г. сотрудниками кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) под научным руководством заведующего кафедрой, профессора А.П. Скорика, при организационном содействии и под патронажем автономной некоммерческой орга-

низации научно-технический центр «Развитие» (директор – А.Н. Сиренко). В работе над проектом, кроме названных лиц, также приняли участие: Бондарев Виталий Александрович, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, доктор исторических наук; Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт); Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории, кандидат исторических наук; Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт); Бочан Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры теории государства и права и отечественной истории, кандидат философских наук; Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт); Коробкина Елена Михайловна, директор по развитию НП «Донской инновационный молодежный Центр «Идея»», вице-председатель; Щербакова Елена Александровна, кандидат экономических наук, доцент Южно-Российского государственного технического университета (НПИ); Васильев Михаил Константинович – председатель Общественной палаты города Новочеркасска.

Потребность в независимом экспертном изучении объясняется всесторонним *научным интересом* к данным проблемам, которые всегда находились в центре внимания представителей различных сфер научного знания. Причем, не только социогуманитарного, в частности, социологов, историков, экономистов, которые по-своему, в информационном поле представляемых наук интерпретируют совокупность существующих проблем межнационального общения. Определенный интерес наличествует и среди градостроителей, географов и др. Такая потребность сформировалась, прежде всего, в силу практической необходимости осмысления сущности реально происходящих процессов роста и развития городов и появления на этой основе более сложных форм интеграции полиэтничного городского социума, *с целью прогнозирования* их развития. Без анализа межнациональных отношений невозможно представить никакой вид прогноза: краткосрочного, среднесрочного, долгосрочного. По крайней мере, качественность такого прогноза явно будет невелика. Кризис концепции мультикультурализма в Европе заставляет вновь и вновь обращать внимание на российский опыт разрешения межнациональных проблем с его позитивными и негативными результатами. Вот такой контекст научного дискурса формировал наш непосредственный интерес к изучению межнационального согласия и взаимодействия в Новочеркасске.

Толерантность как один из важнейших результатов разрешения межнациональных проблем заставляет нас говорить о *социокультурном аспекте* избранного социального проекта, ибо архетипически толерантность более привязана именно к городу. Исторически сложилось так, что крупные города являлись центрами сосредоточения, развития и трансформации конкретных

форм общественного устройства, способа производства, технического и инновационного прогресса, очагами культуры и цивилизации. Отмеченная тенденция сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Специалисты наблюдают в современных мегаполисах сложные, порой противоречивые, социокультурные процессы, характеризующие межнациональные отношения, которые приобретают сегодня глобальный характер. Мир содрогается от таких столкновений, в частности, в Египте, Сирии, где они приобрели наиболее кровопролитный характер. Межэтническая терпимость в этих условиях становится залогом социальной стабильности, что все более отчетливее начинают понимать и на Северном Кавказе.

Рассмотрение толерантности невозможно вне понимания особенностей современных тенденций урбанизации. Эти генерализующие тенденции состоят в динамизме, разнонаправленности и многообразии составляющих её типов и форм. Полагаем, что в современных условиях можно говорить о наличии *конфликтного аспекта* урбанизации, что означает на уровне такого города как Новочеркасск неизбежное существование кризисного потенциала в межнациональном взаимодействии. Тем самым, имеется острая необходимость в безотлагательном разрешении фундаментальных противоречий, которые возникли в результате исторически-объективного процесса урбанизации и комплекса, сопутствующих ему отрицательных явлений, когда инвариативные традиционалистские сюжеты сталкиваются с универсалистскими обыкновениями. Получается, с одной стороны, быстро прогрессирующая урбанизация даже на уровне среднего российского города детерминируется и стимулируется множеством преимуществ, которые дает современная цивилизация городскому жителю, в том числе в нашем северокавказском регионе. Одновременно, с другой стороны, колоссальная концентрация населения в относительно ограниченном пространстве городских территорий (микрорайонов, кварталов, поселков, районов и т.п.), особенно мегаполисов, вызывает очень сильный биоэкологический и, прежде всего, социальный прессинг, причем в отношении различных групп городского населения. Это приводит к обострению противоречивости реальных процессов: высокая плотность расселения, мультикультурность современных городов, многополюсность сфер интересов, потребностей и возможностей разных субкультур и групп населения, виртуализация социального пространства и т.д., придают городу новые черты и особенности. Мы констатировали эти особенности городского развития и в нашем социальном проекте. Безусловно, в значительной степени иным становится современный этап урбанизации. Отсюда исследование истоков и причин эскалации межэтнических и межнациональных отношений в современных мультикультурных городах, а также способов их разрешения, включает в себе ещё и *управленческий аспект* данной проблемы, направленный на формирование системы конкретных управленческих решений в соответствии с теми ситуациями, которые существ-

вуют в городах различных регионов. Исходя из этой посылки, мы и сформулировали по итогам осуществления нашего социального проекта ряд практических рекомендаций для органов муниципального и регионального управления, которые направили в министерство внутренней и информационной политики Ростовской области.

В научном сообществе большинство специалистов непременно отмечают, что актуализация этнических проблем в современном мире выступает как несимметричный ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности некоей цивилизаций. Причем, какую бы точку зрения в нашем случае мы не взяли на вооружение: рассматривая в качестве особого варианта развития российскую цивилизацию, или же, отстаивая отчасти противоположную позицию о наличии северокавказской цивилизации, также имеющей в своем активе урбанистические традиции. Взять хотя бы тот же Дербент с его более чем 5000-летней историей. Сегодня, чем сильнее «вызовы» нынешней глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Это мы отчетливо наблюдаем и на примере современного Новочеркасска, как среднероссийского провинциального города. Вот почему так остро ныне стоят проблемы национальной идентичности в городской социокультурной среде, где каждая из национальных общин изначально стремится занять свою нишу. В такой социальной ситуации нужна новая стратегия, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность без ущемления интересов других народов. Разработка и осуществление подобной стратегии должны происходить с учётом социоэтнической картины мультикультурного города, в том числе Новочеркасска, что означает выявление конкретных этнических процессов и тех социальных факторов, которые обуславливают их формирование и развитие в городской среде. Кроме того, она должна включать в себя генерацию конкретных идей и решений, направленных на позитивное и одновременное развитие в городе социальности и этничности, что, в свою очередь, привело бы к обеспечению социальной стабильности. Указанные обстоятельства предопределили наши практические шаги при осуществлении задуманного социального проекта «Межнациональное согласие и взаимодействие: региональный контекст».

В качестве основной целевой группы осуществленного проекта нами были избраны молодежь и предприниматели г. Новочеркасска, как наиболее социально активно слою населения города, оказывающие довольно мощное влияние на социальную динамику местного сообщества, на развитие позитивной гражданской инициативы и деловой активности в регионе. В результате потенциально оказываемое воздействие нами оценивалось общим соотношением 1:10, поскольку затрагивались люди с широким кругом повседневного общения. Тем самым, базовыми критериями отбора этих

городских групп выступали: уровень социальной активности, их способность к передаче полученной информации, потенциальная склонность к общественной презентации. Именно вышеобозначенные обстоятельства в полиэтническом и поликонфессиональном местном сообществе имеют принципиальное значение. Это позволило распространить влияние социального проекта не менее чем на 10 000 человек.

Говоря о географии проекта, следует подчеркнуть, что, прежде всего, речь шла о местном уровне реализации социального проекта с выходом на региональный уровень, т.е. проведение основных мероприятий в г. Новочеркасске с выходом на уровень субъекта федерации – Ростовскую область.

Наш проект опирался на опыт осуществления следующих программ и мероприятий. В 2010 г. в марте был учрежден Новочеркасский городской общественный Форум – институт гражданского общества для представления интересов жителей города. В январе-феврале 2010 г. удалось завершить работу по реализации проекта «Проблемы ЖКХ и пути их решения». Материалы исследований были опубликованы в журнале «Председатель ТСЖ» (г. Москва), предложения направлены в Государственную Думу РФ, городскую думу и администрацию г. Новочеркаска. В июле 2010 г. с рядом общественных и некоммерческих организаций была выдвинута инициатива о создании общественных палат. В марте 2010 г. в Новочеркасске стала функционировать городская общественная палата, представитель АНО НТЦ «Развитие» является членом общественной палаты г. Новочеркаска. В мае 2010 г. проведен «круглый стол» с участием студенческих объединений, принята резолюция и рекомендации «круглого стола» о создании Донского молодежного инновационного центра «Идея». 10 ноября 2010 г. АНО НТЦ «Развитие» и другие организации учредили Донской инновационный молодежный центр «Идея». 25 февраля 2011 г. Центр был зарегистрирован и начал свою работу.

При осуществлении нашего социального проекта использовались следующие методы: социологический опрос, контент-анализ, включенное наблюдение, экспертная оценка, публичные слушания, круглые столы.

Реализация проекта была поделена на три этапа.

I. Подготовительный этап – июнь – август 2011 г. Выяснение базисных параметров целевой аудитории – молодежь города, представители общественности, представители национальных общин, казачество и др. Проведение переговоров с общественными и некоммерческими организациями, представляющими различные национальности в регионе. Заключение договоров о сотрудничестве с НКО, общественными организациями.

II. Основной этап – сентябрь – ноябрь 2011 г. Проведение социологического исследования целевой аудитории путем распространения анкет среди молодежи – не менее 400 респондентов. Этот этап также включал: проведение публичных слушаний, круглых столов, взаимодействие с пред-

ставителями различных этнических групп городского и регионального сообщества. Создание сайта межнационального общения и размещение материалов проекта на портале с возможностью общения на форуме.

III. Заключительный этап. Подведение итогов анкетирования. Составление аналитической записки с рекомендациями по организации межнационального диалога. Издание итоговых материалов (не менее 2 печ. л.) тиражом 500 экз. Передача их в региональные библиотеки.

Проект был полностью реализован в рамках намеченных нами этапов. Социальный эффект проекта заключается в воздействии на изучаемые группы местного сообщества с целью преодоления устойчивых национальных стереотипов и откровенных фобий в отношении представителей других этнических групп. Это дает возможность снизить порог социальной напряженности, повысить позитивные общественные настроения, улучшить социально-психологический микроклимат в местном сообществе.

Возглавляемая научным руководителем настоящего проекта, профессором А.П. Скориком группа исследователей и общественных деятелей известна в г. Новочеркаске своим позитивным участием в проведении различных мероприятий, направленных на консолидацию местного сообщества. С выполнением этой общественной миссии связана основная профессиональная деятельность исполнителей проекта. Именно эти обстоятельства вызвали положительный резонанс в местной прессе и на региональном телевидении.

У благополучателей результатов обоснованного социально значимого проекта формируются позитивные общественные настроения в сфере межнационального общения, что способствует развитию деловой и гражданской активности местного сообщества. В качестве основного механизма реализации настоящего социально значимого проекта не случайно были избраны публичные мероприятия и научно-практические замеры состояния общественного сознания, позволяющие в определенной степени контролировать градус общественной напряженности, выявлять самые болевые точки межнационального взаимодействия.

Тем самым, нам удалось на практике доказать, что подобный социальный проект должен состоять из двух генерализующих и взаимодополняющих частей. Первая часть предполагает проведение научно-исследовательских работ, направленных на изучение проблем межнационального согласия и взаимодействия в региональном контексте. Вторая, неотъемлемая часть проекта связана с реальным задействованием целевых групп молодежи и предпринимателей в проведении публичных мероприятий, в частности, актуальных «круглых столов», научно-практических конференций, посвященных обсуждению волнующих повседневных проблем межэтнического диалога. Такой подход позволил нам выявить круг наиболее острых проблем меж-

национального общения и способствовал консолидации усилий исполнителей на избранном предмете общественного внимания.

В качестве инструмента формирования обстановки межнационального согласия также использовался создаваемый городской сайт межнационального общения, что позволило расширить публичный обмен мнениями, установить направления развития диалога и в определенной степени прогнозировать вероятностные конфликтогенные ситуации, искать меры их предупреждения в городском социуме. Сайт актуален и в настоящее время.

Межнациональное согласие и взаимодействие всегда, несомненно, лучше социального противостояния, национального недоверия, формирования межличностных разрывов на этнической почве. Осуществленный нами социальный проект по самой своей сути был нацелен на преодоление этих негативных общественных тенденций, сковывающих развитие местного сообщества. Примененный исполнителями деятельностный подход обеспечил необходимую научно-практическую проработанность планируемых мероприятий и организационную стабильность предпринимаемых усилий по налаживанию межнационального взаимодействия.

Министерство внутренней и информационной политики Ростовской области высоко оценило результаты социального проекта «Межнациональное согласие и взаимодействие: региональный контекст». Одна из основных рекомендаций получила реальное воплощение. Первое заседание реорганизованного Консультативного совета по межэтническим отношениям при Губернаторе Ростовской области состоялось 28 декабря 2011 года. Заседание прошло под председательством заместителя министра внутренней и информационной политики Ростовской области, заместителя председателя Консультативного совета В.А. Некрасова. Старт новому этапу поиска путей межнационального согласия дан хороший. Так шаг за шагом региональное сообщество сможет приблизиться к состоянию, когда толерантность станет его неотъемлемой и преобладающей чертой.

А.П. Скорик, С.А. Бочан (Новочеркасск)

МОНИТОРИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОРОДА: ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ, ОСОБЕННОСТИ

Распад Советского Союза, крушение социалистической системы, формирование нового Российского государства на постсоветском этапе развития нашей страны, – все эти бурные и противоречивые события, произошедшие в 1990-х – начале 2000-х гг., привели к довольно грандиозным

изменениям не только в политической сфере, но и практически во всех областях жизнедеятельности российского общества. Изменения эти, к великому сожалению, далеко не всегда позитивны, что, в общем-то, естественно в конфликтных условиях радикальной корректировки исторического пути: но, понимание этого очевидного факта вовсе никак не уменьшает масштабов и остроту нынешних проблем и, не особенно сегодня успокаивает взбудораженный, деморализованный российский социум.

Одним из наиболее проблемных и болезненных для общественного сознания локусов бытия современной России являются межнациональные отношения, актуальность которых в советский период считалась, чуть ли не нулевой, когда господствовала изначально консолидирующая идеологическая концепция «всепобеждающего интернационализма» (в которой, кстати говоря, наличествовало немало разумных и весьма полезных вещей, в том числе и для настоящего времени). Говоря без ложной стыдливости и неумных умолчаний, надо однозначно признать, что в области межнациональных отношений в постсоветский период господствуют исключительно негативные и, более того, деструктивные тенденции, выражающиеся в повсеместном распространении по городам и весям России шовинизма и ксенофобии. Причем, наиболее претерпевающими нестерпимое бремя этнократии, действительными заложниками этой довольно печальной ситуации и, в значительной мере, пострадавшими от этнорадикализма стали именно русские, считавшиеся в советский период истории государствообразующей нацией, тогда рассеянные по самым разным республикам СССР и ныне часто оказывавшиеся «крайними» в межнациональных столкновениях, порой все более напоминающих кровопролитные войны.

Укрепление в постсоветский период социально-правовых позиций титульных наций в национальных административно-территориальных образованиях, возникавших в свое время на территории бывшего СССР, неизбежно сопровождалось сокращением числа лиц русской национальности в этих образованиях. Русские вынужденно, особенно в 1990-е гг., второпях покидали территорию бывших советских республик и переселялись в, преимущественно русские по составу населения, субъекты Российской Федерации. Сложилась устойчивая тенденция этнической унификации бывших национальных республик СССР в постсоветский период. Но, для Российской Федерации эта тенденция не является не только доминирующей, но даже характерной.

Дело в том, что в смутные 1990-е гг. и, тем более, последующий период относительного административно-политического и социально-экономического укрепления Российской Федерации, многие ее регионы сохраняли и поныне сохраняют известную стабильность. В таких условиях, они стали привлекать к себе большое количество трудовых мигрантов из бывших советских, а ныне суверенных республик, многие из которых переживают не лучшие времена и для населения которых одним из наи-

лучших выходов из житейских затруднений является квазипрофессиональная занятость в России. Мигранты постепенно заполнили многие ниши хозяйственной деятельности в нашей стране и стали довольно заметной по численности группой населения, что явно бросается в глаза в таком мегаполисе, как Москва, и ряде других крупных городов. Наконец, дестабилизация обстановки на Северном Кавказе заставила определенную часть населения существующих здесь суверенных национальных образований в поисках спокойствия и работы переместиться в относительно стабильные субъекты федерации с преобладанием русского населения. В итоге, многие города Центральной России и подавляющее большинство южно-российских городов столкнулись с мощным усилением инокультурного влияния.

Тем самым, мы становимся свидетелями происходящего слома генерализующей тенденции перемещения населения с запада на восток и перераспределения населения с запада на восток, получая наращивание миграционных потоков с востока на запад и с юга на север. Многовековая традиция в русле геополитических интересов России, поддерживаемая программно-целевыми мерами государственной миграционной политики, сменилась довольно хаотичными процессами движения населения и его финансово-производственных ресурсов по территории страны в вышеуказанных направлениях.

Проблему неконтролируемой миграции многократно осложняет то обстоятельство, что наш северокавказский регион в постсоветский период погрузился в пучину межэтнических конфликтов и войн, многократно возрос сепаратизм целого ряда этнических сообществ и распространился ранее не характерный терроризм в большей части субъектов федерации. Более того, в практическую плоскость ставился вопрос о выходе из состава Российской Федерации. Налицо явное стремление этнополитических элит к этническому превосходству и законодательному закреплению особого положения относительно малочисленных титульных наций, их исключительного статуса на территориях бывших автономий. Развившаяся этнократия неизбежно привела к массовому отъезду русского и русскоязычного населения из ранее обжитых мест и последующей адаптации в новых районах проживания. Этническая миграция дополнилась миграцией экономической. В качестве мотивов экономической миграции можно обозначить личностно ориентированный и витально, равно как и материально предопределенный поиск более благоприятных условий для социальной самореализации. Здесь существует целый ряд конкретных вариантов, в том числе трудовой и профессиональный, скажем, очевидная выгодность занятий бизнесом, обеспечение лучших жизненных перспектив для своей семьи, особенно для детей. Такие жизненные стратегии могли бы быть реализованы и на прежнем месте жительства, но волею судеб этого не произошло.

Общероссийские, а главное – общерегиональные тенденции неизбежно затронули Ставропольский, Краснодарский края, Ростовскую об-

ласть, субъекты федерации с традиционным преобладанием русскоязычного населения и многочисленными национальными диаспорами этнических меньшинств. В частности, это подтверждает краткий сравнительно-демографический анализ итоговых показателей переписей 1989 г. и 2002 г. на Дону. Различия в итогах переписей в Ростовской области, – еще советской и постсоветской, – довольно хорошо заметны. Прежде чем сказать об этих изменениях, укажем причины, под влиянием которых они возникли.

Трансформации в национальном составе Ростовской области, произошедшие после переписи населения 1989 г., на наш взгляд, обуславливались, прежде всего, воздействием трех базисных факторов. Во-первых, уже сложившимися тенденциями в естественном движении населения донского региона. Во-вторых, развившимися процессами внешней миграции, предопределенными противоречивыми последствиями распада Советского Союза. В-третьих, сменой этнического самосознания большинства северокавказских народов, в том числе под влиянием суверенизации национальных меньшинств, смешанных браков и других явлений.

Выявились следующие количественные изменения. На 1 января 2002 г. общая численность населения Ростовской области составила 4 368 550 человек. Если взять этнический состав населения Ростовской области, то на указанный момент на территории нашего субъекта федерации проживало более 25 национальностей. Если попытаться выделить наиболее многочисленные этнические группы, то можно отметить 9 таких общностей. Примечательно, что в 1989 г. более или менее крупных этнических групп насчитывалось только три. Уже здесь заметны явные различия, произошедшие в постсоветский период.

Естественно, преобладающее большинство в этнодемографической структуре населения области в 1989 г. составляли русские (89,56 %), что в абсолютных цифрах выражается в числе 3 934 835 человек. Вместе с тем, по сравнению с данными переписи 1989 г., доля русских в общей численности населения на 2002 г. несколько снизилась и составила 89,35 %. Эта этностатистическая тенденция объясняется фактором естественной убыли населения. Причем, ее не удалось компенсировать за счет миграционного прироста русского населения, вызванного ранее указанными причинами.

К числу девяти заметных этнических сообществ Ростовской области по переписи 2002 г. относятся: украинцы (118 486, или 2,69 %), армяне (109 994; 2,50%), турки (28 285; 0,64 %), белорусы (26 604; 0,60 %), татары (17 866; 0,41 %), азербайджанцы (16 498; 0,37 %), чеченцы (15 469; 0,35 %), цыгане (15 138; 0,34 %), корейцы (11 669; 0,26 %). Занимающие второе место в этом статистическом перечислении украинцы также численно уменьшились как этническое сообщество при сравнении с данными переписи 1989 г. Анализ причинно-следственных связей показал, что снижение этнической группы украинцев произошло в результате эмиграции и естественной убыли населения. Наряду с украинцами по совершенно тем же

причинам в Ростовской области снизилась общая численность белорусов (с 38 005 до 26 604 человек) и евреев (с 10 486 до 4 984 человек). В рамках естественного позитивного изменения находилась этническая группа татар, и она увеличилась с 17 132 до 17 866 человек.

Наблюдается заметный рост численности армянской общины, практически в два раза, – с 62 603 до 109 994 человек. Произошло и знаковое увеличение общин двух других закавказских народов: азербайджанцев (с 10 215 до 16 498 человек) и грузин, – с 6 554 до 10 636 человек. Выросло также количество проживавших в нашем крае цыган (на 0,08 %) и представителей других национальностей, прибывших из стран СНГ и Балтии. Тем самым, очевиден интенсивный приток мигрантов в Ростовскую область.

Добавим, что, впервые после общеизвестных переписей 1897 и 1926 годов в Российской Федерации в материалах современной переписи 2002 г. появилась относительно новая этническая группа, – казаки (точнее было бы сказать, – «субэтническая группа», но в материалах переписи такие тонкости не отражены). Из 140 тысяч казаков, зарегистрированных по материалам переписи по России в целом, 87 492 человека (около 62,5 от общей численности казаков или 1,99 % населения донского края) проживали в нашей области. Правда, депутат Государственной Думы Российской Федерации, атаман войскового казачьего общества «Всевоеликое войско Донское» В.П. Водолацкий называет совершенно иную цифру. В канун главного казачьего праздника Покрова Пресвятой Богородицы в октябре 2011 г. он заявил, что численность казаков на территории Ростовской области в настоящий момент составляет 624 тыс. человек. Причем, в реестровом войсковом казачьем обществе «Всевоеликое Войско Донское» обязанности несения государственной службы приняли 150 тысяч казаков. В рамках нашей публикации выяснение действительных количественных параметров казачьего сообщества не является принципиально важной задачей: нам необходимо лишь подчеркнуть, что возрождение казачества усложнило и без того отнюдь не монохромную этническую карту Ростовской области. То же самое можно сказать и обо всех других регионах Юга России с преобладанием русского населения – Астраханской области, Волгоградском области, Ставропольском крае, Краснодарском крае и т.д.

Достаточно пестрая этнодемографическая карта Ростовской области, как лакмусовая бумажка, проявилась и в структуре населения города Новочеркасска, где представлены практически все заметные этнические сообщества, проживающие в донском крае. В этой связи, Новочеркасск является одним из наиболее подходящих объектов для реализации задачи мониторинга межэтнического взаимодействия в южно-российских городах. Задача же эта весьма актуальна в наше время, ибо проблема развития этнических процессов в мультикультурном городе относится к одной из главных проблем современного общества, на рубеже XX – XXI в. столкнувшегося с неизбежностью и остротой их решения в глобальном масшта-

бе. Необходимость исследования проблем современного города и процессов урбанизации связана с тем, что именно эти процессы и обусловленные ими изменения социальных отношений и структур в городе, в наибольшей степени, определяют характеристики и общий социокультурный потенциал общества на современном этапе развития цивилизации. Вопросы социального регулирования в современном мегаполисе становятся предметом особого внимания специалистов различных областей научной, государственной и общественной деятельности, поэтому в рамках данного проекта считаем возможным выделить следующие аспекты, подтверждающие актуальность данного независимого исследования: научно-исследовательский, социокультурный, конфликтогенный и управленческий.

Необходимость независимого научного изучения межэтнических отношений в городском сообществе (научно-исследовательский аспект) объясняется всесторонним научным интересом к данным проблемам, которые всегда находились в центре внимания представителей различных сфер научного знания (социологов, историков, градостроителей, экономистов, географов и др.), прежде всего, в силу практической необходимости осмысления сущности реально происходящих процессов роста и развития городов и появления на этой основе более сложных форм интеграции полиэтничного городского социума, с целью прогнозирования их развития.

Наряду с этим, следует говорить о социокультурном аспекте подобных процессов, поскольку, исторически сложилось так, что крупные города являлись центрами сосредоточения, развития и трансформации конкретных форм общественного устройства, способа производства, технического и инновационного прогресса, очагами культуры и цивилизации. В современных мегаполисах наблюдаются сложные, порой противоречивые, социокультурные процессы, характеризующие межнациональные отношения, которые приобретают сегодня глобальный характер.

Особенности современных тенденций урбанизации состоят в динамизме, разнонаправленности и многообразии составляющих ее типов и форм. Полагаем, что в современных условиях можно говорить о наличии конфликтогенного аспекта урбанизации. Сегодня существует необходимость в безотлагательном разрешении противоречий, которые возникли в результате исторически-объективного процесса урбанизации и комплекса сопутствующих ему отрицательных явлений. С одной стороны, быстро прогрессирующая урбанизация детерминируется и стимулируется множеством преимуществ, которые дает современная цивилизация городскому жителю. С другой стороны, колоссальная концентрация населения в относительно ограниченном пространстве городских территорий, особенно мегаполисов, вызывает очень сильный биоэкологический и, прежде всего, социальный прессинг, приводя к обострению противоречивости реальных процессов: высокая плотность расселения, мультикультурность современных городов, многополосность сфер интересов, потребностей и возмож-

ностей разных субкультур и групп населения, виртуализация социального пространства и т.д., придают городу новые черты и особенности. В значительной степени иным становится и современный этап урбанизации.

Поэтому, исследование истоков и причин эскалации межэтнических и межнациональных отношений в современных мультикультурных городах, а также способов их разрешения, включает в себе ещё и управленческий аспект данной проблемы, направленный на формирование системы конкретных управленческих решений в соответствии с теми ситуациями, которые существуют в городах различных регионов.

Актуализация этнических проблем в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности цивилизаций. Чем сильнее «вызовы» нынешней глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Поэтому так остро сегодня стоят проблемы национальной идентичности в городской социокультурной среде. В подобной ситуации нужна новая стратегия, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность. Разработка и осуществление подобной стратегии должны происходить с учётом социоэтнической картины мультикультурного города, что означает выявление конкретных этнических процессов и тех социальных факторов, которые обуславливают их формирование и развитие в городской среде. Кроме того, она должна включать в себя генерацию конкретных идей и решений, направленных на позитивное развитие в городе социальности и этничности, что, в свою очередь, привело бы к обеспечению социальной стабильности.

Выработка такого рода стратегии вряд ли возможна без соответствующих исследований, без проведения научных замеров уровня межнациональной напряженности, без мониторинга межэтнических взаимоотношений в городской среде. Одной из частных попыток проведения подобных исследований стал проект «Межнациональное согласие и взаимодействие: региональный контекст», осуществленный в Новочеркасске в период с июня по декабрь 2011 г. сотрудниками кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) под руководством заведующего кафедрой, профессора А.П. Скорика, при организационном содействии и под патронажем автономной некоммерческой организации научно-технический центр «Развитие» (директор – А.Н. Сиренко).

В соответствии с вышеизложенными мотивами и аспектами осуществления мониторинга межэтнического взаимодействия в условиях городской среды в Российской Федерации, ведущей задачей проекта была определена такая, как установление особенностей и тенденций настроений населения Новочеркасска в национальном вопросе. В свою очередь,

решение поставленной задачи предполагало реализацию следующих задач: наработка практики межнационального диалога; совершенствование организационно-управленческой деятельности по сбалансированности полиэтнического общения; предотвращение конфликтов на почве межнационального непонимания; развитие гражданской инициативы; проведение научных исследований поставленных проблем. Тем самым, география выполненного научно-исследовательского проекта выходит за рамки собственно Новочеркасска и достигает регионального уровня, уровня субъекта федерации – Ростовской области.

Методами реализации проекта выступил соцопрос, контент-анализ, включенное наблюдение, экспертная оценка, публичные слушания, круглые столы. Предполагалось, что в рамках исследования примут участие более 1 000 человек, что, в основном, и удалось выполнить.

В ходе проведения опросов и дискуссий были установлены характерные для жителей Новочеркасска мнения и настроения по национальному вопросу, с учетом их возрастной, гендерной, профессиональной и др. стратификаций.

1. Создать городской Совет по межнациональным отношениям для постоянного конструктивного диалога по широкому кругу этноконфессиональных проблем. В Совете объединить представителей титульной нации, городских национальных общин, представителей администрации и городской думы Новочеркасска, правоохранительных органов и представителей общественных и некоммерческих объединений, общественной палаты города.

2. Направить предложение в Администрацию города Новочеркасска и городскую Думу о разработке совместно с городской общественностью Положения о действующем Совете по межнациональным отношениям.

3. Поддержать инициативу АНО НТЦ «Развитие» по созданию сайта межнационального общения, возможностью установления контактов, как в закрытом форуме своего сообщества, так и на общем форуме для обсуждения животрепещущих проблем.

4. Предложить национальным сообществам зарегистрировать свой форум и разместить свои информационные материалы на сайте межнационального общения (razvitie-ntc.ru или развитие-нтц.рф) в течение октября-ноября 2011 года.

5. Поддержать и принять участие в деятельности молодежного клуба «Развитие», расположенного по адресу: ул. Московская, 46.

6. Практиковать одновременное проведение на общегородских площадках культурных мероприятий различных национальных общин.

7. Рекомендовать городским средствам массовой информации расширить целенаправленное знакомство горожан с традициями и обычаями национальных общин, проживающих в Новочеркасске.

Наиболее же важный результат проведенных в рамках проекта «Межнациональное согласие и взаимодействие»: региональный кон-

текст» заключается, на наш взгляд, в том, что в ходе его осуществления был привлечено внимание общественности к проблеме межнационального взаимодействия и подкреплён тезис о необходимости систематического наблюдения за таким взаимодействием, дабы избежать осложнений и конфликтов. Это жизненно важно в условиях такого многонационального государства, как Российская Федерация, для которого мир между населяющими его народами является первым и важнейшим залогом его прочности и самого существования. Межнациональные конфликты зачастую зарождаются в небольших местечках и провинциальных российских городах, где межэтнические контакты непосредственны и степень взаимных обид нередко носит поименный характер. Такие претензии живут в общественном сознании в буквальном смысле годами и десятилетиями, а в определённые моменты способны стремительно поднять на дыбы социальную ситуацию, как это было в Новочеркаске в начале 1990-х гг. Поэтому так важно преэумирование в местных сообществах этнической толерантности, которая выступает залогом межнационального мира, как в отдельных муниципальных образованиях, так и на Северном Кавказе, в целом.

А.П. Скорик, Т.В. Панкова-Козочкина (Новочеркаск)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕРЫ РЕСУРСОВ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НОВОЧЕРКАСКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Многоликость современной России настойчиво диктует необходимость поиска оптимальных путей развития в нашей стране мультикультурного общества. Стремление государства и общественности решить проблему стабилизации межнационального общения даёт возможность урегулировать конфликтный спектр отношений между различными конфессиями и народами. Изучение реальной социальной картины с помощью опросов общественного мнения позволяет прояснить основные направления личностного и группового восприятия образа «Другого», способствует решению насущных проблем межнационального общения, обеспечивает интенсификацию процесса сближения культур, формирует благоприятную общественную атмосферу. В определённой мере, на решение этой задачи было направлено исследование в рамках проекта «Межнациональное согласие и взаимодействие: региональный контекст», осуществлённого в

Новочеркасске в период с июня по декабрь 2011 г. сотрудниками кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) под руководством заведующего кафедрой, профессора А.П. Скорика, при организационном содействии и под патронажем автономной некоммерческой организации научно-технический центр «Развитие» (директор – А.Н. Сиренко).

Заметим, что с 1989 г. население Новочеркасска сократилось почти на пятую часть (с 200,2 до 169,0 тыс. чел.), а в предпоследнюю перепись 2002 г. в городе проживало 184,5 тыс. чел. (данные здесь приводятся вместе с поселком Донским). В половом составе все осталось без особых изменений: в 2002 г. на 1000 мужчин приходилось 1104 женщины, в 2010 г. – на 1000 мужчин – 1102 женщины, или 80,4 тыс. мужчин и 88,6 тыс. женщин (2010 г.).

Из национальных общин заметное влияние оказывают на жизнь города Новочеркасска следующие: армянская, еврейская, азербайджанская, греческая, дагестанская. В силу столичного статуса для российского и мирового казачества Новочеркасска часто становится местом проведения многотысячных мероприятий казаков, а войсковое казачье общество «Всеволокое Войско Донское» имеет на территории города свои постоянно действующие структуры (станичные, окружные, войсковые).

В качестве основных целевых групп проекта были избраны молодежь и предприниматели, представители этнонациональных общин Новочеркасска, как наиболее социально активные слои населения города, оказывающие мощное влияние на социальную динамику местного сообщества, развитие гражданской инициативы и деловой активности в регионе. Это позволило распространить влияние проекта не менее чем на 10 000 человек.

Итоговый анализ результатов проведенного в мае – сентябре 2011 года социологического исследования выявил ряд особенностей межнациональных отношений в городе Новочеркасске. Чтобы как можно точнее оценить сложившуюся ситуацию, прочувствовать степень остроты межэтнических противоречий в нашем городе опрос целенаправленно ориентировали на молодежь, как наиболее социально активную группу населения.

Всего в опросе приняли участие 436 респондентов, из них молодые люди в возрасте 17 – 20 лет составили 161 человек (или 36,9 % от общего числа опрошенных). Участников опроса в возрастной категории от 21 до 25 лет было 99 человек (22,7 %). Респондентов, возрастной интервал которых определялся в исследовании от 26 до 30 лет, насчитывалось 25 человек (5,7 %). Более возрастная группа остальных участников опроса распределилась так: 31 – 40 лет – 53 человека (12,15 %), 41 – 50 лет – 42 респондента (9,63 %), 51 – 60 лет – 23 участника (7,56 %), свыше 60 лет – 33 опрошенных (7,56 %). В гендерном отношении в проведенном опросе участвовали женщины (264 человека, или 60,55 %), что отчасти отражает и демографический состав городского населения, наличествующий уровень

социально-профессиональной активности и субъективно более спокойные ментальные реакции на окружающую среду. В этническом отношении в проведенном опросе горожан принимали участие 389 русских респондента, или 89,22 % (представители титульной нации), 47 опрошенных (10,77 %) принадлежали к другим национальностям, что в основном отражает существующую этноконфессиональную палитру Новочеркасска.

Деятельных респондентов, активно участвующих в общественной и производственной жизни нашей страны, среди опрошенных жителей Новочеркасска насчитывалось 89,44 %. Такой состав контрагентов в социологическом исследовании подтверждает высокую репрезентативность результатов в отношении избранного дискурса научно-практического поиска.

В той или иной степени понимают, что живут рядом с представителями другой национальности более половины опрошенных новочеркасцев. 222 (50,91 %) человека ответили положительно на вопрос «Обращаете ли вы внимание, что рядом живут, работают, проводят свободное время представители другой национальности». 90 (20,64 %) человек из опрошенных периодически чувствуют присутствие представителей другой национальности, т.е. проблема межнационального общения для них является вполне актуализированной.

Однако существует в общественном мнении и иная, не очень благоприятная тенденция. Не замечают представителей других национальных сообществ 72 респондента (16,51 %), а 46 человек (10,55 %) ответили, что «скорее не замечают данную проблему». Шесть респондентов (1,37 %) затруднились ответить. Безусловно, здесь, в этих количественных замерах наличествует определенный подтекст, что некоторая часть опрошенных не желает признавать присутствие рядом с собой никого «Другого», и вообще ничего, кроме «Своего», их не интересует. Тем не менее, следует также признать, что некая социально-психологическая основа для развития среди горожан толерантности все-таки существует, если не раскачивать социально-политическую ситуацию, не вбрасывать в общественную массу каких-либо раздражителей, не сталкивать людей лбами на почве нерешенных социально-экономических вопросов.

О том, что проблема роста количества межнациональных конфликтов является реальностью, свидетельствуют и ответы респондентов, которые разделились почти поровну между теми, кто участвовал (218 человек, или 50 %) в решении межэтнических конфликтов, и теми, кто стремился не вмешиваться в межэтнический конфликт (213 человек, или 48,85 %). Только двое опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

Это отражение характерной черты городской агломерации Новочеркасска в межнациональном отношении. Расположение нашего города на кромке этнически бурлящего Северного Кавказа, вечного для России источника социально-политической нестабильности, неизбежно ставит

вопрос об урегулировании межнационального противостояния в актуальную повестку дня.

Примечательная палитра общественного мнения сложилась в вопросе о преимущественных путях решения межнациональных конфликтов. Позитивной тенденцией, по мнению аналитиков социологического исследования, является стойкое понимание в среде горожан того факта, что решение проблемы стабилизации межнациональных отношений нельзя возлагать исключительно на государство (всего 71 опрошенный, или 16,28 %). Стремление к обоюдному поиску путей межнационального согласия продемонстрировали 260 человек, или 59,63 % участников исследования. Тем самым, представители титульной нации и представители национальных меньшинств априори готовы искать комплементарные пути межнационального согласия.

Ряд респондентов достаточно критично оценил необходимость должного понимания традиций других народов. Не интересуются традициями других народов 121 человек (27,75 %) из 436. Более того, они не видят никакого смысла в их изучении. Вместе с тем, преобладающее большинство участников опроса, а точнее 315 человек (72,24 %) не только знают обычаи и обряды других народов, но и хотя бы побольше узнать об этих традициях представителей другой культуры. Очевидно, в городском сообществе Новочеркасска сложилось понимание того факта, что знакомство с традициями, культурой и историей других народов в немалой степени оттеняет особенности и своей национальной культуры, подчеркивает непреходящее значение общечеловеческих ценностей: дружбы, любви, сострадания, радости, удачи и др.

В ходе апробации нашего исследования на круглых столах, в результате встреч с молодежью выяснилось, что в общественном сознании есть четкое понимание двух уровней национальной культуры. Во-первых, не забывается «высокая» культура (письменная, художественная, музыкально-сценическая культура, архитектура), а также прикладное искусство, сфера духовно-религиозного поиска, просвещение и область научной деятельности. Во-вторых, это – повседневная культура (способы коммуникации, этика общения, эстетика будничного костюма, национальная кухня, характерные модели личностных и групповых реакций, отношение к соблюдению этнических традиций и др.). Именно второй уровень культуры неизбежно детерминирует межэтническую конфликтность, и одновременно служит «началом разговора».

Проведенное исследование показало, что Россия по-прежнему остается многонациональной страной с интернациональным восприятием окружающей действительности довольно значительной частью населения. Данный факт отчасти подтверждается отношением респондентов к межнациональным бракам. Их одобряют 173 человека, или 34,67 % респондентов. Это выражено в характерной фразе молодых людей, «если я полюблю, то мне все равно, кто он (она) будет». Сомневаются же в целесообразности

межнациональных браков, но в целом относятся достаточно лояльно, 95 опрошенных (21,7 %). Не одобряют 44 человека (10,09 %) и категорически не приемлют 16 (3,66 %) человек. 98 респондентов (22,47 %) равнодушны к данной проблеме.

Мы бы все же обратили внимание на социально значимую интернациональную тенденцию, которая выявилась при осуществлении настоящего проекта, в социологическом опросе, при встречах с молодыми людьми. Молодежь при всех сложностях межнационального диалога отчетливо демонстрирует лабильность межэтнического взаимодействия, и эти настроения могут стать мощным коммуникационным потенциалом для поиска путей межнационального согласия при правильном выстраивании пропагандистско-воспитательной работы имеющимися социальными институтами (школами, колледжами, вузами, органами местного самоуправления, национальными общинами, молодежными организациями). И здесь немаловажную роль играет, как показали дискуссии на проведенных нами круглых столах, фигура педагога, того, кто несет знания и образцы социального поведения молодежи. Нынешняя реформа образования никак не способствует формированию этой ключевой страты общества, продукт деятельности которой не очевиден, а проявляется через многие годы.

Своеобразный социально-правовой нигилизм проявляют респонденты в вопросе о том, как местные власти относятся к решению межнациональных проблем. Только 7 человек (1,6 %) считают, что местная власть держит решение таких проблем под своим контролем. Очевиден антикратический тренд в общественном мнении новочеркасцев. В этом случае мы имеем дело с протестной социально-политической реакцией горожан как формой неконвенционного действия, не вписывающегося в законные нормы политического режима, что, несомненно, сужает возможности социотехники урегулирования межнациональных отношений на уровне городского муниципального образования.

108 респондентов (23,7 %) считают, что хотя власть и стремится решить межнациональные конфликты, но у нее отнюдь далеко не все получается, а используемые алгоритмы властного воздействия, увы, не достигают намеченной цели. За этими цифрами, с одной стороны, проглядывается кредит доверия населения местной власти, а он, увы, не высок. С другой стороны, позитивно настроенный электорат, естественно, склонен оправдывать местную власть, отчасти рассчитывая, что, в конце концов, у нее еще все получится. Мероприятия органов местного самоуправления и сегодня находят своего адресата.

Напротив, 196 человек (44,95 %) твердо уверены, что местная власть не интересуется решением межнациональных проблем и довольно равнодушно относится к тому, какими повседневными заботами живут люди различных национальностей. У 39 человек (8,94 %) сформировалось устойчивое мнение о том, что местные власти никак не защищают права

русских. По мнению 44 человек (10,42 %) власти потворствуют этническим группировкам и криминалу. В ответах респондентов проглядывается устойчивая тенденция к формированию негативного образа местной власти, по определению не способной разрешить накопившиеся проблемы в межнациональном диалоге. Характер ответов свидетельствует о неготовности органов местного самоуправления Новочеркасска принять на себя общественно значимые функции социального арбитра в ситуациях межэтнического противостояния, чтобы снять напряженность в повседневном столкновении разнообразных интересов национальных общин.

В ответах на вопрос о степени личного участия самих респондентов в практическом решении межэтнических конфликтов выявилась следующая, довольно любопытная картина. Большая часть опрошенных (268 человек, т.е. 61,46 %) указала, что или старается избегать подобных конфликтов (218 человек, т.е. 50 % респондентов), или же безразлично относится к конфликтам на межнациональной почве (50 человек, или 11,4 % респондентов). Корреляционный анализ результатов социологического исследования показывает, что в общественном сознании жителей Новочеркасска все же отсутствует межэтническая конфликтотогенность как форма абсолютной депривации этнических сообществ. Мы не наблюдаем безоговорочной невозможности для представителя этнического сообщества, или этнической группы в целом, удовлетворять свои витальные потребности из-за отсутствия доступа в нашем городе к основным материальным благам и социальным ресурсам, как-то, продуктам питания, жилищу, медицине, образованию и т.д. Однако факты относительной депривации на межэтнической почве в Новочеркасске, тем не менее, наличествуют, о чем свидетельствуют материалы нашего исследования. Часть горожан субъективно воспринимает и болезненно переживает случаи межэтнического неравенства, несправедливости в отношении представителей некоторых этнических групп на фоне несовпадения «ценностных возможностей» с людьми из другого этнического сообщества. Встречаются в общественном сознании новочеркасцев и настроения фрустрации, когда горожанин знает, какие социальные блага он мог бы получить, но по тем или иным причинам он их не получает, а виноватых в таком положении вещей настойчиво ищет среди представителей иных этнических сообществ.

Заметим, депривация в межэтнических отношениях неизменно вызывает социальную агрессию. В Новочеркасске в качестве объекта таких настроений называются, например, очень богатые люди, и факт их принадлежности к национальному меньшинству вполне способен усилить негативную реакцию в межнациональных отношениях. Необходимо отметить и широкую распространенность в нашем городе скрытых форм аутоагрессии – психосоматических болезней, алкоголизма, наркомании, курения. Помноженные на межэтническую напряженность они могут привести к весьма печальным последствиям.

24 участника исследования (5,5 %) вовсе не ответили на вопрос о степени личного участия самих респондентов в практическом решении межэтнических конфликтов в Новочеркасске, очевидно, не найдя для себя достойной фабулы понимания проблемы.

Своеобразно сложилось соотношение в группе горожан, причастных к урегулированию ситуаций в межнациональных отношениях, в которых каждая из столкнувшихся сторон стремится занять позицию, явно несовместимую и противоположную по отношению к интересам другой стороны, а потому неизбежно вступает в конфликт. 91 опрошенный (20,87 %) отметили, что принимали участие в решении межэтнических конфликтов. 26 человек (5,96 %) выступили за кардинальное решение вопроса, предлагая решительно показать всем «ненашим», «чтобы нас не трогали». Неоднократно участвовали в решении межэтнических конфликтов 27 респондентов (6,19 %). Тем самым, основная часть горожан в Новочеркасске изначально сторонится межнациональных конфликтов, но это вовсе не означает их равнодушного отношения к проблемам межнационального общения, ибо заметна устойчивая тенденция к урегулированию межнациональных противоречий.

Межнациональный конфликт является наиболее острым способом разрешения многообразных противоречий в интересах, целях, взглядах, возникающих в процессе межэтнического взаимодействия, заключающимся в остром противодействии практически всех участников конфликта. Такой конфликт обычно сопровождается негативными эмоциями и выходит за рамки известных правил и норм общечеловеческого общежития, а потому надолго сохраняется в социальной памяти и препятствует дальнейшему позитивному урегулированию межнациональных отношений. Тем самым, межэтнический конфликт изначально обладает деструктивными характеристиками, а в результате разрешения межнациональный конфликт способен выполнить и конструктивные функции. Взрывная динамика межнационального конфликта разрывает традиционные социальные связи, определяет порой неадекватные поступки действующих лиц, вызывает ускоренный ход и особый характер триггер-событий, приобретающих общественно-резонансное звучание. Отчасти именно осознание пагубности межнациональных конфликтов останавливает новочеркасцев от необдуманных действий в межэтническом противостоянии. В городе, в прошлой истории которого социальные конфликты прошли по судьбам многих людей, пока сохраняется определенный запас прочности в отношении совершения антиконструктивных действий во имя интересов членов отдельной этнической группы.

Многонациональный состав населения города формирует основу для межэтнических противоречий, как бы ни старались их приглушить активно действующие социальные институты. Уровень конфликтности межнациональных отношений прочитывается в отклике респондентов к нарушениям гражданских прав. О нарушении своих прав заявили 118 че-

ловек (27,06 %). 288 респондентов высказали суждение о том, что их права не нарушаются (66,06 %) и 30 человек (6,8 %) затруднились ответить. Эти данные исследования свидетельствуют о довольно значительном конфликтном потенциале новочеркасцев. Безусловно, не все опрошенные из тех, кто акцентирует внимание на нарушении своих гражданских прав готовы немедленно вступить в конфликтные отношения для восстановления поправленной справедливости. Но нельзя не заметить, что эти респонденты составляют довольно значительную группу горожан, в среде которых зреет социальный протест, при определенных условиях способный перейти в открытое противостояние. Межэтнические противоречия в этом случае могут выступить триггер-событием, приобретающим не только общественно-резонансное звучание, но и подпитывающим конфликтогенную ситуацию.

Широкий спектр мнений среди наших молодых горожан выявился в вопросе о причинах межнациональных конфликтов. Часть респондентов, отвечая на данный вопрос, указывала одновременно сразу на несколько причин таких конфликтов. Наиболее актуальными причинами были названы: отсутствие должного поведения представителей разных народов, устойчивое их нежелание искать межэтнические компромиссы, современный низкий уровень жизни, неразрешенность материально-бытовых проблем. Последние две причины вообще можно обозначить в качестве источников девиантного поведения и подпитывания в общественном сознании разнообразных фобий. Не менее важным фактором этнической напряженности является и уверенность части респондентов в том, что причины межнациональных конфликтов кроются в очевидной двойственной позиции властей.

Вместе с тем, внушает определенный оптимизм тот факт, что 362 человека, то есть 83 % опрошенных, готовы целенаправленно сотрудничать с представителями других народов. Это и составляет мощный арсенал межнационального согласия. Однако, заметно и наличие среди новочеркасцев устойчивых ксенофобных тенденций: 50 (11,4%) человек не хотят иметь никаких контактов с представителями других национальностей. Примечательно, что 24 человека (5,5%) даже не задумывались над этой проблемой и затруднились ответить на поставленный вопрос.

Мы бы заострили внимание на большой группе горожан, изначально нацеленных на сотрудничество с представителями других народов. В этом случае речь о развитой этносоциальной идентификации, когда этническая общность не предопределяет нацеленности своих представителей на этносоциальную автаркию. Эти настроения обуславливают невольное признание самой значимой идентичностью для новочеркасцев гражданства Российской Федерации. Ими фиксируется принадлежность к политической нации, в рамках которой сотрудничество с представителями других народов для титульной нации выступает генерализующей тенденцией. Тем самым, в исследуемом нами контексте межнациональных отношений территориальная и профессиональная субидентичности как инструментальные

переменные, увы, не имеют особого значения. Очевидно, в дальнейших исследованиях появляется смысл изучить отношение горожан к вероятному введению национальности «россиянин».

Соотношение гражданской идентичности и этнической идентичности как сюжет национальной политики российского государства, безусловно, заслуживает основательной проработки. Современное государство должно гораздо активнее заниматься социальным и национальным конструированием и инженерингом, чтобы целенаправленно противостоять развившемуся сепаратизму как деконструктивной идее и практике в федеративном многонациональном государстве. В этой связи, конечно же, можно посмеиваться над американской политкорректностью и введением в социальную практику специального обращения «афроамериканец», равно как и над французским аналогом – «француз алжирского происхождения». А ведь после распада СССР реальной позитивной альтернативы ленинской идеологии интернационализма, дружбы народов и социалистической концепции «единая общность – советский народ» предложено так не было. Напротив, в 1990-е годы мы получили в новой России ассиметричный федерализм, а в наследие от распавшегося СССР – родовые травмы сталинской национальной политики. И пока с трудом приходит в современное российское общество понимание того, что доминирование национальной самоидентификации над социально-правовой идентификацией по определению заводит в тупик национальную политику современного российского государства. Любой житель нашей страны, в первую очередь, должен осознавать себя гражданином Российской Федерации, и уже, во вторую очередь, подчеркивать свою национальную принадлежность, а вовсе не наоборот, как это сейчас нередко происходит. Именно в таком сочетании идентичностей заключается понимание, признание и отстаивание нашего общего Отечества.

В ответах на вопрос о будущей судьбе национальных традиций и обычаев большая часть респондентов – 317 человек (72,7 %), признала, что традиции являются неотъемлемой частью нашего быта. Они будут активно развиваться в рамках сосуществования различных национальных культур. Вместе с тем, 62 человека (14,22 %) уверены, что в отдаленном будущем эти традиции постепенно исчезнут.

Несмотря на существующие различия в обычаях, традициях и поведении народов Северного Кавказа, между ними есть очень много общего, доброго, справедливого. Вот эту общность и заинтересованы поддерживать, как показывает наше исследование, большинство новочеркасцев. К тому же, местные, донские обычаи весьма колоритны. Каждый из народов Дона на протяжении многих столетий приносил свой вклад в складывающиеся традиции культуры и быта. Сформированная в течение многих веков культура поведения северокавказских народов имеет очень глубокие и прочные исторические корни, и народам есть чему поучиться друг у друга, начиная от отношения к женщине и заканчивая речевым этикетом.

В целом, итоги проведенного социологического исследования свидетельствуют, что уважение культуры других народов дает возможность сохранить то, что есть в человеке положительного, в том числе и непреходящие этнокультурные ценности, но каждый человек должен самостоятельно уметь находить контакты с обществом. Безусловно, нельзя поддерживать девиантное поведение, направленное против общества, непосредственного человеческого окружения, в котором живешь. Верховенство закона и правосудия в России должно быть для всех: и для тех, кто приезжает в нашу страну, в другой регион Российской Федерации, и для тех, кто здесь живет постоянно, в том числе в Новочеркасске. Главное, в обществе есть понимание того неопределимого значения неконфликтных межнациональных отношений, и развитие этнической толерантности залог сохранения социальной стабильности, общественного благополучия, личного преуспеяния и общенациональных перспектив.

А.Б. Созаев (Нальчик)

МОЛОДЕЖЬ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Россия - огромная многонациональная страна. Она состоит из более 100 больших и малых этнических общностей. С распадом СССР старая система ценностей в глазах молодежи была дискредитирована, а новые политические ценности, основанные на принципах демократии, еще не вошли в массовое сознание. В этих условиях нашлись политические деятели, национальные лидеры, которые «делали ставку не на поиски оптимальных механизмов взаимодействия и сотрудничества, а на всяческое раздувание национализма и сепаратизма» [2, с. 3], используя различные способы манипулирования сознанием молодежи. Молодежь, попавшая под националистическое влияние, «принимает все на веру, не критически, она способна уверовать в любую несурязицу, клевету на другой народ». Война - самый преступный и жесткий вид политики. Так, участие с обеих сторон молодых людей в гражданской войне в Чечне нанесло огромный ущерб

всему российскому обществу и им самим - многие погибли, другие искалечены физически и духовно. Последствия, конечно же, еще заявят о себе.

Глобальный кризис, который разразился в стране, породил немало национальных проблем и конфликтов. В чем же их суть, причина, механизмы? С развалом советской «империи» на всем ее обширном пространстве образовалось множество зон межнационального напряжения, которое при определенных условиях грозит вылиться или уже вылилось в открытые столкновения, в том числе и вооруженного характера (по данным исследователей, 30% участников межнациональных конфликтов - молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет).

В целом межнациональная напряженность затрудняет проведение социально-экономических и политических преобразований, тормозит объединение прежде всего молодых людей вокруг демократических идеалов. Межнациональные конфликты - это «организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности» [5, с. 32].

Существует несколько теорий объяснения межнациональных конфликтов, которые были созданы на основе исследований в различных регионах нашей страны. Один из доминирующих - социологический подход. В нем представляет интерес анализ феномена экономического посредничества, особенно роли торговли, которая, как правило, в политических обществах имеет тенденцию контролироваться представителями какой-то из групп или выходцами из определенного региона. Это обычно вызывает недовольство со стороны остального населения, которое проецирует на торговцев свои негативные реакции. В целом, однако, соревновательность и конкуренция в сфере трудовых отношений далеко не всегда могут быть названы в числе основных факторов крупных межнациональных конфликтов. При объяснении причин таких конфликтов важное место занимает политологический подход, который выявляет роль политических элит в мобилизации этнических чувств, усилении межнациональной напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта. «Именно вопросы о власти, о стремлении элитных групп к обладанию ею, о связи власти с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям - являются ключевыми для понимания причин роста этнического национализма и конфликтности» [5, с. 32].

За годы советского режима в бывших республиках СССР и в российских автономиях сложились многочисленные и очень образованные этнические элиты титульных национальностей. Как только ослаб контроль центра и образовался вакуум власти - началась борьба за власть и право контролировать политическую власть в своих республиках. В ряде мест использовались антирусские лозунги, а также требования, направленные против беженцев и вынужденных переселенцев. Ощущение нестабильно-

сти, страх за завтрашний день порождают стремление избавиться от «чужих» или, во всяком случае, ограничить их права в надежде обеспечить себе безопасность и благополучие.

Особый тип этнических противоборств - конфликты, связанные с репрессированными народами. Только часть такого рода конфликтов связана с восстановлением территориальной автономии (немцы Поволжья, крымские татары, балкарцы, карачаевцы, чеченцы). В отношении других стоял вопрос о правовой, социальной, культурной реабилитации (греки, корейцы и др.). Причем лишь в ряде случаев речь идет о территориальных спорах. Так, турки-месхетинцы стремились к возвращению на территорию прежнего проживания в Грузию. В межнациональных конфликтах используется и религиозный фактор. В России помимо христианства и исламства существуют десятки различных религиозных объединений. Случается, что переплетение этнического и религиозного факторов создает взрывоопасную ситуацию. Межнациональные конфликты это также чаще всего конфликты различных культур, как результат различного отношения к жизненным реалиям. Очень важно вовремя выявить зарождение конфликтных ситуаций, уровень напряженности, динамику, характер действий конфликтующих сторон и на этой основе разрабатывать меры по предупреждению и урегулированию конфликтов.

Многочисленные исследования показывают, что большинство молодежи усваивает убеждения в детстве, до того как имеет возможность критически осмыслить получаемую информацию. Молодые люди, как правило, имеют весьма смутное или извращенное понимание иных национальностей, почерпнутое на бытовом, отнюдь не самом интернациональном уровне. В дальнейшем, чтобы отказаться от созданных негативных стереотипов, молодому человеку требуются смелость мысли, гражданское мужество, ведь часто это означает как бы разрыв с «заветами отцов». Исследователи выделяют три уровня негативного в национальном самосознании молодежи. Первый - ограниченность, замкнутость, связанные с нежеланием выходить в контактах за пределы круга людей, принадлежащих к этому этносу. Следующий уровень - этноэгоизм, выражающийся в стремлении обеспечить преимущества собственному народу за счет других. Третий уровень - уже нацио-фобизм, т. е. прямая враждебность другим, «чужим» народам.

Необходимо просвещение молодых людей в духе уважения, толерантности народов Российской Федерации. В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации сказано: «Основные цели государственной национальной политики Российской Федерации состоят в обеспечении условий для полноправного социального и национального культурного развития всех народов России на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признания его высшей ценностью». Молодежь легче, чем иные социальные группы, попадает под влияние раз-

личной, подчас вредной, национальной пропаганды. Перемены в экономических и политических отношениях, потрясшие всю систему социальных ожиданий, породили в обществе состояние неопределенности, подчас растерянности со всеми вытекающими последствиями - депрессией, пассивностью, агрессивностью и т.д. В этих условиях приобретают особую важность и сложность проблемы социализации вступающего в жизнь поколения. В период перехода к иной модели общества особенно трудно приходится молодежи. Безработица, страх перед будущим, все это накладывается одно на другое и в результате происходит потеря ориентиров среди молодых людей. Многие из них оказываются втянутыми в различного рода межнациональные конфликты, а кое-где берутся за оружие. Достаточно вспомнить события в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии (13 октября 2005 года) и т.д.

Нельзя утвердить свой суверенитет, не уважая права других национальностей. В поисках национальной идеи для России следует быть крайне осторожными, чтобы не перейти ту грань, за которой начинаются лозунги типа «Россия только для русских», «Кавказ без кавказцев» к чему так яро призывают некоторые лидеры политических партий страны. Невозможно построить прочное Российское государство, не преодолев конфликтные ситуации в сфере национальных отношений, не введя их в цивилизованное русло, не создав механизм разрешения этих конфликтов.

Межнациональные конфликты в нашей стране имеют различные причины и протекают по-разному. Например, на Северном Кавказе конфликт превращается в межнациональную войну, в Средней Азии ситуация тоже развивалась через вспышки насилия, а на западных границах бывшего Союза национальные конфликты шли более-менее цивилизованным путем. Создавались народные фронты прибалтийских республик с требованиями (в рамках закона) государственной независимости. Но как бы ни протекали эти конфликты, они ограничивают сферу общения между молодежью различных национальностей, вызывают у молодых людей настороженность, затрудняют межнациональные конфликты. С другой стороны, эти конфликты (особенно вооруженного характера) неизбежно так или иначе воздействуют на общество и, самое главное, на самих молодых людей, подпитывая в них агрессию. Так, насилие становится фактором общественного сознания, повергает народы в состояние взаимной подозрительности, неустойчивости и страха. Насилие или даже его угроза делают ситуацию еще более трудноуправляемой и непредсказуемой. Коварной особенностью межнациональных отношений является то, что вспышка напряженности или противостояния может возникнуть из-за незначительного повода, ибо конфликтность сохраняется во многих национальных образованиях, регионах, городах. Молодежь - будущее нации, и «потому как она обещает себя вести в затруднительных обстоятельствах, можно прогнозировать развитие межнациональных отношений в будущем» [4, с. 28].

В условиях многонационального государства, каковым является

Россия, под воздействием объективных факторов периодически возникают мощные миграционные потоки. В результате чего молодым людям постоянно приходится возвращаться в инонациональной среде. И когда они попадают в нее, то должны проявлять уважение, терпимость по отношению к нормам поведения, обычаям и культуре других народов. В процессе общения между молодежью различных национальностей происходит не только обмен определенной информацией, которой располагают общающиеся стороны, но и идет усвоение, переработка, осмысление иных ценностей. «Все, начиная от приветствия и до прощания, помимо воли и желания общающихся, становится объектом их внимательного изучения. Непроизвольного, разумеется, иногда не осознанного, на уровне подсознания, когда слушающий и наблюдающий некое действие сразу и не фиксирует отчетливо, не оценивает те или иные характерные черты инонациональной культуры, но которые, несмотря на это, все-таки запоминаются» [1, с. 35]. Иначе говоря, молодежное межнациональное общение ведет к взаимодействию различных традиций, языков и нравов. Для того чтобы эти процессы протекали безболезненно, каждый молодой человек должен быть знаком с азбукой межнационального общения. В противном случае он будет постоянно ощущать моральный и интеллектуальный дискомфорт, станет объектом нападок и агрессии со стороны общества и отдельных его членов. Или же сам будет инициатором конфликтов и разборок. Культура межнационального общения предполагает доброжелательность, готовность прийти на помощь человеку другой национальности, непримиримость к любым проявлениям национальной кичливости, обособленности и эгоизма, проявлять интерес к национальным ценностям того народа, с представителями которого в данный момент общаешься. Дело тут еще и в том, что в процессе межнационального общения люди чаще всего действуют не как индивиды, что присуще общению людей одной национальности, а как представители определенного этноса. «Ведь культура межнационального общения вырабатывается в процессе взаимодействия наций, а не отдельных людей. Именно нации определяют здесь приоритеты, которые через индивидов реализуют в процессе общения с представителями других этносов [1, с. 37]. Как правило, современная молодежь, вступая в разнообразные контакты с представителями других национальностей, ведет себя адекватно ценностным установкам «родного» этноса и считается с ними. Иначе молодой человек рискует быть осужденным не только «чужим этносом», но и общественным мнением собственного народа, что является для него жестокой карой. Хотя следует признать, что очень часто в повседневной жизни среди молодежи встречаются люди, поступающие наоборот. Тем самым они наносят ущерб и своему народу (ибо создают негативный социальный стереотип в отношении своего народа) и себе (ибо встречают адекватное поведение другой стороны). Этому обычно способствуют два обстоятельства: «...отсутствие в момент контакта индивида с инонациональ-

ной средой оценки его поступка общественным мнением своего этноса и алкогольное или наркотическое опьянение, мешающее ему соотносить свое поведение с традициями и обычаями собственного народа. А сопутствующими могут быть личностные черты характера: вспыльчивость, обидчивость, подозрительность, агрессивность» [1, с. 37]. То есть умение видеть и понимать специфику других наций и в соответствии с ней управлять своим поведением - в этом суть межнациональной культуры общения, функции которой заключаются в том, чтобы:

- сохранить историческую память, критически переосмыслить опыт предшествующих поколений и на этой основе выработать критерии и ориентиры взаимоотношений с другими нациями и народностями;

- формировать умение и готовность идти на контакты с лицами других национальностей, полнее использовать возможности межнационального общения для развития и совершенствования личности;

- способствовать формированию и утверждению интернационально зрелых социально-психологических стереотипов мышления и поведения современной молодежи.

К сожалению, в реальной нашей жизни высокомерие и чванство одних соседствуют с агрессивностью и жестокостью других. Поэтому выход из такой ситуации возможен сквозь призму образования и формирования культуры толерантности.

В этом плане воспитание толерантных начал носит многоплановый характер и в условиях полиэтничности, многоязычия, поликультурности и полиментальности населения России не может не приобретать характер поликультурного образования.

Среди конкретных задач поликультурного образования, как правило, называются следующие задачи [3, с. 6]:

- глубокое и всестороннее овладение учащимися культурой своего собственного народа как непременное условие интеграции в иные культуры;

- формирование у учащихся представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества и служащим условиям для самореализации личности;

- создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов;

- формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур;

- воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

Решение этих задач будет производиться путем соответствующего изменения содержания таких учебных курсов, как «Обществознание», «Всеобщая история», «Права человека», предметов естественнонаучного цикла, «Искусства», а также «Трудовое обучение», «Техника» и «Технология».

«В целом содержание общеобразовательных учебных курсов дает школьнику возможность усвоить такие основные понятия и категории поликультурного образования, как самобытность, уникальность, культурная традиция, духовная культура, этническая идентификация, национальное самосознание, российская культура, мировая культура, общие корни культур, многообразие культур, различия между культурами, взаимовлияние культур, межкультурная коммуникация, культурная конвергенция, культура межнационального общения, конфликт, культура мира, взаимопонимание, согласие, солидарность, сотрудничество, ненасилие, толерантность и др.» [3, с. 6].

Именно к таким человеческим идеалам и ценностям призывают традиции и обычаи народов Северного Кавказа. Например, одним из замечательных обычаев кавказских народов является уважение к старшим и забота о них. В первую очередь это касается родителей. Если они не живут с сыновьями, то те все равно лучшие из покупаемых продуктов постоянно относят в дом родителей. Горцы говорят: «Если поджарить яичницу на ладони и поднести ее матери, то и тогда мы не окупим своих долгов перед ней». И это действительно так. Обычай уважения старших распространяется не только на родственников, но и на всех старших, независимо от их национальной принадлежности. Не встать при появлении стариков или же сесть без их настойчивого приглашения - расценивается как большой недостаток в воспитании. Если же в селе умер человек, то долг всех односельчан посетить этот дом, выразить соболезнование, оказать моральную, а если надо и материальную поддержку. Заботу о человеке, внимание к нему можно проявлять в самых различных формах. Тому доказательством служит принцип гостеприимства у кавказских народов. Через него опосредовано народ показывает свое отношение к чужому человеку, проявляя заботу о его благополучии и безопасности.

Существует общепринятое мнение, что характерной чертой «кавказцев» является вспыльчивость. Мнение это трудно оспаривать. Но горцы всегда высоко ценили такие качества, как терпение, выдержка. В их среде всегда осуждались горячность и невыдержанность, как качества, недостойные мужчины. «Кинжал, обнаженный глупцом, опаснее кинжала, обнаженного храбрецом», - часто повторяют старики, пытаясь остудить излишне горячие головы. Жалобы на жизненные трудности, жадность, корыстолюбие расцениваются у этих народов как отсутствие благородства. И, наоборот, неприязнительность в быту, в еде, умение довольствоваться малым, наличие силы воли и терпения при всех жизненных невзгодах - черты, которые всегда высоко ценились.

Подводя итоги, следует отметить, что необходимо из другой культуры, традиций брать для себя в качестве примера самое лучшее и заслуживающее уважения. Но сделать это можно лишь отбросив межнациональную ненависть и предвзятость, изучив обычаи других национальностей, научившись их ценить. Каждый молодой человек должен понимать,

что все народы имеют право на жизнь и собственную культуру. Любая национальная культура должна свободно развиваться. Каждый живой язык нуждается в бережном и добром отношении.

Сегодняшнее состояние России делает вопрос межнациональных отношений очень актуальным. Решать же его в недалеком будущем предстоит именно сегодняшней молодежи. И от этого решения зависит мир в нашем общем доме. В России одновременно с существованием многочисленных этнических групп уже давно произошло их взаимопроникновение (о чем свидетельствуют даже бывшие названия нынешних автономий: Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия и т.д.). Молодежи в различных сферах деятельности приходится на каждом шагу сталкиваться с людьми самых разных национальностей. Необходимо помнить древнее изречение: «Люди учатся на ошибках, народы на трагедиях». С одной стороны, вроде бы все это понимают, а с другой - для некоторых людей война становится не только естественным состоянием, но и прибыльным делом. Отсюда и результат: продолжают крупномасштабные террористические акции, продолжают лежать в руинах и пепле разбомбленные города и села. Кто как не молодежь вскоре будет заниматься этими проблемами? Межнациональная политика - дело тонкое и деликатное. И вести его должны мудрые лидеры, знающие историю своего отечества, традиции, обычаи и нравы народов, его населяющих.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агаджанов Ю. Г. Крах обреченных мифов. Ростов-на-Дону, 1998. - С. 35.
2. Иванов В. Н. Демократизация и федеративные отношения // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. - С. 3.
3. Макаев В.В., Малькова З.А., Супрунова Л.Л. Поликультурное образование - актуальная проблема современной школы // Педагогика. 1999. № 4.
4. Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю. В. Чернявская. Минск, 1998. - С. 28.
5. Римаренко Ю., Степанов Э. Конфликтология межэтнических отношений // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. - С. 32.

Ю.А. Стецура (Армавир)

«ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР (попытка концептуального осмысления)

В.О. Ключевский в «Русской истории» писал: «Петербургские политики периода Екатерины II после войны с Турцией боялись «встревожить Европу такими крупными присоединениями, как Крым, и азово-черноморские сте-

пи...» [1, с. 765]. Как известно, покорять и осваивать эти «крупные присоединения» было дозволено донским и запорожским казакам.

Василий Осипович Ключевский в колонизации видел основной фактор русской истории. Он подчеркивал, что «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширяется вместе с государственной её территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [2, с. 5].

Восточнославянская колонизация началась давно, еще во времена древних Киева и Новгорода, но ускорилась, приобрела новое качество со второй половины XVI века после покорения татарских ханств Казани и Астрахани, а еще больше после побед над Турцией и присоединения — уже в конце XVIII века — Крыма.

Одним из главных этапов в становлении империи стала колонизация юга Европейской России. После победы над Казанским и Астраханским ханствами, начались массовые миграции, которые разной интенсивностью в отдельные периоды продолжались с XVI века до 1917 г.

Значительную роль в освоении новых территорий сыграло казачество, крестьяне центральных губерний, новодворцы, старообрядцы и др.

По справедливому утверждению доктора исторических наук Б.Н. Миронова «Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова». Автор первым в мировой историографии в своём обобщающем, фундаментальном исследовании социальной истории России периода империи с конца XVII в. до 1917 г. выделяет основные причины, по которым нельзя считать российскую империю «колониальной державой в европейском смысле»:

Во-первых, по мнению С.Н. Миронова русские не были «господствующим» народом империи: они подвергались частичной социальной дискриминации по сравнению с нерусскими и уступали ряду народов (например, немцам, полякам и евреям) по степени урбанизованности, уровню грамотности, экономическому развитию, по числу лиц, занятых в сфере интеллектуального труда. Русские в массе всегда жили хуже, чем нерусские...

Во-вторых, национальная политика России отличалась прагматизмом и терпимостью по отношению к нерусским, ставила на первое место не экономические, а политико-стратегические задачи; религиозная и языковая ассимиляция, а также долгое время административно-правовая интеграция не входили в ее цели, «господствующий» народ не поглощал побежденных.

В-третьих, в экономическом и культурном смыслах русский центр уступал западной периферии и незначительно превосходил большинство своих восточных и южных окраин. Сама Россия в период империи вследствие относительной культурной и экономической отсталости находилась

в существенной зависимости от иностранного капитала, европейской науки и технологии.

В-четвертых, Российская империя держалась в решающей степени на династическом и сословном принципе, а не на этническом и религиозном самосознании русских. В силу указанных особенностей, а также вследствие большого разнообразия религиозного, культурного, социального, экономического и политического положения народов, входивших в состав России, поэтому «ярлык «колониальной державы» не соответствовал ее сущности».

Борис Николаевич Миронов особо подчеркивал, что «специфически имперский характер российского политического устройства обеспечивал возможность управления многонациональным государством, которое включало десятки народов, находившихся на разных ступенях развития, позволял России успешно конкурировать с колониальными империями Запада и выдержать борьбу с восточными империями» [4, с. 62-63].

И только после реформ Александра II, которые способствовали быстрому темпу вхождения России в доиндустриальный период модернизации, межэтническая политика самодержавного, центрального правительства стала склоняться к последовательной интеграции всех частей империи в цельное национальное государство.

Однако ввиду огромного многообразия этносов интеграция под ругательным термином «**русификация**» проводилась в разных регионах и среди разных народов с разной глубиной и интенсивностью, а иногда и с отклонениями от генеральной линии. Так, в отношении евреев, ногайских и крымских татар, черкесов и некоторых других народов сегрегация и принуждение к эмиграции были признаны более целесообразными средствами решения национальных противоречий, а в отношении кочевников, охотников и собирателей и оседлых мусульман Средней Азии была сохранена прежняя политика сосуществования. «Интеграционная политика находилась в прямой зависимости от степени языковой, конфессиональной и культурной близости народов и опасности, которую представлял сепаратизм для формирования единого национального российского государства» [5, с. 63].

Исторический опыт свидетельствует о том, что нет достаточных оснований полагать, что развитие национального самосознания и национальных движений везде и всегда приводят к возникновению сепаратистских настроений в многонациональном государстве. Нельзя утверждать, что распространение образования и культуры, создание письменности и литературных языков различных народов, проживающих на территории России, развитие национальных элит, полиэтничность - готовят предпосылки для своего будущего распада.

Институциональные преобразования пореформенной России, модернизационные процессы в СССР, свидетельствуют о том, что социальным отношениям, основанным на узах крови, расы, языка и религии, которые являлись мощной силой в традиционных, доиндустриальных обществах, но под воздей-

ствием модернизационных процессов в социальной области происходят значительные трансформации на основе четкой специализации людей, общественных и государственных институтов по видам деятельности. Наблюдается минимизация зависимости этносов от таких показателей, как пол, возраст, социальное происхождение, личные связи людей. Увеличивается рост таких признаков, как личные качества человека, его квалификация, усердие, образование. Происходит замена отношений иерархической подчиненности и вертикальной зависимости отношениями равноправного партнерства, построенными на базе взаимного интереса [6, с. 20].

Изучение межэтнических отношений на современном этапе без учёта исторического опыта, как российской империи, так и СССР, России новейшего времени будет малоэффективным.

Н.А. Бердяев в монографии «Истоки и смысл русского коммунизма» подчеркивал, что «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, имперскую и, наконец, новую советскую Россию» [7, с. 7]. Данная периодизация раскрывает разные этапы Российской истории в основе, которой важное место занимали и занимают межэтнические отношения.

В 90-х годах XX века от неправильных, непродуманных действий государственной элиты, были нарушены многовековые традиции межэтнических отношений в полиэтничном российском государстве.

На современном этапе очень часто в политических, научных кругах идут рассуждения об этнической толерантности, межнациональном мире и толерантности, но практически нет научного, содержательного понимания толерантности.

В «Новейшем словаре иностранных слов и выражений», изданном в 2005 даётся такое определение «**ТОЛЕРАНТНОСТЬ** [лат. *tolerantia* терпение] - **терпимость к чужим мнениям, верованиям, идеям и поведению**» [8, с.803].

В Культурологическом энциклопедическом словаре «**ТОЛЕРАНТНОСТЬ** рассматривается как **терпимость, снисходительность к чужим мнениям, верованиям, поведению, обычаям, культуре, чувствам, идеям. Терпимость - один из основных демократических принципов, неразрывно связанный с концепциями плюрализма, свободы и прав человека. Терпимость — важный признак общей и политической культуры**» [9, с. 488].

В психологическом словаре толерантность интерпретируется – как процесс «отсутствия или ослабления реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию»,

Из определений видно, что одним из важнейших синонимов толерантности является – «снисходительность», «ослабления реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор» [10, с. 401, с. 577].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией профессора Д.Н.Ушакова. **СНИСХОДИТЕЛЬНЫЙ** определяется как «Не строгий, проявляющий снисхождение, невзыскательный. Покровительственно-высокомерный» [11, с.322]. Так как же в современных условиях на основе **ТОЛЕРАНТНОСТИ** развивать, сохранять межэтнические отношения и межнациональный мир?!

Не является ли **этническая толерантность** «новой», модной мифологемой, «новой» интеллектуальной абстракцией, «новой» идеологемой.

Не пытаемся ли мы за проблемой толерантности спрятать, минимизировать всю остроту межнациональных отношений?!

Перед научным сообществом, объективно встаёт вопрос о **выработке понятий и критериев толерантности в политике, экономике, духовной жизни общества, а также индивидуальной толерантности. Необходимо разработать механизм дифференцированного институционального и индивидуального функционирования толерантности в российском государстве.** Притом нужно чётко понимать, что эти критерии должны быть универсальными для всех этносов Российской Федерации. Правда, есть ученые, которые предлагают **толерантность в политической сфере** отнести к культуре и рассматривать **толерантность** как политическую культуру, как «уважительное отношение к любым политическим проявлениям, которые **не противоречат существующему законодательству**» и считать **толерантность** в политике «результатом разрешения многих социальных противоречий на **всеобщей социальной основе и развития демократии в форме правового государства**» (выдел. Ю.С.) [12, с. 514].

Думается, что рассматривать межэтнические отношения с точки зрения **терпимости, снисходительности**, - нельзя! Ибо **терпимость, снисходительность** формируются, прежде всего, на превосходстве властных, материальных, военных, конфессиональных, этнических традиций. На преобладании силы духа, образования, интеллектуальных возможностей различных социумов, социокультурного развития общества и др.

Опыт Европы показывает - **толерантность, то есть терпимость категория нравственная и исходит не от души, а скорее от рассудка.** Надежда Арбатова, доктор политических наук, заведующая отделом европейских политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН в статье «**Провал мультикультурализма**» указывает на то, что «о провале мультикультурализма открыто заявили лидеры крупнейших государств ЕС – Германии, Франции и Великобритании, но этот печальный вывод относится и к другим странам «старой Европы» – Дании, Голландии, Бельгии, Австрии. Надежда Арбатова подчеркивает, что «Как это ни парадоксально, мультикультурный проект, в основе которого лежал принцип толерантности к другой культуре, показал миру практически полную несовместимость традиционных мусульманских и современных европейских ценностей. Вольтеровская толерантность европейцев кончается там, где отвергаются

ценности индивидуальной свободы, рационального сознания и прав человека» [13].

Перед учеными, политиками, властными государственными функционерами очень остро встал вопрос об определении роли и значении институциональной и индивидуальной толерантности и их роли в межэтническом взаимодействии. Не определив параметры и функционирование **институциональной и индивидуальной толерантности**, мы тем самым «ЭТНИЧЕСКУЮ ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР и термин **Толерантность** – превращаем из реального, содержательного дискурса, в формальную, абстрактную дефиницию, создавая «новую» **мифологему, интеллектуальную абстракцию, идеологему**, от которой отказываются западноевропейские ученые и политические, государственные функционеры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский В.О. Русская история. – М., 2005. – С.765.
2. Ключевский В.О. Указ. соч. - С.5.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): В 2 т. Т.1. – 3-е изд., испр., доп. – СПб., 2003. – С. 62.
4. Миронов Б.Н. Указ. соч. - С.62-63.
5. Миронов Б.Н. Указ. соч. - С.63.
6. Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. – М., 2000. – С.20.
7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С.7.
8. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2005. – С.803.
9. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. –Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – С. 488.
10. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - 2-е изд., испр. и допол. – М.: «Политиздат», 1990. – С.401; В «Словаре Синонимов» (Ленинград: «Наука», 1975. – С.577) указывается, что «толерантный» - «снисходительный».
11. Толковый словарь русского языка / под ред проф. Д.Н. Ушакова. – М. «Государственное издательство иностранных и национальных словарей». Т.IV. – 1940. – С.322.
12. Человек и общество: Краткий энциклопедический словарь-справочник (политология) / отв. ред. Ю.С. Борцов, науч. ред. И.Д. Коротец – Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1997. – С.514.
13. <http://vpk-news.ru/articles/7628>

К.В. Ульби (Нальчик)

МЕСТО И РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Проблемы толерантности неслучайно в течение последних нескольких лет оказываются в центре внимания российских ученых, общественных дея-

телей, педагогов. Благодаря усилиям ЮНЕСКО в последние десятилетия понятие "толерантность" стало международным термином, важнейшим ключевым словом в проблематике мира [3, с. 25]. В научной литературе толерантность рассматривается, прежде всего, как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований и отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения. Таким образом, толерантность можно рассматривать в качестве одной из важных составляющих психологической культуры личности.

Этническая толерантность (гр. *ethnos* - «род», «племя», «народ» + лат. *tolerantia* - «терпение», «снисхождение») трактуется современными исследователями как особая черта любого этноса, как неотъемлемый элемент структуры этнического менталитета, ориентирующегося на терпимость, признание легитимности «чужой правды», отсутствие или ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор в межэтнических отношениях. На территории России много исторически сложившихся регионов, где веками жили представители разных этнических и культурных групп. Таким регионом, в частности, является Северный Кавказ. Живущие в этом регионе народы можно рассматривать как единую систему этнических групп. В сходстве исторических судеб, образа жизни, менталитета народов поликультурного региона заложены мощные основы для мирного, толерантного сосуществования. Толерантность как никогда ранее важна в современном мире.

Каждый регион многолик, и поэтому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира, что особенно проявляется на Северном Кавказе. Здесь это проблема стоит слишком остро. В течение многих веков передача молодым людям накопленных предыдущими поколениями знаний, умений, норм поведения, верований происходила неформальным, естественным путем – через общение со старшими, участие вместе с ними в трудовой деятельности.

Так формировались основы национальных культур народов Северного Кавказа. Этнотолерантность неразрывно связана с таким понятием как межкультурная коммуникация. Диалог или взаимодействие существующих в определенном пространстве и времени культур и есть межкультурная коммуникация. Межкультурной коммуникацией называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Дело в том, что даже если люди владеют одним и тем же языком, они не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур.

Кавказ – удивительный край, с глубокой древности населенный народами, которые говорили на разных языках, отличались друг от друга многими особенностями культуры и быта. Проходили век за веком, и здесь сложился разноязыкий, но единый кавказский мир. И это неудивительно: горы Кавказа, вставая непреодолимой преградой на пути завоевателей,

никогда не прерывали общения живущих здесь народов. Песни и танцы разных народов во все времена являлись их визитной карточкой. В них ярко выражены национальный колорит, особенность ритмов и звучания родного языка. Так, например, кабардинцы причиной болезни считали происки злых сил. Больного укладывали в кунацкую – особый дом для приема гостей. Лекарь обрабатывал рану, давал необходимые лекарства. Около постели клали железный лемех от плуга и молоточек, каждый трижды стучал по лемеху, говоря: «Желаю тебе счастливого выздоровления и многих лет счастливой жизни». Вечером к кунацкой приходила молодежь и люди постарше, и всю ночь продолжались песни, танцы, игры и шумные развлечения. Больного старались развеселить. У кабардинцев есть специальные песни, которые поют исключительно во время чапша, например «Песня извлечения пули». Навестить больного полагалось не только односельчанам, но и жителям окрестных сел. Родственники в помощь семье присылали продукты, барашка – и все это шло на угощение [1, с. 36].

Межэтнические отношения являются открытой, динамичной и целостной системой связей индивидуумов, этнических групп, этнических общностей, проявляющихся в их этнической и конфессиональной принадлежности на внутригосударственном уровне, проходят в своем развитии определенные этапы и стадии, осуществляются на разных уровнях и направлениях, проявляются в различных формах и стратегиях этнического поведения.

В межэтнических отношениях различаются два вида направленности: внутренняя, отношение к собственной этнической группе, и внешняя, отношение к другим этническим группам. Также различаются два уровня: межличностный уровень, на котором осуществляются отношения между индивидуумами, принадлежащими к разным этническим группам и межгрупповой уровень, на котором осуществляются отношения между различными этническими группами.

Сегодняшнюю этнополитическую ситуацию на юге России во многом определяют межэтнические отношения, складывающиеся в полиэтничных республиках Северного Кавказа. В последние годы разнонаправленное межэтническое взаимодействие в регионе происходит на фоне общих для северокавказских этносов процессов, связанных со стремлением к суверенизации и политической самоорганизации, в ходе которых актуализируется этническая составляющая социальной идентификации, в значительной степени определяющая векторы этнополитической мобилизации [2, с. 48]. На фоне духовно-идеологического вакуума помимо социокультурных охранительных функций этнической идентичности также приписываются функции групповой консолидации и индивидуальной психологической защиты, обеспечивающей успешную социально-психологическую адаптацию в условиях затянувшейся социальной нестабильности и неопределенности. Эти причины обуславливают востребованность этничности и, более того, делают ее фактором повседневной рефлексии, который определяет характер и направ-

ленность межэтнической коммуникации, как на межличностном, так и на межгрупповом уровнях.

Важно отметить, что национальные движения, этнические группы на Северном Кавказе играют очень важную роль в сохранении и развитии культурной целостности и сохранении уникальности больших и малых народов, в росте общественно-политической активности граждан. Но, к сожалению, в ряде случаев этнический фактор стал, в настоящее время основой для появления программ и действий, а также для пропаганды идей и установок, которые провоцируют нетерпимость, вызывают конфликты и насилие. Поэтому формирование идей толерантности в массовом сознании жителей региона должно выступать в создавшихся условиях в качестве основы сохранения безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аккиева С. Кабардино-Балкарская Республика. Модель этнологического мониторинга. – М., 1998.
2. Казначеев В.А. Кавказская идентичность: через диалог к взаимопониманию // Современный Кавказ. - Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2007.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 1996.

М.В. Юрченко, Н.Н. Юрченко (Краснодар)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ НА ЮГЕ РОССИИ

Поиск путей обеспечения межнационального согласия в России на современном этапе является приоритетным государственным интересом и важнейшим условием реализации программы развития и предполагает выбор определённой стратегии и идеологической канвы как объединительной модели преобразования. Следовательно, категория национально-государственных интересов и способы их реализации на наш взгляд занимают центральное место в решении проблем межнационального взаимодействия. Если определять государство как политическую общность, составными элементами которой являются территория, население и власть, то понятие национально-государственных интересов включает соответственно: сохранение территориальной целостности, государственного суверенитета, сбережение народа, защищённость цивилизационной идентично-

сти и легитимность политического режима [6, с. 13]. В условиях новых вызовов глобализации в научном сообществе возросло внимание к проблемам адаптации различных социумов к процессам трансформации мирового порядка. Актуализировалась проблема защиты национально-государственных интересов по обеспечению безопасности на международном, национальном и внутригосударственном уровнях.

Мировой финансово-экономический кризис в совокупности с природно-климатическими и политическими катаклизмами, угроза дальнейшего обострения конфликта за источники сырья, нестабильность мировых рынков энергоносителей приводят к непредсказуемости социально-экономического развития, как во всём мире, так и в России. Основные риски для России связаны со значительной зависимостью от динамики внешней производственной среды, что усугубляет и внутривнутриполитические конфликты по поводу выбора стратегии модернизации.

В современных обществах принято различать системы с относительно низким и относительно высоким уровнем социального доверия, что во многом обусловлено ценностной и морально-психологической средой, которая может способствовать усилению духа сотрудничества и солидарности или, наоборот, приводить к личностному и групповому отчуждению депривационного характера. Наличие в обществе социального и политического доверия имеет сугубо идеологическую природу и приводит к формированию морального сообщества, а само доверие превращается в политический и моральный капитал, который не может быть одинаково распространённым в различных регионах и социальных слоях. Сообщество, как правило, демонстрирует консолидированное, солидарное, соответствующее духу сотрудничества поведение благодаря наличию высокого уровня доверия на основе общепринятых ценностей, которые являются основой объединения данного социума [1, с.153-156]. Следует подчеркнуть, что политико-идеологический капитал, являющийся формой символического капитала, выступает также кредитом, основанным на вере и признании; в качестве кредита доверия политический капитал крайне уязвим перед подозрением, клеветой, скандалом, т.е. всем тем, что угрожает доверию [2, с. 208-212] и требует постоянной моральной и идеологической работы для своего сохранения и накопления с целью реализации государственных интересов.

Идеологическое обоснование и выявление духовно-нравственной мотивации социальных изменений может стать эффективным средством анализа специфики инновационных процессов в рамках различных субкультур регионов с относительно низкими стандартами организации производства и культуры потребления. Одним из вариантов анализа исследуемой проблемы являются многоуровневые оценки характера распространения потребительских стандартов, материализующих обыденность и повседневность и унифицирующих культурные образцы. Вычленение ос-

новых элементов и моделей потребления, производства и коммуникации, присущих различным субкультурам, позволяет определить наличие общих этических принципов и ценностных ориентиров с одной стороны, и социально-культурной дифференциации и размежеваний – с другой. Исследование процессов идеологизации модернизируемого социального пространства предполагает рассмотрение групп интересов в параметрах стратификационной концепции, социокультурной динамики и герменевтики ценностных ориентаций носителей разнообразных стилей мышления, а также способов актуализации проблемы социального доверия и межгруппового взаимодействия. В традиционалистской парадигме обосновываются выводы о несовместимости сущностно-ценностных характеристик традиционных обществ и нелиберальной модернизации, которые с другой стороны могут сосуществовать в технологических сферах, не разрушающих религиозные и этнические идентичности и не навязывающие универсальные образцы массовой культуры. В ходе динамической трансформации деформируются прежние социально-политические институты и механизмы, а новые оказываются недостаточно эффективными, так как ставят под сомнение «вечные» ценности, заменяя их «вещными». Таким образом, рассмотрение взаимодействия различных субкультур в процессе модернизации с точки зрения сравнительного анализа ценностных форм организации бытия, показывает востребованность определения возможностей и перспектив духовно-нравственного наполнения инновационного процесса.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о весьма низком уровне нравственности большинства социальных групп российского социума, причём более 70% опрошенных россиян сами осознают тот факт, что за последние годы нравственный облик общества значительно ухудшился [11, с. 88-89]. И одной из основных причин этого является состояние того социального слоя, который формулирует идеологические ценности и установки, например, такие как достижение прибыли любыми средствами, компрадорский характер деловой активности в ущерб интересам страны, отсутствие социальной ответственности не на словах, а на деле и т.п.

Как известно, мышление имеет идеологический характер, поскольку оно социально опосредовано [10]. Одним из принципиальных вопросов политической науки был и остаётся вопрос о соотношении между знанием и человеческими интересами. Гуманистическое знание, заключающееся в понимании мира, сосуществует с критическим знанием, интерес которого связан с эмансипацией человека. Общественная мысль современной России нацелена на поиск теоретических подходов к пониманию социально-политической реальности в условиях глобального кризиса, который представляется, прежде всего, кризисом идеологическим, проявившемся в нарастающей неудовлетворённости гражданского общества формальным заимствованием рыночных подходов и проведением не подтвердившей

своей эффективности либерально-монетаристской политики в противовес интересам духовно-нравственного развития.

Основными угрозами реализации государственных интересов является отсутствие чётко сформулированной национальной идеологии, отвечающей приоритетным целям стратегического развития, размытость нравственно-правового и информационно-политического пространства реализации государственной власти, разрушение целостного духовно-онтологического единства России. Чтобы быть успешной в сложном, многосоставном обществе, власть обязана обеспечить безопасность и выживание конструктивных социальных субъектов, способствующих преодолению кризиса доверия, кризиса легитимности, кризиса управляемости и являющихся базой формирования общегражданской идентичности. Распад ценностного единства и фрагментация социальной действительности свидетельствуют об опасности прекращения необходимых интеграционных процессов в обществе. Язык и все связанные с ним коммуникативные средства, символические ряды товарно-денежных и других социальных отношений, образцы общей культуры и т.д. – все это прочные основания «символической схематизации», которая должна максимально эффективно использоваться в процессе разработки идеологических механизмов реализации государственных интересов. Но могут ли эти основания быть достаточными для коллективного политического действия, если его собственные «общие перспективы» и ценностные ориентиры стали «мирами, существующими врозь»?

С одной стороны, стремление к реализации вестернизаторских моделей общественной трансформации, а с другой – заинтересованность в декларировании самобытности и сохранении status quo, по сути отрицающих развитие России в русле мировых ценностей, привели к расколу в общественном сознании, который проявился в тотальном кризисном миропонимании. Социальная депривация поразила все сферы постсоветского общества и надолго ещё более затормозила возможности понимания множественности форм современности, значимости социокультурной динамики и институционального конструирования социальной реальности, соответствующей требованиям инновационного развития.

В условиях идеологического раскола центризм попытался выполнить роль консенсусной идеи избегания всяческих крайностей. После того, как логика политической борьбы привела к ослаблению идеологических флангов, востребованность центризма в публичной сфере стала ослабевать. На фоне относительной стабилизации в обществе, проявившейся в приостановлении «парада суверенитетов», и в то же время в процессе появления новых вызовов и угроз, в публичной сфере начался новый этап дискуссии о перспективах развития и возможностях модернизации России. Оппозиция продолжает настаивать на масштабной политической реформе, хотя так и не предложила подлинно инновационной программы, а тем бо-

лее, креативной идеологической доктрины или даже альтернативного сценария выхода из кризиса. Исследование идеологических механизмов осуществления модернизации предполагает выявление и феноменолого-герменевтический анализ ценностных систем, лояльных к власти, а также протестных акторов политического процесса, оказывающих конструктивное или деструктивное влияние на характер изменений, и определение потенциала социального доверия и взаимопонимания в мультикультурной, полиэтничной среде. Данный подход позволит говорить о характере конкуренции программ модернизации общества и политическом диалоге в публичной сфере.

Важнейшим вектором идеологической трансформации публичной сферы современного российского общества, на наш взгляд, является прагматически-реалистическая политика. Эта политика парадоксальным образом гармонирует с одной стороны с идеями державности и этатизма, а с другой стороны – с либерально-демократическими ценностями, трактуемыми под углом зрения национально-государственных интересов. Не случайно с 2000-х годов прагматически-реалистический подход стал основой для формирования стратегии национальной безопасности, которая определялась на основе анализа внешней среды (ближнего и дальнего окружения) и внутренних условий, вызывающих новые угрозы и риски для политического развития. В различных государствах по-разному складывались представления о ценностях и приоритетах: в ряде случаев речь идёт о превосходстве государственных интересов над личными, а в других – о том, что личные интересы выше государственных (то есть, превалирует или коллективизм, или индивидуализм). Но наиболее гармоничными социальные системы становятся тогда, когда они ориентируются на идеи диалектического взаимодействия личных, интерессубъективных и государственных интересов, защищённости общества, личности и государства от внешних и внутренних угроз, что и составляет основное содержание идеологии безопасности и развития. Таким образом, государственная идеология – это некая система национальных приоритетов, идей и ценностей, в которых сформулированы сущностные мировоззренческие установки о целях и средствах совершенствования социального устройства.

Особое геополитическое значение Юга России обуславливает повышенную потребность в обеспечении национальных интересов в регионе. Окончание холодной войны и переход мировой политики из биполярности в новое качественное состояние постбиполярности имели для России неоднозначные последствия. С одной стороны, прекращение глобальной конфронтации, гонки вооружений, переход к сотрудничеству, несомненно, благоприятно сказались на положении России в современном мире, на ее национальной безопасности. Однако, с другой стороны, окончание холодной войны сопровождалось и ощутимыми геополитическими потерями для нее, причем эти геополитические потери России не сопровождались сколько-нибудь адекватными уступками со стороны бывшего противника.

Существует потребность в научном знании, касающемся идеологического обеспечения реализации государственных интересов на Юге России. Результаты научно-познавательных действий в этом направлении отвечают интересам оптимизации отношений федеральных и региональных политических элит, облегчают поиск действенных средств по сокращению негативных проявлений радикальных идеологий этнонационализма и сепаратизма. Не смотря на то, что конфликты вообще имеют идеологическую природу, в современной России необходима идеология как некая субстанция, существующая над социальными и этническими разногласиями, объединяющая и мобилизующая многосоставное мультикультурное общество на реализацию стратегии развития. Необходимость улучшения качества управляющих воздействий обусловлена наличием зон с низкой управляемостью, что проявляется в игнорировании, невыполнении принимаемых решений, их низком качестве, отсутствии учёта и развития системы мотивации и обратной связи во взаимодействии элиты и общества.

Проблемы реализации национальных интересов по обеспечению безопасности являются предметом пристального внимания не только отечественных, но и зарубежных исследовательских центров и отдельных авторов, специализирующихся на анализе и прогнозах развития ситуации в различных странах, в том числе и в России. При всем многообразии оценок зарубежных исследовательских центров относительно состояния безопасности РФ и ее будущего можно увидеть наметившуюся тенденцию восприятия России как значимого политического игрока на мировой арене [9, с. 59]. Научные исследования, отражающие причины, обуславливающие изменения угроз национальной и региональной безопасности различных стран и коалиций государств показывают, что решение задач управления реализацией национальных интересов в регионах Российской Федерации в связи с расширением спектра угроз и рисков является одним из приоритетных направлений в области исследований национальной и региональной безопасности.

Юг России и Кавказ традиционно были и остаются ключевыми объектами мировой и внутрироссийской политики. Именно здесь вновь проверяется способность России быть мировой державой, отстаивать свои национально-государственные интересы, обеспечивать модернизационное развитие страны и благосостояния населения [13, с. 185].

Следует отметить, что такими вопросами, как взаимоотношения центра государства с его перифериями, конфликты внутри страны по вопросам распределения власти, сети влияния территориальных групп интересов, геостратегическое положение регионов внутри государства занимается внутренняя геополитика [5, с. 16-20].

Внутренние геополитические аспекты национальной и региональной безопасности: поддержание единства и целостности государства, обеспечение баланса потенциалов и интересов регионов, недопущение сепаратизма и сецессии [4, с. 204]. Основные задачи внутренней геополитики

тики по реализации национально-государственных интересов РФ таковы: своевременное прогнозирование и выявление угроз национальной безопасности; осуществление тактических и стратегических мер по предупреждению и нейтрализации данных угроз; обеспечение суверенитета и территориальной целостности России, безопасности её пограничного пространства; обеспечение личной безопасности человека и гражданина, его конституционных прав и свобод в пространственном аспекте (равенства прав на всей территории страны, свобода выбора места жительства и пребывания и т.д.); совершенствование системы государственной власти РФ, федеративных отношений, местного самоуправления и законодательства РФ; сохранение социально-политической стабильности общества; формирование гармоничных межэтнических отношений; подъем и поддержание на необходимом уровне обороноспособности военного потенциала государства.

Основные интересы в сфере внутренней геополитики России не формулируются в правовых документах концентрированно. По работам Ю.В.Морозова, К.В.Сивкова, М.Н.Казаковой [8] можно выделить приоритетные направления: защита территориальной целостности, противодействие сепаратизму; создание и поддержание устойчивых эффективных отношений между центром и регионами на основе комплекса экономических, правовых и политических мер; предупреждение насильственных форм межэтнических и межконфессиональных конфликтов, управление существующими конфликтами в целях их урегулирования; проведение информационной и, шире, культурной политики, направленной на укрепление общероссийской идентичности и толерантности; восстановление ресурсов Вооруженных сил и правоохранительных органов, необходимых для реализации задач национальной безопасности; курс «территориальной справедливости» в региональной политике, призванный обеспечить равенство исходных возможностей граждан РФ независимо от места их жительства; пограничное взаимовыгодное сотрудничество на равноправной основе с зарубежными странами и транснациональными организациями.

Соглашаясь с тем, что «в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации лежат экономическая дезинтеграция, социальное расслоение общества, размытость духовных ценностей» [3, с. 432], ряд исследователей склонны полагать, что, что применительно к Югу России региону не меньшую роль ментальный фактор. Касаясь его, Ю.Е. Федоров пишет, что «разрыв между амбициями, присущими великой державе, и реальным весом России на международной арене порождает сложный и болезненный комплекс. Он обостряет подозрительность по отношению к внешнему миру, усиливает стремление объяснить внешнеполитические провалы интригами враждебных сил» [12, с. 45].

Логично полагать, что если уж ментальные структуры играют важную роль на государственном уровне, то не меньшее значение они имеют в мотивации деятельности на уровне северо-кавказских субъектов, где сильна инер-

ция традиционализма. Поэтому события и процессы на Кавказе невозможно проанализировать и понять без учета роли идеологических и психологических моментов, этнического сознания местных народов. Недооценка этого фактора приведет к искажению общей картины, поскольку кавказский менталитет не только накладывает свой след на формы и способы политической жизнедеятельности, но и зачастую порождает и определяет их, обуславливает направленность деятельности народов и региональных элит.

Одним из конфликтогенных факторов на Юге России выступает этническая идеология, основой формирования которой выступает национальное самосознание, осознание самоценности определенной этнической общности. Этническая идеология, как подчеркивают исследователи, начинается со знания о тех процессах, которые представляют интерес для этой общности [7, с. 131-132]. Знание может быть различным – научным, ложным, деформированным, односторонним (обобщающим только опыт прошлого), проблемным, неполным, ситуативным, отрывочным и т.д. Но с точки зрения этноидеологии – это не просто знание, без которого ее существование невозможно представить, это – оценочное знание, препарированное интересами этнической общности, которые руководствуются ею. На содержание этнической идеологии мощное влияние оказывают религиозные ценности. Кроме того, в этнической идеологии наряду с ценностями тесно переплетаются чувства и ожидания этнической общности.

Ситуация усложняется тем, что территориальная неравномерность социального расслоения Юга России приводит к образованию «депрессивных» местностей с убыточной структурой хозяйства. Кроме позиционных социальных факторов нестабильности, действуют динамические, возникшие в краткосрочной ретроспективе. Прежде всего, это усилившаяся асимметрия уровня экономического развития. Дагестан, Чечня и Ингушетия относятся к дотационным регионам, в которых не обеспечивается работающему населению даже прожиточного минимума доходов. На их фоне относительно благополучны Краснодарский край, Ростовская и Астраханская области и ряд других регионов. К данному фактору добавляется перенаселенность, типичная для аграрно-традиционных районов, в результате увеличивается миграционные потоки. Неконтролируемая миграция в тех частых случаях, когда она не соответствует потребностям профессионального, квалификационного и пространственного распределения рабочей силы, усугубляет экономические проблемы. Несовпадение ценностей и образа жизни может вести к росту межкультурной и межэтнической розни и к взаимной нетерпимости.

Политический анализ трансформационных процессов в современном российском обществе и конкретных субрегионах, а также результаты проведенного авторами социологического исследования [14] показывает, что идеологическое обеспечение реализации национально-государственных интересов на Юге России сопряжено с мировоззренческой самоидентификацией инди-

видов, социальных групп и интегративными технологиями субъектов политики, выражающих общегосударственные потребности и выдвигающих сегодня на первый план формирование общегражданской идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Fukuyama F. Trust. The social virtues and the creation of prosperity. – N.Y.: Free Press, 1995. – P. 153-156.
2. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993. – С. 208-212.
3. Дзалиев М.И. Провинциальный аспект безопасности России. Взгляд из Москвы // Безопасность Евразии. – 2003. – № 2. – Апрель–июнь. – С. 432.
4. Доленко Д.В. Политика и территория. – Саранск, 2000. – С. 204.
5. Жиблан Д.–Б. Французская модель «geopolitique intern» // Политическая регионалистика: теория и практика. – М., 2003. – С.16–20.
6. Идеологическое обеспечение модернизации государственного управления как способ реализации национально-государственных интересов современной России (на материалах Южно-российского региона): монография / под ред. М.В. Юрченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – 222 с.
7. Лубский А.В. Конфликтотенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии. – Ростов н/Д., 2005. – С. 131-132.
8. Морозов Ю.В., Сивков К.В. Стратегические подходы к реализации геополитических интересов России в XXI веке // Вызовы безопасности и защита геополитических интересов России. – М., 1999. – С.49–50; Казакова М.Н. Политико-территориальные аспекты национальной безопасности России в условиях политической трансформации в постсоветский период: автореф. дис. канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2004. – С. 19.
9. См., например: Эбзеев А.А. Политическая реинтеграция геополитического пространства России (на примере Северо-Западного Кавказа): дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2007. – С. 59.
10. См.: Юрченко М.В. Феномен политической идеологии. – Краснодар, 2005. – С.25.
11. Соколов В. Власть и общество: в поисках нравственной константы // Государственная служба. – 2010. – № 2. – С.88, 89.
12. Федоров Ю. Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1–2. Внешняя политика России: 1991 – 2000. – С. 45.
13. Юрченко В.М. Юг России как объект комплексного социально-политического анализа // Полис. – 2007. – № 5. – С. 185.
14. Юрченко М.В., Юрченко Н.Н., Герасимов И.А., Зети П.П. Идеологический контекст национально-государственных интересов российского общества (по материалам пилотажного социологического исследования в Краснодарском крае) // Вестник Российской Нации. – 2011. – № 4-5. – С. 212-224.

С.Л. Дударев (Армавир)

ОБСУЖДАЯ ОСТРУЮ ТЕМУ

(к дискуссии по проблемам этнической толерантности)

Материалы, представленные в публикуемом сборнике, содержат широкий спектр вопросов, связанных с тематикой этнической толерантности и межнациональных отношений как в целом в России, так и особенно на Северном Кавказе. Они, с одной стороны, убедительно демонстрируют тот факт, что традиционная культура народов региона всегда содержала в себе механизмы, регулировавшие отношения в обществе, в том числе, и между народами различной этнической принадлежности, в духе уважения и терпимости. В эпоху интеграции народов Северного Кавказа в российскую государственную систему в XVIII-XIX вв., которая проходила нередко в сложных условиях, болезненно, несмотря на порой чувствительные, потери, обреталось чувство единства, принадлежности к «одной державе и Отечеству». Совместное проживание на Северном Кавказе многих десятков народов, в том числе и тех, кто поселялся здесь благодаря преобразовательской деятельности российской администрации, приводило к ознакомлению их с культурой и обычаями, менталитетом, привычками, нравами друг друга. Происходило их взаимное, хотя и нелегкое, притирание, чему способствовало то обстоятельство, что народы Северного Кавказа – как автохтонные, так и мигрировавшие сюда – не просто находились здесь в условиях параллельного совместного проживания, но нередко переживали более глубокое взаимодействие (и взаимовоздействие!) друг с другом не только на уровне культур, но и этнических связей, что приводило к синтезу и формированию новых идентичностей. И эти тенденции еще более усилились и упрочились в советский период, когда на основе парадигмы «пролетарского интернационализма» происходило еще более тесное единение народов СССР. Эти процессы, по мнению ряда авторов данного сборника, шли в русле «российскости» (концепт Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова), для которой и характерен упомянутый синтез. Одновременно, участниками сборника обращается внимание на то, что в настоящее время, в условиях слома прежней советской государственности и формирования новой российской, отказа от прежних стереотипов идеологической работы, происходит и утрата тех ценных наработок, которые имели место в предшествующий период развития страны. Сегодня, несмотря на ряд положительных перемен, связанных с известной свободой научных и общественных дискуссий, отсутствием тотальной цензуры печатных изданий, широкими возможностями ведения публикационной деятельности в рамках развития частного предпринимательства, и т.п., *приходится говорить об отсутствии каких-либо внятных моделей как воспитания населения России в духе толерантности, взаимного уважения, так и идеологических парадигм в целом.* Российское общество находится в переходном состоянии и пока не может выработать эффективных программ формирования, прежде всего, молодого поколения, в традициях терпимости, сотрудничества, социального и национального партнерства. Чрезмерное затягивание этого перехода чревато для страны возможными

потрясениями. Ученые региона, судя по публикуемым выше работам, не склонны заниматься одним лишь односторонним любованием добрыми традициями и достижениями предшественников в области налаживания толерантного бытия и провозглашением того, что «у нас в республике (крае, области и т.п.) все хорошо, у нас оазис дружбы» и пр., как это иногда бывает. Авторами отмечается и целый ряд социально-экономических, политических, духовных и пр. проблем, подобных тем, которые выразились в ряде резких столкновений (Кондопога, Манежная площадь и т.п.). Они выявляют предпосылки для возможных новых всплесков недовольства населения страны, и в том числе, Северного Кавказа, которые лежат в плоскости нарушающихся пропорций социального и национального бытия в условиях глобализации, резкого взлета социального расслоения, интенсивного роста этнических миграций, нарушения привычных этнонациональных ниш, проецируемых на традиционные приоритеты в определенных сферах экономики.

Коллеги не только озабочены неблагоприятными симптомами в общественных настроениях, но ведут и достаточно основательную, глубокую диагностику мнений современников в рамках социологических исследований. Радует то, что в осуществленных «замерах» (например, в Новочеркасске и Армавире), *не прослежено неблагоприятных и необратимых сдвигов в сторону недовольства своими соседями и историческими партнерами*. Кизлярские коллеги констатируют, что «конфликтность не является доминирующей чертой этнических отношений в РФ» (А.М. Кадиева). Проблемы есть, *но есть и серьезные позитивные настроения, свидетельствующие о том, что молодежь, в том числе студенческая, настроена на положительное восприятие людей других национальностей, стремится к дружбе и сотрудничеству*. Это положительный симптом, так как, по данным, представленным в сборнике, среди участников современных межнациональных конфликтов 30 % составляет молодежь от 18 до 25 лет (А.Б. Созаев). Однако и успокаиваться, мягко говоря, рано. Нужна большая, системная работа по воспитанию положительного образа «Другого». Мы же видим то, как, напротив, в целом ряде случаев, за счет превознесения своего исторического наследия нагнетается стремление к «приоритетам», как разжигаются исторические обиды, которые требуют ныне компенсаций и восстановления справедливости, что может привести к новым катаклизмам. Эти процессы идут на фоне того, что «на Северном Кавказе... в условиях кризиса и процессов дезинтеграции проявляется архаический синдром, т. е. возрождение комплекса архаических явлений, представлений, стереотипов и норм поведения... укрепляется мифологическое мышление» (А.А. Раджабов), т.е. набирает ход фактическая *демодернизация* региона, возврат целых общественных страт к патриархально-клановым отношениям. *Большую тревогу вызывает непрекращающийся отток русского и русскоязычного населения из субъектов Северного Кавказа* (см., например, работы Х.Х. Казакова, Ю.Ю. Клычникова, А.П. Скорика и С.А.Бочан). Это

явление порождается и тем, что «существуют противоречия между духовенством, исламскими политическими партиями и государством и обществом в целом, что вносит обеспокоенность в сознание немусульманского населения, побуждает его к миграции из республики» (Э.К. Алиева), а также использование антирусских лозунгов (А.Б. Созаев). В этих условиях за последние 20 лет в некоторых республиках региона выросло поколение молодежи, которое, во-первых, формировалось в условиях военного конфликта (Чечня), во-вторых, имеет гораздо меньший опыт общения с представителями других национальностей. Ведь можно сколько угодно говорить о том, как хорошо ведется работа по воспитанию толерантности в тех или иных республиках или краях, какие проводятся мероприятия и т.п., *но на деле не иметь реальных условий для практического осуществления принципов толерантного бытия*. А затем, молодежь, которая, по большому счету, отвыкла от инонациональных соседей у себя дома, едет учиться или работать в центральные области России, Сибирь и т.д. Подготовлена ли она для этого? Думается, что или не вполне, или слабо. Иначе российская аудитория не стала бы в последние годы свидетелем немалого числа конфликтов выходцев с Кавказа с представителями населения ряда городов и регионов страны. Основанием для них служит нередко манифестирование своей идентичности через публичные акции (например, лезгинку на проезжей части улицы, «джигитовку» у Вечного огня у Кремлевской стены, стрельбу во время проезда свадебного кортежа по одной из главной улиц столицы России), или оттачивание и утверждение своей мужественности и коллективизма в стычках с «местными». Некоторые специалисты видят в этом своеобразный отголосок деятельности удалцов-набежчиков XVIII-XIX вв.

А как же этнопедагогика, спросим мы? К сожалению, ценные традиции последней потеснены происходящим постепенным подтачиванием, разрушением положительных основ национального бытия, их кризисом в условиях все той же глобализации и натиска массовой культуры, а также недавних военных событий на Кавказе. Крайне тревожно то, что Массмедиа России в целом ряде случаев совершенно не озабочены тем, чтобы помочь обществу в налаживании диалога. Экраны TV, начиная с центральных каналов, почти сплошь заняты криминалом и развлекательными шоу. Между тем они должны стать не «энциклопедией насилия», как чаще всего происходит сейчас, а мощным средством воспитания дружбы народов. На TV должны появиться сериалы, ярко и талантливо пропагандирующие положительные страницы истории межнациональных отношений в России. Необходимо открытие телеканалов, которые поставляли бы аудитории тщательно выверенные материалы о роли мировых религий (христианства, ислама и т.д.) в современном обществе. Подвижки в этом отношении есть. Так, 19 августа 2012 г. в день мусульманского праздника Ураза-байрам, начал свое вещание российский телеканал «Аль-РТВ», кото-

рый будет не только уделять особое внимание Корану и Сунне, но и будет знакомить аудиторию с фольклором, традициями и обычаями народов России, исповедующих ислам. Такое же начинание необходимо для подлинной пропаганды культуры и традиций христианства, особенно православия. Ведь того, что по ТВ ведутся трансляции торжественных рождественских и пасхальных богослужений, или «засвечиваются» в отдельных передачах представители РПЦ, явно недостаточно. Хорошо, что в отдельных случаях мы смотрим по телевидению фильмы, в которых осуждается страшное и невыносимое некогда явление в стране, победившей нацизм, которое, увы, становится все более заметным – фашизм, а также его современный вариант – скинхедство и его вылазки. Они сигнализируют о росте экстремистских организаций, осуществляющих свои акции в некоторых крупных городах России, жертвами которых стало уже немало выходцев из южных регионов бывшего СССР. Но таких произведений теле- и кино-искусства очень мало. Гораздо больше тех, с позволения сказать, «творений», которые учат «праву кулака», поклонению «золотому тельцу», с его неумной жадностью, легкой и «красивой» жизни, неуважению к чужим мнениям, отвержению добрых традиций и элементарной порядочности, когда «любовь к ближнему» понимается как «отстой». Нравственный облик общества в последние годы значительно ухудшился (М.В. и Н.Н. Юрченко). Пропаганда толерантности даже в столице нашей Родины ведется от случая к случаю. Лишь сейчас в московских школах вводится учебник толерантности «Этно-Москва». Предыдущие попытки трехлетней давности проводить уроки толерантности, окончились тем, что лишь немногие школы выполнили данное предписание [1]. Удивительно ли после этого, что «чужак» может стать объектом для ксенофобских действий? Но не лучше обстоит дело и со «своими». В российской аудитории часто нет элементарного сочувствия к тем русским и русскоязычным, кто покинул свою малую родину, например, Кавказ (в том числе Северный). Их эмоциональные отклики то и дело появляются в сети Интернет [2].

Обсуждается на страницах сборника и сам термин «толерантность». Некоторые ученые (проф. Ю.А. Стецура) понимают его как «снисходительность» и ставят вопрос о невозможности на такой основе «развивать, сохранять межэтнические отношения и межнациональный мир». В то же время, ряд авторов понимают толерантность именно как «терпимость», но указывают на весьма важные нюансы. Отмечается, что термин «толерантность» в современной трактовке означает *готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных, что особенно важно в условиях российской полиэтничности*. Но есть и более динамичные понимания толерантности. Так, по приводимому мнению М.В. Семашко, «*толерантность*» имеет более яркую активную направленность, чем *пассивная «терпимость»*. Очень интересно, творчески подошли, в указанном

ракурсе, молодые респонденты при опросе их некоторыми авторами статей к проблеме определения того, что такое «толерантность». «ТЕРПИМОСТЬ – это нечто пассивное, быть терпимым, на мой взгляд, значит безропотно переносить неприятное, тяжёлое соседство, переступить через себя, уступая другому (этому мнению вторит другое: «толерантность – признание, что все люди равны, даже те, которые морально уродливы»). *А быть ТОЛЕРАНТНЫМ значит быть готовым заинтересоваться чужими обычаями, традициями, верованиями, отнестись к любой разнице между людьми положительно. Разумеется, при этом нужно иметь в виду, что толерантность имеет свои границы, т.е. наличие неких моральных пределов, позволяющих не смешивать толерантные отношения с вседозволенностью и безразличием к базовым человеческим ценностям* (курсив наш. – Авт.)» (Д.З. Паштова).

Иными словами, толерантность не должна трактоваться как вседозволенность и всепрощенчество. Именно в таком контексте следует понимать выступление губернатора Кубани А.Н. Ткачева, который призвал к жесткому контролю над миграцией на территорию края и соблюдению вновь прибывшими его гостями дисциплины, порядка, проявлению уважения к здешним традициям [3]. В противном случае это может привести к подрыву существующих этнонациональных пропорций и конфликтам с фатальными последствиями. И это не преувеличение. Самая массовая газета России «Аргументы и факты» в лице своего главного редактора Н. Зятькова с большой тревогой ныне пишет о массовом притоке рабочей силы из ближнего (и дальнего) зарубежья: «если к нам хлынут еще более мощные потоки «гостей», мы получим не многонациональное, с приоритетом русской нации, государство, а совсем новое образование... если мы не сможем обеспечить свою трудовую армию, будем кормить чужую. *Но это будет другое государство, где МЫ окажемся неправым меньшинством*» (курсив наш. – Авт.) [4]. Теневой бизнес в России, который строит свою работу на эксплуатации «гастарбайтеров», набирает опасные обороты [5].

В этом смысле, следует также указать на то, что *любые проекты, связанные с воплощением принципов толерантности, не должны стать прикрытием чьих-то корыстных замыслов, передела собственности, захвата или перекройки сфер влияния и т.п.*

Толерантность, понимаемая как терпимое отношение к чужим мнениям и принципам, культуре, обычаям – это цель всех здравомыслящих людей. Но она должна быть присуща различным заинтересованным сторонам идущих в стране (северокавказском регионе, Краснодарском крае) процессов *и не может рассматриваться как чьи-то односторонние уступки, терпимость к насилию и хамству, замалчивание существующих проблем. Главная цель политики толерантности должна состоять в сохранении сложившегося за многие десятилетия status quo в межна-*

циональных отношениях в России и на Северном Кавказе, нерушимости Российского Северного Кавказа и стабильности в этноконфессиональной панораме региона, недопущении резких сдвигов в угоду чьим-то частным интересам. Огромная роль в этом принадлежит государственным органам. *В целом ситуация в стране в этноконфессиональной сфере не вышла из под контроля властей, которые стремятся реагировать на ситуацию в межнациональных отношениях и миграционном вопросе* [6]. Держит «руку на пульсе» и кубанская краевая власть. Она опирается на имеющее у общественности поддержку движение «За веру, Кубань и Отечество» [7]. Справедливо отмечено недавно В. Крохмалем: «Работа по недопущению возможных беспорядков в крае, я уверен, будет проводиться в рамках закона, толерантно, но при необходимости жестко и принципиально» [8]. К сожалению, не у всех россиян, живущих на местах, существует такая уверенность. По данным опросов, проведенных новочеркасскими коллегами, проф. А.П. Скориком и доц. Т.В. Панковой-Козочкиной, более 40 % респондентов твердо уверены в том, что местная власть не интересуется решением межнациональных проблем и довольно равнодушно относится к повседневным заботам людей разных национальностей. Существующий кризис доверия к власти – это еще одна серьезная проблема обсуждаемой темы (и не только). Как выразился один из авторов сборника, проф. Ю.Ю. Клычников, «десант «поп-див» и массовые гуляния с праздничными фейерверками в дотационных республиках напоминают пир во время чумы и заставляют по-иному оценить национальную политику нынешнего правящего режима. В его защиту можно сказать лишь одно – оппозиция еще хуже». Да, реалии современной России сложны и противоречивы. И все же хотим подчеркнуть, что сохранение межнационального и межконфессионального мира (называя это толерантностью или как-то иначе) лежит не только на власти предрержащих, но и на любом из нас (см. результаты указанных выше опросов в г. Новочеркаске). **Ответственность каждого гражданина России – это главный рычаг сохранения мира между народами нашей страны.** Всеми имеющимися средствами ученые и преподаватели России должны стремиться к пропаганде сотрудничества, мира и обоюдного уважения среди своих современников, особенно молодого поколения, не скрывая при этом всех сложностей и подводных камней, которые встречаются на пути строительства нашего общего Дома. И нынешняя конференция – это хороший шанс воззвать к разуму всех, кому не безразлична судьба Отечества.

Примечания

1. <http://news.rambler.ru/15196840/>
2. Вот один из них (сохранен стиль автора): «Я русский, родился и живу на Кавказе. Кто я для вас? Свой или чужой? Зачем писать, что на Кавказ надо атомную бомбу кинуть? (!!! – *Авт.*) Здесь вообще-то и русские живут (а на «нерусских» можно???)! – *Авт.*) Я вот не понимаю вам до русских живущих здесь пофигу? Если

вы, сидя у себя в Москве, да и не только, вы только и кричите везде что вы патриоты, что вы настоящие русские, сплоченная нация. Приглашайте к себе русских с Кавказа ну или помогайте им. Или великие Русские это относится к Москве и центру России?»» <http://news.rambler.ru/12573810/>

3. http://www.yuga.ru/articles/society/6390.html?from_mail

4. Аргументы и факты. – № 14. – 2012. – С.11.

5. Аргументы и факты. - № 39. – 2012. – С.2,6.

6. В то же время, реакция высших российских властей вызывает определенные вопросы. По сообщениям в сети Интернет на первом заседании совета по межнациональным отношениям, проведенного в г. Саранске, проведенного Президентом страны В.В. Путиным, руководство России впервые обозначило новый поворот в миграционной политике: не бороться с мигрантами, а грамотно адаптировать к жизни в России. Это, в принципе, гуманное решение, но где же одновременная констатация того, что нужен жесткий контроль за миграцией, квотирование ее и предоставление работы, прежде всего гражданам России? Президент отметил, что за конфликтами типа Кондопоги или Манежки зачастую стоит безответственность чиновников и бездействие правоохранителей. Он дал понять: теперь при расследовании аналогичных дел будут выявлять, насколько грамотно велась миграционная политика, и не было ли криминала в действиях полиции. Это внушает оптимизм. Но одновременно, по мнению одного из участников совещания администрация президента преследует более локальную задачу: не допустить того, чтобы оппозиция, пытающаяся перенести московский протест в регионы, использовала этот мотив для политической дестабилизации ситуации. Путин на совещании об этом сказал фактически открытым текстом, отмечает участник заседания. Таким образом, рост внимания руководства страны к указанным проблемам имеет весьма прагматический характер (<http://news.rambler.ru/15267346/>)

7. <http://www.livekuban.ru/node/475727>

8. Аргументы и факты. Кубань. - № 34. - 2012. – С.21.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абдулвахабова** Бирлант Борз-Алиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История народов Чечни» исторического факультета Чеченского госуниверситета, СНС лаборатории археологии и этнологии Комплексного научно-исследовательского института РАН (КНИИ РАН).

2. **Абдуллаева** Ильмира Абдурагимовна – кандидат философских наук, доцент Кизлярского филиала Даггосуниверситета.

3. **Аганесова** Джанна Владимировна – кандидат исторических наук, председатель предметно-цикловой комиссии социально-экономических дисциплин ГБОУ СПО «Хасавюртовский педагогический колледж», Республика Дагестан.

4. **Аджиева** Альбина Хазретовна – студентка 1 курса биологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ.

5. **Алиева** Эльмира Камиловна – соискатель, старший преподаватель юридического факультета филиала Дагестанского государственного университета в г. Кизляре.

6. **Аскеров** Алегвар Гасаналиевич – кандидат исторических наук, доцент филиала Дагестанского государственного университета в г. Кизляре.

7. **Бабошина** Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой юридических и исторических наук филиала Дагестанского государственного университета в г. Кизляре.

8. **Батищев** Николай Сергеевич – студент 3 курса исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии. Науч. рук.: Ктиоров С.Н. – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и региональной истории, декан исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии.

9. **Бондарев** Виталий Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт).

10. **Бочан** Светлана Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права и отечествен-

ной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт).

11. **Бурыкина** Людмила Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета.

12. **Василенко** Виктория Густавовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры биологии, медицинской подготовки и безопасности жизнедеятельности Армавирской государственной педагогической академии.

13. **Великая** Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии.

14. **Виноградов** Борис Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики ее преподавания филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, академик Международной академии наук.

15. **Гарунова** Нина Нурмагомедовна – доктор исторических наук, профессор, зам. директора по научной работе филиала Дагестанского государственного университета в г. Кизляре.

16. **Добровольский** Владимир Викторович – начальник учебного отдела Центра профессиональной подготовки ГУВД по Ставропольскому краю, полковник полиции, г. Ставрополь.

17. **Дударев** Дмитрий Сергеевич – студент 5 курса исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии.

18. **Дударев** Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии, Заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа.

19. **Дудка** Анна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории Национального исследовательского университета «БелГУ», г. Белгород.

20. **Дудуева** Фатима Руслановна – студентка 3 курса педагогического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ, г. Нальчик.

21. **Емельянов** Олег Борисович – кандидат исторических наук, г. Георгиевск.

22. **Кадиева** Айзанат Магомедовна – студентка 2 курса юридического факультета филиала Дагестанского государственного университета в г. Кизляре. Науч. рук.: Алиева Э.К. – соискатель, старший преподаватель юридического факультета филиала ДГУ в г. Кизляре.

23. **Казиков** Хамит Хаирбекович – военнослужащий, соискатель Карачаево-Черкесской технологической академии.

24. **Кармокова** Марьяна Камборовна – студентка 1 курса биологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ.

25. **Клычников** Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета.

26. **Коломойцев** Станислав Сергеевич – студент 5 курса исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии. Науч. рук.: Цыбульникова А.А. – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

27. **Ктигорова** Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

28. **Лукаш** Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики профессионального образования Армавирской государственной педагогической академии.

29. **Манузин** Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент филиала Кубанского государственного университета в г. Славянск-на-Кубани.

30. **Маньшев** Сергей Борисович – студент 5 курса исторического факультета Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

Науч. рук.: Омаров А.И. – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории Дагестана ДГУ.

31. **Маньшева** Ксения Борисовна – студентка 5 курса лечебного факультета Дагестанской государственной медицинской академии. Науч. рук.: Омаров А.И. – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории Дагестана ДГУ.

32. **Матвеев** Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

33. **Мацухова** Амина Борисовна – студентка 1 курса отд. «Английский язык» Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ.

34. **Мишунькина** Мария Сергеевна – студентка 4 курса исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии. Науч. рук.: Цыбульникова А.А. – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

35. **Мутиева** Оксана Саидовна – кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного института народного хозяйства, г. Махачкала.

36. **Панкова-Козочкина** Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт).

37. **Паштова** Дана Зауровна – студентка 1 курса отд. «Английский язык» Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ.

38. **Пашенко** Ирина Владимировна – кандидат философских наук, заведующая лабораторией проблем Северного Кавказа Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону.

39. **Пирова** Рена Низамиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры юридических дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Кизляре.

40. **Попов** Ян Георгиевич – студент 3 курса исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии. Науч. рук.: Цыбульников А.А. – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

41. **Пылков** Олег Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, культурологии, и социально-гуманитарных наук Армавирской государственной педагогической академии.

42. **Раджабов** Абдул Алиевич – студент 2 курса юридического факультета филиала Дагестанского государственного университета в г. Кизляре. Науч. рук.: Алиева Э.К. – соискатель, старший преподаватель юридического факультета филиала ДГУ в г. Кизляре.

43. **Рябиков** Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани.

44. **Сайдарханов** Аюб Магомедович – начальник отдела по делам молодежи по г. Гудермесу и Гудермесскому району Комитета Правительства Чеченской Республики; аспирант Северо-Кавказской государственной технологической академии.

45. **Синанов** Борис Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник УРАН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания.

46. **Скорик** Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт).

47. **Созаев** Аслан Борисович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» Кабардино-Балкарского госуниверситета.

48. **Стецура** Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии.

49. **Суздальцева** Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Дагестанского госпедуниверситета, г. Махачкала.

50. **Таумурзаева** Фатимат Кайсыновна – студентка 1 курса английского отделения Института филологии Кабардино-Балкарского госуниверситета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ.

51. **Ткаченко** Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северокавказского федерального университета.

52. **Туаева** Берта Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Учреждения РАН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания», г. Владикавказ.

53. **Ульби** Ксения Валерьевна – студентка 1 курса отд. «Французский язык» Института филологии Кабардино-Балкарского госуниверситета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ.

54. **Урушадзе** Амиран Тариелович - младший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, преподаватель кафедры Отечественной истории исторического факультета Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

55. **Федина** Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры сервисной деятельности и туризма Кубанского социально-экономического института, г. Краснодар.

56. **Хакулова** Мадина Хасанбиевна – студентка 1 курса отд. «Английский язык» Института филологии Кабардино-Балкарского госуниверситета. Науч. рук.: Созаев А.Б. – к.и.н., ассистент кафедры «Культурологии, этнологии и истории народов КБР» КБГУ.

57. **Хлудова** Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

58. **Цыбульников** Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

59. **Чумаченко** Игорь Омарович – студент 4 курса исторического факультета Дагестанского государственного университета. Науч. рук.: Омаров А.И. – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории Дагестана ДГУ.

60. **Шнайдер** Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Армавирского филиала Кубанского государственного университета.

61. **Юрченко** Михаил Викторович – кандидат политических наук, доцент, зам. зав. кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

62. **Юрченко** Наталья Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	
II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКА- ЗЕ.....	
<i>Аджиева А.Х.</i> Межнациональный мир и толерантность как результат совместничества народов Северного Кавказа.....	
<i>Аскеров А.Г.</i> Казачьи городки – как центры межконфессионального взаимодействия народов Северо-Восточного Кавказа.....	
<i>Батищев Н.С.</i> Основы толерантности кубанских чехов.....	
<i>Бурыкина Л.В.</i> Влияние российского правительства на процесс формирования этнокарты Северо-Западного Кавказа в 80-е гг. XVIII в.	
<i>Василенко В.Г.</i> Система медицинской помощи на Северном Кавказе в дореволюционный период как фактор укрепления межнациональных отношений.....	
<i>Великая Н.Н.</i> О некоторых причинах толерантности у населения Восточного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX в.	
<i>Гарунова Н.Н.</i> Кизляр – перекресток культурной и экономической интеграции народов Кавказа XVIII – XIX вв.	
<i>Дударев Д.С.</i> Тема толерантности в произведениях А.А. Бестужева-Марлинского: «Аммалат-бек» и «Мулла-нур».....	
<i>Дудка А.И.</i> Влияние миграций на формирование хозяйственно-культурных особенностей полиэтничных регионов (на примере Курской губернии конца XIX – начала XX в.).....	
<i>Дудуева Ф.Р.</i> Основы толерантности у адыгов и балкарцев.....	
<i>Емельянов О.Б.</i> Торговля как фактор формирования толерантности на терских берегах в первой половине XIX века.....	
<i>Коломойцев С.С.</i>	

- О вкладе населения Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Осетии в победу над фашистской Германией.....
- Ктиторов С.Н.**
Межнациональный мир и толерантность как результат сотрудничества народов Кубани.....
- Ктиорова О.В.**
Толерантность – конструктивный путь взаимодействия этносов.....
- Лукаш С.Н.**
Парадигма российскости в казачьей культуре.....
- Манузин Е.В.**
К вопросу о дореволюционном казачьем образовании как историко-культурном аспекте российского культурного пространства.....
- Манышев С.Б., Манышева К.Б.**
Некоторые эпизоды врачебной деятельности И.С. Костемеревского в должности штаб-лекаря Дагестанского конного полка.....
- Манышев С.Б., Чумаченко И.О.**
«В одной только склонности к буйству и грабительству между собой сходны...» (Кавказ и кавказцы в программных документах декабристов).....
- Матвеев О.В.**
«Свои» и «чужие» армяне: к проблеме контактных зон кавказской войны.....
- Мишулькина М.С.**
Некоторые особенности межэтнического взаимодействия в авиаполку «ночных ведьм».....
- Мутиева О.С.**
Влияние северокавказской культуры на материальную культуру казаков.....
- Пащенко И.В., Урушадзе А.Т.**
Образовательная политика российской империи на Кавказе как фактор преодоления конфликтного потенциала.....
- Пылков О.С.**
О некоторых заимствованиях в культуре и повседневной жизни горцев Северного Кавказа в первой половине XIX в. ....
- Рябиков А.Н., Манузин Е.В.**
Черноморское казачество и российская политика на Северном Кавказе в начале XIX века.....
- Суздальцева И.А.**
О взаимовлиянии материальной и духовной культуры народов России и Дагестана во второй половине XIX – начале XX века.....
- Таумурзаева Ф.К.**

Основы толерантности в двух важнейших институтах кабардинцев и балкарцев: гостеприимства и кровной мести.....

Ткаченко Д.С.

Народы Северного Кавказа в описаниях военных исследователей первой половины XIX века.....

Туаева Б.В.

Гражданское общество и вопросы толерантности на Северном Кавказе: исторический ракурс.....

Федина И.М.

Негативный опыт разрушения целостности этносоциального мира казачества (на примере высылки населения кубанских станиц в начале 1930-х гг.).....

Хакулова М.Х.

Духовность народов Северного Кавказа – культурная основа толерантности.....

Хлудова Л.Н.

Культура и быт полиэтничного населения Прикубанья в работах российских и европейских художников (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.).....

Цыбульникова А.А.

Межэтнический обмен достижениями материальной культуры на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. ....

Шнайдер В.Г.

Роль арендаторских колоний Лабинского отдела в пополнении немецкой общины Армавира (последняя треть XIX – начало XX вв.)...

II. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО МИРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ.....

Абдулвахабова Б.Б.

Межэтническая толерантность – путь к миру и согласию (на примере Чечни).....

Абдуллаева И.А.

К проблеме толерантности и развития духовной культуры.....

Аганесова Д.В.

Язык и культура как основа социокультурных моделей взаимодействия между людьми.....

Алиева Э.К.

Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе.....

Бабошина Е.В.

Этноконфессиональная самобытность народов Дагестана на рубеже XX- XXI веков.....	
Виноградов Б.В. Некоторые аспекты современной «национальной» кавказоведческой историографии в контексте сохранения межнационального мира на Северном Кавказе.....	
Добровольский В.В. О роли казачьих объединений в противодействии экстремизму на Северном Кавказе.....	
Дударев С.Л. Традиции мусульманской толерантности и современный мир.....	
Дударев С.Л., Ктиторов С.Н., Ктиторова О.В., Цыбульникова А.А. Об опыте внедрения разработок кафедры всеобщей и региональной истории АГПА по этнической толерантности в образовательном процессе Краснодарского края.....	
Кадиева А.М. Современные проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе.....	
Казаков Х.Х. Интероризация национально-культурных общественных объединений в региональную политическую систему Карачаево-Черкесии.....	
Кармокова М.К. Современные проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе.....	
Клычников Ю.Ю. «Настойчиво отстаивать территориальную целостность родины...»: к оценке дестабилизирующих факторов на Северном Кавказе на современном этапе.....	
Мацухова А.Б. Проблема толерантности в межэтнических отношениях на Северном Кавказе.....	
Паштова Д.З. Проблемы толерантности в современной межэтнической коммуникации.....	
Пирова Р.Н. Национальные движения Дагестана в контексте межэтнической ситуации региона конца XX в.	
Попов Я.Г. Мониторинг уровня межэтнической напряженности в студенческой среде Армавира (на примере АГ-	

ПА).....	
Раджабов А.А.	
Основные этапы культурно-цивилизационного взаимодействия России и народов Северного Кавказа.....	
Сайдарханов А.М.	
Развитие межкультурных коммуникаций в местных сообществах Чеченской республики.....	
Синанов Б.А.	
Духовное образование как инструмент профилактики межконфессиональной и межэтнической напряженности на Северном Кавказе.....	
Скорик А.П., Бондарев В.А.	
Разработка и значимость социального проекта о межнациональном согласии для провинциального города.....	
Скорик А.П., Бочан С.А.	
Мониторинг межэтнического взаимодействия в условиях многонационального города: задачи, методы, особенности.....	
Скорик А.П., Панкова-Козочкина Т.В.	
Социологические замеры ресурсов межнационального взаимодействия в Новочеркасске: результаты и актуальные контексты.....	
Созаев А.Б.	
Молодежь и межнациональные конфликты на Северном Кавказе....	
Стецура Ю.А.	
«Этническая толерантность» и межнациональный мир (попытка концептуального осмысления).....	
Ульби К.В.	
Место и роль толерантности в системе современной межэтнической коммуникации.....	
Юрченко М.В., Юрченко Н.Н.	
Идеологические механизмы обеспечения межнационального согласия на юге России.....	
Дударев С.Л.	
Обсуждая острую тему (к дискуссии по проблемам этнической толерантности).....	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	

Научное издание

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

**МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Ответственный редактор С.Л. Дударев

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.И. Грибкова
Компьютерная вёрстка: Ю.В. Баёва
Печать и послепечатная обработка: А.С. Живогляд, В.В. Мурашко

Подписано к печати 17.09.2012. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 19,81. Уч. изд. л. 20. Тираж 1000 экз.
Заказ № 79(Б)/12. Лицензия № 002026.

ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия»
Редакционно-издательский отдел
© АГПА, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: www.agpu.net